

ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник статей

ВЫПУСК ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТОЙ

Москва
2022

Научное издание

Ближний Восток и современность
Сборник статей (выпуск пятьдесят шестой)
М., 2022, 340 с.

Сборник посвящен широкому кругу проблем, связанных с ситуацией на Ближнем и Среднем Востоке. Предлагаемые статьи являются исследованием конкретных вопросов странового и общего порядка, имеющих актуальное научное и практическое значение и раскрывающих суть некоторых явлений и процессов локального и регионального масштабов.

Книга предназначена для специалистов-востоковедов, а также для всех тех, кто следит за динамикой событий в ближневосточном регионе.

Мнение авторов статей может не совпадать с точкой зрения Института.

ISBN 978-5-89394-336-8

ISBN 978-5-89394-336-8

© Институт Ближнего Востока, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

В. Ахмедов РОССИЯ, ТУРЦИЯ, ИРАН И КРИЗИС В СИРИИ	5
Ю.Б. Бочаров О СОСТОЯНИИ И ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ ИЗРАИЛЬСКО- ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ	15
П.А. Гаврюхов МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ИНФОРМАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЕ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА (НА ПРИМЕРЕ КИТАЙСКИХ ПОДВОДНЫХ ОПТОВОЛОКОННЫХ КАБЕЛЕЙ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ).....	33
В.И. Ковалев ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ В ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКЕ В ПРЕДДВЕРИИ ВЫБОРОВ 2023 ГОДА	43
В.А. Корочкина «АБРААМОВЫ СОГЛАШЕНИЯ» И НОРМАЛИЗАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ С АРАБСКИМИ ГОСУДАРСТВАМИ: ОЦЕНКИ В ИЗРАИЛЕ	68
А.Г. Лешин РОЛЬ РЕЛИГИОЗНЫХ И СВЕТСКИХ ДВИЖЕНИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ АЛЖИРА: ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ВЫЗОВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ.....	106
А.Г. Ляхов ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ И ОРГАНИЗАЦИИ СИРИЙСКИХ КУРДОВ	114
В.И. Месамед ИЗРАИЛЬ И ПЕРЕГОВОРЫ ПО ИРАНСКОЙ ЯДЕРНОЙ ПРОБЛЕМЕ	170
А.С. Орлов НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ БАЗА РАЗВИТИЯ ВПК ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ	227
А.А. Розов УГРОЗА ГЛОБАЛЬНОГО ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КРИЗИСА ДЛЯ СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И СЕВЕРНОЙ АФРИКИ В 2022–2023 гг. .	236
И.И. Стародубцев ТУРЦИЯ В ПОИСКЕ НОВОЙ РОЛИ: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ НА ФОНЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА	250

Л.А. Шашок	
ФАКТОРЫ ОБОСТРЕНИЯ БЕЛУДЖСКОГО ЭТНОСЕПАРАТИЗМА В ПАКИСТАНЕ ПОСЛЕ УХОДА США ИЗ АФГАНИСТАНА	272
Е.А. Якимова	
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РАБОТЫ МИД ИЗРАИЛЯ ПОД РУКОВОДСТВОМ Г. АШКЕНАЗИ И Я. ЛАПИДА	279
Е.А. Якимова	
ПОПЫТКИ ПЕРЕСМОТРА ПОДХОДОВ ФРГ К ЭКСПОРТУ ВООРУЖЕНИЙ И ВОЕННОЙ ТЕХНИКИ НА БЛИЖНИЙ ВОСТОК НА ЭТАПЕ ТРАНЗИТА ВЛАСТИ ОТ А. МЕРКЕЛЬ К О. ШОЛЬЦУ	289

РОССИЯ, ТУРЦИЯ, ИРАН И КРИЗИС В СИРИИ

В течение последних десятилетий Дамаск занимал особое место в ближневосточной политике Москвы, Тегерана, Анкары и оказывал заметное влияние на характер их взаимодействия на Ближнем Востоке. Российские военные и гражданские специалисты фактически помогли сирийцам отстроить современную военную и гражданскую инфраструктуру. После распада СССР характер двусторонних связей изменился. Российско-сирийские отношения ограничивались в основном поставками российского оружия и запчастей к нему. Прежнее место России в Сирии фактически заняли Иран и Турция. Тегеран прочно закрепился в социальной ткани сирийского общества. Активно действовал в торгово-экономической и военной сфере¹.

Начавшийся на волне арабских восстаний кризис в САР в марте 2011 г. был с обеспокоенностью встречен в Москве и Тегеране и внес определенные коррективы в характер российско-иранских отношений. Реакция на сирийские события заметно отличалась в России и Иране. До начала операции российских ВКС в САР в сентябре 2015 г. Москва ограничивалась в основном политической поддержкой сирийского руководства в ООН и на других международных площадках и последовательно выполняла свои прежние контрактные обязательства в отношении сирийского режима. Иран оказал мощную финансовую и военно-техническую поддержку сирийскому режиму в удержании власти в стране и борьбе с вооруженной оппозицией. ИРИ доставила в Сирию из Афганистана, Ирака и Ливана шиитские милиции, которые сражались на стороне правящего режима.

* Владимир Муртузович Ахмедов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; shamyarabist@gmail.com. ORCID ID: 0000-0002-4952-2964

В целом позиции Москвы и Тегерана в отношении развития событий в САР совпадали. Однако по мере развития сирийского кризиса различия между Москвой и Тегераном в подходах к его разрешению стали проявляться все заметнее. Москва не разделяла иранскую идею об укреплении «оси исламского сопротивления» против Израиля. Россия не приветствовала действия Корпуса стражей исламской революции (КСИР) по созданию в составе сирийской армии подразделений, чей личный состав индокринировался на религиозной основе. Москва последовательно выступала за сохранение светского характера сирийских силовых структур и отрицала саму возможность создания на сирийской территории конфессиональных анклавов.

На рубеже 2018–2019 гг. крупные региональные игроки на поле сирийского конфликта были готовы применить силу для изменения сложившегося баланса сил в своих интересах. Россия играла основную роль в сирийских событиях. Однако Москва была вынуждена считаться с массированным присутствием на сирийской территории вооруженных отрядов под контролем Ирана и Турции. Страны-гаранты «трехстороннего соглашения по безопасности» (инициированного Москвой в мае 2017 г.) воспользовались открывшимися возможностями, чтобы укрепить свои позиции в САР, причем на легальных основаниях. В то же время динамика вооруженного конфликта в САР неизбежно вела к объединению военно-политических усилий РФ, Турции, ИРИ в САР в рамках Астанинского процесса. Одновременно Москва оказалась втянутой в большую региональную игру с участием США, Израиля, Ирана и Турции. Поэтому взаимодействие РФ, ИРИ и Турции в САР представляло собой сложную мозаику противоречивых интересов в регионе Ближнего Востока.

Сегодня в САР, по некоторым данным, находится до 80 иностранных баз и опорных пунктов, из которых 1\3 принадлежит Турции и Ирану. В последние годы роль Ирана в Сирии заметно возросла. Иран провел реорганизацию милицейских формирований, интегрировав их в формальные армейские структуры Сирии. Часть лояльных Ирану милиций влилась в состав Республиканской гвардии и 4-й дивизии². Отряды «Хизбаллы» формально стали подразделениями Вооруженных сил Сирии. Их бойцы получили сирийские военные документы. На практике они, как и прежде, подчинялись Ирану и «Хизбалле», а их личный состав финансировался из иранской казны. В 2017 г.

президент САР Башар Асад подписал специальный документ, который формализовал статус гражданских и военных лиц из числа сирийских граждан, которые активно сотрудничали с Ираном в период сирийского кризиса³.

Подобная активность Ирана не могла долго оставаться незамеченной в Израиле. В 2018–2020-х гг. Израиль нанес около сотни ударов по иранским военным объектам на сирийской территории. В иранских социальных сетях прошла информация, что ряд израильских ударов был согласован с Турцией, которая хотела руками Израиля очистить от шиитских формирований городские поселки Нубул и Захрѳа, чтобы таким образом завершить создание «суннитского» пояса в районе Идлиба. Некоторые эксперты утверждали, что между Россией и Израилем восстановлено общее понимание необходимости сокращения иранского военного присутствия в Сирии. Израильские удары по иранским объектам в Сирии продолжают до сих пор, но они не могут ощутимо повлиять на прочность иранских позиций в этой арабской стране. Подконтрольные Ирану территории не сокращаются, а скорее, наоборот, имеют тенденцию к росту и отмечены разной степенью глубины проникновения в местные сферы безопасности, общественной инфраструктуры, экономики.

В этой в связи Москва была вынуждена принять более решительные меры по укреплению своего влияния в сирийских силовых структурах. Она инициировала серьезные перестановки в высших эшелонах управления четырьмя основными сирийскими спецслужбами. В то же время Россия сталкивается с известными сложностями в процессе проведения глубокой зачистки сирийских органов безопасности от сторонников Ирана. Москва испытывает острую нехватку в опытных, квалифицированных, а главное, проверенных кадрах вместо отправленных в отставку. Россия способна осуществить реформы паллиативного характера, заменив офицеров, уволенных из сирийских органов безопасности, «временщиками»⁴.

Военная операция Турции в 2019 г. на северо-востоке Сирии против курдских повстанцев и союзных им Сил демократической Сирии (СДС) позволила России зайти в зону американского влияния к востоку от реки Евфрат, которая прежде оставалась закрытой для Москвы. В результате соглашений с Турцией и СДС российские и турецкие военные стали осуществлять совместное патрулирование этих стратегически важных районов

вдоль сирийско-турецкой границы. До этого Россия после долгих усилий сумела упрочить свое присутствие в восточных пригородах Дейр-эз-Зора, которые формально находились под контролем Дамаска, а на деле управлялись иранскими военными. Одновременно Иран смог вернуть свое влияние в городах Бу-Камаль и Маядин. В 2020 г. созданные Ираном Силы местной обороны (СМО) обновили свой статус и официально вошли в состав национальных Вооруженных сил САР. Общий состав СМО, включая аффилированные с ними провинциальные отряды, составил свыше 170 тысяч человек. Они были представлены иранскими бригадами «Аль-Бакир», «Джейш аль-Махди», «Имама аль-Хусейна», «Ас'ад Алла аль-Галиба». В начале 2018 г. к СМО присоединились наиболее боеспособные части: бригады «Дошка», «Ас-Сафира», «Аль-Берри», «Аль-Хикма», а также другие подразделения «Ан-Найраб», «Исламское сопротивление в Сирии», «Ар-Рида», «Ар-Радван», «Сукур ад-Дахер», «Хан аль-Асаль», «Бригада 313», «Христианские силы аль-Гадаб», «Имам Зайюб аль-Абидин», группа «Аль-Кирш». Это нарушало ранее достигнутые в Гамбурге соглашения между Москвой и Вашингтоном. Однако данный факт, по-видимому,нисколько не смущал Иран, и он продолжал наращивать силы этого подразделения за счет привлечения новых бойцов, в том числе из Ливана, Ирака и Афганистана⁵.

В сентябре 2020 г. в Сирии и России торжественно отметили 5-летие с начала участия ВКС России в сирийских событиях. За несколько месяцев до этого значимого события в июле 2020 г. было подписано российско-сирийское соглашение о сотрудничестве в различных сферах экономики. В рамках этих соглашений планировалось осуществлять работу по 40 новым проектам, в частности предусматривалось строительство нескольких электростанций, намечалась реконструкция ряда объектов инфраструктуры в энергетическом секторе, предполагалось проведение нефтеразведочных работ. Помимо этого был подписан специальный контракт на добычу и разведку нефти и газа на Средиземноморском побережье Сирии. В то же время в этом же месяце Дамаск заключил с Тегераном важное соглашение о военно-техническом сотрудничестве. По оценке сирийского президента Б. Асада подписанное соглашение носило стратегический характер и венчало собой годы совместной работы и сотрудничества Сирии и Ирана в ходе кризиса в стране.

Москва в настоящее время обладает решающим словом в силовых структурах САР в вопросах принятия решений. Россия имеет возможность вмешиваться на командном уровне в процессы принятия решений в армии и спецслужбах. Однако этот приоритет Москвы соотносится исключительно с Ираном и его влиянием на сирийские силовые структуры. Россия не располагает достаточным числом полевых сил и делает упор на ракетно-космическое вооружение, авиацию и артиллерию. Иран обладает большим числом формирований, которые сражаются на земле. Фактически в каждом подразделении находятся советники из ИРИ и «Хизбаллы». В отличие от России, которая была заинтересована, по оценке ряда экспертов, в военных контрактах, Иран сделал все, чтобы «наводнить» сирийский социум, прежде всего военных, своими единомышленниками. В итоге ИРИ серьезно закрепились в социальной ткани сирийского общества⁶.

В конце 2021 г. Иран предпринял ряд шагов по укреплению своего военного присутствия в различных районах Сирии. В октябре 2021 г. подконтрольные Ирану шиитские милиции начали строительство новой военной базы в районе Бу Камаль на правом берегу Евфрата. Это вторая крупная военная база Ирана в Сирии после ранее построенной базы «Имам Али». Новую базу Иран рассматривает как свой стратегический плацдарм на востоке страны для осуществления своих планов по созданию коридора Сирия-Ирак, что в конечном итоге должно привести к стиранию сирийско-иракской границы в этом районе страны.

По оценке некоторых арабских экспертов, строительство новой базы вызвало соперничество между ИРИ и РФ за контроль над районом Дейр-эз-Зор. Осенью 2021 г. между российскими военными и шиитскими формированиями на северо-востоке Сирии возник конфликт из-за нескольких постов и укрепрайонов. РФ предложила Ирану передать их под контроль российских военных в обмен на защиту от возможных воздушных ударов Израиля. Но Иран отклонил российские предложения. Позднее ИРИ была вынуждена уступить давлению РФ. Однако шиитские милиции успели укрепить эти районы, опасаясь атак коалиции и Израиля. К середине лета 2021 г. Иран, по некоторым данным, располагал 277 опорными пунктами, укрепрайонами и базами в 12 провинциях САР. Так, в Дераа находилось 57 военных объектов Ирана, в Дамаске и

его пригородах – 46, в Алеппо (Халебе) – 54, в Дейр-эз-Зоре – 22, в Хомсе – 29, в Хаме – 10, Латакии – 7, Сувейде – 8, Кунейтре – 18, Идлибе – 20. Из них 171 объект находился под контролем КСИР, 79 – «Хизбаллы», 71 – под совместным управлением КСИР и «Хизбаллы»⁷.

С начала 2022 г. Иран в тесной координации с правящим режимом САР предпринял ряд активных демаршей в военной, политической, экономической, идеологической сферах жизни сирийского государства и общества. Активность Тегерана в Сирии проходит на фоне российской специальной военной операции на Украине и переговоров по ядерной проблеме ИРИ. В этой связи особого внимания заслуживает неожиданный визит в Тегеран главы Бюро национальной безопасности (БНБ) САР Али Мамлюка 27 февраля 2022 г. В Иране А. Мамлюк был принят президентом ИРИ Э. Раиси и главой Высшего совета национальной безопасности А. Шамхани. В ходе состоявшихся встреч обсуждались вопросы укрепления двустороннего сотрудничества в сфере безопасности в контексте эвентуальных последствий украинских событий для обеих стран. Высокопоставленные иранские представители дали недвусмысленный сигнал А. Мамлюку о скорейшей имплементации ранее подписанного меморандума о сотрудничестве в экономической сфере.

Тегеран намерен активно участвовать в процессе реконструкции сирийской экономики, прежде всего ее энергетического, транспортного и сельскохозяйственного секторов. Неофициальный визит в Дамаск 2 марта 2022 г. Фалеха аль-Файада – руководителя «Аль-Хашд аш-Шааби» – одного из крупнейших милицейских объединений Ирака, связанного с ИРИ, и его переговоры с Б. Асадом также были посвящены проблемам безопасности двух стран. Речь шла о необходимости повысить уровень двустороннего сотрудничества в сфере безопасности с целью сдерживания деятельности Рабочей партии Курдистана (РПК) и оказания давления на СДС. Сегодня Иран намерен расширить сеть своих боевых ячеек на территориях, подконтрольных СДС, и стремится обезопасить себя от возможной негативной реакции со стороны США и курдских формирований. В феврале 2022 г. Иран заметно расширили поставки различных видов вооружений и военной техники из Ирака в Сирию и Ливан. Одновременно Тегеран активизировал деятельность шиитских милиций на юге Сирии, прежде всего в районах

Дераа и Ас-Сувейда. По мнению ряда арабских военных экспертов, Иран рассчитывает расширить сферу своего влияния в САР в случае затягивания российской спецоперации на Украине и возможного ослабления интереса Москвы к Сирии.

Одновременно Иран усиливает свое присутствие в различных управленческих сферах деятельности государственного сектора сирийской экономики. В 20-х числах февраля 2022 г. сирийское правительство подписало с Ираном меморандум о сотрудничестве в сфере администрирования и управления людскими ресурсами в госсекторе сирийской экономики. Одновременно Иран расширил объемы приобретения недвижимости в городских центрах САР. Активность Тегерана ведется в рамках иранской кампании в Сирии по шиитизации местного населения и изменения демографии сирийского социума. Созданные Ираном за последние несколько лет заделы в ключевых областях жизнедеятельности сирийского государства и общества гарантируют Тегерану сохранение его позиций в САР в случае эвентуальной смены власти в процессе мирного транзита.

В первой декаде апреля 2022 г. в ряде турецких СМИ появились сообщения о планах президента Р.Т. Эрдогана начать процесс примирения с правящим режимом САР. Анкара хочет восстановить отношения с Дамаском в контексте новой политической концепции «обнуление проблем» в отношениях с соседними странами, с которыми Турция находится в состоянии вражды. Действительно, после начала событий в САР в марте 2011 г. и нескольких бесперспективных попыток оказать влияние на сирийский режим Анкара активно поддержала сирийскую оппозицию и резко выступила против Б. Асада. В Турции многие полагают, что изменение позиции Р.Т. Эрдогана в отношении САР связано прежде всего с его намерением улучшить свой политический имидж после провала попыток свергнуть режим Б. Асада. Сообщения о намерениях Анкары прозвучали на фоне улучшения отношений с Израилем, прекращения следствия по делу убитого в Турции оппозиционного саудовского журналиста Дж. Хашогги и передачи его в КСА. Турция заметно упрочила свои связи с ОАЭ и стремится восстановить прежний уровень отношений с Саудовской Аравией. Недавно Анкара открыла новые каналы связи с Каиром. В этом плане было бы нелогичным оставить двусторонние связи с Дамаском в неизменном виде.

Одновременно Анкара дает сигнал Дамаску о намерении начать процесс возвращения сирийских беженцев в Сирию. Проблема сирийских беженцев в Турции (около 5 млн человек) служит аргументом противников Р.Т. Эрдогана в ходе избирательных кампаний в парламент и предстоящих в 2023 г. президентских выборов. По тем же данным, недавние визиты Р.Т. Эрдогана и Б. Асада в ОАЭ могут свидетельствовать о серьезности намерений сторон вернуться к вопросу о налаживании двусторонних отношений. ОАЭ играют важную посредническую роль в нормализации турецко-сирийских отношений.

В конце декабря 2021 – начале января 2022 гг. состоялись контакты между высокопоставленными представителями сирийских и турецких спецслужб. Встреча была организована в районе порта Акаба (Иордания). В ней приняли участие представители спецслужб ОАЭ, КСА, Катара. По мнению Дубая, именно ОАЭ сыграли решающую роль в организации этой встречи, проведя в течение декабря 2021 г. серию контактов с руководством Турции. На переговорах основное внимание было уделено организации совместных действий против вооруженных курдских повстанцев на севере САР, прежде всего СДС и РПК. Обсуждались также совместные проекты восстановления Алеппо (Халеба) и его промышленной зоны, проблема возвращения беженцев.

По оценке ряда экспертов, переговоры между сирийскими и турецкими силовиками стали возможны в результате удачно сложившейся политической ситуации в САР и Турции, регионе в целом. Несмотря на успехи сирийского режима в борьбе с оппозицией и удержание власти, сирийское руководство ясно отдает себе отчет, что добиться нормализации отношений с другими арабскими странами было бы легче, возобновив контакты с Анкарой. К тому же процесс полного вывода САР из международной изоляции потребует определенной разрядки напряженности в Леванте, что вряд ли возможно достичь без участия Турции. В 2021–2022 гг. Анкара установила неплохие отношения с ключевыми странами Арабского Востока и Персидского залива. Турция серьезно ограничила деятельность «Братьев-мусульман» по просьбе властей Египта и КСА. Р.Т. Эрдоган кардинально пересмотрел основные принципы политики Анкары в регионе. Решающим фактором изменения позиции Анкары в отношении Дамаска стало соглашение с сирийскими властями, в результате которого турецким войскам

было позволено занять позиции на глубину до 35 км (вместо прежних 5 км) для борьбы с курдскими повстанцами на сирийской территории.

Пока рано утверждать, что результатом переговоров руководителей сирийских и турецких спецслужб может стать личная встреча Б. Асада с Р.Т. Эрдоганом. Однако сам факт такого рода контактов внушает надежды на возможность начала процесса масштабной смены политических декораций в регионе. Одним из признаков этого могут служить просочившиеся в арабские и турецкие СМИ в марте 2022 г. сообщения о секретном послании Р.Т. Эрдогана Б. Асаду, где содержались турецкие предложения по нормализации отношений с САР. Анкара, в частности, выразила свою приверженность сохранению территориальной целостности САР, заявила о готовности вывода своих войск с сирийской территории, потребовала гарантий безопасности возвращающихся беженцев и сдерживания деятельности курдских организаций, прежде всего РПК. В 2021 г. в ходе встречи в Сочи президента РФ с Р.Т. Эрдоганом Москва предложила вернуться к выполнению Аданских соглашений 1998 г. как взаимных гарантий безопасности и основы для нормализации отношений. Тогда Анкара попыталась обойти молчанием российские инициативы. Однако сегодня, в условиях меняющейся парадигмы международных отношений и геополитических трансформаций в регионе, российские предложения могут быть востребованы в Анкаре и Дамаске. Действительно, обе страны заинтересованы в налаживании устойчивых каналов связи в интересах разрешения кризиса в двусторонних отношениях⁸.

Политика Анкары в сирийском вопросе сегодня во многом обусловлена стремлением обеспечить стабильность правящей власти, поддержания внутренней безопасности государства и сохранения приобретенных позиций в регионе. С этой точки зрения, Анкара намерена использовать потенциал своих связей с Москвой и Тегераном, которые смотрят шире на отношения с Анкарой и не склонны ограничиваться исключительно сирийской темой. Таким образом, перспективы мирного транзита в Сирии сегодня во многом зависят от возможности достижения соглашений между Москвой, Тегераном и Анкарой по ключевым вопросам сирийского урегулирования с учетом обеспечения их интересов в САР и на Ближнем Востоке в целом.

¹ Подробнее см.: Ахмедов В.М. Современная Сирия. История. Политика. Экономика. М.: ИВ РАН, 2011.

² Al-Modon, 04. 05. 2018.

³ Al-Tamimi, A. J. Administrative Decisions on Local Defense Forces Personnel. Translation & Analysis. 03.05.2017.

⁴ Al-Modon, 08. 07. 2019.

⁵ Al-Arabs 48, 11.07. 2017.

⁶ Syria Direct, 10.05.2020.

⁷ Al-Arabi 21,10.28.2021.

⁸ Ar-Rai Al-yaum,09.04.2022.

О СОСТОЯНИИ И ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ ИЗРАИЛЬСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ

История отношений

В далеком 1949 году Турция, признав де-юре Израиль, первой из исламских стран установила с ним дипломатические отношения. Сближению Турции с Израилем способствовало то, что обе страны находились в соперничестве с арабскими странами, в первую очередь с Сирией. Длительное время Турция и Израиль поддерживали тесное экономическое и военное партнёрство. В июле 1950 года между двумя странами было заключено торговое соглашение, а в феврале 1951 года – договор о воздушном сообщении.

Однако пытаясь установить более прочные связи с арабским миром, в феврале 1955 года Турция заключила «Багдадский пакт» с Ираком, Ираном, Пакистаном и Великобританией, что привело к некоторому охлаждению отношений с Израилем.

В декабре 1956 года в связи с Синайской войной Турция даже отозвала своего посла из Израиля, но не прервала дипломатические контакты с ним. Однако после переворота в Ираке (1958 г.), Давид Бен-Гурион и турецкий премьер Аднан Мендерес подписали тайное оборонное соглашение.

В 1990-е годы произошло сильное сближение Турции и Израиля. В тот период Турцию посетил президент Израиля Эзер Вейцман, в Израиле побывал глава турецкого правительства Тансу Чиллер, а в марте 1996 года – президент страны С. Демирель. В ходе этих визитов были подписаны важные договоры, в том числе и соглашение о сотрудничестве в военной области.

В 1996 году между Турцией и Израилем был подписан Договор о свободной торговле, после чего были обоюдно отменены таможенные пошлины более чем на 200 товаров. В 1999 году газета «New York Times» писала, что стратегическое партнер-

ство между Турцией и Израилем может изменить политику на Ближнем Востоке: торговля и туризм процветают, ВВС Израиля практикуют маневры в воздушном пространстве Турции, а израильские специалисты модернизируют турецкие боевые самолеты. Израиль экспортирует в Турцию новые технологии и, в основном, военную продукцию.

В 2005 году Реджеп Тайип Эрдоган совершил официальный визит в Израиль, где провёл переговоры с премьер-министром Ариэлем Шароном и президентом Моше Кацавом. В начале 2006 года МИД Израиля охарактеризовал отношения своей страны с Турцией как «идеальные». Под эгидой Турции разрабатывался совместный израильско-палестинский индустриальный парк. Президент Израиля Шимон Перес и глава Палестинской национальной Администрации Махмуд Аббас выступили перед Великим национальным собранием Турции.

Турецкий ежегодный экспорт в Израиль за 2001–2011 годы вырос с 805 млн долларов до 2,3 млрд долларов, а израильский экспорт в Турцию увеличился с 529 млн долларов до 2,05 млрд долларов. И несмотря на кризис, возникший в дальнейшем во взаимоотношениях между странами, товарооборот продолжал расти. Даже во время пандемии коронавируса, когда мировая торговля сократилась, объем двусторонней израильско-турецкой торговли был одним из немногих, который увеличился, достигнув почти 8 млрд долларов США, продемонстрировав, что эти две страны являются стратегическими торговыми партнерами¹.

Кризис в двусторонних отношениях

С момента избрания в 2003 году премьер-министром Турции лидера Партии справедливости и развития Реджепа Тайипа Эрдогана отмечается стремительная исламизация Турции одновременно с усилением антиизраильской риторики. И хотя торговля процветала, в политическом плане Турция всё активнее стала дистанцироваться от Израиля.

Переломным моментом в ухудшении отношений стали операция «Литой свинец» в секторе Газа в конце 2008 – начале 2009 г. и захват израильскими ВМС турецкого судна «Мави Мармара» (31 мая 2010 г.), пытавшегося прорвать блокаду сектора Газа. Пытаясь остановить караван судов в своих водах, Израиль высадил на них морской десант, в результате которо-

го погибло несколько турецких граждан, пытавшихся сбросить десант в море. Во время операции «Литой свинец» Анкара обвинила правительство Эхуда Ольмерта в совершении военных преступлений. А после завершения операции и с назначением в 2009 году нового министра иностранных дел Турции Ахмета Давутоглу вся внешняя политика страны была направлена на разрыв отношений с Израилем, в результате чего были даже отозваны послы. Однако откровенно враждебная политика Турции не уменьшила поток израильских туристов в Турцию и закупку турецкой продукции.

В тот момент Израиль пытался наладить отношения и даже был готов принести извинения и выплатить компенсацию Турции, предлагал вернуть турецкого посла и назначить нового посланника в Анкаре, однако вначале не встретил особого желания. Идя навстречу пожеланиям Турции, представитель правящей партии Ликуд Дани Данон зачитал с трибуны Кнессета составленное им официальное письмо («извинение») турецкому руководству. В дальнейшем Израиль и Турция продолжили обсуждение компромиссного решения, которое должно удовлетворить обе стороны и уладить проблему с точки зрения международного законодательства. Стоит отметить, что в тот момент существовало сильное давление на Израиль в международных организациях, включая ООН.

Несмотря на конфликт, в декабре 2010 года Турция пришла на помощь Израилю, направив самолеты на тушение пожара на горе Кармель. Премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху обратился со словами благодарности к своему турецкому коллеге. Однако Эрдоган подчеркнул, что не стоит рассматривать гуманитарный жест турецкого народа как признак отказа Анкары от выдвинутых требований. «Но если нам протянут руку дружбы и предложат решать проблемы вместе, эта рука не повиснет в воздухе», – заявил он².

Несмотря на все усилия Израиля, только в декабре 2015 года стороны провели секретную встречу для переговоров по восстановлению дипотношений. 27 июня 2016 года между странами было подписано примирительное соглашение³. Оно было одобрено парламентом Турции 20 августа, и президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган подписал его 31 августа.

12 июля 2017 года в ходе Мирового нефтяного конгресса министр национальной инфраструктуры, энергетики и водоснабжения Израиля Юваль Штайниц заявил, что Израиль и

Турция до конца 2017 года рассчитывала заключить соглашение о строительстве газопровода для поставок газа в страны ЕС. Однако дальше деклараций дело не пошло, так как проект содержал много политических, а значит и экономических рисков.

В то же время одним из результатов ухудшения отношений с Турцией стало быстрое сближение Израиля с Грецией и Кипром, в результате чего в апреле 2017 г. при поддержке ЕС родился амбициозный проект по поставкам израильского и кипрского газа в Европу. Газопровод должен был соединить крупное газовое месторождение «Левиафан» на шельфе Израиля и «Афродита» на шельфе Кипра с потенциальными потребителями в Европе – Грецией, Италией⁴.

Сближение и соглашение Израиля с Кипром и Грецией по строительству газопровода EastMed в Европу в конце 2019 года вновь привело к ухудшению отношений с Турцией, которая стремилась разорвать сближение Израиля и Кипра. Прямые угрозы и активные действия Эрдогана на море вокруг Кипра, и его попытка блокады греческих островов – все это привело к тому⁵, что 14 января 2020 года Израиль впервые включил Турцию в список угроз.

Эрдоган осудил «Сделку века» президента США Трампа и подверг критике арабские страны, заключившие договор с Израилем. Однако 25 декабря 2020 года президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган заявил, что Турция надеется на улучшение отношений с Израилем⁶. Более того, он отметил, что его страна никогда не прекращала взаимодействие с еврейским государством на уровне спецслужб. Возможно, на это заявление тогда повлияло практически «совместное» участие Турции и Израиля в 44-дневной войне в Нагорном Карабахе на стороне Азербайджана, который давно считается стратегическим партнером Израиля. Также предполагалось, что отношение президента Азербайджана Ильхама Алиева к Израилю может послужить хорошим примером для налаживания отношений с Турцией, с руководством которой у него были более чем тесные контакты.

Однако уже в мае 2021 года, когда шла операция «Страж стен» в секторе Газа, Эрдоган практически был на грани угроз отправки турецких войск на помощь палестинцам.

Не стоит и забывать, что в тот период Израиль около двух лет был в избирательном процессе, имея фактически «временное»

правительство, в связи с чем вся внутренняя и внешняя политика премьер-министра Биньямина Нетаньяху была направлена лишь на удержание Ликудом власти. Только после внеочередных парламентских выборов в Кнессет 24-го созыва в марте 2021 года в Израиле 13 июня было сформировано новое правительство под управлением Нафтали Беннета, которое начало заново выстраивать всю политику страны.

Долгий флирт и быстрое решение

Израильско-турецкий роман, начавшийся летом 2021 года с осторожных жестов и продолжившийся оживленным флиртом со стороны президента Израиля Ицхака Герцога, изначально считался в Израиле лишь его попыткой поднять свой имидж. Но как оказалось, Герцог, который был главным объектом внимания Турции, отнесся к делу серьезно. Не стоит забывать, что Герцог – искусный политик и настолько дружелюбный человек, что, как говорят в его окружении, «может завязать дружбу даже с крокодилами в Ниле». Он взял на себя роль, которую ему отвела Турция, энергично и искренне с самого начала. В тот момент стало понятно, что Анкаре не нужны краткосрочные отношения. Заявления и шаги президента Реджепа Тайипа Эрдогана свидетельствовали о том, что он хочет стабильных, продуктивных и взаимовыгодных двусторонних отношений.

Потепление в израильско-турецких отношениях, которые годами были холодными, началось вскоре после того, как и Герцог занял пост президента в июле 2021 года. Хотя президентство в Израиле является преимущественно символической позицией, Эрдоган попытался наладить диалог с Герцогом, который с готовностью откликнулся. Израильский президент сказал временному поверенному в делах Турции, который присутствовал на церемонии приведения Ицхака Герцога к присяге в Иерусалиме, что считает его присутствие на церемонии очень приятным и благородным жестом и что он был бы рад встретиться с Эрдоганом. Герцог называет этот тип дипломатии «языком жестов». Человек, тесно сотрудничавший с Герцогом, сказал, что «общие друзья» хвалили Герцога Эрдогану, указывая на то, что президент Израиля ведет тесные диалоги со многими лидерами по всему миру.

Первый телефонный звонок, состоявшийся в июле 2021 года, превзошел ожидания многих израильских официальных лиц⁷. Было констатировано, что Эрдоган говорил очень внимательно, доступно и доброжелательно об экономике, энергетике и укреплении двусторонних отношений. По словам коллег Герцога, Эрдоган продемонстрировал глубокое понимание израильской экономики и израильско-турецкой торговли. Еще один вопрос, который очень интересовал Эрдогана, заключался в том, что исламистская арабская партия РААМ, имеющая связи с Партией справедливости и развития (ПСР), которую он возглавлял, была первой арабской партией, присоединившейся к коалиционному правительству в Израиле.

Несмотря на то, что дипломатические отношения были натянутыми в течение многих лет, Израиль является стратегическим торговым партнером Турции. И хотя пандемия COVID-19 ударила по туристическому потоку из Израиля в Турцию, объем двусторонней торговли составляет миллиарды долларов. Эрдоган сказал Герцогу, что в двусторонней торговле еще есть потенциал, и тот согласился.

После этого первого контакта два президента еще четыре раза разговаривали по телефону. В речи, которую Герцог произнес на похоронах своей недавно скончавшейся матери, он отметил, что семья его матери была депортирована из Палестины в Египет в начале XX века тогдашним правителем Османской Империи Джемаль-пашой. Когда Эрдоган перезвонил, чтобы выразить соболезнования, оба президента также говорили об этом травмирующем историческом событии. Сообщается, что Герцог сказал Эрдогану: «Я не могу передать вам, насколько взволнована была моя мать, которая сопровождала моего отца во время официального визита в Турцию в 1992 году». Затем Эрдоган заразился коронавирусом, и Герцог позвонил ему, чтобы пожелать скорейшего выздоровления.

За растущей дружбой между двумя президентами внимательно следили как премьер-министр, так и министры обороны и иностранных дел Израиля. Их точка зрения была немного более осторожна. Герцог тоже не наивен, он хотел использовать стратегическую смену курса в Турции на благо Израиля.

В середине марта был запланирован официальный визит Герцога в Турцию. Ровно 30 лет назад его отец, покойный президент Хаим Герцог, посетил Турцию со своей женой Аурой. В беседе с Al-Monitor на условиях анонимности высокопостав-

ленный дипломатический источник в Иерусалиме сказал, что Герцога в Турции «примут как короля».

В преддверии визита Израиль посетила турецкая делегация высокого уровня во главе с пресс-секретарем президента Ибрагимом Калыном и заместителем министра иностранных дел Седатом Оналом. Делегация начала свои контакты в Министерстве иностранных дел, затем отправилась в резиденцию президента с заместителем госсекретаря Алоном Ушпизом и продолжила встречи с израильскими официальными лицами. Герцог также почтил турецких гостей, «заглянув» на встречу.

«Турки могут внезапно снова повернуться против нас, но сейчас все выглядит серьезно», – сказал высокопоставленный дипломатический источник. Согласно тому же источнику, Турция в последние месяцы внимательно относилась ко всем требованиям Израиля. Это включало в себя вопросы, связанные с безопасностью. Источник сказал: «Это считается беспрецедентным. Даже когда они ничего не могут сделать, они интересуются вопросом и возвращаются к нам с подробным ответом».

Хотя об этом публично не было заявлено, Израиль больше всего беспокоит офис ХАМАС в Стамбуле, который отдает приказы о террористических атаках на Западном берегу⁸. Высокопоставленный источник в израильских службах безопасности сказал Al-Monitor на условиях анонимности: «Я не думаю, что они собираются закрыть этот офис. Но они могут помочь нам, сокращая, ограничивая и контролируя [свою деятельность]. Поскольку события развиваются в таком темпе, я вижу в этом вполне разумную возможность».

Другой высокопоставленный дипломатический источник в Иерусалиме резюмировал факторы, спровоцировавшие события, как «условия и интересы». Источник продолжил: «Это может показаться странным, но у Израиля и Турции есть общие интересы в важных стратегических вопросах. Эрдоган видит в Иране угрозу почти в той же степени, что и мы. Он так же, как и мы, рассматривает присутствие Ирана в Сирии как угрозу. Более того, он понимает, что впал в немилость в Вашингтоне».

Напоминая о решении США не предоставлять Турции самолеты F-35, источник сообщил, что Турция обратилась к Израилю за помощью, чтобы отменить это решение. Источник продолжил: «Экономика Турции в беде, приближаются выборы. В то время как Эрдоган надеялся на «ноль проблем» с соседями, у него не было проблем с соседями. Он фиксирует свои отноше-

ния с нами ради ощутимой выгоды, и не только с нами. То же самое с ОАЭ, с Египтом, с другими государствами и стихиями...».

Израильский аналитик, попросивший не называть его имени, сказал: «Турция – очень важный игрок на Ближнем Востоке, одна из трех неарабских региональных держав наряду с Ираном и Израилем. Если Израиль хочет сузить круг вокруг Ирана, ему нужны турки. Дипломатическое, экономическое и военное давление на Иран не может быть успешным без Турции». Отметив, что израильское руководство осознало эту реальность, источник сказал: «Опытный дипломат по имени Герцог также попытается выполнить свою работу».

Ссылаясь на ожидания Израиля, источник сказал: «Одна из наших целей – установить аналогичную «горячую линию» между Анкарой и Иерусалимом, которая была установлена для предотвращения конфликта между Россией и израильской армией [в Сирии]. Такая линия позволяет сразу же обсудить вопросы безопасности и разведки, а также дает сторонам возможность укрепить сотрудничество», – сказал он.

Даже без «горячей линии» Турция недавно предотвратила заговор с целью убийства израильского бизнесмена Яира Геллера, возможно, с помощью своих разведданных. Высокопоставленный представитель израильской разведки сказал: «Это показывает, насколько велик потенциал между нами. Да, они могут обернуться против нас в одно мгновение. Верно и то, что отношения не вернутся на уровень стратегического союза прошлого. Однако все это не означает, что мы не настроены серьезно работать с Эрдоганом».

Обмен дружескими жестами в Турции

После многих лет холодных, даже враждебных отношений между двумя странами президент Израиля Ицхак Герцог был тепло встречен в Анкаре президентом Турции Реджепом Тайипом Эрдоганом. В его честь был исполнен израильский национальный гимн «Атиква» и дан приветственный салют из 21 залпа. Это был первый визит главы еврейского государства в Турцию с 2007 года, когда Анкару посетил тогдашний президент Шимон Перес.

Цель визита, подготовка к которому велась более двух месяцев, – создать условия для постепенной нормализации израиль-

ско-турецких отношений, которые в последние 12 лет характеризовались острыми противоречиями и взаимными обвинениями⁹.

Сообщается, что два президента беседовали в течение двух часов, обсудив различные вопросы, включая механизмы урегулирования дипломатических разногласий и создание совместных рабочих групп для сотрудничества. Они также обсудили присутствие ХАМАСа в Турции, освобождение в ноябре прошлого года двух израильских туристов в Стамбуле (чем Эрдоган занимался лично) и статус соответствующих дипломатических миссий, которые с 2018 года работают без послов.

После завершения встречи главы двух государств сделали заявления для СМИ. «Я очень рад приветствовать Вас от всего сердца. Для меня это огромная честь. Я очень рад видеть президента Израиля в нашем дворце в Анкаре. Я убежден, что эта историческая встреча станет поворотным моментом в отношениях между Турцией и Израилем», – заявил Эрдоган. Президент Турции выразил надежду, что две страны будут развивать глубокие отношения и сотрудничество во многих областях, особенно в торговле и экономике.

И. Герцог начал свое выступление с того, что поблагодарил Эрдогана за гостеприимство на турецком языке и отметил, что он и его жена Михаль счастливы находиться в Турции в качестве гостей президента.

Перейдя на иврит, Герцог сказал: «Я благодарю вас за приглашение совершить государственный визит сюда, в Турецкую Республику, и за продуктивную встречу, которую мы только что провели, на которой были рассмотрены многие вопросы. Ваше приглашение и мой визит сюда представляют собой продолжение. Я приветствую диалог и контакты, которые вы инициировали с того момента, как я стал президентом Израиля. Это очень важный момент в отношениях между нашими странами, и я считаю большой привилегией для нас обоих заложить основы для развития дружеских отношений между нашими государствами и нашими народами и наводить мосты, имеющие решающее значение для всех нас».

Герцог обратился к трудностям последних двух десятилетий, сказав: «К сожалению, в последние годы отношения между нашими странами пережили некоторую засуху. Теперь я считаю, что об отношениях между нашими странами будут судить по делам, отражающим дух взаимного уважения и позволяющим нам лучше противостоять региональным и глобальным вызовам, ко-

торые являются общими для всех нас... Багаж прошлого никогда не исчезает сам по себе, но мы – два наших народа, две наши страны – выбираем путь доверия и уважения, который будет включать в себя углубленный диалог во всех областях, и я благодарю вас за углубленное обсуждение, которое мы только что провели. Мы решили смотреть вперед вместе».

Президент Израиля подтвердил сообщения о том, что министр иностранных дел Турции Мевлют Чавушоглу посетит Израиль в апреле для проведения переговоров с министром иностранных дел Яиром Лапидом. По словам Герцога, министры обсудят создание совместных механизмов и повестку сотрудничества во многих областях¹⁰.

Герцог завершил свое выступление, поблагодарив Эрдогана на турецком языке, добавив: «Я молюсь, чтобы Бог был на нашей стороне и сопровождал нас на нашем новом пути».

Визит Герцога в Турцию является первым в своем роде за более чем десятилетие и знаменует собой значительный сдвиг в отношениях между двумя странами. Он подчеркнул, что поездка была согласована с премьер-министром Нафтали Беннетом, министром иностранных дел Яиром Лапидом и их ведомствами.

По итогам встречи министр обороны Бени Ганц заявил, что усилия по сближению с Турцией также проистекают из общих интересов безопасности двух стран. «Израиль строит отношения со многими странами региона и укрепляет сотрудничество перед лицом угроз в регионе, особенно ввиду агрессии Ирана и его попытки прорваться к ядерному потенциалу».

Израильский газ как стимул возрождения отношений с Турцией

В течение многих лет Турция была одним из важнейших стратегических союзников Израиля на Ближнем Востоке. Но те времена давно прошли и, вероятно, не вернуться, пока Эрдоган остается у власти. Однако события последних месяцев, безусловно, можно охарактеризовать как «мини-золотой век» между двумя государствами, движимый интересами, а не желанием возродить «любовь» после бурного десятилетия.

«Мы понимаем, что Эрдоган не изменился. Мы ему не нравимся, может быть, даже наоборот, и он может обернуться

против нас в любой момент», – сказал Al-Monitor высокопоставленный израильский дипломатический источник на условиях анонимности. «Он лидер «Братьев-мусульман», многие считают его антисемитом, но он трезвый лидер. Сейчас он испытывает серьезные проблемы на многих фронтах, приближаются выборы, и ему крайне необходимы прочные союзы вообще и хорошие связи с Израилем. У нас нет возражений», – сказал источник. – Но мы осторожны».

В свое время одним из результатов ухудшения отношений с Турцией стало быстрое сближение Израиля с Грецией и Кипром, которое в итоге привело к созданию совместного проекта по строительству газопровода EastMed для поставок израильского газа через Кипр и Грецию в Европу. Средиземноморский газопровод EastMed должен был стать самым масштабным проектом подводного газопровода в мире длиной около 2 000 км. Однако с пропускной способностью в 12 млрд куб. м газа в год и первоначальной стоимостью 6 млрд евро, он изначально был чисто «политическим» проектом, без видимой экономической выгоды. В итоге проект, подружив Израиль с Афинами и Никосией и рассорив с Анкарой, так и не был реализован из-за позиции США, принявших решение о расширении своих поставок СПГ в Европу на фоне нового энергетического кризиса¹¹.

Сегодня газ является основным стимулом для улучшения двусторонних отношений. В последние годы Израиль стал ведущим поставщиком природного газа в регионе. В настоящее время он поставляет большие объемы газа в Египет и Иорданию, а в перспективе, возможно, и в Ливан через территорию Сирии. В результате Израиль стал ведущим партнером Восточно-средиземноморского газового форума в Каире, в который также вошли Греция, Кипр, Египет, Италия, Иордания и ПНА.

Турцию не пригласили в этот узкий круг, и оскорбленный и изолированный Эрдоган предпринял ряд действий, чтобы сорвать договоренности сторон, вплоть до военной блокады греческих островов в Эгейском море и попыток перекроить карты морских границ.

В свое время поставки азербайджанского и российского газа через Турцию в Европу позволили Эрдогану выйти на глобальный энергетический рынок. Однако кризис на Украине и перспектива полной блокады поставок российского газа в Европу фактически оставляют Турцию у разбитого корыта и

в этой связи израильский газ как никогда мог бы сильно укрепить турецкие позиции на энергетическом рынке Европы.

На данный момент Эрдоган рискует стать одним из главных проигравших в конфликте между Россией и Украиной. Ему придется выбрать сторону. Его сильная зависимость от президента России Владимира Путина была «болезненной занозой», от которой он был бы счастлив избавиться. Поэтому ему очень нужен израильский газ по прямому трубопроводу, который он с удовольствием протянул бы дальше в Европу. Однако уровень израильско-турецких отношений не позволяет правительству Израиля так рисковать, отдавая поставки своего газа под контроль Турции. И даже если завтра все наладится, прокладывать морской газопровод придется вдоль берегов Ливана и Сирии, а это слишком большие риски в нынешнее время. Но не рассматривать турецкий вариант, особенно в текущей ситуации, было бы крайне не верно.

Результатом такой заинтересованности стали более чем дружелюбные разговоры Эрдогана по телефону с президентом Израиля Герцогом. В итоге 9 марта 2022 г. Герцог прибыл в Анкару, где был принят на высшем уровне.

Перед тем, как отправиться в Турцию, Герцог сказал журналистам: «Отношения с Турцией важны для Израиля и всего региона. Безусловно, когда миропорядок расшатывается, важно сохранять стабильность в нашем регионе. Я подчеркивал это на своих встречах в Греции и на Кипре»¹². Он отметил, что хотя от него и Эрдогана не ожидается, что они обо всем договорятся, они «постараются наладить отношения и построить их посредством действий и взаимного уважения».

В Афинах и Никосии, со своей стороны, вряд ли заинтересованы в тесных отношениях между Иерусалимом и Анкарой. Появившиеся новости о предполагаемом визите Герцога в Турцию вызвали серьезную обеспокоенность в Афинах, что побудило израильского президента посетить Грецию заранее, до поездки в Турцию. И хотя Израиль ясно дает понять, что Афины на первом месте, но он также дает понять, что под его внешнеполитическим зонтиком есть место для всех.

Министр обороны Греции Николаос Панайотопулос посетил Израиль 20 января, а его израильский коллега Бени Ганц запланировал предстоящий ответный визит в Афины (дата пока неизвестна), поскольку Израиль стремится продемонстрировать, что союз с Грецией и Кипром крепок и процветает при всем

уважении к Эрдогану. «Греки обеспокоены сближением между Израилем и Турцией», – сказал высокопоставленный источник в израильской службе безопасности. «Но мы их успокаивали. Этому стратегическому союзу ничто не угрожает».

При этом все признаки из Анкары указывают на существенный сдвиг – хотя и не стратегический – в отношении Турции к Израилю. «Это отражено в информации «Моссада» и в различных сферах безопасности», – отметил источник. «Турки в последнее время очень сотрудничали в вопросах безопасности. Очень нетипичным образом они действительно сделали некоторые конкретные вещи, о которых мы их просили». В этом контексте следует помнить о неоднократных требованиях Израиля к Турции сдерживать усиление присутствия ХАМАСа на своей территории.

И все же, оглядываясь назад на имеющийся горький опыт, Израиль по-прежнему скептически относится к намерениям Эрдогана и не питает иллюзий по поводу президента-исламиста, но приветствует любые его мирные или деловые инициативы.

Израильский эксперт по безопасности, наблюдающий за развитием событий, указал на то, что он назвал странным явлением на Ближнем Востоке. Он сказал: «Все акторы стараются поддерживать контакт с как можно большим количеством других акторов, все обращаются ко всем остальным и пытаются играть на каждой арене». Источник, говорящий на условиях анонимности, сказал, что многие государства в регионе переживают то, что он назвал «катарским методом», типичным для регионов, находящихся в состоянии неопределенности, как Ближний Восток в наши дни. «Американцы уходят, русские не определились с масштабами и глубиной своего взаимодействия, неопределенность растет, и все хотят расправиться со всеми», – сказал аналитик. Объединенные Арабские Эмираты являются примером такого отношения, раскладывая яйца по разным корзинам, последовательное потепление отношений с Ираном, несмотря на нападения на территорию эмиратов поддерживаемых Ираном повстанцев-хоуситов. В этом смысле Эрдоган ничем не отличается.

И последнее неизбежное упоминание об Иране. Эрдоган, как и Израиль, серьезно обеспокоен Ираном. Будучи набожным мусульманином-суннитом, он не приветствовал бы шиитскую Исламскую Республику, обладающую ядерным оружием,

на своей границе, и он находится в ссоре с Тегераном из-за Сирии. У Израиля и Турции больше общих стратегических интересов, чем может показаться на первый взгляд. Торговые отношения между ними значительны и процветают. «Очевидно, что чем ближе он будет к выборам, тем дальше он будет отдаляться от нас», – сказал об Эрдогане высокопоставленный израильский дипломатический источник. – Просто он такой, и когда это произойдет, мы будем знать, что делать. У нас есть опыт».

Естественно, что Эрдоган строит двусторонние отношения с Израилем ради ощутимой выгоды, и не только с Израилем. То же самое с ОАЭ, Египтом и другими государствами региона. Но не стоит и забывать, что Турция – очень важный игрок на Ближнем Востоке, одна из трех неарабских региональных держав наряду с Ираном и Израилем. Если Израиль хочет сузить круг вокруг Ирана, ему нужны турки.

Безопасность важнее бизнеса и политики

В последние годы в Израиле было реализовано несколько крупных инфраструктурных проектов, в которых принимали участие многие ведущие компании мира. Одним из таких проектов должен стать план по приватизации старого морского порта в Хайфе.

В этой связи был объявлен международный конкурс, и в старом порту Хайфы открылась информационная комната, в которую начали заходить компании, заинтересованные в приобретении. Ожидается, что тендер на продажу скоро завершится и предполагается, что только летом те, кто купит его, смогут взять его под свой контроль. После этого потребуются, как минимум, несколько месяцев работы для обновления оборудования, чтобы порт начал конкурировать с соседом.

В международном тендере участвовали многие международные и израильские компании. Одним из участников был Yilport, принадлежащий турецкому бизнесмену Юкселю Роберту Йылдырыму, который известен своей близостью к президенту Турции Реджепу Тайипу Эрдогану. Утверждается, что Эрдоган ссылаясь на Йылдырыма и направил рекомендательное письмо тогдашнему министру транспорта Израиля Мири Регев через министра транспорта Турции. Сообщалось, что YILPORT Holding стремится создавать многоцелевые объекты мирового

уровня в международном масштабе. Эта позиция основана на стратегии роста компании, направленной на то, чтобы к 2025 году войти в десятку крупнейших мировых портовых операторов¹³.

Однако израильские органы безопасности воспротивились участию турецкой компании в тендере. В этой связи Yilport передал основной пакет акций международного консорциума, созданного с участием ряда компаний для участия в тендере, американской компании Graestone. В результате чего доля американцев в консорциуме увеличилась до 51%, доля Yilport уменьшилась до 25%. Израильская компания имеет 20-процентную долю, а другая турецкая компания – 4-процентную долю в консорциуме.

Однако передачи оказалось недостаточно, чтобы убедить тендерную комиссию, которая сообщила консорциуму, что не рассматривает возможность предоставления ему разрешения на участие в тендере. Дело было передано в суд. Представители группы заявили на слушаниях, что Yilport в настоящее время управляет 29 портами по всему миру, включая порты, расположенные рядом с военно-морскими базами НАТО и США, и что в этом контексте компания прошла необходимые расследования безопасности.

Видимо, эта защита не была эффективной, поскольку правительство сообщило официальным лицам групп, входящих в консорциум, о том, что они исключены из тендера. В уведомлении, отправленном Эли Тиллесу, представлявшему группу в процессе приватизации, говорилось, что компания была исключена из тендера «по причинам, связанным с безопасностью и внешней политикой Израиля». Сообщалось, что подробности этих причин не могут быть раскрыты по соображениям госбезопасности.

И хотя израильские власти избегали вдаваться в подробности, некоторые детали данной проблемы были отражены в прессе. Так, по сообщениям израильских СМИ, причиной исключения Yilport из тендера является близость владельца компании Yildirim к СМА CGM Group, одной из крупнейших в мире судоходных компаний. Компанию, основанную ливанским бизнесменом Жаком Сааде, в настоящее время возглавляет сын Родольф Сааде. Среди портов, которыми управляет СМА CGM, есть порт Бейрута, где «Хизбалла» комфортно работает и где аммиачная селитра, предположительно принадлежащая «Хизбалле», вызвала страшный взрыв. В результате взрыва

в августе 2020 года погибли более 200 человек, а окружающим зданиям был нанесен значительный ущерб.

В новостях утверждалось, что, по данным разведки, СМА CGM связана с высокопоставленными чиновниками «Хизбаллы» и всемирной деятельностью шиитской террористической организации. Например, компания получила свои лицензии на деятельность в Ливане от Али Хамие, министра общественных служб и транспорта, связанного с «Хизбаллой». СМА CGM также управляет сирийским портом Латакия, который Иран использует для отправки оружия «Хизбалле».

В итоге решение о недопущении турецкой компании к тендеру было принято на основании этой информации, переданной израильской разведкой как в профильное министерство, так и в тендерную комиссию.

Yilport выпустил пресс-релиз, где заявлял, что не был «связан с какой-либо незаконной организацией» и что обратится в суд по обвинению в «клевете» на компанию. «Решительно осуждая» обвинения, компания заявила: «СМА CGM Group – французская компания, в которой французское государство также имеет долю. Компания управляет 52 терминалами и портами по всему миру. Она также является оператором порта Бейрут в Ливане и порта Латакия в Сирии. На основании деятельности террористической организации «Хизбалла» в Ливане и слабой связи с работой бейрутского порта СМА CGM, акционером которого мы являемся, выдвинуто необоснованное заявление».

В заявлении говорится, что Yilport не ведет коммерческую деятельность в Сирии, и далее утверждает: «Это чисто политическая игра, которая противоречит аполитичной позиции и системе работы Yildirim Holding. Израильские компании, участвующие в тендере, затеяли аморальную политическую и коммерческую игру, чтобы исключить из тендера консорциум Yildirim Holding с местной израильской компанией».

Стоит отметить, что решение не допускать «турок» до конкурса совпало с периодом, когда были предприняты шаги для сближения Турции и Израиля, как раз перед визитом президента Ицхака Герцога в середине марта. Однако это решение не вызвало удивления в Турции.

По словам Хай Эйтана Коэна Янарочака, эксперта Центра Моше Даяна Тель-Авивского университета, «доверие между двумя странами еще не достигло того уровня, при котором

Израиль отдал бы порт в стране турецкой компании». Однако Янарочак, сохраняющий оптимизм в отношении развития отношений, сказал: «Это не должно быть препятствием [для развития отношений] на данный момент. После нормализации турецкие компании смогут участвовать в тендерах».

Еще одна компания, отказавшаяся от участия в тендере, – DP World, один из гигантов управления портами в ОАЭ. DP World, которая сотрудничала с компанией Israel Shipyards (Maspenot) во главе с Шломи Фогелем для участия в тендере, объявила о выходе из тендера два с половиной месяца назад. Генеральный директор Министерства финансов Израиля Рам Блинков, который лично присутствовал на слушаниях по иску DP World об участии в тендере, также заявил, что компания не будет контролировать порт в стране по соображениям безопасности.

Похоже, что геостратегические причины также повлияли на решение DP World уйти. Наследный принц ОАЭ Мухаммед бен Заид Аль Нахайян посетил Турцию в конце ноября 2021 г. и встретился с Эрдоганом. После этого неожиданного и громкого визита ОАЭ объявили, что инвестируют в Турцию 10 млрд долларов¹⁴. Через несколько дней после этого визита DP World объявила о выходе из тендера порта Хайфы. Источники, знакомые с этим вопросом, отмечают, что эти два события могут быть связаны, и считают, что DP World отказалась от участия, чтобы снизить конкуренцию между компаниями двух стран и проложить путь для Yilport. Но и это не помогло Yilport выиграть конкурс.

Однако вне зависимости от итогов конкурса и выбора победителя можно отметить, что на данный момент геополитика в значительной степени влияет на экономику и вопросы безопасности превагируют над экономической целесообразностью.

¹ Israel-Turkey rapprochement complicates Ukraine mediation efforts. – <https://www.al-monitor.com/originals/2022/03/israel-turkey-rapprochement-complicates-ukraine-mediation>. – March 18.03.2022.

² Израиль готов принести извинения Турции. – <http://www.ansar.ru/world/izrail-gotov-prinesti-izvinieniya-turcii>. – 07 декабря 2010.

³ В Анкаре подписано соглашение об урегулировании отношений между Израилем и Турцией. – https://www.newsru.co.il/mideast/28jun2016/tr_is_108.html. – 28 июня 2016.

⁴ Кипр, Греция, Израиль и Италия решили построить самый длинный подводный газопровод в мире. – <https://evropakipr.com/novosti/kipr-grecsiya-izrail-i-italiya-reshili-postroit-samyu-dlinnyu-podvodnyu-gazoprovod-v-mire> // 05 декабря 2017.

⁵ Газ толкает Израиль и Турцию на силовой конфликт. – <https://vz.ru/world/2019/12/16/1013889.html> // 16 декабря 2019.

⁶ Эрдоган: Турция надеется на улучшение отношений с Израилем. – <https://www.9tv.co.il/item/22838> // 25 декабря 2020.

⁷ Президент Израиля провел телефонную беседу с президентом Турции. – https://www.newsru.co.il/israel/12jul2021/herzog_0014.html // 12 июля 2021.

⁸ Hamas faces risk, opportunity from warming Israel-Turkey ties. <https://www.al-monitor.com/originals/2022/03/hamas-faces-risk-opportunity-warming-israel-turkey-ties> // 16.03.2022.

⁹ Президенты Израиля и Турции начали работу по нормализации отношений. – <https://www.vesty.co.il/main/article/A46VW2SHR> // 09.03.2022.

¹⁰ Завершилась встреча Эрдогана и Герцога. "Заложены основы дружбы" https://www.newsru.co.il/mideast/09mar2022/vstrecha_710.html // 9 марта 2022.

¹¹ Газопровод в Европу обречен на провал, теперь инициатива его строительства окончательно похоронена. – <http://www.energianews.com/article.php?id=24054> // 21 января 2022.

¹² Israel's president exchanges friendly gestures in Turkey. – <https://www.al-monitor.com/originals/2022/03/israels-president-exchanges-friendly-gestures-turkey> // 09.03.2022.

¹³ Сайт компании YILPORT Holding <https://yilport.com/en/about-us/detail-timeline/ABOUT-US/4/2/0>

¹⁴ ОАЭ и Турция подпишут новые соглашения во время предстоящего визита Эрдогана: официальный. <https://wam.ae/ru/details/1395303013542> // 21 января 2022.

**МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ
В ИНФОРМАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЕ БЛИЖНЕГО
ВОСТОКА (НА ПРИМЕРЕ КИТАЙСКИХ ПОДВОДНЫХ
ОПТОВОЛОКОННЫХ КАБЕЛЕЙ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ)**

Будучи амбициозной и активно развивающейся сверхдержавой, Китай быстро зарекомендовал себя лидером в технологической области. Страна уже давно использует свой технологический сектор для обретения преимуществ в дипломатии и политике. Технологический сектор Китая также обеспечивает деятельность инфраструктурного мегапроекта «Один пояс, один путь»¹ (ОПОП), целью которого является переориентация мировой экономики с США на Пекин посредством строительства инфраструктуры и развития товарооборота с более чем 60 странами. Все более значимым компонентом ОПОП становится так называемый «Цифровой шелковый путь» (ЦШП). Деятельность китайских инновационных гигантов Huawei и ZTE, направленная на развитие мировой экономики с помощью цифровых технологий, произвела революцию в глобальных сетях за счет внедрения волоконно-оптических кабелей и сетей 5G². Вместе с реализацией инноваций во внешнеэкономической деятельности планы Китая становятся неотъемлемой частью экономики стран Ближнего Востока. Например, Пекин нашел способ заявить о себе и по сути бросить геополитический вызов США за счет расширения сети оптоволоконных кабелей следующего поколения в Ближневосточном регионе.

Одним из самых амбициозных проектов ЦШП является прокладка оптоволоконного кабеля, соединяющего Пакистан, Восточную Африку и Европу (Pakistan & East Africa Connecting Europe, PEACE). Китай давно заявлял о своем стремлении соединить большой Ближний Восток, Африку и Европу с помощью китайской оптоволоконной сети, чтобы тем самым нарастить свое присутствие в регионе. Теперь Пекин может обладать крупными инфраструктурными объектами в стратегически

важных местах. Например, пакистанский порт Гвадар сейчас находится под управлением КНР как оператора иностранного порта через юридическое лицо – China Overseas Ports Holding Company³ – и является точкой посадки для оптоволоконного кабеля в рамках проекта PEACE. Тем временем в городе Джибути китайские подрядчики построили первый зарубежный военный объект, расположенный в непосредственной близости от точек посадки кабеля PEACE. В свою очередь закладка Китаем кабеля PEACE в этих местах наглядно иллюстрирует геополитическую важность подводных волоконно-оптических кабелей в первой четверти XXI века.

Геополитические аспекты установки подводного оптоволоконного кабеля в рамках проекта PEACE

Подключение мирового интернета через оптоволоконные кабели становится все более важным для глобальных коммуникаций. В настоящее время по морским волоконно-оптическим линиям проходит около 95% межконтинентального трафика данных⁴. Приблизительно 380 подводных волоконно-оптических кабелей передают данные по всему миру с помощью примерно 1000 прибрежных точек посадки⁵. Учитывая относительно небольшое количество морских кабелей и множество наземных точек, ближневосточные государства стремятся нарастить потенциал в этой критической области цифровой инфраструктуры. Китай, в частности через компанию Huawei, поставляет оптоволоконные кабели на мировой рынок. Американская фирма SubCom и фирмы нескольких дружественных США стран традиционно доминировали в области волоконной оптики⁶, однако в последние годы китайская компания Huawei Marine Systems (HMS) стала четвертым по величине игроком в отрасли.

Как и в случае с другим элементом цифровой инфраструктуры, например сети 5G, продолжают возникать вопросы гарантированного обеспечения безопасности оптоволоконных кабелей и ответственности государственных/частных субъектов за защиту конфиденциальности внутри сети. В условиях растущей напряженности между Китаем и США в борьбе за лидерство в мире, строительство и техническое обслуживание волоконно-оптических кабелей разожгло глобальную конкуренцию,

а уязвимость технологии вызывает беспокойство по поводу обеспечения национальной и региональной безопасности.

Указанные опасения усугубляет прокладка кабелей китайской компанией HMS через географические узлы, значимые для обеспечения передачи информации в интересах США. Формируя кратчайший маршрут между Азией и Африкой⁷, кабель PEACE берет начало в пакистанском Карачи (в построенном Китае порту Гвадар⁸) и проходит далее в Восточной Африке, Египте и Европе и заканчивается в Марселе⁹. Предполагается, что кабель PEACE поможет Пекину достичь целей инициативы «Сделано в 2025 году» и занять 60% доли на мировом рынке оптоволоконной связи. Для воплощения в жизнь проекта PEACE китайская компания Huawei целенаправленно выбрала страны, имеющие геостратегическое значение, поскольку когда речь заходит о оптоволоконной связи, китайские политики и стратеги думают не только о бизнесе и работают на перспективу.

Роль Пакистана в рамках проекта PEACE

Пакистан, расположенный на пересечении Аравийского моря, Центральной Азии и Ближнего Востока, был определен китайцами как изначальная опорная точка для создания информационной инфраструктуры. Логично, что инвестиции Пекина в Пакистан будут иметь решающее значение для обеспечения способности Китая стать основным поставщиком технологической инфраструктуры в Европу, Ближний Восток и Азию. Кабель PEACE и другие проекты в Пакистане в рамках более крупной программы, известной как Китайско-пакистанский экономический коридор (СРЕС), уже играют решающую роль в стремлении Китая к созданию глобальной цифровой инфраструктуры.

Пакистан работал с Китаем над расширением использования новых технологий в управлении национальной экономикой. Недавно, например, Пакистан заключил соглашения по развитию крупных проектов в информационной сфере, включая развитие «умных городов». Судя по публикациям, эти проекты еще не достигли своего полного развития. Тем не менее, они, безусловно, будут способствовать китайско-пакистанскому технологическому сотрудничеству и ускорят принятие Исламабадом китайских технологий и стандартов.

В соответствии с техническим заданием стартовые позиции закладки кабеля PEACE расположены на побережье Аравийского моря в Пакистане, а Карачи стал главной точкой посадки подводных кабелей. В отличие от оптоволоконного узла в Карачи вторая пакистанская посадочная станция для кабеля PEACE, расположенная в Гвадаре, демонстрирует повышенный интерес Китая к Пакистану как удобному региональному узлу для реализации глобальных инфраструктурных проектов. Китайцы вложили значительные финансовые средства в Гвадар (центральный элемент СПЕС с предполагаемой общей стоимостью от 27 до 62 миллиардов долларов), чтобы реорганизовать его в крупный порт. Китайские инвестиции в Гвадар для расширения глобальной интернет-инфраструктуры также позволили заложить оптоволоконный кабель в самом городе¹⁰.

Крупные инвестиции Китая в Пакистан вызвали обеспокоенность у местного населения по поводу долговой нагрузки: у Пакистана просматривается высокий риск неспособности погасить кредиты в рамках ОПОП. На конец 2020/21 финансового года внешний долг Исламской Республики составлял 91,77 млрд долл. Неспособность в срок вернуть долговые обязательства Китаю за столь необходимые инфраструктурные проекты может дать китайской стороне рычаги влияния на такие сферы пакистанского государства, как финансы, экономика и политика. Показательным является случай между Шри-Ланкой и Китаем, когда в 2016 году долг китайским компаниям был погашен в обмен на акции. По аналогии, подобный сценарий может дать Китаю полный контроль над инфраструктурой Пакистана, особенно в условиях, когда Исламабад сталкивается с насущной необходимостью повсеместной модернизации и информатизации.

«Джибутийский кейс»: информационные технологии в регионе Африканского Рога

Джибути, также являясь страной с «высоким» риском долга в рамках ОПОП¹¹, играет стратегически важную роль как в рамках ЦШП, так и при реализации проекта PEACE. Джибути расположена на важном стыке, граничащем с Баб-эль-Мандебским проливом и Аденским заливом, что обеспечивает связь и торговлю между Индийским океаном, Красным и Средиземным

морями. Государства, граничащие с Аденским заливом и входом в Красное море, вполне логично стали локацией для посадочных точек, обеспечивающих обмен информацией между Европой, Ближним Востоком и Азией. Геостратегическое положение дало Йемену¹² и Сомали – государствам, находящимся на грани краха, – значимое положение в глобальной волоконно-оптической инфраструктуре.

Кабель проекта PEACE значительно увеличил интернет трафик, проходящий через Сомали¹³. Тем не менее, крупнейшим оптоволоконным узлом в непосредственной близости от Баб-эль-Мандебского пролива является Джибути. В городе Джибути и прибрежном городе Харамус расположено наибольшее количество наземных станций для оптоволоконных кабелей, пересекающих пролив¹⁴. Привлеченные потенциальной прибылью, местные компании, такие как Djibouti Telecom, стали партнерами Huawei, что является новым примером сотрудничества в сфере инноваций.

Кроме того, Китай отдает приоритет Джибути из-за роли страны в обеспечении развития торговли и продвижении своих политических интересов. Китай создал свою первую зарубежную военную базу в столице Джибути, городе Джибути, в 2017 году¹⁵. Задолженность Джибути перед Китаем (финансирование составляет почти 1,4 млрд долл., что равняется 75% ВВП восточноафриканской страны) и геополитическое значение, продемонстрированное фактом появления китайской военной базы, имеют большое значение в рамках создания координационного центра для проекта PEACE. Таким образом, в наступившую постбиполярную эпоху район Африканского Рога отнюдь не утратил своей геостратегической значимости.

Египет: геополитическая роль и информационные технологии

В Египте находятся последние посадочные точки кабеля на его пути в Европу¹⁶. Египет является своеобразной «реперной точкой» китайского проекта PEACE, позволяя получить доступ к глобальной цифровой инфраструктуре. Зона Суэцкого канала, уже сама по себе являющаяся важным транзитным пунктом для международной торговли, стала локацией для международных коммуникаций по оптоволоконным кабелям.

Восемь посадочных точек обеспечивают 34 промежуточных пункта для прокладки кабелей в зоне Суэцкого канала и в регионе Александрия-Нил¹⁷. В настоящее время в Египте находится одна из самых больших посадочных точек для оптоволоконных кабелей в странах Ближнего Востока и Северной Африки¹⁸.

Будучи крупнейшим торговым партнером Египта, Китай вкладывает значительные средства в эту североафриканскую страну¹⁹. Расположенный между Африкой, Ближним Востоком, Средиземным и Красным морями, Египет жизненно важен для торговли и логистики между Евразией и Африкой. Расположение Египта позволяет в полной мере реализовать цели Пекина в рамках инициативы «Один пояс, один путь» в Северной Африке – обеспечение транспортировки китайских товаров на европейский рынок через Средиземное море. Китай вложил значительные средства в развитие экономической зоны Суэцкого канала – последний отрезок кабеля PEACE перед Европой, а также в строительство новой административной столицы за пределами Каира²⁰.

КНР также инвестировала в технологическую инфраструктуру Египта и развитие технологических компетенций среди египтян. Компания Huawei обучила более 5000 египетских специалистов в области информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) в четырех центрах переподготовки, построила первую «OpenLab» – платформу Интернета вещей – в Каире и представила ряд ИКТ-решений для «умного города».

Модернизация информационной инфраструктуры Ближнего Востока: геостратегические последствия для внешней политики США

Внедрение элементов китайской инициативы ЦШП в странах Ближнего Востока создает вызовы и угрозы влиянию США в Ближневосточном регионе, где их авторитет был непререкаем. Китай своими действиями оспаривает прежние геостратегические позиции таких локаций, как Суэц и Джибути, как в экономическом, так и в военном отношении, поскольку данные «узкие места» в геополитике могут быть использованы для влияния на американские, китайские или глобальные экономические интересы.

Пакистан был «всепогодным союзником» США в холодной войне, хотя временами вел двойную игру в антитеррористиче-

ских операциях. Влияние Китая на Пакистан через финансирование и торговлю может переформатировать взгляды Исламабада в условиях новой эры стратегического соперничества, что также дает Пекину возможность укрепить связи со своим южноазиатским соседом.

Конкуренция великих держав в Африке нигде так не заметна, как в Джибути. В столице восточноафриканской страны размещена как первая иностранная китайская база, так и американский лагерь Лемонье с 4000 военнослужащих и доступом к аэродрому Шабелли с возможностью запуска ударных беспилотников. В итоге китайские интересы в Джибути поставили под угрозу авторитет американской военной мощи в регионе.

Китайско-египетское сотрудничество бросает вызов США, поскольку Арабская Республика долгое время была опорой внешней политики и четвертым по величине реципиентом иностранной помощи со стороны США. Китай как крупнейший торговый партнер Египта и крупный инвестор в инфраструктуру конкурирует за влияние с США. Тесные отношения между режимом Ас-Сиси и Пекином могут еще больше подтолкнуть Каир к пекинской орбите, о чем свидетельствуют шесть визитов египетского президента в Китай²¹.

Высокотехнологичная продукция Китая на Ближнем Востоке: концептуальные обобщения и практические выводы

Представляется возможным констатировать, что китайские инвестиции в цифровую инфраструктуру в таких областях, как модернизация и прокладка волоконно-оптических кабелей, развитие инновационного бизнеса и технических компетенций пользователей в таких критически важных странах, как Пакистан, Джибути и Египет, увеличат влияние Пекина по мере трансформации цифровой экономики.

В результате внедрения комплекса инновационных мероприятий Египет вполне может трансформироваться в технологический центр следующего поколения²². Инициатива Пекина по обучению специалистов в области ИКТ в Египте дополняет его усилия по влиянию на цифровую инфраструктуру страны и развитию ее экономики, помогая снизить уровень безработицы среди молодежи. Играя ведущую роль в цифровой инфра-

структуре Египта, Китай стремится внедрить свои стандарты ИКТ и тем самым сформировать контуры будущего североафриканской страны.

В свою очередь, растущие экономические рычаги влияния (за счет инфраструктуры и цифровых технологий) и инструменты «мягкой силы» Китая вполне могут в конечном итоге обеспечить вытеснение США с руководящих позиций в рассматриваемых нами странах. С другой стороны, США, стремящиеся вернуться из Ближнего Востока в Индо-Тихоокеанский регион, своими действиями выталкивают такие страны, как Пакистан, Джибути и Египет, в вопросах развития водных путей и цифровых технологий в орбиту Китая.

¹ «Организация международного сотрудничества Шелковый путь» – выдвинутое в 2010-х годах Китайской Народной Республикой (КНР) предложение объединенных проектов «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века». Предложение было впервые выдвинуто председателем КНР Си Цзиньпином во время визитов в Казахстан и Индонезию осенью 2013 года.

² 5G (от англ. fifth generation – «пятое поколение») – пятое поколение мобильной связи, действующее на основе стандартов телекоммуникаций (5G/IMT-2020), следующих за существующими стандартами 4G/IMT-Advanced.

³ Веб-страница: <http://www.cophcgwadar.com/index.aspx> (дата обращения: 07.04.2022).

⁴ Page, Jeremy, O’Keeffe, Kate, Taylor, Rob. America’s Undersea Battle With China for Control of the Global Internet Grid // *Wall Street Journal*, March 12, 2019. Веб-страница: <https://www.wsj.com/articles/u-s-takes-on-chinas-huawei-in-undersea-battle-over-the-global-internet-grid-11552407466> (дата обращения: 07.04.2022).

⁵ Там же.

⁶ По состоянию на 2019 год крупнейшими игроками в отрасли прокладки подводных кабелей являются компания SubCom из США, компания Alcatel Submarine Networks из Финляндии, входящая в состав Nokia, и корпорация NEC из Японии.

⁷ Hillman, Jonathan. War and PEACE on China’s Digital Silk Road // *CSIS*, May 16, 2019. Веб-страница: <https://www.csis.org/analysis/war-and-peace-chinas-digital-silk-road>. (дата обращения: 07.04.2022).

⁸ Веб-страница: <http://www.cophcgwadar.com/index.aspx> (дата обращения: 08.04.2022).

⁹ Веб-страница: <http://www.peacesable.net/> (дата обращения: 08.04.2022).

¹⁰ До получения китайских инвестиций Гвадар представлял собой небольшую рыбацкую деревушку, а в небольших городах редко размещаются станции посадки оптоволоконного кабеля.

¹¹ Hurley, Morris, Portleance. Examining the Debt Implications of the Belt and Road Initiative from a Policy Perspective // Center for Global Development. p. 16.

¹² В йеменских прибрежных городах Аден, Мокко и Аль-Ходейда есть посадочные станции, к которым подключены пять оптоволоконных кабелей.

¹³ В непризнанном государстве Сомалиленд в рамках проекта PEACE два кабеля берут начало к порту Бербера и третий – в Босасо (экономическая столица Пунтленда). Кабель PEACE является единственным кабелем, который ведет к прибрежным городам Кисмайо и Хобьо в Сомали, а также дополняет четыре оптоволоконных кабельных соединения Могадишо.

¹⁴ На посадочных станциях Джибути-Сити-Харамус проходят двенадцать международных волоконно-оптических кабелей, позволяющих передавать информацию на другие региональные посадочные станции (Босасо и Бербера в Сомалиленде – пять единиц, йеменские Аден, Мокко и Аль-Ходейда – пять единиц).

¹⁵ Bearak, Max. In strategic Djibouti, a microcosm of China's growing foothold in Africa // *The Washington Post*, Dec. 30, 2019. Веб-страница: https://www.washingtonpost.com/world/africa/in-strategic-djibouti-a-microcosm-of-chinas-growing-foothold-in-africa/2019/12/29/abe664ea-beab-11e9-a8b0-7ed8a0d5dc5d_story.html (дата обращения: 09.04.2022).

¹⁶ Посадочные станции PEACE в Европе: Мелиеха, Мальта; Героскипос, Кипр; Марсель, Франция.

¹⁷ Посадочные станции в Египте располагаются в Табу, Рас-Гаребе, Зафаране, Суэце, Порт-Саиде, Александрии, Сиди-Керире и Абу-Галате.

¹⁸ Хиджаз в Саудовской Аравии (побережье Красного моря), а также Аль-Хобар в Персидском заливе имеют хорошо связанные посадочные станции. Высокие концентрации волоконно-оптических кабелей расположены между Катаром, Объединенными Арабскими Эмиратами и Оманом.

¹⁹ Ghafar, Abdel Abdel, Jacobs, Anna L. Beijing calling: Assessing China's growing footprint in North Africa // Brookings, September 23, 2019. Веб-страница: <https://www.brookings.edu/research/beijing-calling-assessing-chinas-growing-footprint-in-north-africa/> (дата обращения: 10.04.2022).

²⁰ Molavi, Afshin, China's Global Investments Are Declining Everywhere Except for One Region // Foreign Policy, May 16, 2019. Веб-страница: <https://foreignpolicy.com/2019/05/16/chinas-global-investments-are-declining-everywhere-except-for-one-region/>. (дата обращения: 10.04.2022).

²¹ Веб-страница: http://russian.news.cn/2022-02/05/c_1310456926.htm (дата обращения: 10.04.2022).

²² Huawei executives met with Egyptian prime minister to promote digital ecosystem development in Egypt // Huawei, April 22, 2019. Веб-страница: <https://www.huawei.com/en/news/2019/4/huawei-egyptian-prime-minister-digital-ecosystem-egypt> (дата обращения: 10.04.2022).

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ В ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКЕ В ПРЕДДВЕРИИ ВЫБОРОВ 2023 ГОДА

Самое позднее, 18 июня 2023 года в Турции состоятся всеобщие президентские и парламентские выборы, которые имеют немалые шансы стать поворотной точкой для страны. Пожалуй, впервые с момента прихода к власти в Турции в 2002 году Партии справедливости и развития (ПСР) под руководством Реджепа Тайипа Эрдогана его победа и победа его партии оказываются под столь большим вопросом.

Среди причин, которые ставят под сомнение продление турецкой властью своего мандата на очередной шестилетний период, следует выделить, в первую очередь, следующие:

1. Непростая и продолжающаяся ухудшаться экономическая ситуация в стране

Экономика всегда считалась «коньком» действующего руководства страны. Придя ко власти, Партия справедливости и развития предприняла пакет реформ по либерализации турецкой экономики, подразумевающий более активное участие частного бизнеса в экономической жизни страны. Это привело к тому, что турецкий бизнес из «подрядчика» у государства во многих, доселе закрытых для частного сектора отраслях превратился в полноценного партнёра в рамках широкого спектра доступных моделей государственно-частного партнёрства.

Результатом проведенных либеральных реформ стал всплеск экономической активности в стране и возникновение у бизнеса новых крупных направлений работы. Ярким примером следует считать возникновение множества компаний-инвесторов в турецкую энергетику. Тогда как вплоть до реформ правительства Р.Т. Эрдогана частный сектор выполнял лишь

отдельные проектные работы по поручению государства, которое и выступало в качестве инвестора.

То же самое можно сказать и об инфраструктурных проектах, включая аэропорты, туннели, мосты и автодороги. На очереди – скоростные линии железнодорожного сообщения.

Все это способствовало резкому всплеску предпринимательской активности, которая, в особенности в первое десятилетие 21-го века, наблюдалась в Турции на фоне положительных ожиданий. Эту атмосферу молодое турецкое руководство ещё и грамотно «подогревало» рядом громких шагов, например, деноминацией турецкой лиры, когда на месте «старой лиры с шестью нулями» возникла «новая окрепшая лира» со специально разработанным современным логотипом в жанре доллара и евро.

На начальном этапе своего существования молодая про-исламская Партия справедливости и развития и Реджеп Тайип Эрдоган, очевидно, пользовались поддержкой со стороны Запада – США и ЕС. В этом смысле достаточно лишь вспомнить запуск в декабре 2004 года официального переговорного процесса о вступлении Турции в ЕС – своего рода аванс со стороны Запада турецкому руководству.

Турецкая светская оппозиция такие «прозрачные намеки» понимает весьма хорошо – при том, что на глазах происходил демонтаж основ светской Турецкой Республики, но в прежнем ключе переворотов, запретов политических партий и арестов, отстранения тех или иных политиков военный и судейский корпус действовать против новой турецкой власти не смог. Сыграли свою роль как поддержка Запада, так и поддержка воспрявшего населения, которое, повторимся, было запитано атмосферой положительных экономических, в первую очередь, ожиданий. Что же до политических ожиданий, то они оказались на втором плане.

Первое десятилетие 21-го века стало временем, когда на фоне экономических успехов Турции и роста благосостояния турецкого населения за Реджепа Тайипа Эрдогана (тогда в рамках парламентской республики – премьер-министра) и его Партию справедливости и развития голосовало даже немало идеологически несогласных с ними. Потому что турецкий электорат – достаточно практичен и смотрит перед походом на выборы в свой кошелек и на ценники на полках магазинов.

В свою очередь, турецкое руководство широко использовало тезис об экономических успехах в своей предвыборной

агитации на выборах и референдумах вплоть до последних лет. Главной идеей турецкой власти было: оппозиция оторвана от реальных дел, её критика – неконструктивна, а правительство крепко стоит на земле и готово отчитываться о своих практических делах перед выбравшим его населением страны.

Дальше стояло перечисление того, что на практике в сфере экономики было сделано, в частности, с опорой на макроэкономические показатели. Оттуда, к слову сказать, появилась мода на массовый ввод в эксплуатацию разного рода объектов, который из года в год торжественно проводило турецкое руководство: число одновременно вводимых (даже при личном участии президента Р.Т. Эрдогана на различных спортивных аренах страны) объектов шло на десятки. Там вывешивались портреты М.К. Ататюрка и Р.Т. Эрдогана, вровень и выполненные в одном размере.

По сути, родом из первого десятилетия 21-го века и План «Турция – 2023»¹. В 2011 году его предложила Партия справедливости и развития накануне всеобщих выборов. Этот план надолго стал основой для всех предвыборных программ Реджепа Тайипа Эрдогана и ПСР. Согласно этому Плану, чья реализация приурочена к 100-летию юбилею Турецкой Республики, к 2023 году Турция должна была прочно войти в десятку крупнейших мировых экономик, двукратно должен был вырасти душевой ВВП, инфляция должна была выражаться одной цифрой (то есть быть снижена до уровня менее 10%) и т.д.

Кроме макроэкономического уровня, план «Турция – 2023» предусматривает ещё и реализацию целого ряда конкретных проектов. В первую очередь, речь идет об инфраструктурных проектах. Например, указанный план предусматривает, что в юбилейный для Турции год в стране будет введена в строй первая турецкая атомная электростанция «Аккую». Впрочем, учитывая динамику реализации этого проекта, уже за несколько лет до 2023 года можно было сказать о том, что АЭС «Аккую» введена в строй не будет, а можно будет говорить лишь о том, что под 2023 год будет выбрана какая-то веха в реализации объекта, которую можно будет продемонстрировать турецкой общественности в качестве важной.

Как бы то ни было, если говорить о благосостоянии турецких граждан, то это совсем не то, что им можно предъявить в качестве аргумента голосовать за действующую в Турции власть.

Даже официально обнародованных в мае 2022 года цифр со стороны Турецкого комитета по статистике (TUIK), согласно которым годовая инфляция составила 61,4%², достаточно, чтобы понять масштабы возникших в Турции экономических проблем. Фактически же уровень цен в магазинах свидетельствует о том, что годовая инфляция в начале 2022 года для разных категорий товаров первой необходимости достигла 100% и даже 200%.

Цена на 95-й бензин в июне 2022 года достигла малоподъемных для рядовых турецких граждан 26 лир за 1 литр³. Иными словами, стоимость одного 60-литрового бензобака в Турции в июне 2022 года составляет 1500 лир, продемонстрировав 4-кратный рост по сравнению с недавним прошлым. При этом минимальная чистая заработная плата в стране составляет 4253 лиры.

Необходимо констатировать, что на предыдущих выборах турецкая власть уже допускала осечки. Так было в 2015 году, когда, проиграв выборы в июне 2015 года, Эрдоган и ПСР привели ситуацию к перевыборам в ноябре, значительно улучшив результат на фоне роста националистических настроений в стране. И это стало для власти сигналом о том, что Партия справедливости и развития на данном этапе утратила возможность выигрывать выборы в стране в одиночку.

В 2018 году, называя вещи своими именами, в Турции к власти пришло коалиционное правительство Партии справедливости и развития и Партии националистического движения. Численность депутатов от ПСР составляла 286 человек, то есть менее половины установленного законом численного состава депутатского корпуса – 600 человек (фактически 581). Чтобы удержать бразды правления в стране, необходимое большинство в Великом национальном собрании Турции (ВНСТ) власть «добрала» за счет Партии националистического движения, у которой было ещё 47 мандатов⁴.

Подчеркнем, падение популярности Партии справедливости и развития происходило параллельно тому, как турецкая экономика начала пробуксовывать, а потом и вовсе попала в полосу турбулентности. Отдельный вопрос «можно ли исправить ситуацию в экономике и вывести её на траекторию роста к 2023 году?» имеет ответ «нет». Турецкой власти за оставшиеся несколько месяцев, очевидно, не удастся кардинально изменить ситуацию в экономической сфере.

2. Созревший запрос на «нормализацию» отношений с традиционными партнерами

Период с 2002 по (условно) 2011 год (как год начала так называемой «арабской весны» – авт.) был для Турции временем, когда руководство осуществляло реформы и преобразования внутри страны, решая внутренние проблемы. При этом в делах внешнеполитических основной акцент Турция пыталась делать на так называемую «мягкую силу» и на урегулирование своих застарелых проблем. К числу таковых можно отнести армянский вопрос и отношения с Сирией. И, заметим, что и первый, и второй вопрос она почти решила, подписав (но в дальнейшем не ратифицировав) протоколы с Арменией и нормализовав отношения с Сирией вплоть до того, что семейства Эрдогана и Асада совместно отдыхали в Турции.

Однако уже к рубежу конца первого десятилетия 21-го века турецкое руководство резко изменило характер своих действий и риторики на международной арене. Идея про «ноль проблем с соседями» сошла на нет, на её место пришла проактивная политика, которая не боится идти на конфронтацию с внешними игроками. Готовность турецкого руководства к конфронтации при отстаивании своих национальных интересов можно объяснить несколькими факторами:

– Решением турецким руководством своих внутренних проблем и закреплением во власти. Оно почувствовало себя дома достаточно уверенно, чтобы не отвлекаться на внутренние проблемы.

– Уверенностью турецкого руководства в своих силах, в частности, в том, что Турция становится «восходящей звездой региона», за которой будущее. Многими отечественными обозревателями это характеризовалось в качестве известного «головокружения от успехов», но мы скажем, что изменилась «поведенческая психология» турок на международной арене.

– Возникновением тех возможностей, которые были оценены турецким руководством как «исторические». Более того, эти возможности совпали с мировоззрением турецкого руко-

водства по широкому спектру вопросов, будь то палестино-израильский конфликт, где Турция придерживается палестинской стороны, или же события «арабской весны», которые грозили смести монархии и диктатуры региона с приходом им на смену политического ислама.

При этом конфронтационный характер ряда турецких шагов привел к тому, что Турция получила напряженность по всему периметру своих границ. Крайне напряженные отношения стали складываться у Турции с Египтом, Сирией, Израилем, монархиями Аравийского полуострова, включая Саудовскую Аравию и Объединённые Арабские Эмираты.

Тот факт, что отношения с Грецией и Республикой Кипр у Турции складываются сложно, является очевидным. Однако Турция своими независимыми проактивными действиями на международной арене привела ещё и к тому, что турецкое руководство утратило «благожелательное» отношение со стороны США и ЕС. В числе подобного рода шагов можно отметить, к примеру, кейсы Восточного Средиземноморья и покупки Турцией российских систем С-400.

Напомним ещё раз: руководство во главе с Реджепом Тайипом Эрдоганом приходило во власть в Турции при поддержке и одобрении со стороны Запада. Но этого «кредита доверия» хватило приблизительно на десятилетие. Потом наступил период охлаждения отношений, которые вылились в нынешнее откровенное противостояние – Запад не просто дожидается ухода президента Р.Т. Эрдогана, но и самым активным образом его добивается.

На этом фоне в турецком обществе все больше зреет запрос на то, чтобы Турция «нормализовала» свои отношения с внешними игроками. И, к слову сказать, турецкое руководство, уловив этот запрос, к «нормализации» приступило. Однако проблема состоит в том, что можно нормализовать или создать видимость нормализации отношений с региональными игроками – теми же Саудовской Аравией и Объединёнными Арабскими Эмиратами. Однако тот же Запад не хочет в отношениях с Турцией создавать даже видимость нормализации, делая очевидную ставку на турецкую оппозицию и не желая давать в предвыборный период дополнительных очков Реджепу Тайипу Эрдогану и его Партии справедливости и развития.

3. Небывалая до сих пор консолидация оппозиции

В преддверии президентских и парламентских выборов в Турции 2023 года надо отметить, что турецкой власти до сих пор ещё не разу не противостояла оппозиция, которая была бы настолько сплочена единой идеей о том, что «Эрдоган и его партия должны уйти», что идеологические и личные разногласия уходят на второй план. Сегодня эта идея о необходимости смены власти прочно захватила умы партий широкого политического спектра – в альянс, получивший название «Национального», объединились Народно-республиканская партия, Хорошая партия, Партия будущего, Партия демократии и прорыва, Демократическая партия и Партия счастья.

Заметим, что кроме очевидной разницы в политических платформах есть ещё один важный момент: две из перечисленных выше партий возглавляются бывшими соратниками-соучредителями Партии справедливости и развития – бывшими премьер-министром Ахметом Давутоглу (Партия будущего) и государственным министром Али Бабаджаном (Партия демократии и прорыва). Нельзя сказать, чтобы это был положительный сигнал для действующей власти. И, кроме того, заметим, насколько должен в оппозиции созреть запрос на смещение действующей власти, чтобы та же Народно-республиканская партия или та же Хорошая партия Турции не только бы имели дело, но и вступили в партнёрские отношения с бывшими соратниками Р.Т. Эрдогана.

Кроме того, очевидно, что Национальный альянс так или иначе контактирует с нерукопожатной в Турции прокурдской Партией демократии народов (ПДН), которую действующая власть обвиняет в том, что она поддерживает связь с Рабочей партией Курдистана, признаваемой Турцией и ещё рядом стран террористической организацией. Уже не один месяц тянутся судебные процессы не только против отдельных членов ПДН, но и против партии в целом, т.к. судом рассматривается вопрос о её закрытии.

Так что в определенном смысле можно говорить о Национальном альянсе в формате «6+1» против Народного альянса в составе правящих ныне Партии справедливости и развития и Партии националистического движения. При этом надо заме-

тить, что проправительственные аналитики нередко также говорят про формулу «6+1», но под «1» они имеют в виду отнюдь не Партию демократии народов, а коллективный Запад, который, на взгляд турецкой власти, выступает внешним партнером оппозиции.

О том, что оппозиция не просто контактирует с Западом, но и синхронизирует с ним свои действия, говорят представители руководства страны, включая министра внутренних дел Сулеймана Сойлу, который обвинил, в частности, Национальный альянс в том, что он отправляет свои программные документы в зарубежные посольства, очевидно, для обсуждения. В дальнейшем поступило уточнение о том, что речь идет о посольстве ФРГ в Анкаре. Турецкая оппозиция выступила с опровержением, однако «дыма без огня не бывает». Возросшая активность западных дипломатических представительств, нацеленная на турецкую оппозицию, – налицо.

Так что турецкая власть обвиняет оппозицию в том, что она занимается «коллорабационизмом» с Западом. А Запад, в свою очередь, обвиняется в том, что он вмешивается во внутривнутриполитический процесс в Турции, выступая в качестве игрока, оказывающего поддержку турецкой оппозиции.

При этом, как пишут проправительственные аналитики, Запад игнорирует турецкую власть, рассматривая её в преддверии выборов в качестве «хромой утки», и не ведет с ней серьезных переговоров по накопившемуся грузу проблем и вопросов, оставляя их решение на приход новой власти. Можно заметить справедливость этого наблюдения: действительно, никаких прорывов между Турцией и Западом не наблюдается даже на фоне военных действий на Украине, где, казалось бы, роль Турции для Запада может оказаться весьма важной. Но даже невзирая на это, никаких резких сближений между Западом и официальной Анкарой не происходит.

4. Фактор усталости населения от одной власти и поиск альтернатив

Нынешняя власть в непрерывном формате находится у турецкого руля дольше, чем любая другая в истории страны. Хотя Народно-республиканская партия Турции и находилась у руля с основания Турецкой Республики в 1923 году и

до 1950 года, надо отметить, что вплоть до 1946 года в Турции была однопартийная система, а следовательно, на протяжении 23 лет конкурентной политической среды в стране не было. Потом последовали выборы 1946 года, которые закончились победой НРП, и поражение на выборах в 1950 году.

С тех самых пор влияние НРП в Турции сходило на нет с тем, чтобы зафиксироваться на нынешнем уровне электоральной поддержки в 20–25% голосов избирателей, за рамки которых в нынешних условиях выйти просто невозможно: на повестку НРП просто нет такого запроса в турецком обществе, которому ближе повестка националистическая.

На этом фоне Партия справедливости и развития смотрится намного более привычной к острой конкурентной борьбе: выборы 2002, 2007 и 2011 годов нынешняя турецкая власть выигрывала весьма убедительно. Парламентские выборы 2015 года прошли с июньской осечкой, которая была исправлена в ноябре того же года путем перевыборов. А выборы 2018 года привели к тому, что в Турции возник Народный альянс, то есть коалиция.

Фиксируем: в Турции сейчас у власти находится коалиционное правительство, образованное Партией справедливости и развития и Партией националистического движения. И нет оснований считать, что ПСР вернёт себе такой уровень популярности населения, который ей позволит выиграть выборы «в одну калитку», чтобы сформировать не коалиционное, а однопартийное правительство. ПНД, как следует ожидать, сохранит свою позицию «скамейки запасных» для Партии справедливости и развития. Однако открытым остается вопрос о том, сумеют ли эти две партии обеспечить себе победу и приход к власти.

Ещё один показательный момент, который нельзя игнорировать, заключается в том, что на выборах в местные органы власти в 2019 году кандидаты от Партии справедливости и развития потерпели серию досадных поражений. Самой памятной является победа Экрема Имамоглу над Бинали Йылдырымом на выборах мэра Стамбула. Причем, если победа в первых по счету выборах была достигнута с минимальной разницей в голосах, то в ходе перевыборов Экрем Имамоглу обеспечил себе непреодолимый, бесспорный отрыв, подтвердив тем самым тот факт, что турецкий электорат плохо реагирует на давление, а именно как давление

было воспринято объявление результатов первых выборов в Стамбуле недействительными и, соответственно, назначение перевыборов.

Это – к вопросу о том, почему в Турции невозможен «транзит власти» в российском смысле этого слова с назначением «преемника». Такого рода шаг будет воспринят как давление и, соответственно, продвигаемый кандидат получит «черную метку». Тот же зять президента Р.Т. Эрдогана Берат Албайрак не пошёл в своей политической карьере дальше поста министра казначейства и финансов, то есть должности, куда начальника назначают, а не избирают. Что же касается его избираемости, тот Берат Албайрак перспектив не имеет. Во многом как раз из-за той особой чувствительности турецкого населения к не «самовыдвиженцам».

Говоря о выборах в местные органы власти в Турции 2019 года, дело Стамбулом не ограничилось: оппозиция взяла Анкару, Измир, Анталию, Адану и ещё целый ряд крупнейших турецких городов. Таким образом, была заложена основа под то, что, на оппозиционный взгляд, должно произойти на выборах в 2023 году. Неслучайно ведь говорят, что те, кто взял Стамбул, победят в обозримой перспективе и на всеобщих выборах. Поскольку Стамбул – это и есть Турция в масштабе 1 к 5.

В этом смысле уместно вспомнить, что и сам Реджеп Тайип Эрдоган до своей победы на всеобщих выборах был мэром Стамбула. Именно этим объясняется та нескрываемая досада, которую вызвала у власти победа оппозиции в крупнейшем городе страны. И более того, даже та конфронтация, которая наблюдается между турецким руководством и той же стамбульской мэрией.

Ситуация до начала российской спецоперации на Украине прочитывалась так, что турецкое население демонстрирует усталость от турецкой власти, которая выльется в то, что власть потерпит поражение в 2023 году. Тем более, что по макроэкономическим показателям ничего из обещанного к 100-летию юбилею Республики достичь не удалось. Благо-состояние населения резко упало, и здесь власти возразить нечего, кроме как сослаться на участие «внешних сил».

Однако, как представляется, спецоперация России на Украине и столкновение с коллективным Западом – это очень сильная «вводная», которая способна серьезно повлиять на предвыборный расклад в Турции.

Турецкая власть начинает посылать сигнал турецкому обществу о том, что через нынешний период глобальных потрясений провести страну сможет только она одна: оппозиция в этом смысле – не игрок. Для этого нужен сильный лидер, глобальный политик в лице действующего президента Реджепа Тайипа Эрдогана. Только он может на равных сидеть за переговорным столом с лидерами мировых государств в момент, когда принимаются фундаментальные решения, закладывающие основу нового будущего миропорядка. И это – то, что требуется Турции сейчас. Оппозиция с этим, по утверждению провластных комментаторов, не справится – у неё нет ни «политических мускулов», ни глобального видения. В отличие от власти, которая продвигает миру свою концепцию «Мир больше пяти» и реализует целый ряд национальных проектов – от «Синей родины» до «Кибер-родины».

Итак, повторимся, можно назвать, как минимум, четыре основные причины, которые могут быть охарактеризованы как «уязвимости» нынешнего руководства Турции: непростая экономическая ситуация, (нереализованный) запрос на нормализацию отношений с внешним миром, небывалая доселе консолидация оппозиции, признаки усталости населения от действующей власти с поиском ей альтернатив.

Что этому пытается противопоставить турецкая власть?

Понятно, что улучшить экономическую ситуацию в стране в одночасье – невозможно. А до выборов 2023 года осталось буквально «одночасье» – на момент написания данной статьи приблизительно 1 год. Следовательно, на первый план должна быть выведена разумная причина ухудшения экономической ситуации в стране, не связанная с деятельностью руководства. Тут напрашивается сам собой тезис о «внешних силах».

Запрос на «нормализацию» отношений с внешним миром турецкой властью реализуется. Повестка «нормализации» властью подхвачена. Другой вопрос, что нормализовать отношения с Западом вряд ли получится по причинам, связанным с позицией самого Запада, который настроен на диалог с оппозицией. Так что акцент турецкой властью в настоящее время делается, в первую очередь, на региональные державы, включая КСА, ОАЭ, Египет и Израиль. Последние две страны имеют, помимо всего прочего, и большое значение для Турции в плане реализации ею своих планов под кодовым названием «Синяя родина» или, в оригинале, Mavi Vatan. Что же до кол-

лективного Запада, то работа по нему Турцией также ведется, хотя и вряд ли со сколь-нибудь радужными перспективами.

С консолидацией оппозиции, разумеется, турецким руководством не может не проводиться негласная работа. Используя, допустим, то обстоятельство, что две из шести оппозиционных партий возглавляют бывшие соратники Р.Т. Эрдогана и их контингент также включает сторонников ПСР. Это открывает возможности для широкой политической интриги.

Но, кроме этого, турецкая власть пытается нейтрализовать оппозицию через продвижение тезиса о том, что та находится в сговоре с Западом. Это для Турции – достаточно тяжелое обвинение и, будучи подкреплено фактами, оно способно сильно «уронить» оппозиционные движения в глазах избирателей. Кроме того, турецкая власть разворачивает кампанию обвинения оппозиции в том, что та, руководствуясь исключительно своими электоральными соображениями, не поддерживает те начинания власти, которые имеют государственное значение.

В этом смысле, к примеру, власть ведет речь о действиях Турции, которая являясь участником блока НАТО, проводит ветирование членства Финляндии и Швеции, что никак не комментируется турецкой оппозицией. Дошло до того, что лично президент Р.Т. Эрдоган обратился к оппозиции с требованием четко и публично обозначить свою позицию. В этом смысле оппозиция оказывается в патовой ситуации: отреагировать она на заявление турецкого лидера должна. И отрицать очевидное тоже не получится. А очевидное заключается в том, что турецкая власть выступает с логичной и оправданной позицией по двум кандидатам в НАТО. Получается, что промолчать для оппозиции означает потерять лицо, а поддержать действия турецкой власти – значит добавить ей внутривнутриполитических очков и сработать на её победу на выборах.

И, наконец, по поводу усталости электората от нынешней турецкой власти. Тут есть, как минимум, два аспекта.

О первом из них мы писали. Речь идет о том, что президент Р.Т. Эрдоган – это безусловный политик мирового уровня, который поставил себя на равных с другими мировыми лидерами. И эта позиция имеет критически важное значение в условиях той войны, которая сейчас ведется между Россией и Западом. Понятно, что за Россией может последовать и Китай со своими требованиями к Западу в отношении Тайваня.

Мыслимо ли в подобного рода ситуации отказываться от президента мирового уровня, меняя его на не столь опытного политика? Мыслимо ли в подобной ситуации «менять коней на переправе»? – Вот какой вопрос пытается поставить перед турецкими избирателями власть.

Второй аспект заключается в том, что Реджеп Тайип Эрдоган за период своего нахождения во власти уже сильно сменил кадровый состав своей партии. Во властном аппарате – немалая «текучка», и турецкий лидер неоднократно показывал, что неприкасаемых для него нет. В этом, кстати, есть фундаментальное отличие турецкой власти от власти, допустим, российской. Если есть в Турции запрос на уход того или иного политика, президент Эрдоган не будет его игнорировать, и этот уход так или иначе состоится. Простой пример – это вывод из игры зятя Берата Албайрака, который на тот момент являлся министром казначейства и финансов.

Для сравнения: в России же власть приучает население к тому, что давить на неё по поводу тех или иных непринятых обществом лиц является делом бессмысленным. Так что готовность к обновлению – это то, что турецкая власть в лице Эрдогана и его Партии справедливости и развития демонстрирует электорату в качестве своей отличительной черты. Единственным несменяемым является «рулевой партии» Реджеп Тайип Эрдоган. О его личной популярности мы поговорим чуть ниже.

К слову сказать, турецкая власть может задать и встречный вопрос: насколько турецкая оппозиция демонстрирует готовность обновляться под запрос общества? – Тот же председатель Народно-республиканской партии Кемаль Кылычдароглу находится на своем посту уже с 2010 года. За это время глава ведущей оппозиционной партии отмечен множеством интересных начинаний и акций – от пешего перехода между Анкарой и Стамбулом до отказа платить за электричество по «таким ценам», за исключением лишь только одного: при Кемале Кылычдароглу рейтинг Народно-республиканской партии не изменился кардинально ни в лучшую, ни в худшую сторону. А именно за это отвечает председатель партии. Ни при каких обстоятельствах НРП не может выйти за рамки «отведенных» ей 25% голосов избирателей.

Кроме того, как выяснилось, Кемаль Кылычдароглу, так уж получилось, сам не может претендовать на президентский

пост. То есть не может вести за собой партию, будучи её символом. Каким, кстати, стал президент Р.Т. Эрдоган для правящей Партии справедливости и развития. Немало разговоров было о подковерной борьбе в НРП с желанием сместить К. Кылычдароглу, однако на практике это так и не реализовалось. При этом он показал способность нейтрализовывать внутреннюю оппозицию и отстаивать свою «командную высоту». Но, подчеркнем, это не решает главной задачи оппозиции по приходу к власти в Турции.

Как мы можем видеть, на тезисы оппозиционных партий у Партии справедливости и развития могут найтись свои контр-тезисы. В этом смысле очень важным является держать руку на пульсе тех настроений, которые царят в обществе. Понятно, что оперировать мы можем только открытой информацией. В этом смысле можно обратиться к данным исследований, регулярно публикуемых анкарской социологической компанией «Metropoll»⁵.

Начнем прежде всего с тех данных, которые в мае 2022 года опубликованы как ответ на вопрос: **«За кого бы вы проголосовали, если бы выборы состоялись в воскресенье?»**. Вот какие данные публикует «Metropoll» по результатам своих исследований.

	Before distribution of undecided votes - %	Proportional distribution of undecided, unresponsive or protesting votes - %
AK Party	26.5	32.7
CHP	18.4	22.6
İYİ Party	12.2	15.1
HDP	11.2	13.8
MHP	6.5	8.0
Zafer Party	1.4	1.8
SP	1.3	1.6
DEVA Party	1.1	1.3
Yeniden Refah Party	0.8	1.0
Memleket Party	0.7	0.8
Türkiye İşçi Party	0.5	0.6
Other	0.6	0.7
Undecided	8.3	
Protest vote	5.9	
No response	4.8	

Что мы видим из приведенных ниже цифр?

Прежде всего, популярность правящей Партии справедливости и развития (ПСР, в таблице AK Party – авт.) находится на беспрецедентно низком уровне: 26,5% до распределения голосов тех партий, которые не преодолевают 10%-й избирательный барьер, – это уровень популярности Народно-республиканской партии на пике её возможностей. Да даже и 32,7% после прибавления голосов – это крайне низкий результат. Если обратиться к данным по предыдущим выборам, то получится, что нормальным коридором значений для ПСР является диапазон, начинающийся с отметки в 40%. Это значение, заметим, не обеспечивает Партии однопартийного правления, но является для неё рабочим в плане теоретической возможности достигнуть большинства в Парламенте через блокирование с Партией националистического движения, нормальные значения для которой – около 10% или чуть выше. Но 32,7% – это беспрецедентно низко и не дает ПСР возможности оставаться у руля.

На этом фоне ближайший преследователь ПСР – главная оппозиционная Народно-республиканская партия Турции (в таблице CHP – авт.) – также демонстрирует значения, несколько меньшие, чем те, что являются для партии нормой: 18,4% (без пересчета) и 22,6% (с пересчетом). Однако так или иначе НРП стремится к своей максимальной норме, которая находится на уровне в 25% электоральной поддержки. Здесь большого сюрприза не наблюдается. Хотя, заметим, что положительная для оппозиции конъюнктура должна приводить к тому, что её показатели растут. В противном случае, это означает то, что перед оппозицией есть возможности, которые по тем или иным причинам не конвертируются в рост популярности.

А вот подлинный сюрприз – это данные по Хорошей партии Турции (İYİ Parti в таблице – авт.): 12,2% (до пересчета) и 15,1% (после пересчета). На своих дебютных выборах в 2018 году, напомним, Хорошая партия Турции получила 9,96% голосов избирателей. Теперь же впору говорить о том, что Хорошая партия Турции становится лидирующим движением на площадке националистов, уверенно обогнав Партию националистического движения, о которой скажем чуть ниже.

Для прокурдской Партии демократии народов привычными стали показатели на уровне более 10% до пересчета. Показатель в 11,2% голосов до пересчета и в 13,8% после пересчета –

это уровень нормы для партии. Например, на выборах 2018 года она получила 11,7% голосов избирателей. Заметим, что это – та поддержка, которая наблюдается на фоне продолжающегося процесса о закрытии Партии демократии народов и на фоне активизации усилий турецкого руководства, направленных на борьбу с Рабочей партией Курдистана. Напомним, что именно в связях с ней и обвиняют Партию демократии народов. Однако, невзирая на её нулевого показателя в Турции, она имеет в стране свой устойчивый электорат и, кроме того, быть нулевого показателя – это одно, а вот оказаться под запретом – это совсем другое. Впрочем, об отношении турок к закрытию по суду политических партий мы скажем чуть ниже. Здесь же фиксируем наличие у ПДН своей устойчивой электоральной базы на уровне около 10%.

«Холодным душем» для руководства страны могут стать самые низкие за все последние годы показатели Партии националистического движения – 6,5% до перераспределения голосов и 8% – после перераспределения. Это означает только одно – партия оказывается не в состоянии в одиночку преодолеть 10%-й барьер по нынешнему закону о выборах. Можно сказать, что она без Партии справедливости и развития утрачивает свою жизнеспособность и может лишь служить для ПСР «скамейкой запасных».

«Миноритарные» партии не рассматриваем за двумя исключениями: Партия будущего Ахмета Давутоглу вовсе не попала в итоговую таблицу, что означает наличие у неё пренебрежимо малой поддержки со стороны электората. Партия демократии и прорыва (DEVA) Али Бабаджана также получает меньше, чем могла бы рассчитывать: 1,1% до перераспределения голосов, и 1,3% – после. Заметим, что эти показатели приблизительно в два раза меньше, чем популярность партии оценивалась на заре её создания. И уж, тем более, это – важный сигнал для партии, которая возглавляется видным экономистом-западником Али Бабаджаном. По идее, в условиях, когда в Турции востребованы именно экономика и нормализация отношений с Западом, Али Бабаджан и его партия должны были выстрелить больше, чем в приведенной выше таблице.

Итак, суммируем приведенные в таблице выше величины для понимания предвыборного расклада, на взгляд анкарской социологической компании «Metropoll». Суммируем данные

по Народному и по Национальному альянсам после распределения голосов.

Народный альянс: ПСР + ПНД набирают 32,7% + 8,0% голосов. В общей сложности – 40,7% голосов. Можно ещё добрать голосов различных миноритарных партий, однако существенно изменить данный расклад невозможно: довести уровень поддержки до 50,0% мест в Меджлисе нет подходящего игрока даже теоретически.

Национальный альянс: НРП + ХП + Партия счастья (SP) + Партия демократии и прорыва (DEVA) при выпадении из списка Демократической партии и Партии будущего, которые не оправдывают даже минимальных надежд, набирают 22,6% + 15,1% + 1,6% + 1,3% = 40,6% голосов.

Налицо – паритет между Народным и Национальным альянсами, который будет решен в ту или в другую сторону миноритарными партиями и, что самое главное, неопределенными и протестными голосами. Сейчас они были распределены между партиями-победительницами. Однако понятно, что изменить чашу весов они могут в любую сторону в зависимости от развития ситуации ближе к выборам в июне 2023 года.

Впрочем, надо отметить следующее: оппозиция действует, скорее, близко к пределу своих возможностей. Это касается и НРП, которая не выходит за рамки собственной нормы, и ХП, которая показала беспрецедентный рост. А вот у Партии справедливости и развития сохраняется перспектива укрепиться, равно как и у Партии националистического движения, которая, согласно данным этого опроса, показала беспрецедентно низкий для себя результат. Который, полагаем, может быть достаточно «пластичным», реагирующим на текущую повестку. Сомнений в том, что турецкая власть и лично президент Р.Т. Эрдоган умеют «раскачивать повестку», нет.

Заметим, что власть умело «сегментировала» оппозицию. Даже если не состоится закрытие прокурдской Партии демократии народов, то официально в коалицию ни с кем она вступить не может и не может стать частью Национального альянса. А следовательно, такой шаг власти не дает возможности оппозиции одержать формальную победу и формировать правительство. Максимум, что возможно, – это неофициальное блокирование на последующих этапах. Однако данная опция мало что стоит без формальной победы.

К слову сказать, касательно закрытия Партии демократии народов и в целом отлучения движений и политиков по суду от политической жизни страны, компания «Metropol» также задала соответствующий вопрос респондентам – на предмет поддержки ими подобных методов. И выяснилось, что лишь 38,2% опрошенных поддерживают, в то время как 51,4% – не поддерживают судебных запретов. Число тех, кто не ответил на данный вопрос, – 10,5%.

Такого рода взгляды не могут укрыться от умелых популистов от Партии справедливости и развития, которые могут рассудить следующим образом.

Во-первых, сам факт закрытия Партии демократии народов не добавит популярности Партии справедливости и развития. Скорее, наоборот, потому что силовое давление вызывает в Турции сочувствие к тем, на кого оно направлено. Такой искусственный подрыв рейтинга власти не нужен.

Во-вторых, как мы уже сказали, Партия демократии народов и так блокироваться ни с кем не может: здесь работает комбинация таких факторов, как собственная политика партии (никто, собственно, и не отрицает её связей с РПК – авт.), так и тот образ, который власть ей ещё дополнительно создает, опять же в рамках ныне принятого курса на решение вопроса РПК силовыми методами.

При этом, заметим, что, вплоть до 2015 года, турецкая власть была настроена совершенно иначе: шла речь о полноценном замирении с РПК и её постепенном роспуске с превращением её бойцов в политиков. Потом курс изменился в рамках запроса в обществе на национализм, и он сохраняется вплоть до настоящего времени. Вплоть до того, что теперь победа над РПК называется чуть ли не главной победой турецкой власти, которую та планирует одержать к 100-летию юбилею Турецкой Республики в 2023 году.

В-третьих, достаточно интересным представляется в случае роспуска Партии демократии народов, кто в её отсутствие будет доминировать в традиционных курдских регионах, если не эти политики? Ставленники власти?

Иными словами, если представить себе ситуацию, что житель районов традиционного курдского проживания должен проголосовать за кого угодно, только не за ПДН и не за независимых кандидатов, то за кого он проголосует – за партию власти, которая «благословила» роспуск ПДН, или же за непри-

миримую к турецкой власти оппозицию? Полагаем, что ответ на этот вопрос является очевидным. Закрытием ПДН можно добиться того, что их почти 14% голосов перейдут к оппозиции, расставив все точки над «и» в вопросе противостояния между турецкой властью и оппозицией.

В-четвертых, Партия справедливости и развития сама столкнулась в 2008 году с судебным иском по поводу своего закрытия, и чудом, точнее одним голосом судьи, ей удалось этого избежать. На протяжении долгих лет, до и после этого дела, официальные представители ПСР не раз выступали со словами осуждения подобных методов «политической борьбы». Разумеется, когда дело открываешь ты – то это «справедливое дело», когда оно направлено против тебя – это «некрасивая политическая борьба».

Теперь же, если турецкая власть «благословит» закрытие ПДН, она получит дополнительный груз проблем в отношениях со своими западными партнёрами, с кем турецкое руководство пытается сейчас «нормализоваться». И, кроме того, вопрос заключается в том, не получит ли турецкое руководство волнения в курдских провинциях, в дополнение ещё и к очевидно протестному голосованию? То есть не приведет ли это к раскачиванию турецкой лодки, справиться с которым будет крайне сложно в рамках «демократических методов»?

В общем позволим себе усомниться в том, что решение по закрытию Партии демократии народов уже принято, и остается только дождаться формального вердикта турецкой Фемиды.

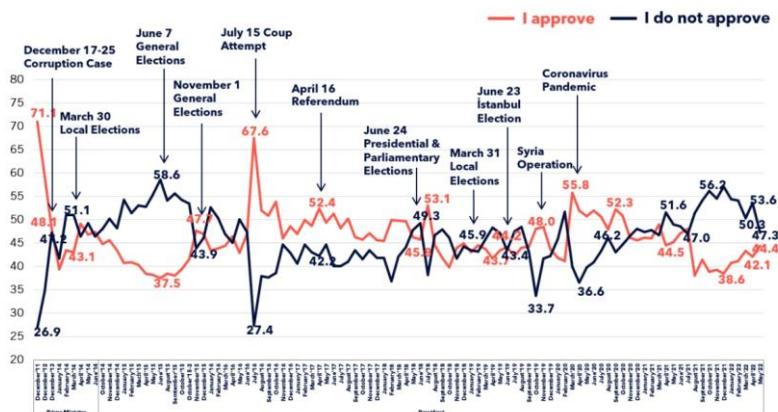
Как минимум, это решение является крайне непростым, со сложным букетом последствий, к которым надо заранее подготовиться. Отсюда и то явное отсутствие спешки, которое мы сейчас наблюдаем. Кроме того, длительность судебного процесса – это основание для действующей власти заявить о том, что суд разбирается подробно, по существу и не рубит с плеча. В качестве резюме, подчеркнем: турецкой власти отчасти выгодно, что курдский электорат ориентируется на Партию демократии народов, отрезанную от возможности официального блокирования с турецкой оппозицией. Так что закрытие ПДН может ровно поэтому и не состояться вовсе.

Разобравшись с парламентскими выборами, перейдем к выборам президента в 2023 году, и начать здесь стоит с того, что рейтинг ведущего политика страны – президента Реджепа Тайипа Эрдогана – является самой волатильной валютой

в стране. Даже более волатильной, чем курс турецкой лиры по отношению к мировым резервным валютам.

Это достаточно четко прослеживается по графикам одобрения и неодобрения его деятельности, которые публикуются социологической компанией «Metropoll».

President Recep Tayyip Erdogan's Job Approval - %

SOURCE: METROPOLL TURKEY'S PULSE MAY 2022

На приведенном выше графике – две линии: черная линия – число тех, кто не одобряет деятельность президента Реджепа Тайипа Эрдогана, а красная линия, напротив, представляет динамику изменения численности тех, кто деятельность турецкого лидера одобряет. На графике отмечен целый ряд пиков, которые, достаточно характерно, совпадают с критическими отрезками турецкой истории – будь то попытка государственного переворота в июле 2016 года или операция в Сирии осенью 2019 года.

Последний по времени крупный пик одобрения действий турецкого лидера на его посту случился в связи с пандемией коронавируса, борьба Эрдогана с которой была высоко оценена со стороны респондентов – на уровне 55,8%.

Если же говорить о последнем периоде времени, то одобрение действий турецкого президента по состоянию на май

месяц 2022 года демонстрируют 44,4% опрошенных. На что, в этой связи, стоит обратить внимание? Далеко не только на то, что деятельность президента Реджепа Тайипа Эрдогана опрошенные скорее не одобряют (47,3% опрошенных), чем одобряют (44,4%), согласно майскому исследованию компании "Metropoll".

Обращать надо внимание ещё и на то, что Р.Т. Эрдоган опять «забирается» на кривую роста своей популярности, как он это делал в предшествующие периоды. Пики на графике с выборными периодами в Турции отчетливо коррелируют.

И, очевидно, действующая власть сейчас пытается организовать очередной такой пик к июню 2023 года. Вплоть до настоящего времени, с теми или иными оговорками, но получалось. Получится ли на выборах 2023 года? Прогнозы делать на эту тему бессмысленно, поскольку внутривнутриполитический процесс в Турции очень динамичен, а доля «неопределившихся» избирателей в стране достаточно высока, и они склонны к быстрым изменениям своих пристрастий под влиянием тех или иных действий турецкой власти.

Отметим те три фактора, которые выделяет социологическая компания «Metropoll» в своем твите с объяснением причин роста популярности президента Эрдогана в последние месяцы.

Причина номер 1 смотрится достаточно логично – речь идет о росте минимального уровня заработных плат. Напомним, что в декабре 2021 года президент Реджеп Тайип Эрдоган объявил о росте минимального уровня заработной платы на 2022 год на 50% до нынешних 4253 тур. лир⁶.

Вторая причина была сформулирована «Metropoll»: роль Турции как медиатора в конфликте между Россией и Украиной.

Заметим то достаточно интересное обстоятельство, что, на взгляд социологической компании, дипломатические усилия Турции, включая проведение встречи между министрами иностранных дел С. Лавровым и Д. Кулебой на Дипломатическом форуме в Анталии и организацию встречи в Стамбуле российской и украинской делегаций, были отмечены турецкими избирателями. Вопреки тому расхожему мнению, что Украина не входит в список основных приоритетов для турецких избирателей.

На момент написания данной статьи (май 2022 года), этот вопрос не сошел на нет, а скорее трансформировался в посредничество Турции между Россией и Украиной в решении

разного рода гуманитарных вопросов, сопровождающих ведение военных действий.

В этом плане можно упомянуть вопрос вывоза пшеницы из украинских портов. Здесь посредническую роль пытается сыграть Турция, упирая на то, что она решает важный в глобальном отношении вопрос продовольственной безопасности тех стран, которые от указанных поставок серьезно зависят.

Хотя, как заявил на своей встрече с министром иностранных дел Турции Мевлютом Чавушоглу в Анкаре 8 июня 2022 года его российский коллега Сергей Лавров: «С нашей стороны каких-либо препятствий, чтобы решить эту проблему – проблемку, на самом деле, она маленькая – никогда не было, если созрела киевская власть, мы будем только рады сотрудничать»⁷.

И третий пункт – фактор роста популярности Реджепа Тайипа Эрдогана – это «анти-НАТОвская риторика». Этот пункт – ещё более интересен, чем первые два для страны, которая является одним из старейших членов НАТО, вносящих в деятельность Альянса весьма серьезный вклад и не только деньгами, но и непосредственным участием в военных операциях по всему миру.

Так что получается, что чем дольше Р.Т. Эрдоган держит вопрос принятия Финляндии и Швеции в состав НАТО, декларируя свою принципиальную позицию, тем лучше для его выборных перспектив. Не говоря уже о той ситуации, что турецкому лидеру удастся чего бы то ни было добиться от Североатлантического альянса. В таком случае, турецкий лидер может рассчитывать на долгосрочный эффект от своих усилий.

При этом отметим и ещё одно важное обстоятельство. Как мы уже писали выше, целью турецкой власти в том, что касается экономики, помимо всего прочего, является объяснение турецкому населению того факта, что в нынешней ситуации виноваты внешние силы. На это были направлены усилия последних месяцев. И за результатами стоит обратиться к данным все того же социологического опроса компании «Metropol». Как мы можем увидеть, результаты для действующей власти являются не слишком утешительными⁸.

Как показал опрос, 62,5% опрошенных считают, что в нынешнем экономическом состоянии виновата власть. За то, что в ситуации виновата оппозиция, проголосовало

7,5% опрошенных. За внешние силы, которые «строят козни против быстро развивающейся Турции», проголосовало 23,8% опрошенных. И, наконец, затруднилось с ответом ещё 6,2% опрошенных.

Иными словами, можно констатировать, что число тех, кто считает, что в нынешнем положении виноваты внешние силы, как склонна преподносить ситуацию действующая власть, верит меньше опрошенных, чем поддерживает Партию справедливости и развития (даже без учета Партии националистического движения). Напомним, что согласно данным опроса, ПСР поддерживает 26,5% респондентов. Таким образом, с известной степенью условности, можно считать, что даже не все сторонники правящей партии поддерживают теорию о том, что в нынешней экономической ситуации в Турции виноваты внешние силы.

Итак, если резюмировать стратегию действующей в Турции власти в преддверии президентских и парламентских выборов 2023 года, то она будет строиться вокруг следующих тезисов:

1. Турецкая власть занимает на международной арене принципиальную позицию, отстаивая национальные интересы страны.
2. Мир находится на критическом отрезке своей истории, на котором немислима смена турецкой власти и её главного действующего лица, глобального лидера Реджепа Тайипа Эрдогана.
3. Турецкая оппозиция в угоду своим электоральным перспективам не только игнорирует национальные интересы, отказывая власти в поддержке, она ещё и находится в тайном сговоре с Западом, направленном на смену власти.
4. Экономические трудности в стране обусловлены: негативной внешней конъюнктурой, пандемией коронавируса, войной на Украине и антитурецкими действиями внешних, в первую очередь – глобальных, игроков. В свою очередь, турецкое руководство не только борется с этими обстоятельствами, но и пытается построить новую, независимую от импорта, суверенную экономику.
5. Турция к своему 100-летию юбилею превратилась в важного регионального игрока с перспективой перехода в категорию игроков «глобальных». Однако для того, чтобы это случилось, нужно продолжение курса, принятого руководством страны, курса, основанного на четком видении будущего Турции. Это видение может быть оформлено тезисом: «Мир – больше пяти!».

6. Турция реализовала целый ряд важных проектов. Далее следует список сделанного, который будет непременно включать: новые аэропорты (включая Стамбульский), мосты, туннели, автодороги, электростанции и фабрики. Все эти проекты заложили твердую основу для того, чтобы Турция совершила прорыв в экономической сфере, при условии преемственности курса на экономический и политический суверенитет (см. п. 5).

Итак, предвыборная риторика руководства страны будет строиться, если одной фразой, на том, что Турция ведет очередную необъявленную Войну за независимость, ценой в которой станет не только суверенитет, но и большое возвращение Турции на международную арену.

В определенном смысле, риторика турецкой оппозиции на этапе предвыборной гонки будет проще. Как можно судить, оппозиция будет напирать на то, что турецкое население накрыла беспрецедентная волна бедности, которой не было даже в 1990-х годах. Именно та экономическая ситуация парадоксальным образом привела нынешнее руководство страны к власти. В делах внешнеполитических турецкая оппозиция будет упирать на то, что на самом деле турецкая власть не является уж столь принципиальной, как пытается показать и «раз за разом сдает национальные интересы» – США, ЕС, НАТО, России, КСА, ОАЭ, Египту, Израилю и проч.

Заметим, что сейчас баланс сил между властью и оппозицией является весьма шатким: если в плане президентских выборов некоторое преимущество все же можно отдать президенту Р.Т. Эрдогану, то в плане парламентских выборов лидерство властного Народного альянса является сомнительным.

Одновременная победа Р.Т. Эрдогана на президентских выборах с победой оппозиционного Национального альянса на парламентских выборах смотрится как весьма реалистичный исход первых выборов 2023 года, за которыми, очевидно, последуют перевыборы ввиду невозможности нормального функционирования подобной конструкции. Другой вопрос, что возможные перевыборы 2023 года могут увенчаться исходом, отличным от победного для власти «второго тура» осенью 2015 года. Выборы 2019 года на пост мэра Стамбула наглядно показали, как ведет себя турецкий электорат в случае «передавливания» ситуации со стороны власти.

¹ AK Parti. Hedef 2023. <https://www.akparti.org.tr/hedef-2023/>. Доступ: 09.06.22.

² TCMB. Fiyat Endeksi (Tüketici Fiyatları) (2003=100). <https://www.tcmb.gov.tr/wps/wcm/connect/TR/TCMB+TR/Main+Menu/Istatistikler/Enflasyon+Verileri/Tuketici+Fiyatlari>. Доступ: 09.06.22.

³ Shell. <https://www.shell.com.tr/suruculer/shell-yakitlari/akaryakit-pompa-satis-fiyatlari.html>. Доступ: 09.06.22.

⁴ TBMM. <https://www.tbmm.gov.tr/SandalyeDagilimi>. Доступ: 09.06.22.

⁵ Metropoll. Stratejik ve Sosyal Araştırmalar. <http://www.metropoll.com.tr/>. Доступ: 06.06.22.

⁶ 2022 için asgari ücret 4 bin 253 TL. Bloomberg. <https://www.bloomberght.com/2022-icin-asgari-ucret-4-bin-250-tl-oldu-2294450>. Доступ: 06.06.22.

⁷ Зерно на глазу. Сердечному разговору глав МИД России и Турции мешала лишь украинская тема // Коммерсантъ. <https://www.kommersant.ru/doc/5394802>. Доступ: 09.06.22.

⁸ Metropoll. Stratejik ve Sosyal Araştırmalar. <http://www.metropoll.com.tr/>. Доступ: 06.06.22.

В.А. Корочкина

**«АВРААМОВЫ СОГЛАШЕНИЯ»
И НОРМАЛИЗАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ
С АРАБСКИМИ ГОСУДАРСТВАМИ:
ОЦЕНКИ В ИЗРАИЛЕ**

Экс-президент Соединенных Штатов Дональд Трамп (2017–2021) 13 августа 2020 г. объявил о значительном дипломатическом прорыве – намерении Израиля в лице бывшего премьер-министра Биньямина Нетаньяху (2009–2021) нормализовать отношения с Объединенными Арабскими Эмиратами (ОАЭ) и Королевством Бахрейн. Церемония подписания в сентябре 2020 г. того, что стало именоваться «Авраамовыми соглашениями» (в честь Авраама, библейского персонажа, считающегося духовным предком всех последователей иудаизма, христианства и ислама), положила начало установлению Израилем дипломатических отношений с ОАЭ и Бахрейном. Позже к соглашению присоединились Судан и Марокко. С Хартумом возникли сложности, связанные с внутривосточным кризисом.

В израильском экспертном сообществе (ведущих в стране экспертно-аналитических центрах, таких как Институт исследований национальной безопасности, Иерусалимский институт стратегии и безопасности и др.) отслеживают развитие отношений Израиля с этими странами, анализируют лежащие в их основе причины и оценивают риски, которые могут привести к отходу от заданного регионального тренда, называемого «нормализацией». Общим в их оценках является фактор США и Ирана, а также влияние на политику региональных акторов событий глобального масштаба, разворачивающихся на данном этапе в Европе. Оцениваются вектор и динамика в политике арабских стран и возможные форматы взаимодействия с ними, что потенциально могло бы привести к расширению состава участников «Авраамовых соглашений».

ОАЭ

Дипломатический прорыв в виде готовности заключить соглашение о нормализации отношений между Израилем и ОАЭ произошел в ходе телефонного разговора 13 августа 2020 г. президента Дональда Трампа с премьер-министром Израиля Биньямином Нетаньяху и наследным принцем Абу-Даби шейхом Мухаммедом бен Заидом Аль Нахайяном. В результате 15 сентября 2020 г. на лужайке Белого дома в Вашингтоне, округ Колумбия, состоялась церемония подписания договора о взаимном признании и нормализации отношений между Израилем и ОАЭ. 15 октября 2020 г. договор был одобрен Кнесетом 80 голосами «за» и 13 «против»¹.

В официальном заявлении Белого дома, последовавшем за первым объявлением о достигнутых договоренностях, отмечалось, что «по просьбе президента Трампа при поддержке ОАЭ Израиль приостановит декларирование суверенитета над районами Западного берега реки Иордан»².

Согласно послу ОАЭ в США Юсефу Аль Отайбе, соглашение стало «победой дипломатии и региона» и «значительным прогрессом в арабо-израильских отношениях, который снижает напряженность и создает новую энергию для позитивных изменений». По его словам, этот шаг «немедленно останавливает аннексию и потенциальную эскалацию насилия; поддерживает жизнеспособность решения о создании двух государств, одобренного Лигой арабских государств и международным сообществом; создает новую динамику и возможности в мирном процессе»³. ОАЭ также заручились обязательством Белого дома о том, что Соединенные Штаты не признают аннексию Израилем частей Западного берега реки Иордан, по крайней мере до 2024 г.⁴

Израильские эксперты после подписания «Авраамовых соглашений» отмечали один «поразительный аспект» – отсутствие серьезных протестов в арабском мире. Проф. Эяль Зиссер (Eyal Zisser, преподаватель кафедры истории Ближнего Востока Тель-Авивского университета) говорил, что «только Иран и Турция выступили против мирного соглашения между Израилем и ОАЭ. Хотя даже они сделали это не ради палестинцев, а исходя из понимания, что соглашение наносит

ущерб их собственному статусу в регионе»⁵. Проф. Гилель Фриш (Hillel Frisch, занимается политическими и ближневосточными исследованиями в Бар-Иланском университете, старший научный сотрудник Центра стратегических исследований «Бегин-Садат») уверен в том, что «если широкая общественность в основном не заметила отсутствие демонстраций протеста, то это наверняка было подмечено руководителями государств на Ближнем Востоке и их прокси-организациями...»⁶

Дипломаты из ОАЭ совершили свою первую официальную поездку в Израиль 20 октября 2020 г. и подписали соглашение, позволяющее их гражданам путешествовать из одной страны в другую без виз. Были достигнуты договоренности о прямых рейсах между Тель-Авивом и Эмиратами, защите инвесторов и содействии научно-техническому сотрудничеству.

США, ОАЭ и Израиль договорились о создании инвестиционного фонда на 3 миллиарда долларов под названием «Фонд Авраама» для поощрения частных инвестиций в Израиль, на Западный берег реки Иордан и в другие страны Ближнего Востока и Северной Африки. Одним из первых запланированных проектов стало строительство давно обсуждаемого нефтепровода MED-RED из Эйлата в Ашкелон, по которому планируется транспортировка эмиратской нефти, которая сейчас идет в Европу через Суэцкий канал. Новый маршрут может снизить цены на энергоносители и ускорить поставки. Планируется использовать Фонд для модернизации контрольно-пропускных пунктов на Западном берегу реки Иордан. Проблема заключается в позиции палестинцев, которые возмущены тем, что они называют «одобрением продолжения израильской оккупации».

29 июня 2021 г. альтернативный премьер-министр и министр иностранных дел Яир Лапид впервые прибыл в Абу-Даби для открытия посольства Израиля в государстве Персидского залива. 15 ноября 2021 г. посол Израиля Хайек Амир вручил верительную грамоту в качестве первого посла Израиля в ОАЭ. Эмираты, соответственно, стали первым арабским государством Персидского залива, открывшим свое посольство в Тель-Авиве 14 июля 2021 г.

За год с момента нормализации отношений товарооборот между двумя странами достиг 570 млн долларов. Несмотря на пандемию COVID-19, около 230 тыс. израильтян посетили ОАЭ.

В августе 2021 г. Израильский концерн авиакосмической промышленности (Israel Aerospace Industries) заключил согла-

шение с эмиратской инженерно-технической компанией Etihad Engineering о создании в Абу-Даби предприятия по переоборудованию пассажирских самолетов Boeing 777-300ER в грузовые.

В сентябре 2021 г. ОАЭ завершили сделку по покупке 22% морского месторождения природного газа «Тамар» за 1,025 миллиарда долларов. Большая часть месторождения принадлежит израильским компаниям, Chevron владеет долей 25%.

20 октября 2021 г. ОАЭ подписали меморандум о взаимопонимании с Израильским космическим агентством (Israeli Space Agency) для расширения сотрудничества в области научных исследований, освоения космоса и обмена знаниями. Две страны также договорились о совместном запуске миссии «Берешит-2» на Луну, которая запланирована на 2024 г.

Месяц спустя Корпорация оборонной промышленности ОАЭ EDGE и Israel Aerospace Industries подписали в Дубае соглашение о совместной разработке беспилотных катеров, способных вести борьбу с подводными лодками.

22 ноября 2021 г. Израиль и Иордания подписали крупнейшее в истории этих стран соглашение о сотрудничестве, заключенное при посредничестве ОАЭ. Оно предусматривает строительство эмиратской компанией солнечной электростанции в Иордании. Израиль закупит 600 мегаватт электроэнергии для своей новой опреснительной установки, которая направит в Иорданию 200 млн кубометров средиземноморской воды.

Нафтали Беннет стал первым израильским премьер-министром, посетившим ОАЭ, где он 13 декабря 2021 г. встретился с наследным принцем Абу-Даби шейхом Мухаммедом бен Заидом Аль Нахайяном. Через месяц – 30 января 2022 г. – на свою первую встречу с принцем отправился президент Израиля Ицхак Герцог.

1 апреля 2022 г. Израиль и ОАЭ договорились о заключении соглашения о свободной торговле, охватывающего 95% продаваемых товаров, которые будут освобождены от таможенных пошлин сразу или постепенно. Это касается продуктов питания, сельскохозяйственной и косметической продукции, а также медицинского оборудования и лекарств⁷.

Многие другие гуманитарные и экономические вопросы являются не единственными составляющими отношений между Израилем и ОАЭ.

Йозель Гузанский (Yoel Guzansky)⁸ отмечает, что Абу-Даби является центральным партнером Израиля в Персидском за-

ливе в сфере национальной безопасности. Оба государства главной своей угрозой считают Иран. «Вызов, который иранцы бросают Эмиратам, заключается в угрозе атак (прямых или с помощью прокси) на стратегические объекты, подрывной деятельности и террористических актах, а также установлении контроля над территорией страны». В ответ ОАЭ, с одной стороны, разработали ряд оборонительных мер, а с другой, – стремятся поддерживать максимально открытые экономические и дипломатические отношения с Ираном.

По мнению Й. Гузанского, усилия ОАЭ по сближению с Ираном направлены, помимо прочего, на то, чтобы «сбалансировать сложившийся проблемный образ помощника Израиля в области разведки и оперативных действий». По словам эксперта, «в эпоху изменчивых союзов и смены лояльности» Израиль должен внимательно отслеживать динамику в регионе, чтобы понять, повлияет ли она и каким образом на дальнейшую нормализацию отношений в регионе, прежде всего с Саудовской Аравией. Следовательно, считает эксперт, «Израиль должен учитывать, что роль ОАЭ на антииранском фронте может измениться, особенно с пониманием того, что статус Ирана в регионе повысится в случае заключения с ним новой ядерной сделки»⁹.

Постепенное сближение Израиля и ОАЭ произошло перед лицом иранской угрозы, даже несмотря на то, что для еврейского государства первоочередной проблемой является иранская ядерная программа, а Эмираты в целом рассматривают Иран как потенциального гегемона, стремящегося навязать свою волю всему региону. Для Абу-Даби самым серьезным вызовом в настоящее время являются ракеты и беспилотные летательные аппараты, которые есть у Ирана и его прокси.

Анализируя выгоды для ОАЭ от связи с Израилем, Й. Гузанский отмечает «координацию действий на политико-стратегическом уровне по обеспечению общих интересов; сотрудничество на разведывательно-оперативном уровне для борьбы с конкретными угрозами; израильские технологии в области безопасности, в которых нуждаются ОАЭ, особенно в свете пробелов в их противоракетной обороне». Более того, связи с Израилем и доступ к его возможностям могут значительно усилить в глазах Ирана потенциал Эмиратов в сдерживании.

Эксперт INSS считает, что старания Израиля по созданию в регионе широкого антииранского фронта с «прагматичными» арабскими странами наталкиваются на некоторые проблемы,

среди которых прослеживается явное нежелание государств Персидского залива восприниматься в качестве израильской «базы», находящейся в пределах досягаемости Ирана. Как только было объявлено об «Авраамовых соглашениях», высокопоставленные иранские официальные лица выступили с угрозами в адрес ОАЭ, назвав их «законной и легкой мишенью». Сообщалось, что Иран также планировал атаковать эмиратских дипломатов на территории Африки.

Правда, отмечается, что в Тегеране и до «Авраамовых соглашений» знали о сотрудничестве между Израилем и его арабскими соседями в области безопасности или о том, что Иран является целью этого сотрудничества. Однако процесс нормализации сделал израильское присутствие в Персидском заливе не только официальным и открытым, но и еще одним потенциальным оправданием для иранских атак. Так, в начале 2022 г. на фоне продолжающейся войны в Йемене поддерживаемые Ираном хоуситы нанесли удары по объектам ОАЭ. В INSS полагают, что Иран, как минимум, заранее их одобрил. Иранцы, несмотря на заинтересованность в поддержании хороших отношений со своими арабскими соседями, включая ОАЭ, продолжают им тайно угрожать с помощью своих прокси.

По мнению Й. Гузанского, Саудовская Аравия и ОАЭ предпочли бы снять напряженность в отношениях с Ираном дипломатическим путем, однако они обеспокоены возможностью заключения новой ядерной сделки, которая, вероятно, не будет включать пункт об иранской подрывной деятельности в регионе, а также арсенале ракет и БПЛА. С одной стороны, суннитские монархии были бы рады, если бы «кто-то» сделал за них работу и нанес серьезный и долгосрочный ущерб иранской ядерной программе; с другой стороны, они понимают, что находятся на линии огня и являются очевидной целью для удара Ирана в ответ на любое нападение на его ядерные объекты; отсюда их усилия по поддержанию разумных отношений с Тегераном.

Эксперт INSS делает вывод, что политический курс ОАЭ важен для Израиля не только потому, что Эмираты – ключевая страна на Ближнем Востоке в политическом, экономическом и военном отношении, но и потому, что они задают тренд для других. Например, ОАЭ в целом опережают Саудовскую Аравию в политических маневрах. Об этом свидетельствуют недавние контакты между Тегераном и Эр-Риядом, которые состоялись после ирано-эмиратского диалога¹⁰.

Таким образом, на данном этапе в отношениях между ОАЭ и Израилем делается упор прежде всего, но не только, на гуманитарных и экономических вопросах. Важную роль играют аспекты национальной безопасности и политическая составляющая (определяемая, в том числе, палестинской проблемой, как бы Израиль ни пытался отложить ее в сторону). Стоит отметить, что после объявления о нормализации отношений с Эмиратами в Израиле не выделяли разницу в риторике своих официальных лиц и ОАЭ. Если Биньямин Нетаньяху делал акцент на «историческом прорыве на пути к подлинному миру на Ближнем Востоке» и «открытии новой эры мира между Израилем и арабским миром», то наследный принц Абу-Даби подчеркивал, что ОАЭ и Израиль лишь договорились о том, что «разработают дорожную карту для начала совместного сотрудничества, ведущего к [установлению] двусторонних отношений»¹¹.

Последним по времени проявлением позиции ОАЭ стали столкновения палестинцев с израильской полицией на Храмовой горе в Иерусалиме в апреле 2022 г. в священный для мусульман месяц рамадан.

Объединенные Арабские Эмираты (наравне с Бахрейном и Марокко, а также Иорданией, Египтом, Саудовской Аравией и Турцией) «решительно осудили... штурм израильскими силовиками мечети Аль-Акса, в результате которого были ранены несколько мирных жителей», – говорится в заявлении эмиратского МИДа, в котором подчеркивалась «необходимость сдержанности и защиты верующих». Позиция ОАЭ заключается в том, что «израильские власти должны уважать право палестинцев совершать свои религиозные обряды и прекратить любые действия, нарушающие неприкосновенность мечети Аль-Акса». Кроме того, подчеркивалась необходимость «уважать роль Иорданского Хашимитского Королевства в соответствии с международным правом и историческим контекстом и не ставить под угрозу авторитет Управления по делам исламских святынь [«Вахф» в Иерусалиме], которое заведует делами мечети Аль-Акса»¹².

В целом в Израиле, сравнивая нормализацию отношений с Эмиратами с ситуацией после подписания мирного договора с Египтом (1979) и Иорданией (1994), характеризуют нынешние договоренности как настоящее сближение между народами, тогда как предыдущие мирные договоры готовились «наверху» и не сказывались на взаимодействии на уровне общественных организаций и рядовых граждан.

Бахрейн

После того, как ОАЭ решили нормализовать отношения с Израилем, официальные лица Бахрейна, согласно Jewish Virtual Library, связались с Джаредом Кушнером, старшим советником и зятем Дональда Трампа, и Ави Берковицем, специальным посланником Белого дома по ближневосточному урегулированию, чтобы сообщить им о желании «быть следующими»¹³. К слову, Бахрейн – единственная страна в Персидском заливе, в которой проживают коренные евреи – от 36 до 40 чел. (шесть семей)¹⁴.

В израильских СМИ высказывались предположения о том, что Саудовская Аравия дала Бахрейну «зеленый свет» на нормализацию отношений с еврейским государством¹⁵. Король Бахрейна Хамад ибн Иса аль-Халифа, Б. Нетаньяху и Д. Трамп провели переговоры по телефону. Спустя некоторое время 15 сентября 2020 г. на лужайке Белого дома двое последних вместе с министром иностранных дел королевства Абдуллафом бен Рашидом Аль-Заяни подписали Декларацию о мире, сотрудничестве и конструктивных дипломатических и дружественных отношениях между Израилем и Бахрейном. Кнессет одобрил соглашение с Бахрейном 62 голосами «за» и 14 «против» 10 ноября 2020 г.¹⁶

За трехсторонней встречей в Вашингтоне последовала еще одна в Манаме 18 октября 2020 г., в ходе которой Израиль и Бахрейн в присутствии министра финансов США Стивена Мнучина подписали «совместное коммюнике об установлении мирных и дипломатических отношений».

В документе не упоминается израильско-палестинский конфликт. Но в совместном заявлении, опубликованном правительством Бахрейна, указано, что стороны «продолжат свои усилия по достижению справедливого и всеобъемлющего урегулирования израильско-палестинского конфликта». В тексте прямо не упоминается, что целью является палестинская государственность или решение конфликта путем создания двух государств. Однако в речи после церемонии подписания аль-Заяни выразил надежду на «плодотворное двустороннее сотрудничество во всех областях» и региональный мир, включая решение израильско-палестинского конфликта на основе со-

существования двух государств. Он подчеркнул, что «палестинский вопрос должен быть решен путем прямых переговоров между двумя сторонами для достижения решения, которое удовлетворит обе стороны и приведет к созданию двух государств в соответствии с принципами Арабской мирной инициативы и международного права»¹⁷.

Тогда же были подписаны соглашения, касающиеся экономического сотрудничества, гражданской авиации, контактов между министерствами финансов, в сфере связи и почты, сельского хозяйства, взаимодействия между министерствами иностранных дел и безвизового режима для дипломатов.

Делегация из королевства в составе 40 человек посетила Израиль в декабре 2020 г. Министр промышленности, торговли и туризма Бахрейна подписал Меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве между правительствами и частным сектором в сфере туризма.

11 августа 2021 г. заместитель министра иностранных дел Бахрейна по политическим вопросам и председатель попечительского совета бахрейнского аналитического центра Derasat Абдулла бен Ахмед Аль Халифа и руководитель Института исследований национальной безопасности (INSS) подписали меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве. Заявленная цель – «содействие созданию долгосрочных условий для мира, безопасности и устойчивого развития на Ближнем Востоке и в Северной Африке». По словам исполнительного директора INSS проф. Мануэля Трахтенберга, у Израиля и Бахрейна «общие интересы во многих областях, таких как возобновляемые источники энергии, водные ресурсы и экологические технологии». Кроме того, «сотрудничество между INSS и Derasat может создать совместные политические ориентиры для продвижения общих интересов, фигурирующих в соответствующих программах национальной безопасности, обеспечения мира и процветания для всех»¹⁸.

31 августа 2021 г. в Израиль прибыл первый в истории двух стран посол Бахрейна Халид Юсуф аль-Джалахма. Месяц спустя министр иностранных дел Яир Лапид стал первым членом израильского кабинета, посетившим Бахрейн для открытия посольства Израиля в Манаме. Две страны подписали 12 меморандумов о взаимопонимании.

Премьер-министр Нафтали Беннет совершил исторический двухдневный визит в Бахрейн в середине февраля 2022 г., где

встретился с королем, наследным принцем, министрами правительства и представителями местной еврейской общины.

Израиль и Бахрейн договорились о реализации двухстороннего 10-летнего плана под названием «Совместная стратегия теплого мира», в котором приоритет отдается областям, представляющим взаимный интерес, включая инновационные экосистемы, продовольственную и водную безопасность, энергетику, здравоохранение, образование, торговлю и инвестиции. Лидеры двух стран также договорились ускорить переговоры по соглашениям о защите инвестиций и совместной работе в урегулировании налоговых вопросов, содействовать культурному обмену, образовательному и академическому сотрудничеству, а также организации компанией Israir прямых рейсов из Израиля в Манаму.

В ходе визита в Бахрейн министра обороны Израиля Бени Ганца было подписано соглашение в сфере безопасности, в рамках которого достигнута договоренность о направлении офицера ЦАХАЛа на постоянную службу в королевстве «для укрепления сотрудничества в вопросах безопасности». В Бахрейне базируется 5-й флот США, а также координирующее военные действия на Ближнем Востоке CENTCOM (Центральное командование ВС США), в зону ответственности которого Израиль перешел в 2021 г.

Анализ реакции на «Авраамовы соглашения» не только в экспертном сообществе Израиля, но и ОАЭ и Бахрейне (которые являются членами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива, ССАГПЗ) показывает разницу в акцентах при определении их значимости. Арабские эксперты, отмечая то, что «геополитическая карта соотношения сил на Ближнем Востоке меняется», ССАГПЗ «стал лидером в регионе с точки зрения мира, экономического развития, политических и региональных процессов», одновременно призывают к разрешению палестино-израильского конфликта, называя его «основной проблемой между арабами и израильтянами». «Решение этой проблемы способно привести к большей стабильности и безопасности в регионе», тогда как «его отсутствие усложнит задачу и вызовет огромное общенародное негодование»¹⁹.

Амос Ядлин (Amos Yadlin)²⁰, генерал-майор Армии обороны Израиля в отставке, подчеркивает геополитическую важность достигнутых договоренностей. По его мнению, «потенциал

того, что изменит правила игры, заключается в возможности продемонстрировать общественности на Ближнем Востоке, которая страдает от гражданских войн в Сирии, Ливии и Ираке, негативное влияние Турции и Ирана; показать также то, что есть другой способ улучшить отношения, которые будут касаться всех, не только лидеров». После этого он упоминает о том, что соглашения имеют «потенциал для продвижения вперед в палестино-израильском вопросе. ОАЭ остановили аннексию, и палестинцы могут вернуться к переговорам». Однако еще одним стратегическим потенциалом для него является расширение сотрудничества между государствами Персидского залива, Израилем и США для борьбы с «иранской террористической деятельностью» и иранскими прокси, которые, по его словам, дестабилизируют Ближний Восток. «Сам факт того, что Иран узнает, что мы делимся разведданными, и что мы вместе справляемся с трудностями, – это еще одна возможность изменить правила игры на Ближнем Востоке»²¹.

Судан

23 октября 2020 г. в совместном заявлении президента Дональда Трампа, председателя Суверенного совета Судана генерала Абделя Фаттаха аль-Бурхана, премьер-министра страны Абдаллы Хамдука и премьер-министра Израиля Биньямина Нетаньяху было объявлено о нормализации отношений между Суданом и Израилем и прекращении состояния вражды между двумя народами. Кроме того, лидеры договорились начать экономические и торговые отношения с упором на сельское хозяйство.

Соединенные Штаты оказывали давление на Хартум, чтобы он пошел на нормализацию отношений с Израилем. В обмен американцы пообещали убрать Судан из списка государств-спонсоров терроризма. Помимо урегулирования отношений с Израилем, суданцы были вынуждены выплатить 335 миллионов долларов в качестве компенсации американским жертвам террористических атак на посольства США в Кении и Танзании в 1998 г. и на авианосец «Коул» в Йемене в 2000 г.

Израиль, со своей стороны, в качестве «акта дружбы» после заключения соглашения отправил в Судан пшеницы

на сумму 5 млн долларов. Суданцы, со своей стороны, разрешили израильским самолетам использовать свое воздушное пространство, что сократило время перелета в Латинскую Америку.

Судан официально присоединился к «Авраамовым соглашениям» 6 января 2021 г., после ОАЭ и Бахрейна. Соответствующая декларация была подписана министром финансов США Стивеном Мнучиным и министром юстиции Судана Насреддином Абдель Бари.

Первым израильским официальным лицом, посетившим Судан 25 января 2021 г., т.е. после установления отношений, стал министр разведки Эли Коэн. Во главе делегации он провел переговоры с высокопоставленными суданскими чиновниками, в том числе с генералом Абдель Фаттахом аль-Бурханом, главой правящего Суверенного совета, и министром обороны Ясином Ибрагимом, с которым Э. Коэн подписал меморандум о взаимопонимании в сфере безопасности.

В апреле 2021 г. кабинет министров Судана проголосовал за отмену закона 1958 г., запрещавшего дипломатические и деловые отношения с Израилем.

Отвечая на критику нормализации отношений с Израилем в свете военной операции «Страж стен» в секторе Газа в мае 2021 г., генерал Абдель Фаттах аль-Бурхан сказал: «Нормализация не имеет ничего общего с правом палестинцев создать свое собственное государство». Это просто «примирение с международным сообществом, в которое входит Израиль».

Израиль не комментировал смену правительства в Судане в октябре 2021 г., когда был задержан ряд высокопоставленных чиновников и распущены органы власти; контакты между официальными лицами продолжились. Офицеры израильской разведки посетили Хартум в январе 2022 г., а делегация суданских служб безопасности нанесла ответный визит в Тель-Авив в феврале того же года.

В интервью государственному телевидению аль-Бурхан заявил, что обмен разведанными с Израилем позволил Судану ликвидировать группы боевиков, которые «могли подорвать безопасность Судана и региона».

В марте 2022 г. израильская делегация сотрудников службы безопасности третий раз за полгода встретилась с высокопоставленными суданскими военными в ходе секретного визита в Хартум²².

Марокко

Вскоре после заключения «Авраамовых соглашений» в сентябре 2020 г. президент США Дональд Трамп объявил о «намерении Марокко», четвертой по счету (за 2020 г.) арабской страны, также установить полные дипломатические отношения с Израилем. В ответ Вашингтон признал марокканский суверенитет над Западной Сахарой, тем самым встав на сторону Рабата в затянувшемся конфликте с Алжиром.

Министр иностранных дел Израиля Яир Лапид совершил визит в Марокко в августе 2021 г., где он заявил, что углубление двусторонних отношений между королевством и Израилем является одним из его главных приоритетов. Более того, развитие отношений во всех областях также отвечает интересам всего региона. «Сильную культурную и эмоциональную связь между двумя странами», выходящую далеко за рамки «Авраамовых соглашений», он объясняет тем, что «в Израиле проживает более миллиона израильтян, выходцев из Марокко». В настоящее время Израиль и Марокко занимаются расширением сотрудничества в области туризма, культуры, политического диалога, а также академического обмена в рамках совместных программ марокканских и израильских университетов²³.

По мнению проф. Эфраима Инбара (Efraim Inbar)²⁴, несмотря на то, что «Марокко отправило войска для борьбы с Израилем в ходе Шестидневной войны 1967 г. и Войны Судного дня 1973 г., в последние годы королевство выступает как умеренное арабское государство, когда дело касается Израиля»²⁵.

Две страны годами сотрудничали в различных областях, особенно в вопросах безопасности и разведки. «В отличие от многих других арабских стран, Марокко относится к своей еврейской общине с терпимостью. Более того, марокканцы официально признают еврейское наследие частью своей культурной традиции», – отмечает израильский эксперт.

Соглашение о нормализации отношений между Израилем и Марокко, подписанное в декабре 2020 г. и включавшее экономическое и дипломатическое сотрудничество, а также прямые рейсы между Рабатом и Тель-Авивом, было не пер-

вым в истории взаимоотношений двух стран. В 1995 г. Израиль и Марокко уже поддерживали дипломатические контакты, которые были разорваны с началом в 2000 г. Второй интифады (палестинского восстания). Тем не менее Марокко принимало израильских туристов, и двусторонние связи продолжались, хотя и оставались вне поля зрения широкой общественности.

После нормализации отношений в 2020 г. открылись возможности для взаимовыгодной кооперации в различных областях. Э. Инбар полагает, что Марокко может извлечь пользу из сотрудничества с Израилем, который имеет «впечатляющие достижения в сфере сельского хозяйства, медицины, гидротехники, связи и кибербезопасности».

В ноябре 2021 г. министр обороны Бени Ганц посетил Марокко и подписал соглашение о сотрудничестве в области безопасности, направленное на поддержание постоянного диалога военных, закупок вооружений и обмена разведданными. Визит, получивший широкое освещение в СМИ в Марокко и за рубежом, свидетельствовал об укреплении связей между двумя странами.

В конце марта 2022 г. Марокко посетила высокопоставленная израильская военная делегация. В ее составе был Эффи Дефрин, начальник отдела международного сотрудничества и начальник оперативного отдела разведывательного управления G; генерал-майор Таль Кельман, начальник Управления стратегического планирования и сотрудничества, отвечающий за вопросы, связанные с Ираном. Они встретились с Генеральным инспектором вооруженных сил королевства генерал-лейтенантом Бельхиром аль-Фаруком и подписали соглашение о военном сотрудничестве. Согласно израильским СМИ, официальные лица выразили заинтересованность в проведении совместных военных учений, а также в сотрудничестве в области военной разведки.

Крупнейший государственный аэрокосмический и оборонный концерн Израиля Israel Aerospace Industries (IAI) подписал меморандум о взаимопонимании с Министерством торговли и промышленности Марокко. Планируется открытие исследовательского и инженерного центра²⁶.

По словам Э. Инбара, «Марокко играет жизненно важную роль на Ближнем Востоке и в Африке. Королевская семья ведет свое происхождение от пророка Мухаммеда, и это

придает ей особое влияние среди арабских стран. Развитие связей с Иерусалимом позволит другим арабским странам последовать примеру королевства».

По мнению израильского эксперта, «Марокко на словах поддерживает парадигму двух государств для разрешения израильско-палестинского конфликта. По факту поведение королевства свидетельствует о том, что палестинский вопрос не является препятствием для его отношений с Израилем. Кроме того, Марокко, уважаемый член Африканского союза, оказывает влияние на мусульманские государства в Африке к югу от Сахары, что может быть полезно Израилю».

Э. Инбар напоминает о роли Марокко в защите мусульманских святынь в Иерусалиме. «Зарождающиеся отношения с Израилем легитимируют статус-кво в Иерусалиме, где Израиль сохраняет контроль над восточной частью города и Храмовой горой. Как и другие арабские столицы, Рабат не одобряет стремления палестинцев захватить святыне места в Иерусалиме».

Израильский эксперт отмечает иранский фактор в сближении королевства с Израилем. «Суннитская династия Марокко столкнулась с подрывной деятельностью иранских агентов. Сотрудничество с Израилем необходимо для противостояния иранскому влиянию на Ближнем Востоке и Африке. Рабат также выступает против иранских амбиций по установлению военно-морского присутствия в Средиземном море и Атлантическом океане».

По мнению Э. Инбара, настало время для процветания израильско-марокканских отношений. При этом он призывает иметь в виду, что эти отношения подвергаются жесткой критике со стороны исламистских и националистических кругов Марокко, поэтому внутривнутриполитические изменения в королевстве могут положить конец «медовому месяцу». Он говорит о нестабильности как отличительной черте любых таких отношений. Более того, эксперт утверждает, что «если Израилю не удастся остановить прогресс Ирана в ядерной программе, произраильская тенденция в регионе исчезнет». Ведь иранская угроза побудила эти арабские страны открыто пойти на нормализацию отношений с Израилем. Отсутствие действий с израильской стороны обесценит достижения «Авраамовых соглашений», в том числе в отношениях с Марокко²⁷.

Арабское НАТО?

На фоне «иранской угрозы», воспринимаемой Израилем и рядом Ближневосточных стран в качестве экзистенциальной, израильские эксперты обсуждают вопрос, созрел ли регион для аналогичной НАТО модели объединенных вооруженных сил и есть ли место для еврейского государства в региональном альянсе такого рода.

В ноябре 2018 г. Йоэль Гузанский и Коби Майкл (Kobi Michael)²⁸, опубликовали статью «Создание «арабского НАТО»: видение vs. реальность», в которой рассматривалась возможность создания Ближневосточного НАТО с участием Израиля. Статья была написана до подписания «Авраамовых соглашений» во время президентства Дональда Трампа, который настаивал на формировании такого регионального военного альянса. В ней делался вывод, что в обстоятельствах того времени идея была нереализуемой. В качестве основных причин указывались: отсутствие в рядах объединения Соединенных Штатов; проблема для лидеров арабских государств присоединиться к альянсу, включающему Израиль, особенно с учетом опасений роста критики внутри их обществ; отсутствие согласия между самими арабскими государствами относительно целей и руководства любыми совместными силами, которые могут быть созданы²⁹.

Спустя четыре года К. Майкл и Й. Гузанский отметили ряд событий, заставляющих переосмыслить возможности регионального военного союза, в который войдет Израиль. Наиболее значимым из них является подписание «Авраамовых соглашений» и публично заявленная ОАЭ и Бахрейном приверженность связям с Израилем. В этом контексте особого внимания заслуживает визит премьер-министра Нафтали Беннета в Манаму в феврале 2022 г., в ходе которого, согласно сообщениям, речь шла об укреплении взаимодействия в области безопасности между Израилем, ОАЭ и Бахрейном, а также прозвучала критика Ирана и его прокси со стороны высокопоставленных лиц королевства.

В качестве еще одного важного события отмечается усиление опасений за свою безопасность среди стран Персидского залива. Это проявилось во время визита президента Ицхака

Герцога в ОАЭ в конце января 2022 г., когда поддерживаемые иранцами хоуситы в Йемене обстреляли ракетами и беспилотниками-камикадзе Саудовскую Аравию и Эмираты. Запуски сопровождались угрозами и воинственной риторикой. Чувство опасности усиливается в условиях, когда «все большая иранская наглость в использовании прокси» сопровождается уходом Соединенных Штатов с Ближнего Востока и «падением их влияния и авторитета в глазах местных лидеров»³⁰.

По мнению экспертов INSS, «страны Персидского залива уже перешли Рубикон в плане демонстрации своих глубоких связей с Израилем». Помимо подписанных экономических и других соглашений, включающих интенсивное авиасообщение, широкую огласку получили контакты в сфере безопасности. Очевидным стало то, что сотрудничество по вопросам политики и разведдеятельности сопровождается оружейными сделками и участием в совместных учениях, что особенно выделяется на фоне отношений Израиля с Египтом и Иорданией.

К. Майкл и Й. Гузанский выделяют три основные причины. Во-первых, растущее ощущение угрозы со стороны иранцев и их прокси, особенно с учетом оценок, согласно которым «любое новое ядерное соглашение с Ираном предоставит ему еще большую свободу агрессивных действий». Во-вторых, продолжающийся уход Соединенных Штатов с Ближнего Востока и убежденность многих их региональных союзников в том, что на Вашингтон больше нельзя полагаться. В-третьих, «концептуальное и стратегическое осознание лидерами Персидского залива того, что связи с Израилем могут способствовать продвижению их соответствующих стратегических и национальных интересов». По словам экспертов, «поскольку палестинский вопрос больше не является стратегическим бременем для этих стран и их лидеров, а приверженность палестинскому делу сводится к пустым заявлениям, пространство для маневра увеличивается»³¹.

В качестве еще одного события, которое изменило баланс в регионе и может способствовать созданию регионального альянса, упоминается включение Израиля в зону ответственности Центрального командования Соединенных Штатов (CENTCOM), что призвано расширить оперативное сотрудничество между Израилем, монархиями Персидского залива, Египтом и Иорданией (также находящимися в его ведении). Кроме того, достижение государствами Персидского залива со-

глашения о примирении с Катаром в январе 2021 г. после его трехлетнего бойкота будет способствовать более тесному межаарабскому сотрудничеству. Региональная арабская коалиция позволила бы Соединенным Штатам уменьшить присутствие американских войск на земле, одновременно оставив возможность защиты своих интересов.

На пути создания регионального военного союза израильские эксперты видят ряд препятствий. Они напоминают, что в прошлом уже были неудачные попытки наладить межаарабское военное сотрудничество. В 2015 г. Лига арабских государств решила создать объединенные вооруженные силы численностью 40 тыс. человек. Предполагалось, что основные боевые силы предоставит Египет, а страны Персидского залива выступят в качестве спонсоров. В 2016 г. Саудовская Аравия объявила о создании военного альянса из 34 стран для борьбы с «Исламским государством». Ни один из этих амбициозных планов пока не реализован. Не считая ОАЭ, Саудовская Аравия столкнулась с трудностями в поиске постоянных партнеров по коалиции, которую она создала для ведения боевых действий в Йемене.

Другой трудностью, согласно К.Майклу и Й.Гузанскому, является то, что существует разное восприятие вызовов со стороны Ирана. Для монархий Персидского залива главной угрозой являются иранцы. Однако такие мусульманские державы, как Пакистан, страны Магриба и Египет, не ставят иранскую угрозу в центр внимания, что объясняется их нежеланием портить отношения с Тегераном. А значит, сомнительно, что арабские страны будут готовы к взаимопомощи, которая является основой любого значительного военного союза, в частности, предусмотрена в статье 5 договора НАТО.

Еще одна трудность связана с межаарабскими противоречиями, которые не удается преодолеть даже при наличии общего врага. Отмечается, что арабским государствам всегда было трудно достичь единства в связи с соперничеством между племенами, семьями и межличностным противостоянием, территориальными спорами, конкурирующими интересами и разным отношением к Ирану и «Братьям-мусульманам». Очевидно, что споры возникнут по поводу руководства любым будущим объединением и прежде всего – между Саудовской Аравией и Египтом, обладающими самыми большими армиями из всех потенциальных партнеров, или даже с ОАЭ, которые

имеют самую передовую и хорошо обученную в арабском мире армию, следует учитывать также амбиции на лидерство и влияние в нем.

Фактор Израиля

Израиль, по мнению экспертов INSS, заинтересован в краткосрочной и среднесрочной перспективе в создании межарабского союза, в котором он выступит в качестве надежного, заинтересованного и влиятельного партнера, а со временем, возможно, даже как полноправного участника борьбы с вмешательством Ирана в Ближневосточные страны и его растущим влиянием в регионе. Если «арабское НАТО» станет реальностью, это будет означать, что угроза со стороны Ирана заключается не только в его усилиях по созданию ядерного оружия, но и в «его бесконечной и жестокой борьбе, включая прокси, за региональную гегемонию».

Тем не менее, несмотря на «Авраамовы соглашения» и усиление внимания Израиля и стран Персидского залива к сотрудничеству, в том числе в вопросах безопасности, путь к созданию совместных боевых сил, включающих Израиль, считается по-прежнему «долгим и полным препятствий». Несмотря на то, что монархии Персидского залива могли бы получить большие преимущества от военного союза с Израилем, в том числе в области разведки, они опасаются столкнуться с еще более серьезными угрозами со стороны Ирана. Любое дальнейшее сближение с Израилем может нанести им ущерб. Таким образом, считают в INSS, без существенного американского участия или лидерства на готовность монархий Персидского залива к такому военному союзу рассчитывать не приходится. Иными словами, оно возможно в виде их присоединения к американской инициативе и образования коалиции во главе с Соединенными Штатами.

Со своей стороны, Израиль не заинтересован в ограничении себя обязательствами, которые предполагает военный союз в классическом смысле. Имеются в виду обязательства принимать участие в конфликтах, которые его не касаются. Кроме того, создание военного союза будет означать определенную степень сближения и, вероятно, приведет к иранской реакции, которую Израиль и страны Персидского залива хотят избежать.

Поэтому, считают К. Майкл и Й. Гузанский, «если Израиль желает создать региональный военный союз – пусть и без полного участия, но в условиях значимого и влиятельного сотрудничества, – он должен сначала заручиться поддержкой Соединенных Штатов, действовать менее заметно и позаботиться о том, чтобы заложить прочную основу для любого широкого союза, который помимо многих аспектов кооперации в гражданской сфере будет иметь и военную составляющую». Первые шаги в этом направлении должны заключаться в налаживании скрытого сотрудничества, например, путем пресечения контрабанды иранского оружия или прекращения создания и применения иранских ракет класса «земля-земля» и беспилотных летательных аппаратов, будь то самим Ираном или его прокси.

Наряду с этим эксперты INSS советуют израильскому руководству продолжать участвовать в региональных маневрах, развивать технологическое сотрудничество и прежде всего прилагать усилия по взаимодействию в гражданской сфере – по экономическим, инфраструктурным, культурным и экологическим вопросам. Поскольку многие из этих вопросов уже стоят на повестке дня отношений между странами и являются средством создания инфраструктуры регионального сотрудничества, лидерам Персидского залива будет проще создать гражданский региональный альянс, который может перерасти в военное сотрудничество. Израильские эксперты рассчитывают на то, что преуменьшение военного аспекта и подчеркивание гражданского характера сотрудничества и активного участия Америки повысит вероятность формирования военного союза между Израилем и арабскими странами.

Саммит в Негеве (27–28 марта 2022 г.)

Регулярные дипломатические встречи с представителями стран, нормализовавших отношения с Израилем, свидетельствуют о том, что для израильского руководства укрепление связей в рамках «Авраамовых соглашений» является главным приоритетом. Прилагаются усилия по активизации процесса нормализации путем привлечения других региональных акторов. Однако затруднения на этом пути возникают, как минимум, по двум причинам: а) без США невозможно добиться расширения «Авраамовых соглашений»; б) задача вряд ли решаема

при администрации Байдена. Потенциально заинтересованные в нормализации отношений с Израилем региональные правительства охотнее пошли бы на это при бывшем президенте Д. Трампе, который в обмен был готов делать «интересные предложения». Рассчитывать на них при действующей администрации не приходится. Белый дом в настоящее время в основном сосредоточился на укреплении существующих соглашений. При этом ценность «Авраамовых соглашений» для Вашингтона и израильского руководства в принципе не одинакова. К тому же она разнится в зависимости от того, кто на данный момент занимает Овальный кабинет.

Изначально команда Байдена выразила недовольство решением Д. Трампа продать истребители-невидимки F-35 ОАЭ и признать суверенитет Марокко над оспариваемым регионом Западной Сахары. Что касается Израиля, сообщалось, что Б.Нетаньяху согласился на продажу F-35 Эмиратам, считая сделку ценой за «Авраамовы соглашения», но позже он это отрицал. Подобный прецедент в израильской истории уже был в 1979 г., когда после подписания израильско-египетского мирного договора Израиль выступил против продажи истребителей Египту. На этот раз возражение Б. Нетаньяху было вызвано тем, что получение ОАЭ F-35, считающихся в США и Израиле «самыми современными истребителями в мире», подорвет качественное военное преимущество (QME) еврейского государства в регионе.

Одним из важных событий с момента заключения «Авраамовых соглашений» стал саммит в израильском Негеве 27–28 марта 2022 г. министров иностранных дел трех арабских стран – ОАЭ, Бахрейна и Марокко – и главы внешнеполитического ведомства США. При этом объявление о визите госсекретаря США Энтони Блинкена в Израиль и на Западный берег реки Иордан «застало некоторых израильских аналитиков врасплох, поскольку он уже приезжал менее года назад, и от него не ожидали крупной дипломатической инициативы»³².

За неделю до этого мероприятия Н. Беннет отправился в синайский курортный город Шарм-эш-Шейх на первый в истории трехсторонний саммит с президентом Египта Абдель-Фаттахом ас-Сиси и наследным принцем ОАЭ шейхом Мухаммедом бен Заидом Аль Нахайяном, что также стало возможным благодаря «Авраамовым соглашениям». Три лидера обсудили результаты «глобальных событий» и их последствия для энергетики, ста-

бильности рынка и продовольственной безопасности, а также предположительно зашедшие в тупик переговоры по иранской ядерной программе в Вене.

Египетские комментаторы отмечали, что встреча отражает заинтересованность в формировании новых региональных союзов в свете ограниченного участия США в делах региона и необходимости стран совместно обеспечивать общую безопасность и решать экономические вопросы в отсутствие поддерживающей их мировой державы.

По мнению Офира Винтера (Ofir Winter)³³, встреча трех лидеров в Шарм-эш-Шейхе символизировала формирование региональной оси стран, разделяющих общие заботы и интересы по следующему ряду вопросов.

Во-первых, проблема иранской ядерной программы. Три страны заинтересованы в том, чтобы выступить перед администрацией США единым фронтом в отношении возможного возвращения к ядерному соглашению с Ираном. В то время как оговорки Израиля и Эмиратов по поводу некоторых пунктов соглашения были обозначены публично, Египет также заинтересован в усилении координации в области безопасности и предотвращении эскалации насилия в регионе. Основное беспокойство Каира вызывает усиление подрывной деятельности Ирана под прикрытием ядерного соглашения, особенно это касается хоуситов, которые атакуют союзников Египта в Персидском заливе и могут нарушить работу Суэцкого канала – важного источника валютных поступлений.

Во-вторых, война на Украине. Хотя эти три государства считают себя союзниками Вашингтона, они стремятся сохранить пространство для маневра между блоками в свете заинтересованности в контактах с Москвой для реализации своих интересов в сфере безопасности и экономики. Египет, например, до войны импортировал около 50% своей пшеницы из России, полагался на российский туризм и возлагал надежды на ряд российских экономических проектов на своей территории – от атомной электростанции «Эль-Дабба» до промышленной зоны в районе Суэцкого канала. К этому следует добавить российско-египетское сотрудничество на ливийском фронте и то значение, которое Египет придает позиции России по вопросу плотины «Возрождение» в Эфиопии.

В-третьих, поддержание стабильности в Египте и в регионе в целом. Среднестатистический гражданин Египта столкнулся

с серьезными экономическими проблемами после начала войны на Украине, включая падение курса египетского фунта более чем на 10% и резкий рост цен на продукты питания и энергоносители, что может спровоцировать политические и социальные волнения. Израиль обязался помочь Египту компенсировать потерю в сфере туризма из России и Украины, согласившись открыть новый воздушный маршрут между Тель-Авивом и Шарм-эш-Шейхом. Абу-Даби также объявил об инвестициях в египетские компании на сумму 2 млрд долларов. Две страны могут присоединиться к усилиям Египта по получению помощи от международных финансовых учреждений, таких как МВФ³⁴.

«Исторический дипломатический саммит в Негеве» с участием глав внешнеполитических ведомств США, ОАЭ, Бахрейна и Марокко, при участии главы МИДа Египта Самеха Шукри прошел в Сде-Бокер, к югу от Безр-Шевы, где жил и был погребен Давид Бен-Гурион, первый премьер-министр Государства Израиль. От проведения мероприятия такого масштаба в Иерусалиме, который Израиль считает своей столицей, отказались из-за проблем с безопасностью на фоне столкновений на Храмовой горе между палестинцами и израильской полицией.

Как сообщалось в израильских СМИ, «к Э. Блинкену присоединились его коллеги – Абдулла бен Заид Аль Нахайян из ОАЭ, Абдуллатиф бин Рашид аль-Заяни из Бахрейна и Насер Бурита из Марокко»³⁵.

По завершении саммита в Негеве 29 марта 2022 г. посол США в Израиле Томас Р. Найдс отправился в Объединенные Арабские Эмираты вместе с послом ОАЭ в Израиле Мухаммедом аль-Хаджем, послом Бахрейна в Израиле Халедом аль-Джалахмой и министром культуры Израиля Йехиэлем Троппером. Министр спорта и молодежи Бахрейна Айман Тауфик Муайяд, министр культуры, молодежи и коммуникаций Марокко Мухаммед Бенсаид, министр культуры и молодежи ОАЭ Нура аль-Кааби и государственный министр ОАЭ по делам молодежи Шамма бинт Сухайль аль-Мазруи также присоединились к VIP-делегации. Эти высокопоставленные чиновники приняли участие в первом «Фестивале и играх Авраамовых соглашений», запланированном и организованном правительством ОАЭ однодневном мероприятии с участием легенд национального футбола и лучших шеф-поваров из всех стран-участниц соглашений. «За ужином последовала церемония подписания

Совместной декларации о культуре и спорте во имя мира между странами, заключившими «Авраамовы соглашения», что призвано заложить основу для будущего сотрудничества», – говорится в заявлении Посольства США в Израиле. Мероприятие прошло на выставке Expo 2020 Dubai с целью углубления культурного сотрудничества и связей между народами стран, нормализовавших отношения с Израилем³⁶.

Согласно сообщению Госдепартамента США, Э. Блинкен планировал использовать саммит в Негеве для усиления взаимодействия между союзниками Америки на фоне «вторжения России на Украину», «дестабилизирующей деятельности Ирана». Лишь после этого отмечалась задача «координации в рамках “Авраамовых соглашений”», а также «улучшения израильско-палестинских отношений» (определение приоритетов разнится с оценками израильских экспертов). В рамках визита в Израиль Э. Блинкен встретился с премьер-министром Н. Беннетом, министром иностранных дел Я. Лапидом, министром обороны Б. Ганцем и президентом И. Герцогом, а также президентом Палестинской национальной администрации Махмудом Аббасом (Абу Мазеном) и представителями палестинского гражданского общества в Рамалле (столице ПНА).

Стоит отметить, что в отличие от администрации Д. Трампа, которая в значительной степени отделяла «Авраамовы соглашения» от израильско-палестинского мирного процесса, в команде Байдена неоднократно заявляли, что соглашения о нормализации отношений с Израилем не могут его заменить. Нынешняя администрация выражает желание использовать соглашения, чтобы уговорить Израиль сделать шаги в сторону палестинской государственности или, по крайней мере, сохранения такой перспективы.

По мнению экспертов Института исследований национальной безопасности, в частности, Анат Курц (Anat N. Kurz), директора по исследованиям, ведущего научного сотрудника и редактора Insight (Аналитических материалов INSS), саммит в Негеве был нацелен на создание образов. Страны, представители которых приняли участие во встрече, стремились продемонстрировать совместную организацию для решения общих проблем. Соединенные Штаты пытались также показать приверженность своим союзникам на Ближнем Востоке и обеспечению стабильности в регионе. При этом на практике региональные страны не могут помешать США и другим державам

заклучить новое ядерное соглашение с Ираном, и они, кроме Израиля, воздерживаются от военного противостояния с Тегераном. Тем временем хоуситы продолжают наносить удары по Саудовской Аравии и ОАЭ без реального ответа с их стороны. В этих условиях государства Персидского залива не откликнулись на просьбу Вашингтона и предпочли не увеличивать добычу нефти и природного газа, чтобы помочь Западу справиться с энергетическим кризисом и придержать рост цен на топливо. Поэтому, «несмотря на впечатляющие достижения Израиля в проведении саммита в Негеве, решимость и способность участников превратить достигнутые в ходе встречи договоренности в эффективную политику остаются под вопросом»³⁷.

Уди Декель (Udi Dekel)³⁸, управляющий директор INSS, отметил, что «саммит проходил на фоне военного вторжения России на Украину, которое вызвало опасения по поводу безопасности во многих странах и привело к росту цен на нефть и продовольствие. Все это сопровождалось приближением великих держав и Ирана к заключению ядерного соглашения». Таким образом, стран-участниц объединяют общие угрозы, с которыми они сталкиваются, особенно со стороны Ирана. Их опасения усиливаются в связи с очевидной готовностью США снять наложенные на Иран ограничения, высвободив ресурсы, которые «помогут Тегерану продолжить подрывную и дестабилизирующую деятельность в регионе». Еще одним источником беспокойства является намерение США уйти из региона. Хотя цель саммита не была четко обозначена, суть мероприятия У. Декель увидел в создании основы для совместного ориентирования в новой глобальной и региональной действительности, что включает в себя ряд аспектов.

1. Сотрудничество против Ирана – в рамках своего рода Ближневосточного альянса безопасности (Middle East Security Alliance, MESA). «Подобно тому, как Запад объединился против России, и альянс НАТО сплотил свои ряды, прагматичные арабские страны объединяются с Израилем против Ирана», – считает У. Декель.

2. Координация политики в условиях новой ситуации в мире, в котором усиливается конкуренция между великими державами, при этом на данном этапе главная арена находится в Европе. Положение ухудшается в связи с уходом США с Ближнего Востока и образованием вакуума, что может привести к усилению Ирана и его влияния на весь регион.

Следовательно, необходимо предпринимать меры, чтобы заполнить вакуум, вплоть до восстановления Сирии, на что «был сделан намек во время визита президента Башара Асада в ОАЭ» 18 марта 2022 г.

3. Выработка единой позиции по отношению к США, которые требуют, чтобы страны региона выступили против России в конфликте на Украине. Тогда как сами США стремятся заключить соглашение, считающееся в регионе неэффективным и временным, с Ираном, «агрессивным игроком» на Ближнем Востоке, и даже готовы легитимировать иранский Корпус стражей исламской революции. В ответ, полагает У. Декель, сообщение Вашингтону звучит так: «Вы тоже должны выбрать сторону!»

4. Требование к администрации Байдена продолжать поддерживать «Авраамовы соглашения» («единственное положительное наследие администрации Трампа»), укреплять их и расширять, а также продвигать в их рамках вопросы прежде всего региональной безопасности, энергетики, технологий и экономики.

Смысл саммита для У. Декеля заключается еще в том, что произошедший накануне его проведения кровопролитный теракт в израильском городе Хадера не изменил ситуацию, при которой «палестинский вопрос официально вычеркнут с региональной повестки дня». По мнению эксперта, «арабский мир принимает Израиль в свой клуб безо всяких условий». К тому же еврейское государство получило еще одну возможность продемонстрировать, что «играет в высшей лиге, выступая посредником между президентом Путиным и президентом Зеленским, а также между Вашингтоном и арабскими странами, поскольку особые отношения между Израилем и США способствовали тому, что путь к Вашингтону лежит через Иерусалим».

Об ослаблении роли США в регионе говорит Оded Эран (Oded Eran)³⁹. Он отмечает парадокс, заключающийся в том, что, с одной стороны, политика Д. Трампа создала на Ближнем Востоке и в Европе ощущение отсутствия американского партнера в решении важнейших стратегических вопросов, а с другой, – именно это помогло ему сблизить несколько арабских стран с Израилем. В арабских столицах «появилось понимание того, что сокращение американских обязательств требует новых партнерских отношений и избавления от дав-

них разногласий и обид, например, в их отношениях с Израилем или Турцией».

О. Эран, исходя из того, что «российское вторжение на Украину нанесло серьезный удар по попыткам Китая и России создать новый мировой порядок, а также бросило вызов доминирующему положению США», рассматривает саммит в Негеве как «попытку стран-участниц, хотя и не обязательно скоординированную, воспользоваться возвращением США к руководству существующим порядком как средством продвижения общих интересов, а также отдельных интересов каждой страны». Участие в саммите Египта эксперт объясняет стремлением «обновить свой имидж важной опоры на Ближнем Востоке», в то время как государства Персидского залива искали доказательства того, что США привержены их основным интересам безопасности и связям с Израилем. Израильское руководство, полагает О. Эран, также будет добиваться помощи от Америки в стимулировании процесса нормализации отношений с арабскими странами в регионе.

Сима Шайн (Sima Shine)⁴⁰ рассматривает саммит в Негеве прежде всего как значительный вклад в национальную безопасность Государства Израиль. Публичное превращение Израиля в часть региональной структуры и в центральное звено сотрудничества между суннитскими арабскими странами усиливает его позицию по отношению к враждебным элементам (Ирану), а также союзнику в лице США, которые рассматривают процесс нормализации на Ближнем Востоке в качестве своего актива.

Для С. Шайн на первом месте в повестке дня саммита в Негеве была иранская угроза, развитие ядерной программы, а также региональная политика Ирана. Затем отмечается «война на Украине, создающая необходимость пересмотра проамериканским лагерем своей политики в отношении России и Китая; двусторонние противоречия некоторых суннитских стран с США; и общие экономические интересы». Иранскую угрозу она считает «общим знаменателем для всех участников саммита». Хотя и в этом вопросе делались разные акценты.

Израильское руководство рассматривает иранскую ядерную программу как самую серьезную стратегическую угрозу. Несмотря на то, что в случае подписания ядерной сделки с Ираном будут свернуты некоторые компоненты его ядерной программы, Израиль обеспокоен тем, что она не удалит значи-

тельные знания, накопленные иранцами за последние три года, тогда как Вашингтон в ближайшем будущем перестанет относиться к иранскому ядерному проекту как проблеме.

Суннитские арабские страны более обеспокоены региональной политикой Тегерана и тем, что возвращение к ядерному соглашению может снизить интерес Америки к Ирану и его политике. Иранцам будет предоставлена большая свобода действий, которая позволит им помогать своим союзникам и оказывать через них влияние на регион, в том числе путем свержения существующих режимов.

По мнению С. Шайн, главным военным преимуществом Тегерана является его способность наносить ущерб странам Персидского залива и Израилю, а также угрожать присутствию США в Ираке и в Персидском заливе своими ракетными комплексами и БПЛА, при этом имея возможность отрицать любую прямую причастность к атакам. «Позтому перспектива создания региональной системы обороны совместно с США, с их технологическими возможностями высокого уровня представляет собой серьезный [угрожающий] сценарий для Тегерана». Обсуждаемая оборонительная система, на которую у Ирана не будет ответа, превзошла бы его возможности и в случае ее реализации укрепила бы отношения стран Персидского залива с Израилем и США, что полностью противоречит иранским интересам⁴¹.

Саммит в Негеве: Марокко

В контексте рассмотрения значения Негевского саммита следует отметить, что первый визит в Израиль министра иностранных дел Марокко Насера Буриты состоялся по случаю участия в этом мероприятии. С одной стороны, встреча на высоком уровне прошла «в период позитивных событий во многих областях израильско-марокканских отношений», с другой, – интересы королевства, которые легли в основу его участия в саммите, гораздо шире, чем двусторонние отношения с Израилем. По мнению Морр Линк (Morr Link), научного сотрудника программы им. Нойбауэра в INSS, это прежде всего беспокойство Рабата по поводу угрозы, исходящей от Ирана.

Она напомнила, что Марокко разрывало отношения с Ираном в 2009 г. и в 2018 г., когда король Мухаммед VI обвинил

иранцев в вооружении Фронта ПОЛИСАРИО, выступающего против марокканского контроля над Западной Сахарой. Иран также развивает отношения с Алжиром, соперником Марокко. Однако эксперт, как и ряд ее коллег, призывает не забывать, что интересы арабских стран (включая Марокко) перед лицом иранской угрозы не тождественны интересам Израиля. Поэтому на данном этапе сложно ожидать появления единой региональной политики в отношении Ирана, о чем свидетельствуют шаги в сторону Тегерана, предпринятые ОАЭ и Саудовской Аравией в 2021 г.

Отмечается, что в ходе дискуссий на саммите в Негеве стало очевидно, что не менее важным вызовом для марокканцев являются экономические вопросы. Неблагоприятный прогноз заключается в том, что рост цен на продукты питания и энергоносители негативно скажется на марокканской экономике, которая начала демонстрировать признаки восстановления после пандемии COVID-19. Ситуацию осложняет самая серьезная за последние десятилетия засуха, которая нанесла значительный ущерб марокканскому сельскому хозяйству, что побудило Всемирный банк предоставить кредит в размере 180 миллионов долларов.

Марокко заинтересовано в выстраивании отношений с Израилем и США, в том числе с целью утвердить американскую политику (Д.Трампа) в вопросе Западной Сахары.

В Израиле, в свою очередь, подметили, что марокканская делегация не присутствовала на голосовании Генассамблеи ООН по резолюции, осуждающей «российское вторжение на Украину». Не было упущено из виду также то, что министр иностранных дел Н. Бурита встретился со специальным посланником правительства Китая по вопросам Ближнего Востока Чжаем Цзюнем. Они обсудили улучшение отношений между странами на фоне увеличения китайских инвестиций в Марокко и присоединения королевства к инициативе «Один пояс, один путь». Таким образом, отмечает израильский эксперт, Рабат продолжает сигнализировать о желании в какой-то степени поддерживать независимую внешнюю политику по отношению к США⁴².

Выше упоминалось о том, что Марокко в числе других стран региона выразило «решительное осуждение вторжения израильских оккупационных сил в мечеть Аль-Акса, закрытия ими ворот и агрессии против безоружных верующих на терри-

тории мечети». В заявлении Министерства иностранных дел говорится, что королевство «считает, что эта вопиющая агрессия и преднамеренная провокация во время священного месяца Рамадан только разожжет ненависть и экстремизм и сведет на нет шансы на возобновление мирного процесса в регионе»⁴³.

Саммит в Негеве и палестинский вопрос

Саммит министров иностранных дел в Сде-Бокер некоторые эксперты рассматривали как достижение внешней политики Израиля, который оказался ведущей осью и игроком в формировании новой региональной архитектуры. В частности, Коби Майкл из INSS полагает, что в формирующихся региональных рамках появилась возможность продвигать общие цели Израиля и Палестинской национальной администрации (ПНА): улучшение экономического положения и благосостояния палестинцев; адекватное удовлетворение потребностей в занятости молодых палестинцев, которые хорошо образованы, но разочарованы существующим положением вещей; наконец, создание атмосферы, которая будет способствовать продвижению политического процесса. Кроме того, сложившаяся региональная структура предоставит израильскому правительству некоторую свободу действий для проведения работы, которая не может быть реализована на двустороннем израильско-палестинском уровне.

Проблема заключается в том, что палестинское руководство выступает против любого движения в сторону нормализации отношений между Израилем и арабским миром, в чем видится угроза национальным и стратегическим интересам Палестины. Тот факт, что арабские страны отвернулись от палестинского руководства и, по сути, от палестинского вопроса, отодвинув его на задний план своих национальных приоритетов, не убедил власти ПНА изменить курс. Израильские эксперты полагают, что арабские лидеры, представители которых присутствовали на саммите в Негеве, уже сделали выбор: исходя из государственных соображений, они считают Израиль жизненно важным союзником.

Лидеров арабских стран, как и США, полагает К. Майкл, «в настоящее время гораздо больше беспокоят не палестинцы,

а сложные региональные проблемы, в частности, активность Ирана и его прокси, а также возможное влияние российско-украинской войны на Ближний Восток (например, рост цен на нефть и пшеницу). Учитывая снижение статуса палестинского вопроса в региональной и международной повестке дня, диапазон возможностей и влияния палестинцев также уменьшился».

Правящее в секторе Газа движение ХАМАС это чувствует, поэтому может попытаться предпринять шаги, направленные на эскалацию напряженности (избегая при этом действий в секторе Газа). Для них важно сохранить за собой образ защитника святых мест ислама и лидера вооруженной борьбы с Израилем, а также поставить в неловкое положение власти в Рамалле, чтобы утвердиться в глазах палестинской общественности в качестве альтернативы ПНА и правящему на Западном берегу реки Иордан движению ФАТХ. Такие действия ХАМАСа одновременно могут принести выгоду руководству ПНА, которое стремится вернуть палестинский вопрос в глобальную и региональную повестку дня. Таким образом, тенденция сохраняется, а это означает, что палестинский вопрос больше не является препятствием для сближения Израиля с арабскими странами⁴⁴.

Подводя общий знаменатель под оценками израильских экспертов процесса нормализации отношений с еврейским государством в рамках «Авраамовых отношений», следует прежде всего отметить то, что у каждой арабской страны, решившейся на сближение с Израилем, была своя повестка дня. Фактор администрации Трампа сыграл решающую роль в достигнутых договоренностях. Не меньшее значение имеет уверенная и непреклонная политика Ирана, который продемонстрировал способность не только держать удар, но и перехватывать инициативу, что привело к лавированию американских союзников в регионе и их попыткам снять напряженность в вопросах безопасности путем переговоров с Тегераном.

Анализ оценок «исторического саммита в Негеве» показывает, что это мероприятие засвидетельствовало не только более тесные связи между Израилем и рядом его соседей, но и роль Израиля в ослаблении напряженности между арабскими странами и США. Эта напряженность усилилась в связи с войной на Украине и отказом прежде всего Саудовской Аравии и ОАЭ следовать политической линии США и играть более зна-

чимую роль в дипломатической и экономической изоляции России. Израильские эксперты допускают, что монархии Залива могут пойти на более тесное сотрудничество с США (что в интересах Израиля) в контексте войны на Украине при условии, что Вашингтон положительно отреагирует хотя бы на некоторые из их опасений по поводу Ирана.

Разногласия между государствами Персидского залива и Америкой проявляются в изменении внешней политики ряда ключевых арабских стран, которые адаптировались к усилению позиций России и Китая на Ближнем Востоке за счет американцев. После начала событий на Украине утвердилось мнение о том, что арабский мир больше не может полагаться на США в случае иранской агрессии. Израильские эксперты указывают на то, что такой точки зрения придерживаются ведущие арабские обозреватели. Даже если Вашингтон пойдет на дополнительные меры для поддержки безопасности монархий Залива, а те, в свою очередь, увеличат добычу нефти, сомнения по поводу будущего участия США в регионе сохранятся, равно как и убежденность региональных акторов в том, что им необходимо искать иные пути уменьшения рисков и реализации своих возможностей.

В этих условиях Израиль предпринимает усилия по развитию «Авраамовых соглашений», однако по прошествии полутора лет «самый большой приз в арабском мире – Королевство Саудовская Аравия» – по-прежнему балансирует, сопоставляя возможные выгоды и риски. Одним из пунктов, относящихся к доводам в КСА против официальной нормализации отношений с Израилем, является палестинская проблема, которую Израиль усиленно вычеркивает из региональной и международной повестки дня.

¹ Israel International Relations: Israel – UAE Relations. <https://www.jewishvirtuallibrary.org/israel-uae-relations>

² Там же.

³ Ambassador Yousef Al Otaiba Statement Regarding Announcement Between Israel and United Arab Emirates (13 August 2020). <https://www.uae-embassy.org/news/statements-and-reactions-regarding-uae-israel-peace-accord>

⁴ US assured UAE it won't back Israel annexation before 2024 at earliest, ToI told // Times of Israel. 13.09.2020. <https://www.timesofisrael.com/us-assured->

uae-it-wont-back-israel-annexation-before-2024-at-earliest-toi-
told/?utm_source=Jewish+Insider+Contacts&utm_campaign=11634d9840-
EMAIL_CAMPAIGN_2020_06_24_06_53_COPY_02&utm_medium=email
&utm_term=0_008e75e2f9-11634d9840-92769501#gs.fkxlv4

⁵ The Palestinians have been left on their own // Israel Hayom. 01.09.2020.
<https://www.israelhayom.com/opinions/the-palestinians-have-been-left-on-their-own/>

⁶ The Israel – UAE Agreement’s Greatest Achievement: Little Arab Protest /
BESA. 03.09.2020. <https://besacenter.org/israel-uae-peace-protest/>

⁷ Israel International Relations: Israel – UAE Relations.
<https://www.jewishvirtuallibrary.org/israel-uae-relations>

⁸ Д-р Йоэль Гузанский (Yoel Guzansky), старший научный сотрудник Института исследований национальной безопасности (INSS), специализируется на политике и безопасности стран Персидского залива; внештатный научный сотрудник Института Ближнего Востока в Вашингтоне, округ Колумбия (Middle East Institute in Washington D.C.); приглашенный научный сотрудник Гуверовского института Стэнфордского университета (Stanford University’s Hoover Institution); научный сотрудник Израильского института в США (Israel Institute) и стипендиат программы Фулбрайта. Он работал в Совете национальной безопасности Израиля в канцелярии премьер-министра, координируя работу по Ирану и Персидскому заливу под руководством четырех советников по национальной безопасности и трех премьер-министров; в настоящее время является консультантом нескольких министерств.

⁹ From the Abraham Accords to the War in Yemen: The United Arab Emirates and the Iranian Threat / INSS. 09.02.2022.

<https://www.inss.org.il/publication/iran-uae/>

¹⁰ Israel International Relations: Israel – UAE Relations.
<https://www.jewishvirtuallibrary.org/israel-uae-relations>

¹¹ Соглашение между Израилем и ОАЭ: почему это хорошая новость для региона // ТАСС. 14.08.2020.

https://tass.ru/opinions/9204205?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru

¹² UAE, Bahrain, Morocco join condemnation of police actions at Temple Mount clashes // Times of Israel. 16.04.2022.

https://www.timesofisrael.com/uae-bahrain-join-condemnation-of-police-actions-amid-temple-mount-clashes/?utm_source=article_hpsidebar&utm_medium=desktop_site&utm_campaign=israel-to-host-blinken-and-fms-of-uae-morocco-and-bahrain-in-historic-summit

¹³ Israel International Relations: Israel – UAE Relations.

<https://www.jewishvirtuallibrary.org/israel-uae-relations>

¹⁴ Bahrain Virtual Jewish History Tour.

<https://www.jewishvirtuallibrary.org/bahrain-virtual-jewish-history-tour#israel>

¹⁵ After Bahrain, spotlight on Saudi role amid normalization deals // Jerusalem Post. 12.09.2020. <https://www.jpost.com/middle-east/after-bahrain-spotlight-on-saudi-role-amid-normalization-deals-642025>

¹⁶ Bahrain Virtual Jewish History Tour.

<https://www.jewishvirtuallibrary.org/bahrain-virtual-jewish-history-tour#israel>

¹⁷ ‘From friends to family’: Israel and Bahrain establish diplomatic relations // Times of Israel. 18.10.2020. <https://www.timesofisrael.com/israel-bahrain-sign-historic-agreement-formally-establishing-diplomatic-ties/>

¹⁸ Bahrain's Undersecretary for Political Affairs Visits INSS.

<https://www.inss.org.il/bahrain-undersecretary/>

¹⁹ Analysts debate impact of Israel-UAE-Bahrain accords at Abu Dhabi Strategic Debate // Arabnews. 11.11.2020.

<https://www.arabnews.com/node/1761806/middle-east>

²⁰ Амос Ядлин – исполнительный директор INSS (2011–2021). Под его руководством Институт исследований национальной безопасности превратился в ведущий аналитический центр в Израиле и на Ближнем Востоке, а также занял двенадцатое место среди «мозговых центров» мира в сфере обороны и национальной безопасности. Он служил в Генеральном штабе ЦАХАЛа, занимал должность начальника военной разведки (2006–2010). До этого работал военным атташе в США. В феврале 2002 г. получил звание генерал-майора и был назначен командующим Военными училищами ЦАХАЛа и Колледжем национальной обороны. Он бывший заместитель командующего ВВС Израиля, командовал двумя истребительными эскадрильями и двумя авиабазами. Участвовал в Войне Судного дня (1973), операции «Мир Галилее» (1982) и операции «Тамуз» – уничтожение ядерного реактора «Осирак» в Ираке (1981). Он получил степень бакалавра с отличием по экономике и деловому администрированию в Университете Бен-Гуриона в Негеве (1985), имеет степень магистра государственного управления Школы государственного управления Джона Ф. Кеннеди Гарвардского университета.

²¹ Analysts debate impact of Israel-UAE-Bahrain accords at Abu Dhabi Strategic Debate // Arabnews. 11.11.2020.

<https://www.arabnews.com/node/1761806/middle-east>

²² Sudanese Jewish History.

<https://www.jewishvirtuallibrary.org/south-sudan-virtual-jewish-history-tour>

²³ Israeli FM: Deepening Relations with Morocco is Top Priority // Morocco World News. 26.12.2021.

<https://www.moroccoworldnews.com/2021/12/346206/israeli-fm-deepening-relations-with-morocco-is-top-priority>

²⁴ Эфраим Инбар был директором-основателем Центра стратегических исследований «Бегин-Садат» (1993–2016). С 2017 г. – президент Иерусалимского института стратегии и безопасности (Jerusalem Institute for Strategy and Security, JISS). Он является профессором политических исследований в Бар-Иланском университете; был приглашенным профессором в Джорджтаунском и Бостонском университетах, а также в Университете Джона Хопкинса и др. исследовательских центрах. Он был президентом Израильской ассоциации международных исследований; членом Политического стратегического комитета Национального совета по планированию; председателем комитета по учебной программе национальной безопасности в Министерстве образования; членом Академического комитета Департамента истории ЦАХАЛа. Он автор пяти книг: «Страны-изгои в мировом сообществе» (1985), «Война и мир в израильской политике. Позиции «Аводы» по вопросам национальной безопасности» (1991), «Рабин и национальная безопасность Израиля» (1999), «Израильско-турецкая Антанга» (2001) и «Национальная безопасность Израиля: проблемы и вызовы после войны Судного дня» (2008). Он является экспертом по израильской стратегической доктрине, общественному мнению по вопросам национальной безопасности, политике США на Ближнем Востоке, израильско-палестинской дипломатии и израильско-турецким отношениям. Степень магистра и доктора философии Э. Инбар получил в Чикагском университете после окончания бакалавриата по политологии и английской литературе в Еврейском университете в Иерусалиме.

²⁵ כוכבית עם אדיר פוטנציאל: ומרוקן ישראל / JISS. 08.12.2021.

<https://jiss.org.il/he/inbar-israel-and-morocco-potential/>

²⁶ Morocco, Israel Discuss Cooperation on Military Intelligence // Morocco World News. 25.03.2022.

<https://www.moroccoworldnews.com/2022/03/347903/morocco-israel-discuss-cooperation-on-military-intelligence>

²⁷ כוכבית עם אדיר פוטנציאל: ומרוקן ישראל / JISS. 08.12.2021.

<https://jiss.org.il/he/inbar-israel-and-morocco-potential/>

²⁸ Коби Майкл – старший научный сотрудник INSS и редактор журнала «Стратегическая оценка». Его основные исследовательские интересы включают: разрешение конфликтов; стратегия; национальная безопас-

ность; военно-гражданские отношения; социально-военные отношения; несостоявшиеся государства и операции по поддержанию мира и государственному строительству; израильско-палестинский конфликт. К. Майкл работал заместителем генерального директора и главой палестинского отдела в Министерстве стратегического планирования. Он был преподавателем Университета им. Бен-Гуриона (2008–2011), старшим преподавателем Ариельского университета (2013–2015), приглашенным профессором Северо-Западного университета в Иллинойсе (2006–2007) и Пекинского университета (2017). Он автор 18 книг и монографий и более 100 статей и глав в книгах; был награжден несколькими академическими премиями, среди которых премия Ярива, премия Чешика, премия Ицхака Саде и премия в области политологии Израильской ассоциации за лучшую книгу 2008–2009. Среди его последних книг и монографий: «Семьдесят лет БАПОР – время структурных и функциональных реформ» (в соавторстве с Михалем Хатуэлем-Радошицким), 2020 г.; «Силы специальных операций в 21 веке – перспективы социальных наук» (под редакцией Джессики Гликен Тернли и Эяля Бен-Ари), 2017 г.; «Шесть дней и пятьдесят лет» (в соавторстве с Габи Сибони и Анат Курц), 2018 г.; «Арабский мир на пути к государственному краху» (в соавторстве с Йозефом Гузанским), 2017 г.; «Стратегия АОИ в перспективе национальной безопасности» (в соавторстве с Меиром Эльраном и Габи Сибони), 2016 г.

²⁹ Establishing an Arab NATO: Vision versus Reality / INSS. 15.11.2018.

<https://www.inss.org.il/publication/establishing-arab-nato-vision-versus-reality/>

³⁰ Revisiting the Possibility of a Regional Military Alliance / INSS. 24.02.2022.

<https://www.inss.org.il/publication/nato-of-the-middle-east/>

³¹ Там же.

³² Israel to host Blinken and FMs of UAE, Morocco and Bahrain in 'historic summit' // The Times of Israel. 25.03.2022.

https://www.timesofisrael.com/israel-to-host-blinken-and-fms-of-uae-morocco-and-bahrain-in-historic-summit/?utm_source=article_hpsidebar&utm_medium=desktop_site&utm_campaign=russian-israeli-oligarch-who-gave-up-russian-citizenship-calls-putin-a-psychopath

³³ Офир Винтер – научный сотрудник INSS и преподаватель кафедры арабских и исламских исследований Тель-Авивского университета. Он получил докторскую степень на факультете истории Ближнего Востока и Африки Тель-Авивского университета. Является автором книги «Сионизм в арабских дискурсах» (Manchester University Press, 2016, совместно с Урией Шавитом), а также автором статей о политике Египта, арабо-израильском

конфликте, церкви и государстве в арабском мире и современном мусульманском праве.

³⁴ The Tripartite Summit in Egypt: Behind the Meeting of the Three Regional Leaders / INSS. 24.03.2022. https://www.inss.org.il/social_media/the-tripartite-summit-in-egypt-behind-the-meeting-of-the-three-regional-leaders/

³⁵ Israel to host Blinken and FMs of UAE, Morocco and Bahrain in ‘historic summit’ // The Times of Israel. 25.03.2022.

https://www.timesofisrael.com/israel-to-host-blinken-and-fms-of-uae-morocco-and-bahrain-in-historic-summit/?utm_source=article_hpsidebar&utm_medium=desktop_site&utm_campaign=russian-israeli-oligarch-who-gave-up-russian-citizenship-calls-putin-a-psychopath

³⁶ High-Level Officials to Travel to UAE for the “Abraham Accords Games” Featuring Soccer Legends from Israel and Around the World. U.S. Embassy in Israel. 24.03.2022. <https://il.usembassy.gov/high-level-officials-to-travel-to-uae-for-the-abraham-accords-games-featuring-soccer-legends-from-israel-and-around-the-world/>

³⁷ The Negev Summit – What Next? / INSS. 03.04.2022.

<https://www.inss.org.il/publication/negev-summit/>

³⁸ Уди Декель – управляющий директор INSS с 2013 г. До прихода в Институт возглавлял группу на переговорах с палестинцами в Аннаполисе при правительстве Ольмерта. Бриг. генерал (в отставке). Декель занимал многие руководящие должности в военной разведке, международном военном сотрудничестве и стратегическом планировании. Он был начальником отдела стратегического планирования в Управлении планирования Генерального штаба ЦАХАЛа. До этого занимал должности начальника отдела внешних связей Генерального штаба и начальника исследовательского отдела разведки ВВС Израиля.

³⁹ Овед Эран, старший научный сотрудник INSS, занимал должность директора INSS с 2008 по 2011 г. после долгой карьеры в МИДе Израиля и на других государственных должностях. До INSS он был представителем Всемирного еврейского конгресса в Израиле и генеральным секретарем израильского отделения ВЕК. С 2002 по 2007 г. – посол Израиля в Европейском Союзе (включая НАТО). До этого (1997–2000) он был послом Израиля в Иордании и главой израильской переговорной группы с палестинцами (1999–2000). Занимал также такие должности, как заместитель генерального директора МИДа и замглавы посольства Израиля в Вашингтоне. С 2007 по 2013 г. – советник подкомитета Кнессета по иностранным делам. Докторскую степень получил в Лондонской школе экономики.

⁴⁰ Сима Шайн – руководитель Иранской программы в INSS. До этого она была начальником Отдела исследований и оценок Моссада (2003–2007). В этом качестве отвечала за подготовку оценок по ближневосточным и международным вопросам, поддерживала контакты в сфере безопасности и разведки с различными партнерами в международном сообществе, а также участвовала в военно-политических встречах с лицами, принимающими решения. После выхода на пенсию из Моссада С. Шайн занимала должность заместителя главы по стратегическим вопросам в Совете национальной безопасности Израиля (2008–2009), а затем (2009–2016) работала в Министерстве стратегического планирования, где отвечала, в частности, за «иранский фронт» и была заместителем генерального директора.

⁴¹ The Negev Summit – What Next? / INSS. 03.04.2022.

<https://www.inss.org.il/publication/negev-summit/>

⁴² Там же.

⁴³ UAE, Bahrain, Morocco join condemnation of police actions at Temple Mount clashes // Times of Israel. 16.04.2022.

https://www.timesofisrael.com/uae-bahrain-join-condemnation-of-police-actions-amid-temple-mount-clashes/?utm_source=article_hpsidebar&utm_medium=desktop_site&utm_campaign=israel-to-host-blinken-and-fms-of-uae-morocco-and-bahrain-in-historic-summit

⁴⁴ The Negev Summit – What Next? / INSS. 03.04.2022.

<https://www.inss.org.il/publication/negev-summit/>

РОЛЬ РЕЛИГИОЗНЫХ И СВЕТСКИХ ДВИЖЕНИЙ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ АЛЖИРА:
ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ВЫЗОВЫ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

Политизация мусульманской религии в странах ее традиционного распространения привела к формированию исламских политических партий, которые, с одной стороны, имеют много общих черт, но с другой, – существенным образом отличаются друг от друга (по типологии, степени включения исламских норм и догм в свои программы, по целям и задачам и др.). И это не только страновые особенности, но и специфика каждой отдельно взятой исламской партии. Зачастую даже в отдельной стране исламские партии используют различные методы политической борьбы, формы работы с массами¹.

В 2022 году наступила третья годовщина со дня создания движения «Хирак» в Алжире. Тремя годами ранее, в начале февраля 2019 года, президент страны Абдельазиз Бутефлика официально заявил о своем решении баллотироваться на пятый срок, несмотря на преклонный возраст и слабое здоровье. Его решение вызвало общенациональные протесты и продемонстрировало, что алжирское правительство формально могло быть стабильным, но стало все более неустойчивым внутри страны, особенно в глазах ее молодого населения².

После нескольких недель массовых демонстраций Бутефлика изменил решение и объявил, что не будет баллотироваться на пятый срок, отложил выборы и призвал временное правительство провести новые выборы в стране. Эти решения были направлены на то, чтобы выиграть время на фоне растущего общественного недовольства³. Однако и этих мер оказалось недостаточно, в результате чего в конце февраля 2019 г. в Алжире возникло массовое протестное движение, членами которого стали представители разных социальных

групп и поколений алжирцев. Волна протестов привела к свержению режима Бутефлики в апреле 2019 года⁴.

Однако было бы заблуждением предполагать, что алжирское гражданское общество хранило молчание до возникновения движения «Хирак». Перед февральскими событиями в алжирских городах почти ежедневно происходили протесты. Тем не менее раньше их характер и масштабы ограничивались преимущественно недовольством локального масштаба⁵. Хотя выборы и привычные властям политические приемы не были эффективны для подавления недовольства и достижения того, чего хотели различные заинтересованные группы и деятели, протесты стали для людей способом в доступной форме представить свои требования действующей власти и подтолкнуть ее к действиям⁶.

Тем не менее в случае с движением «Хирак» произошел существенный сдвиг. Новые протесты приобрели системный характер и были направлены на достижение смены системы. Их участники не преследовали конкретных целей и устремлений, а выражали общее недовольство политической и экономической элитой, группами и кланами, которые контролировали страну с момента обретения независимости от Франции в 1962 году. Движение «Хирак» было возвращено первым поколением, родившимся после окончания в Алжире гражданской войны и Черного десятилетия 1990-х годов⁷.

К настоящему времени ясно, что движение «Хирак» не смогло добиться системных изменений, которых оно хотело. Тем не менее полученный опыт нельзя не оценить по достоинству, так как члены движения заставили политические элиты пересмотреть свои отношения с алжирским обществом. В некотором смысле движение «Хирак» перекроило принципы политической игры в Алжире и заставило военную номенклатуру и других представителей власти пересмотреть взгляды на внутривластные процессы в стране⁸. Тем не менее, в том числе благодаря глобальной вспышке пандемии COVID-19, алжирским властям все же удалось использовать чрезвычайную ситуацию в области здравоохранения, чтобы загнать движение в угол и лишить его осязаемых перспектив.

То, что движению «Хирак» не удалось достичь своих первоначальных целей и требований, и то, что его деятельность постепенно ослабла, не означает, что недовольство, подпитывающее алжирское общество, исчезло или стало менее значи-

тельным, чем раньше⁹. Хотя властям страны удалось приспособиться к периодическим массовым протестам, факторы, которые подтолкнули алжирцев из самых разных слоев общества выйти на демонстрации, не были устранены, поэтому внутриполитическая нестабильность может легко вернуться, что, в свою очередь, превратится в порочный круг для правительства Алжира.

Роль и место террористической организации «Аль-Каида в странах исламского Магриба» в Алжире

По мере приближения третьей годовщины создания движения «Хирак» террористическая организация «Аль-Каида в странах исламского Магриба» (АКСИМ, запрещена в РФ) выпустила новое видеообращение после длительного перерыва. Медиа-издание АКСИМ под названием «Аль-Андалус» 12 февраля опубликовало видео под названием «Призыв к мобилизации», в котором молодой боевик, предположительное имя которого Абд аль-Мухсин Абу Джулайбиб, подверг критике протестовавших алжирцев, утверждая, что реальных изменений можно добиться только силовыми методами, а не мирными средствами, что является интересным суждением, если учитывать прежние позиции АКСИМ в отношении движения «Хирак»¹⁰.

В мае 2019 г. Абу Обеида Юссеф аль-Аннаби, впоследствии назначенный эмиром АКСИМ в ноябре 2020 г., стал главой Совета шуры и идеологическим лидером организации. В то время он одобрял пацифистские действия демонстрантов, утверждая, что джихад не ограничивается вооруженной борьбой. С помощью такой риторики аль-Аннаби пытался извлечь выгоду из нарастающего протеста в Алжире и использовать его участников в качестве резерва для вербовки. Однако эта попытка ему не удалась.

Неспособность АКСИМ представлять собой полюс притяжения и, как следствие, вербовать протестующих, вероятно, является причиной, по которой аль-Джулайбиб также напомнил о старых разногласиях внутри алжирских джихадистских кругов относительно стратегии Вооруженной исламской группы (ВИГ) 1990-х годов, которая устраивала нападения на гражданских лиц. Он охарактеризовал ВИГ как хариджитов (раскольников) и

подчеркнул, что джихадисты АКЦИМ положительным образом отличаются от ВИГ. Изменение в середине 1990-х гг. стратегии ВИГ и совершаемое ею насилие не только в отношении полиции и сил безопасности, но также гражданских лиц, которых считали «отступниками», подтолкнуло ряд членов к выходу из группировки. Затем на базе отколовшейся ячейки ими была создана «Салафитская группа проповеди и джихада» (Groupe salafiste pour la prédication et le Combat, GSPC), которая позднее стала называться АКЦИМ¹¹.

Таким образом, видео аль-Джулайбиба интересно по нескольким причинам. Как уже упоминалось, его обращение продемонстрировало сдвиг в идеологии АКЦИМ от готовности к мирным протестам в Алжире – к насилию и отказу от стремлений завоевать симпатии тех, кто протестовал под знаменами движения «Хирак». Однако этот сдвиг, вероятно, связан с неспособностью организации завоевать внимание протестующих и является скорее реакцией на отсутствие привлекательности АКЦИМ среди населения Алжира. Кроме того, объективно низкое качество видео с участием аль-Джулайбиба также говорит о том, что действующим в стране боевикам АКЦИМ мешают материально-технические и организационные проблемы. С этой точки зрения видео было своего рода признанием слабых позиций группировки в Алжире и еще раз доказывает, что хотя АКЦИМ и продолжает присутствовать на территории страны, ее основной стратегический фокус и успех последовательно сосредоточиваются в других местах, например, в Мали и прочих странах Сахеля.

Российская специальная военная операция на Украине и алжирский парадокс

Третья годовщина движения «Хирак» совпала с началом военной спецоперации России на территории Украины. Хотя Алжир не принимает непосредственного участия в этом конфликте, его последствия для страны значительны на многих уровнях. На этом фоне наиболее важным фактором, который следует учитывать, является неоднозначное влияние, которое спецоперация может оказать на внутривнутриполитическую и экономическую динамику в Алжире. С одной стороны, развернувшийся кризис подтолкнул цены на углеводороды до уровня,

невиданного с начала 2010-х годов. Алжир получает значительную выгоду от данной тенденции: предшествовавшие этому годы снижения цен на нефть в сочетании с внутренними проблемами уменьшили способность Алжира использовать государственные деньги для снижения социальной напряженности. Но в связи с тем, что цены на потребительские нужды снова растут, нынешний президент Абдельмаджид Теббун решил учредить субсидию в размере 13 000 алжирских динаров (около 91 доллара США).

Однако в то время как растущие цены на сырье увеличивают доходы от того, что страна способна продать в краткосрочной перспективе, Алжир имеет ограниченные резервные энергетические мощности, чтобы извлечь достаточно выгоды из сложившейся ситуации¹². Страна действительно планировала увеличить добычу нефти примерно до одного миллиона баррелей в сутки в апреле в соответствии с решением ОПЕК+. Однако годы бесхозяйственности, проблемы с управлением, юридические вопросы и жесткие договорные условия не позволили Алжиру стабильно наращивать объемы производства. Более того, даже если национальная нефтяная компания Sonatrach сумеет решить все свои проблемы, стране потребуются годы, чтобы задействовать большую часть ее потенциала. Рост внутреннего потребления снижает квоту на экспорт, а это означает, что в краткосрочной перспективе Алжир не сможет значительно увеличить производство и максимально обернуть в свою пользу текущую мировую ситуацию.

Поскольку российская спецоперация продолжается, Алжир сталкивается со своего рода дипломатическим парадоксом: страна воздержалась при голосовании на Генассамблее ООН, не высказав открытого осуждения действий Москвы. В целом Алжир оставался нейтральным в отношении конфликта, что соответствует как историческому подходу страны к глобальной политике, так и отражает тесные политические, экономические и военные связи, существующие между Алжиром и Россией¹³. Европейские страны до сих пор избегали слишком сильного давления на Алжир из-за отсутствия осуждения действий России и вряд ли будут делать это в обозримом будущем. Напротив, после начала спецоперации министр иностранных дел Италии Луиджи Ди Майо посетил Алжир вместе с Клаудио де Скальци, генеральным директором Ente Nazionale Idrocarburi (ENI) – итальянской нефтяной компании и крупного игрока на мировом

энергетическом рынке. От имени ЕС они стремились договориться об увеличении поставок алжирской нефти и газа в Европу, чтобы частично компенсировать сокращение импорта из России. Это было явным свидетельством возрастающего внимания европейцев к Алжиру.

С этой точки зрения Алжир может использовать текущую дипломатическую ситуацию так же, как он делал это в других случаях. Например, в начале 2000-х годов после событий 11 сентября Алжир превратился из международного изгоя в надежного союзника американцев и европейцев в борьбе с терроризмом. В данном случае Алжир может продать свои потенциальные энергетические мощности, чтобы частично уменьшить зависимость Европы от России в обмен на большую политическую и дипломатическую свободу. Таким образом Алжир сможет избежать преследования из-за своей близости к России, а также уменьшить давление со стороны европейских стран на фоне вновь нарастающих протестов и внутреннего социального недовольства¹⁴.

Однако в этой цепочке есть и третий элемент, который существенно беспокоит Алжир и также связан с текущим кризисом на Украине, а именно с вопросом продовольственной безопасности и особенно с ростом цен на продукты. Это общая проблема для многих африканских и ближневосточных стран, хотя Алжир не находится в таком затруднительном положении, как другие государства региона. Тем не менее Алжир является вторым по величине потребителем пшеницы в Африке и пятым по величине импортером зерновых в мире. По предварительным расчетам, текущего уровня запасов хватит на шесть месяцев.

Исторически основным партнером Алжира на этом рынке является Франция, но власти страны неоднократно обсуждали диверсификацию источников и рассматривали Россию в качестве потенциальной альтернативы. При этом следует помнить, что алжирская история полна примеров социальных и внутриполитических кризисов, вызванных ростом цен на хлеб. Наиболее запомнившимися являются беспорядки в октябре 1988 года, которые стали причиной гражданской войны 1990-х годов. Таким образом, подобное развитие событий может свести на нет положительное влияние роста доходов на укрепление общественных настроений и вынудит власти выделять еще больше ресурсов на укрепление социальной стабильности внутри страны.

Некоторые выводы и размышления

Спустя три года можно сделать вывод, что движение «Хирак» способствовало изменению параметров политической игры в Алжире, но не смогло способствовать структурным, системным изменениям в алжирской политической системе, в которой по-прежнему доминирует армия. Несмотря на то, что была проведена чистка в рядах политической и бизнес-элиты, тесно связанной с Бутефликой, во внутривластных процессах по-прежнему реализуются старые схемы. Удовлетворяя некоторые просьбы движения «Хирак», особенно в первые месяцы его мобилизации, алжирским элитам все же удавалось сдерживать массовые протесты с помощью мер, которые были предприняты для борьбы с пандемией COVID-19.

Парадоксально, но несмотря на тесные связи с Россией, Алжиру, скорее всего, удастся избежать дипломатической и политической изоляции, особенно от европейских стран, поскольку они остро нуждаются в альтернативных российским источниках энергии. На этом фоне недавнее видео, выпущенное АКЦИМ, демонстрирует, что группировка стала восприниматься в алжирском обществе как полностью маргинальное формирование, провалившее попытки завербовать даже небольшую часть протестующих.

В то время как АКЦИМ является весомым игроком в Сахеле, в Алжире и регионе Магриба в целом, она продолжает бороться за влияние. В случае с Алжиром это еще раз доказывает, что главная структурная угроза в лице радикального джихадизма, с которой он сталкивался в прошлом, теперь не стоит на первом плане. Однако поскольку движение «Хирак» так и не добились системных изменений, общественное недовольство, вызвавшее его мобилизацию, будет представлять для Алжира в долгосрочной перспективе серьезную внутривластную проблему, которую нынешние элиты, похоже, не желают и не могут решить.

¹ Долгов Б.В. Исламские партии и движения в политическом процессе стран Востока: учебное пособие // МГИМО МИД РФ. М.: МГИМО-Университет, 2020. – 247 с.

-
- ² <https://www.aps.dz/algerie/85303-bouteflika>
- ³ <https://www.jeuneafrique.com/1235953/politique/algerie-deces-dabelaziz-bouteflika/>
- ⁴ <https://jamestown.org/program/hot-issue-algerias-future-and-the-return-of-the-civilian-hidjab-to-algerian-politics/>
- ⁵ <https://jamestown.org/program/a-tumultuous-informal-polyarchy-algeria-between-clans-old-threats-and-a-boiling-youth/>
- ⁶ <https://www.liberte-algerie.com/contribution/le-hirak-une-autre-revolution-confisque-373867>
- ⁷ <https://jamestown.org/program/abou-obeida-youssef-al-annabi-the-ideological-leader-of-aqim/>
- ⁸ <https://jamestown.org/brief/saharan-jihadist-leaders-establish-new-alliance/>
- ⁹ <https://jamestown.org/program/demilitarize-balkanize-de-nazify-russias-aggressive-war-against-ukraine-begins/>
- ¹⁰ <https://www.aps.dz/societe/135592-l-allocation-chomage-estimee-a-13-000-da-octroyee-a-partir-de-mars>
- ¹¹ <https://www.algerie-focus.com/luigi-di-maio-ma-visite-en-algerie-et-au-qatar-temoigne-de-la-volonte-de-litalie-de-se-liberer-de-sa-dependance-du-gaz-russe/>
- ¹² https://www.lopinion.ma/Securite-alimentaire-Le-monde-arabe-a-la-merci-du-ble-russe-et-ukrainien_a24790.html
- ¹³ https://www.lemonde.fr/afrique/article/2022/03/02/guerre-en-ukraine-l-afrique-est-tres-vulnerable-a-la-hausse-des-prix-des-produits-energetiques-et-alimentaires_6115878_3212.html
- ¹⁴ <https://www.jeuneafrique.com/1323438/economie/petrole-lalgerie-de-retour-a-un-million-de-barils-par-jour/>

А.Г. Ляхов

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ И ОРГАНИЗАЦИИ СИРИЙСКИХ КУРДОВ¹

Западный Курдистан – прекрасный пример реального будущего Ближневосточного региона, и это должны увидеть и осознать все. Сирийцы, арабы, курды, туркмены живут и будут там жить, как братья и сестры. Это революция, означающая победу всех наций и народностей Ближнего и Среднего Востока, и долг всех честных людей – подержать и упрочить эти завоевания.

*Абдулла Оджалан,
основатель и лидер Рабочей партии Курдистана*

Немного истории, в которой заложены основы межкурдских отношений

Для адекватного понимания политических процессов на Ближнем Востоке в целом и в особенности в Сирии необходимо хорошо понимать зачастую противоположные устремления различных курдских общин, их взаимодействие и влияние на процесс внутрисирийского процесса примирения и на политические процессы этом регионе. Сложные политические процессы в Сирийском Курдистане уже оказывают значительное влияние на внутреннюю политику Сирии, процессы внутрисирийского примирения и отношения Дамаска, Анкары, Багдада между собой и с курдами. Тенденции развития политических процессов в Сирии и отношения Дамаска с Администрацией Северо-Восточной Сирии (АСВС)² и другими курдскими организациями указывают на то, что значение и влияние курдского фактора как во внутренней, так и во внешней политике Сирии и в политических процессах на Ближнем Востоке будет только

возрастать. Обстоятельства, формирующие позицию сирийских курдских политических партий, их объединений и органов самоуправления Рожавы, ни в России, ни в мире практически не исследуются³. Это вызвано как сложностью самого процесса исследований (см. ниже), так и недооценкой истории, места и значения курдских общин в истории и современных политических процессах как в Сирии, так и на Ближнем Востоке в целом. Большинство внутрикурдских политических процессов имеют глубокие этнические и исторические корни. Практически все курдские политические партии имеют общинно-племенное происхождение, и для понимания курдских политических процессов необходимо знать как происхождение курдов, так и их историю.

Курдские этносы и племена

Современные племенные общины, называемые курдами, являются потомками кочевых ираноязычных племён. Создав в начале IX века до нашей эры Мидию, государство на северо-западе современного Ирана, Азербайджана, Армении и Ирака, они стали играть важную роль в пространстве, включающем Восточную Анатолию, Северное Междуречье и северо-запад Ирана. Столицей Мидии был город Экбатана (современный иранский город Хамадан). В период расцвета (приблизительно VII век до нашей эры) Мидия распространяла своё влияние на большую часть современного Ирана, Северный Ирак, Южный Азербайджан, Северную Турцию и Северо-Восточную Сирию.

Однако даже на пике своего могущества курды не были едины и с перерывами на отражение внешних угроз враждовали между собой⁴. Среди курдов можно выделить несколько групп:

Курманджи (*kurmançî*) – северные курды, составляющие основу всех курдских племён как наследники народа мидийцев, претендующие на лидерство среди курдских общин;

Сорани – южные курды-курманджи, претендующие на лидерство среди всех иранских курдов;

Заза (или *дымли*) – общины курдов, живущие вдоль границ бывшего СССР;

Гураны – курдские общины, составляющие основу курдского населения Иракского Курдистана; и

Келхури – составляющие вместе с фрейли и лаки большинство сирийских курдских общин.

Мидией правили курманджи, царь носил титул «Царя царей». Организация Мидии была близка к средневековому феодализму. Царь царей был «первым среди равных» – то есть все прочие региональные цари (в основном курманджи и родственники Царя царей) были его вассалами. Попытка царя Иштувегу укрепить царскую власть закончилась бунтом царей и мидийских «бояр» и завоеванием Мидии персидским царем Киром II. Сам Кир по матери принадлежал к Мидийскому царскому роду (он был внуком Иштувегу), и мятежные вельможи рассматривали победу персов лишь как государственный переворот (вольно или невольно тут напрашиваются параллели с совсем недавней историей). Однако их надежды были обмануты: в течение одного поколения курманджи были оттеснены от всех значительных постов и могли занимать лишь второстепенные должности в мировой державе Ахеменидов. Сама же Мидия была превращена в одну из рядовых сатрапий и платила дань персам наряду с прочими покорёнными народами.

Краху Мидии во многом способствовал кочевой образ жизни курдов, что в сочетании с обитанием в горной местности позволило им вплоть до наших дней сохранить в неприкосновенности многие архаические черты, продолжающие непрерывную связь с культурой Турана и являющиеся много лет препятствием на пути создания единого курдского народа и государства.

Если принять прямую генетическую связь курдов с мидийцами⁵, то они могут рассматриваться как носители древнейшей государственной традиции, предшествующей Персии и претендовавшей после совместного с нововавилонскими халдеями взятия Ассирии на преемственность Мировой Империи. Но в последующие эпохи, начиная с Ахеменидов, Иран был в руках персов, населявших южные территории Ирана, а земли Мидии наряду с Арменией и другими территориями были лишь зависимыми от Ирана территориями.

Официально⁶ в Турции, Ираке, Сирии и Иране проживает приблизительно 40–45 млн курдов. Однако реальное количество курдов, особенно в Турции и Иране не поддаётся определению вследствие того, что многие предпочитают скрывать своё курдское происхождение, которое может стать препятствием к их образованию и карьерному росту. В Сирии курды не признаются национальным меньшинством⁷, поэтому не существует ни официального, ни неофициального учёта числен-

ности курдского населения. Это даёт возможность курдским националистам и большинству курдских политических партий заявлять, что курды составляют не менее четверти населения Сирии (около 5 млн человек). Предания о Мидии на удивление живы и позволяют выходцам из общин курманджи претендовать на лидерство среди всех курдов, что не способствует национальному единению последних даже в пределах тех стран, где они компактно проживают⁸.

В преданиях курдов-заза существует идея об их связях с Ноевым ковчегом. Поскольку заза жили в областях, прилегающих к горе Арарат, они считают себя прямыми потомками жителей деревни, расположенной у ее подножия, которую основал Ной, спустившись в долину после окончания Всемирного потопа. Азербайджанские и турецкие заза в XX веке опираются на своё родство с Ноем в своих претензиях не только на лидерство среди северных и западных курдов, но и на создание своего государства на территории южных провинций Армении, Азербайджана и Северной Турции. Заза много лет составляют основу Рабочей партии Курдистана (РПК или РКК) и аффилированной с ней сирийской Партии демократического союза (ПДС или PYD). Лидеры РКК (А.Оджалан⁹) и PYD (М.М.Салих) принадлежат к одной и той же общине заза, живущей вдоль сирийско-турецкой границы в провинциях, прилегающих к Евфрату.

Сорани и курманджи достигли наибольшего прогресса в борьбе за независимость. Благодаря многолетней и упорной борьбе кланов Барзани¹⁰ (курманджи) и Талабани (сорани) иракские курды в 2005 году окончательно получили широкую автономию в рамках единого постбаасистского Ирака.

Келхури, фрейли и лаки повезло меньше. Их общины расположены на севере и северо-востоке Сирии. Ни одна из администраций, правивших страной с 17 апреля 1946 года, не признавала курдов как отдельную нацию, несмотря на то, что Хусни Заим, захвативший власть в Сирии в 1949 году и сменивший его Адиб Шишакли были курдами¹¹. Легенда о том, что второй президент независимой Сирии, курд Хусни Заим (келхури из Алеппо) был убит в результате «антикурдского» арабского заговора, во главе которого стояли два его друга Сами Хилми аль-Хиннави и Адиб Шишакли, циркулирующая среди активистов и идеологов некоторых современных курд-

ских партий (Курдская партия свободы в Сирии¹² и Партия курдского союза в Сирии), не выдерживает критики. Заим, будучи начальником генерального штаба, не имел поддержки у торговых элит Дамаска и при первой же попытке консолидировать власть в своих руках был казнен офицерами, помогавшими ему захватить власть у первого президента Сирии Шукри аль-Куатли после поражения в войне с Израилем. Курды никак не участвовали в обретении Сирией независимости и в 1946 году не имели никакой общесирийской политической организации, на которую аль-Куатли, Заим или Шишакли могли бы опираться. История их сотрудничества с французской мандатной администрацией не позволила ни Заиму, ни Шишакли законодательно закрепить права и положение курдских общин. С момента обретения Сирией независимости курды подвергались преследованиям на всем протяжении послевоенной истории страны. Их положение последовательно ухудшалось при каждой последующей смене режима.

Курды и тогда, и сейчас проживали на севере и северо-востоке Сирии и сохраняют традиционную организацию общества, до недавнего времени практически не затронутого современными процессами модернизации. Влиять на политические процессы в Дамаске, по крайней мере до 1957 года, они не могли, да и не желали.

Изоляции и обособленному существованию курдов в Сирии также способствовали их религиозные убеждения. Исторически курды как потомки мидийцев были зороастрийцами и традиционно исповедовали зороастрийскую религию Сасанидского Ирана.

С I века среди курдов начинается проповедь христианства. Евсевий Кесарийский сообщает¹³, что среди мидян и парфян проповедовал апостол Фома. Поскольку курды-христиане жили в восточных областях, среди них позднее возобладали несторианство, что сделало их частью Иранской церкви. В Курдистане было много влиятельных центров несторианской религии, игравших важную роль в разные периоды: центр в Эрбиле в XVI веке, в Джазире – в XVII веке, а курдский город Кужан в XIX веке стал центром несторианской епархии¹⁴. Определенное распространение (на сей раз под влиянием армян) получило и миафизитство.

Начиная с VII века, когда в Иран вторглись арабы, дошедшие до Кавказа и Южного Каспия, то есть захватившие

всю территорию исторического проживания курдов, они оказались под властью Арабского халифата и соответственно под исламским влиянием. При этом во время завоевания арабами Холвана, Тикрита, Мосула, Джизре и Южной Армении курды оказывали арабам ожесточенное сопротивление, а затем постоянно принимали участие в антиарабских восстаниях. Тем не менее постепенно курды сами стали переходить в ислам. Среди них наибольшее распространение получил суннитский ислам шафиитского мазхаба, что сближает их с мусульманами Дагестана и Северного Кавказа в целом. Небольшое меньшинство курдов исповедует шиизм. В эпоху распространения суфизма (IX век) курды охотно принимали его учение, и суфизм в двух основных версиях – накшбандия и кадырия – стал неотъемлемой чертой курдского ислама. Но широкое распространение суфизм у курдов получил только начиная с XVI века.

Параллельно с исламом среди курдов началось распространение езидизма¹⁵. Этому способствовал тот факт, что езидское квазигосударство Йездихан, отчасти политико-административное, отчасти этнорелигиозное, существовавшее с XII по середину XIX века, включало в себя курдские провинции Шейхан и Синджар, а также священную долину Лалеш, где располагается главная святыня езидов – могила шейха Ади, основателя курдской школы езидизма¹⁶. Оказавшись в пограничной зоне между османской Турцией и Ираном, курды потеряли свое культурное единство: оно было разорвано¹⁷. Результатом такого разрыва стал и религиозный раскол, при котором иранские курды остались зороастрийцами, а «османские» курды массово перешли в суннизм.

Даже современные сирийские курды, принадлежа формально к суннитскому исламу, сохраняют многие архаические черты индоевропейских народов Турана, так до конца и не смешавшись ни с оседлыми персами (преимущественно шиитами), ни с турками-суннитами, несмотря на тесные и длительные культурные контакты и с теми, и с другими. Это позволило им сохранить езидизм как одну из двух основных религий курдских общин. Изучение езидизма затруднительно вследствие закрытости и секретности езидской конфессии¹⁸. Такая религиозная закрытость также способствует обособлению курдских общин от основного гражданского общества. Это особенно характерно для Турции и Сирии.

Курды-шииты

Совершенно иначе курдская идентичность проявлена на другом полюсе религиозного спектра – у курдов-шиитов. Здесь следует выделить два течения – курдов-алевитов, наиболее многочисленных среди заза, и курдов, разделяющих учение ахли-хакк (дословно, «людей истины»). Близость учения ахли-хакк к зороастризму предопределило популярность этого учения у курдов, видевших в нем способ сохранить свою изначальную индоевропейскую идентичность. Это направление получило распространение среди сорани. Большинство из них принадлежит к этносу гурани, но есть также большие группы ахли-хакк у келхури и луров. И Шишакли и Заим принадлежали к общине келхури и формально были шиитами.

Курдская идентичность и государство

Несмотря на то, что курды ведут свое происхождение от мидийцев, и на то, что они подчас становились родоначальниками сильных династий (например, таких как Аюбиды), собственной государственности они не смогли создать вплоть до настоящего времени.

В XIX веке, когда Османская империя начинает ослабевать и многие народы, находившиеся в ее составе (арабы, греки, славяне и т.д.), приступают к разработке проектов независимости, аналогичные настроения возникают и среди курдов. В 1898 году в Каире выходит первая газета на курдском языке «Курдистан». Позднее газета «День курдов» (переименованная впоследствии в «Солнце курдов») начинает печататься в Стамбуле. На турецком языке выходит журнал «Джин» («Жизнь»), где открыто провозглашается курс на создание независимого курдского государства.

К концу XIX века курды все чаще поднимают антитурецкие восстания (например, восстание 1890–1891 гг. под предводительством Шейха Убайдаллы в Дерсиме), целью которых являлось создание курдского государства¹⁹. Внуки последнего курдского князя Мира Бедиркана Бег Бохана, восставшего против Османской империи, в 1908 году основали в Турции первую курд-

скую культурно-политическую организацию *Kurdistan Ta'ali ve Taraqi Cemiyati* (Общество Возрождения и Развития Курдистана) издававшую в Стамбуле свою газету и открывшую в Турции и Сирии несколько школ и просветительских центров, где обучали курдскому языку и распространяли курдскую литературу²⁰.

Курды на первом этапе поддержали младотурков и приход к власти Кемалю Ататюрку, видя в этом надежду на конец притеснений со стороны османской администрации и предпосылки к созданию своего государства в исторически сложившихся границах обитания курдских племен. В этот период центром движения курдского возрождения были Стамбул, Анкара и Измир.

Алевиты даже признали в Ататюрке Махди, эсхатологическую фигуру, которой суждено освободить народы от угнетения и несправедливости: так религиозное сознание интерпретировало окончание эпохи доминанции жесткого суннитского захаризма, который с эпохи Селима I и Сулеймана Великолепного сменил собой совершенно иную – духовную и иранистскую по стилю – религию первых османских правителей, неразрывно связанную с огненным суфизмом шейха Хаджи-Бекташа, Юнуса Эмре и Джалаладдина Руми и с многими шиитскими темами.

Однако распад Османской империи не принёс курдам желаемого результата. Часть Курдистана осталась в новом турецком государстве, другая была включена в состав Ирака оккупационной английской администрацией, третья отошла к Сирии, а четвертая сохранилась в составе Ирана. Так курдский народ был разделен на четыре части в составе двух колониальных государств, где доминирующей идеологией стал арабский национализм (Сирия и Ирак), Турции, где утверждался турецкий национализм в новой – секулярной – форме, и Ирана, где доминирующий шиизм и персидская идентичность также служили общим знаменателем государства, не отводя курдам особого места, хотя и не притесняя их в той мере, в какой это происходило в Ираке, Сирии и Турции.

Преследование курдов в Османской империи привело к эмиграции многих лидеров курдского движения в Сирию (преимущественно в Джазиру). Среди них были братья Бедирхан (Джаладар, Али и Камуран), Ихан Нури Паша, братья Джамил Паша, Шейх Саид Абдул Кадир Нери и Абдул Зулкефл Паша. Именно эту группу политических и культурных деятелей можно считать основателями движения курдского возрождения в Сирии. Поэтому сирийские курды имеют большую историче-

скую и культурную общность с турецкими курдами и многие курдские общины в Курд Даге (сирийская провинция Африн и северные районы провинций Алеппо и Идлиб) и на севере аль-Джазиры поддерживают турецкую РКК, которая многие годы набирала добровольцев для борьбы с Турцией из этих регионов. Отчасти современная оккупация Турцией части Курд Дага объяснялась президентом Р.Т.Эрдоганом и другими турецкими официальными лицами как мера, необходимая для борьбы с терроризмом РКК.

Курды в Сирии 1920–1957 гг.

Современное сирийское государство ведёт своё начало с 1920 года, когда Лига Наций выдала Франции мандат на управление Сирией в границах, впервые установленных пактом Сайкса-Пико в 1916 году. Период французского мандата характеризовался постоянной борьбой различных религиозных, этнических и политических групп за влияние и власть.

К моменту образования сирийского государства в 1920 году национальная идентичность курдов была хорошо сформирована. Курдские активисты утверждают, что курдская идентичность сформировалась к концу XVI века в трудах курдского историографа и философа Шарафа Хана Битлиси²¹. Многие курдские лидеры аль-Джазиры считали, что курды могут претендовать на независимое государство в пределах территорий контролируемых курдскими общинами. Другие видные представители курдов, в основном племенные вожди и крупные землевладельцы агаватов Курд Дага, выступали за создание самоуправляемой курдской автономии, схожей с тем, что Ирландия получила по Закону об Ирландском Самоуправлении 1886 года²².

Этими различиями объясняется и значительное сопротивление французской администрации при попытке установить контроль мандатной администрации в аль-Джазире в 1920 году²³. Сопротивление там курдских племён продолжалось до 1929 года и закончилось, только когда курдские племена, бежавшие в Сирию после подавления турецкими властями восстания курдского племени заза под предводительством Шейха Саида в 1925 году, поддержали французскую администрацию в ее борьбе с племенными силами сопротивления.

Даже с помощью племён заза французской администрации удалось установить полный контроль над аль-Джазирой только к концу 1930 года. Участие турецких курдов в подавлении сопротивления келхури, фрейли и сирийских курманджи породило межплеменную вражду в аль-Джазире, которая периодически вспыхивала на протяжении всего XX века и ярко проявилась в период сирийского конфликта, который начался в 2011 году.

Отношения между курдами Курд Дага и французской администрацией были гораздо более мирными. Французы опирались на христиан и курдов в мандатных органах управления Курд Дагом и практически передали власть в Африне, Джарблусе и Кобани лидерам агаватов²⁴. Французы активно использовали курдских племенных вождей для поддержания порядка на сирийско-турецкой границе²⁵. Французские власти в период мандата испытывали хронический недостаток ресурсов и были вынуждены опираться на национальные меньшинства для сдерживания растущего движения арабского возрождения и ростков арабского национализма. Поэтому курды, друзы, христиане, алавиты и езиды активно привлекались мандатной администрацией для службы в полиции и сирийской армии и подавления арабского сопротивления.

Чтобы уменьшить влияние суннитских «дворянских» кланов и крупных купцов и ограничить рост арабского национального сознания, французские власти в Сирии поощряли самоуправление национальных меньшинств (друзов, езидов, курдов, христиан и алавитов). Французский сирийский спецназ набирался преимущественно из этих общин, что позволяло французской администрации противопоставлять общины национальных меньшинств и арабское суннитское население. Подразделения курдского спецназа широко использовались для патрулирования арабских районов. Это не могло не породить глубокое недоверие между курдами и арабами, которое к концу мандатного периода переросло в ненависть, последствия которой прослеживаются во внутренней политике Сирии и межобщинных отношениях до сих пор²⁶.

Разница в видении места курдского народа в общесирийских процессах, племенные связи и отношения с мандатной французской администрацией породили в 1930-х годах 4 основных курдских движения: Хойбун, Движение за курдско-христианскую автономию, Мурод и Сирийскую коммунистическую партию.

Хойбун

Лига Хойбун была создана в Ливане в 1927 году как панкурдская партия курдскими эмигрантами из Сирии, Ирака, и Турции. Первоначальной целью Хойбуна было объединение курдских племён и бойцов для освобождения Курдистана из «турецких лап»²⁷. В своей программе отцы-основатели подчеркнули, что основным врагом курдов является правительство Турции. Предполагалось, что мандатные администрации предоставили курдам достаточно прав и к ним Хойбун не должен предъявлять никаких политических требований. Это в целом соответствовало сложившейся в тот период ситуации и было призвано обеспечить поддержку мандатных администраций в борьбе Хойбуна с Турцией. Нацеленность на Турцию была призвана обеспечить единство различных курдских племён и общин. Хойбуну также удалось объединить «городских курдов» и лидеров сельских агаватов, чего ранее не удавалось никому. Однако Хойбун в своей деятельности ориентировался в основном на богатых землевладельцев и городскую буржуазию Курд Дага. Это оттолкнуло его руководителей и активистов от курдских крестьянских масс как в Сирии, так и в Турции и предопределило поражение организованного им восстания в Агри Даге (известного также как Араратское восстание) летом 1930 года²⁸. Большую роль в поражении этого восстания сыграла вражда между курманджи, составлявшими основу повстанцев, и гурани, представлявшими большую часть местного населения.

После неудачи Араратского восстания Турции удалось убедить французскую и британскую мандатные администрации ввести жёсткие ограничения на деятельность Хойбуна. Сирийские мандатные власти предписали руководителям Хойбуна покинуть курдские регионы Сирии. Командир повстанцев Нури Паша, братья Бедирхан, Мамдух Салим, Хратч Папазян и другие лидеры Хойбуна осели в Дамаске, после того как им было запрещено посещать территории на восточном берегу Евфрата и восточнее Дер-эз-Зора²⁹.

Джаладат Бедирхан, посчитав, что основной причиной провала военной кампании против Турции была разобщённость курдов и отсутствие у них образования, убедил других

лидеров Хойбуна приостановить вооружённую борьбу и сосредоточиться на создании системы образования курдов, развитии курдского языка и литературы, чтобы создать общество, способное формулировать собственные политические цели и достигать их. Это определило и продолжает определять базовые цели курдского движения по сей день³⁰.

Движение за курдско-христианскую автономию

Это движение (ДКХА) возникло в аль-Джазире в 1936 году, окончательно оформившись в политическое движение в следующем, 1937 году. Первые призывы к созданию курдского государства относятся к 20-м годам XX века. Первым обращением можно считать петицию, переданную в 1924 году депутатом из Курд Дага Нури Канди французским мандатным властям. Конфедерация племён Барази и лидеры Джараблуса подавали схожие по содержанию петиции в 1927 и 1929 годах³¹. Мандатная администрация, инкорпорировав двух лидеров агаватов Курд Дага и Джараблуса (Хасана Ауни и Бея Мустафу ибн Шаина) в первый сирийский парламент в 1932 году, практически свела на нет легальную кампанию за признание за курдами прав на самоопределение и независимость.

Однако, фактически купив лидеров Курд Дага и используя подконтрольные им общины для борьбы с ростками движения арабского возрождения, мандатная администрация не смогла полностью подавить желание курдов создать собственное государство. Эмиграция курдских племён в аль-Джазиру после подавления Араратского восстания и формирование курдского полка для охраны северных границ Сирии только усилили эти настроения³². После того, как петиция за создание курдской автономии была отвергнута мандатной администрацией, отношения с курдами аль-Джазиры обострились. По мнению некоторых исследователей и лидеров курдских общин в провинции Хасеке, план курдской культурной автономии капитана разведки мандатной администрации Пьера Терье, одобренный руководителем мандатной администрации Тадж ад-Дином аль-Хасани в конце 1928 года, предусматривавший создание курдских классов в арабских колледжах высшего образования, курдских вечерних курсов в Бейруте, разрешение на публикацию прессы на курдском языке, создание курдских батальонов

в составе французских войск для охраны сирийско-турецкой границы и назначение курдов на административные должности в аль-Джазире³³, обеспечил на следующие 10 лет поддержку курдами мандатной администрации.

Создание ДКХА было ответом курдов на франко-турецкий договор 1936 года, предусматривавший создание независимого сирийского арабского государства на мандатных территориях. Договор снимал территориальные споры между мандатной администрацией и Турцией и, как следствие, делал курдо-французский союз в аль-Джазире ненужным. Это лишило племенных лидеров аль-Джазиры как финансовой поддержки мандатной администрации, так и необходимости содержать боевые курдские части, использовавшиеся, в том числе, для поддержания общественного порядка в аль-Джазире и решения межплеменных споров.

Христианские и курдские лидеры, обеспокоенные заключением договора с Турцией и потерей финансовой поддержки французских властей, объединились и в начале 1937 года подали петицию мандатной администрации с просьбой предоставить курдам автономию в границах аль-Джазиры. Требование о включении в автономию территории Курд Дага (Африна) создало дополнительное напряжение в отношениях мандатной администрации с Турцией³⁴ и несомненно способствовало отказу мандатной администрации в предоставлении автономии курдам и достаточно жесткого, даже по меркам 30-х годов XX века, подавления волнений в аль-Джазире. Петиция была подана от имени ДКХА, что было первым свидетельством существования этой организации.

Для усиления контроля за аль-Джазирой (современная провинция Хасеке и восточные районы провинций Дейр-эз-Зор и Ракка) мандатная администрация в июне 1937 года заменила курдских чиновников на французов и арабов. Лидеры ДКХА организовали вооруженное сопротивление курдов аль-Джазиры после того, как мандатная администрация проигнорировала несколько повторных петиций. В ответ арабские националисты при полной поддержке мандатной администрации объявили джихад христианам в аль-Джазире. Джазирские курды, взяв христиан под защиту, противопоставили себя местным арабским националистам и поддерживающему их арабскому правительству в Дамаске. Напряжение возросло после массовой замены курдских чиновников верными центральному прави-

тельству арабами из Хамы, Хомса и Алеппо. Резня христиан в Амьуде в августе 1937 года спровоцировала ввод французских войск и, как следствие, временно увеличила уровень автономии аль-Джазире от правительства в Дамаске. Для умиротворения местного населения французская оккупационная администрация разрешила ДКХА создать несколько курдских клубов и образовательных учреждений³⁵. Поддержка французами ДКХА вполне закономерна, поскольку ее лидеры (Хаджо Ага, Бек Кадыр и Бек Халил Ибрагим Паша) были предводителями племен (милли, хаверхан, фрейли и заза), эмигрировавших в аль-Джазире после подавления восстания Шейха Саида. Союз курдских племенных вождей с христианами обеспечивал им поддержку в городах, без чего было невозможно эффективное управление аль-Джазирой. Для христиан такой союз способствовал их выживанию в аль-Джазире³⁶.

Требование ДКХА на включение Курд Дага в автономию было более формальным, поскольку ДКХА не имело там никакой поддержки и на всем протяжении своего существования оставалось, в отличие от Хойбуна и Мурода, чисто регионально-племенной организацией, основу которой составляли эмигранты из Турции. Это значительно сузило социальную базу ДКХА. Прямое и скрытое сотрудничество лидеров ДКХА с мандатной администрацией и призывы оставить французские войска после окончания мандата³⁷ противопоставили ее другим курдским общинам и культурным объединениям, что способствовало возникновению альтернативных общекурдских организаций и политических партий. Кроме того, усилия племенной и региональной ДКХА по захвату аль-Джазире были восприняты исконно сирийскими курдскими племенами как попытка заменить французскую оккупацию оккупацией пришельцев из Турции и Ирака. Отношение к ДКХА как к марионетке французских оккупантов сыграло негативную роль в процессе создания единой курдской общины в Сирии и породило два подхода к будущему курдов в Сирии, которые определяют два основных тезиса развития сирийских курдов до сих пор. ДКХА выступало за образование независимого курдского государства в границах аль-Джазире, в то время как многие авторитетные курды (например, братья Бедирхан, Рашид Хамо, Расул Ага и Бей Сами Аль Милье) выступали за создание курдских автономных регионов в Курд Даге, Джараблусе и Джазире в рамках единого сирийского государства.³⁸

Формально ДКХА продолжало существовать до 1946 года, однако его деятельность была строго региональной и, как и с Хойбуном, сводилась к образованию местного населения и разъяснениям политики и решений центрального арабского правительства в Дамаске. С возникновением движения Мурад и распространением деятельности Сирийской коммунистической партии деятельность ДКХА постепенно сошла на нет и ни документов, ни упоминаний о ДКХА после 1947 года не встречается.

Мурад

Мурад возник в Курд Даге во многом как ответ на создание ДКХА. Движение за курдскую автономию в Курд Даге прослеживается со времени петиции депутата Канди, однако оформилось оно после окончательного формирования нового класса землевладельцев и системы агаватов в начале 1930-х годов. Оно возникло в первую очередь как религиозное движение против нефеодальной системы агаватов под влиянием проповедей шейхов Абдуллы Ханнана и Ахмеда Ламы. Успехи и популярность Мурода в начальный период его существования объясняются прежде всего социально-экономической ситуацией в регионе и религиозным характером движения. Мурад также оказывал активную поддержку арабскому движению за независимость Сирии³⁹.

Как и в ДКХА, руководителем Мурода стал турецкий эмигрант – шейх Ибрагим Халил, появившийся в Африне в 1929 году. Шейх Халил, опираясь на местные кланы Ага и Заде, создал к 1936 году хорошо структурированную милитаризованную религиозную организацию, основной базой которой были беднейшие крестьяне и рабочие из северных районов Курд Дага Бибил и Рахо. Кроме чисто религиозных целей распространения исламской школы накшбандизма, Мурад ставил задачи добиваться социальной справедливости для жителей Курд Дага и курдской национальной автономии в составе независимого сирийского государства. Первоначальные успехи Мурода связаны также со слабостью агаватских беев на территориях племён байян и шейхан. Более сильные и богатые беи южных районов Курд Дага быстро сумели остановить влияние Мурода⁴⁰. Некоторые агаваты предпочитали поддерживать Мурад из вполне

практических соображений: кому-то была нужна защита, кому-то – поддержка на выборах или в борьбе с конкурирующими кланами и племенами.

Большая часть деятельности Мурода была связана с защитой прав крестьян в агаватах, где активисты и боевики Мурода защищали крестьян от поборов, улаживали долги, возвращали несправедливо захваченную землю и, активно участвуя в спорах общин с беями, поддерживали общественный порядок, нападая на банды грабителей и патрулируя взятые под защиту общины. Это вызвало недовольство мандатных властей, и в 1931 году шейх Халил был арестован.

К 1936 году Мурод сфокусировал свою деятельность на борьбе с колониализмом, став членом Национального Блока (НБ). Мотивы сотрудничества с НБ были чисто региональными, поскольку французы всячески поддерживали агаваты предоставляя им различные привилегии часто в обмен на информацию о деятельности Мурода в Курд Даге.

Агаваты понимая, что Мурод стал практически теневым правительством Курд Дага, начали объединяться, чтобы противостоять Муроду и защищать от его боевиков свои территории. В 1936 году Мурод начал боевые действия как против отдельных агаватов, так и против мандатной администрации. Нападение Мурода на базу французской разведки в Азизе в 1939 году спровоцировало массированную войсковую операцию против баз Мурода и деревень, его поддерживающих. Вышедший на свободу к тому времени шейх Халил и его ближайшие сподвижники эмигрировали в Турцию, откуда они попытались возродить организацию в 1940–1941 гг. Однако эти попытки не увенчались успехом, и влияние Мурода на региональные процессы к 1946 году практически исчезло.

Шейх Халил неоднократно заявлял, что конечной целью Мурода является получение Курд Дагом автономии по образцу и подобию автономии, полученной провинциями Искандерун и Хатай в 1936 году⁴¹. По воспоминаниям лидеров курдских общин Африна, Мурод в первую очередь был сфокусирован на социальной справедливости, а чисто политическая деятельность была вторичной. На национальном уровне Мурод позиционировал себя как союзника сирийского Движения за национальное возрождение и независимость Ибрагима Ханану и опору НБ в Курд Даге. Отсутствие единого источника опасности и угроз курдским общинам в мандатный период препят-

ствовало объединению курдских общин и формированию единых политических целей курдского движения.

Сирийская коммунистическая партия (СКП)

СКП была основана в 1924 году в Ливане и принимала активное участие в борьбе с французской мандатной администрацией в Ливане и Сирии. До 1946 года СКП не вела в Сирийском Курдистане какой-либо заметной агитации, несмотря на то, что первым и многолетним руководителем сирийского отделения СКП был курд Халид Багдаш из племени заза, что определило первоначальную поддержку СКП в Курд Даге и соперничество с Муродом за поддержку беднейших слоев населения. ДКХА и Хойбун в своей деятельности ориентировались прежде всего на интересы крупных землевладельцев и городской буржуазии. Получая щедрое финансирование от мандатной администрации, ДКХА и Хойбун могли обеспечить своё лидирующее положение на политической арене Сирийского Курдистана. Успех СКП в Сирийском Курдистане пришёл после потери братьями Бердихан финансирования после ухода Франции из Сирии в сочетании с репрессивной политикой арабского правительства в Дамаске, в результате чего политическая деятельность в Сирийском Курдистане практически прекратилась. Росту популярности СКП также способствовала поддержка СССР курдской Мехабадской Республики и муллы Мустафы Барзани. В этих условиях многие представители курдской интеллигенции рассматривали СКП как единственную силу, способную защищать интересы курдских общин в Сирии. Массовый приток курдов в СКП начался в конце 40-х годов XX века. Это позволило СКП к середине 1950-х годов создать надежную социальную базу для деятельности СКП в сирийских курдских провинциях и стать практически единственной политической силой в Сирии, представлявшей интересы курдов. В СКП вступили видные представители различных курдских племён, составившие ядро руководства большинства курдских политических партий, возникших после 1957 года: поэт курманджи Хасан Шейхмус (Дзигерсвин) и Мухаммед Фахри, фрейли Рашид Хамо и заза Шавкар Насан. Популярность СКП в Курд Даге и Джараблусе к середине 1950-х годов была столь велика, что даже некоторые муллы стали ее членами. При их поддержке

СКП в 1953 году создала в Курд Даге крестьянский союз для защиты прав местного населения⁴².

СКП привлекала курдов в первую очередь как средство защиты своих общинных, племенных и национальных интересов, а не как партия, защищающая и представляющая интересы угнетаемых классов⁴³. Сирийские курды были убеждены, что с помощью СКП им удастся реализовать свои национальные цели. Успеху СКП в Африне также способствовали более развитая экономика и более высокий уровень образования населения по сравнению с аль-Джазирой. Выразителем интересов курдского народа в этот период стал Халид Багдаш, которому в 1954 году удалось стать первым коммунистом, избранным в законодательный орган арабской страны.

Позиционирование СКП как курдской партии плохо связывалось с принципом классовости и интернационализма. Арабское население, не забывшее и не простившее сотрудничество курдов с французской мандатной администрацией⁴⁴, с настороженностью воспринимало СКП. Партии пришлось отодвинуть курдскую повестку на второй план, чтобы обеспечить стабильную поддержку более многочисленного арабского населения. В программе 1955 года СКП официально закрепила отказ от признания национальных прав курдов в Сирии⁴⁵. Это привело к массовому оттоку курдов из рядов СКП во второй половине 1950-х годов и расколу в руководстве СКП. Поводом для раскола послужил отказ ЦК СКП публиковать партийные материалы на курдском языке. Усилия Шейхмуса и Фахри ни к чему не привели, и они объявили о своём выходе из партии вскоре после заседания ЦК в ноябре 1955 года. К ним присоединился Рашид Хамо, руководивший партийной организацией в аль-Джазире. В результате этого конфликта и другие курдские члены ЦК и Политбюро покинули партию.

Несмотря на то, что период популярности СКП в Сирийском Курдистане был относительно коротким, она оставила заметный след в курдском политическом движении и развитии курдского общества. Во-первых, большинство лидеров курдов сформировалось в СКП и приобрело в ней практический опыт политической борьбы. Во-вторых все курдские партии по сей день организованы по образу и подобию СКП. В-третьих, СКП способствовала объединению курдов аль-Джазиры и Курд Дага в единой организации, боровшейся за общекурдские права.

Успехи курдов под крылом СКП обеспокоили как арабское правительство в Дамаске, так и власти Турции, Ирана и Ирака, которые увеличили давление на Сирию с целью присоединения последней к различным арабским союзам и организациям.

И последнее: создание Демократической партии Курдистана Сирии в 1957 году явилось прямым следствием работы курдских активистов в рядах СКП.

1957–2013 гг. – тяжелые годы подполья и сопротивления

После получения полной независимости в 1946 году в Сирии начался период политической нестабильности. С 1946 по 1963 год в Сирии сменилось 14 президентов, большинство из которых было смещено в результате государственных переворотов и дворцовых заговоров.

Законодательные ограничения и политические преследования курдов

В этот период положение курдов определялось в основном личным отношением к ним президентов и их окружения. Президент Хуснуллин Заим, пришедший к власти в 1949 году, был этническим курдом и в большой степени опирался на поддержку курдских и черкесских офицеров, составлявших костяк тогдашней сирийской армии. Сменивший его курд Шишакли взял курс на создание моноэтнического арабского государства. Именно Шишакли принял ряд законодательных актов, сильно ограничивших использование курдского языка, и запретил курдскую музыку и другие проявления курдской идентичности⁴⁶.

Ядро сопротивления антикурдским законам составили друзские и алевитские⁴⁷реформаторы и активисты, крупные фермеры под предводительством Акрама Хаврани. Объединение радикальных реформаторов и крупных городских торговцев, недовольных политикой сирийских президентов, сменявших друг друга в конце 40-х – начале 50-х годов XX века, привело к увеличению популярности идей арабского национализма и коммунизма. В этот период основными оппозиционными силами были СКП, Партия Арабского национального возрождения (Баас) и Партия социалистического союза (ПСС). Их популярности также способствовал рост антиколониальных настроений

и движений в арабском мире и неприятие политики западных стран в регионе.

Как социалистические, так и капиталистические политические силы были неудовлетворены политикой Шишакли. Они также не могли договориться между собой, что привело к постоянно усиливающейся фрагментации по региональному признаку. Это отвечало интересам крупной торговой буржуазии Сирии. Ещё одним последствием был рост популярности коммунистических партий и политических сил, объявивших арабское единство основной целью своего существования.

Радикализация арабского мира достигла пика в середине 50-х годов XX века на фоне заключения Багдадского Пакта и периода жесткого противостояния между светскими националистическими арабскими режимами и консервативными арабскими монархиями.

Обе противостоящие друг другу силы вели активную антикурдскую пропаганду, связывая курдов с сионизмом и западным империализмом и выставляя их как проводников западной политики по расколу арабского единства⁴⁸. Курдских офицеров массово увольняли из армии, активных членов курдских политических партий подвергали репрессиям, курдский язык, музыка, книги и периодика были запрещены, а их авторов арестовывали. Рост арабского национализма вызвал широкую антикурдскую кампанию, жертвой которой становились не только видные члены курдских общин, но и простые курды.

К концу 1955 года все курдские политические партии и культурные организации были полностью разгромлены, большинство курдских политических деятелей, которые не влились в одну из арабских буржуазных партий, были или заключены под стражу или эмигрировали, и любые проявления курдской культуры и/или идентичности были под полным запретом. Сирийские спецслужбы вели активную антикурдскую деятельность как в Сирии, так и в ФРГ, Египте, Ираке и Швеции, где с начала 1950-х годов начали формироваться крупные общины курдских эмигрантов.

Расколовшаяся СКП, стремясь остаться частью общесирийского политического процесса, потеряла интерес к проблемам курдов, и ни одна из коммунистических партий, возникших в результате раскола, не вела деятельность в курдских общинах.

Одновременно с этим каждое правительство в Дамаске последовательно увеличивало антикурдскую пропаганду среди арабского населения, подогревая и развивая неприятие курдов арабами, возникшее в мандатный период. С 1954 года проводилась последовательная политика арабизации Курд Дага и аль-Джазиры, куда правительство Шишакли начало переселять арабское население с западных регионов страны и палестинских эмигрантов, бежавших в Сирию в 1949–1950 гг.

Политика арабизации аль-Джазиры приобрела поистине широкий размах с приходом к власти партии Баас в 1963 году. Это было вызвано прежде всего тем, что аль-Джазира является житницей Сирии, где до начала гражданской войны 2011 года выращивалось до 80% пшеницы и хлопка страны. Партия Баас, понимая, что антикурдская политика может спровоцировать попытки объединиться сирийских курдов с иракскими курдами или получить из Иракского Курдистана поддержку в их борьбе за национальную идентичность, попыталась создать пояс арабских поселений на границе Рожавы с Ираком и Турцией.

В этот же период в аль-Джазире и Курд Даге резко возросла популярность идей муллы Барзани и особенно Абдуллы Оджалана, лидера турецкой Рабочей партии Курдистана (РПК или РКК). Сначала он зажёг курдов марксистскими взглядами, которые потом трансформировал в отрицание советской модели социализма. Учение Оджалана о «конфедеративной демократии» органично легло на курдское общество и на протяжении 70-х – 90-х годов XX века в той или иной степени входило в программы большинства курдских политических партий. Оджалан также считал что курды аль-Джазиры могут быть мотором объединения всех курдов Турции, Ирака и Ирана, несмотря на то, что аль-Джазира является весьма небольшой частью исторического Курдистана.

Популярность РКК и иракских курдских партий в Сирии обуславливается также тем, что ни одна из множества политических партий и организаций в Сирийском Курдистане не воспитала яркого и популярного лидера, сравнимого с Барзани, Талабани или Оджаланом. В обществе, многие века воспитывавшемся в традициях вождизма, отсутствие ярких лидеров является одной из основных причин чрезвычайной фрагментации курдского политического движения в период, предшествовавший гражданской войне 2011 года.

Курдская демократическая партия Сирии – протопартия и фрагментация политических процессов в Сирийском Курдистане

Курдская национальная и политическая идентичность в мандатный и первоначальный постмандатный период определялась курдскими политическими эмигрантами из Турции и Ирака. Именно относительные комфорт и безопасность, предоставляемые им сирийским правительством по внешнеполитическим причинам, сделали Сирию центром курдского национализма, экспорт которого в соседние Турцию и Ирак всячески поощрялся Дамаском. Поэтому в начале 1950-х годов курдские эмигранты пытались создать в Сирии политическое движение для сопротивления репрессиям Турции и Ирака против курдов. Французы при выходе из Сирии не оставили никаких политических механизмов защиты прав национальных меньшинств и представительства последних в органах власти и управления, быстро ставших чисто арабскими. Раздел курдских земель между Ираном, Ираком, Турцией и Сирией, провал Араратского восстания и беспрецедентные репрессии против курдов в Сирии, бесконечная фрагментация и фактический развал Хойбуна подтолкнули их к самоорганизации в границах сирийского государства. Курдские партии, возникшие в Ираке и Иране в 1945 и 1946 годах⁴⁹, через сохранившиеся межграницные племенные связи оказывали (и оказывают до сих пор) значительное влияние на курдские политические процессы и тем самым объективно осложняли и замедляли процесс политической самоорганизации сирийских курдов.

Как и в России в конце XIX века, в Сирии на развалинах Хойбуна в начале 1950-х годов возникло множество курдских подпольных образовательных и литературных кружков. Один из таких кружков – «Живая Курдская Культурная Ассоциация» – был создан в середине 1950-х годов братьями Дарвиш, их родственником Мухаммедом Салихом Дарвишем и их другом Кадиром Фарханом. Все они были членами СКП. Первоначальной целью кружка было ликвидация безграмотности курдов⁵⁰. Публикация первого альманаха озаглавленного «Наши страдания», вызвала недовольство руководства СКП и привела к выходу основателей кружка и присоединившегося к ним Османа

Сабри из СКП. В курдском политикуме нет единого мнения о том, был ли разгон кружка сирийскими властями через месяц после выхода его организаторов из СКП спровоцирован руководством СКП или совпадением. Тут необходимо отметить, что курдский политикум полон различных конспирологических теорий и мифов, поэтому к любым заявлениям о сотрудничестве конкурентов с внешними силами надо подходить с осторожностью⁵¹.

Большинство исследователей приписывают авторство программы Курдской демократической партии Сирии (КДПС) Осману Сабри, который предложил ее своим друзьям летом 1956 года. Братья Дарвиши занялись формированием ЦК из левых активистов из различных регионов Сирийского Курдистана. Большой вклад в организацию КДПС внёс Джалал Талабани, находившийся в то время в эмиграции в Дамаске. Это предопределило тесные связи между КДПС и иракским Патриотическим союзом Курдистана (ПСК), по сей день пользующимся значительным влиянием в Сирийском Курдистане. КДПС изначально задумывалась как общекурдская партия, поэтому большая часть ее первого ЦК происходила из Курд Дага (Мухаммед Али Ходжа, Халил Мухаммед и Шавкат Ханнан).

Основными программными целями КДПС были: освобождение и объединение Курдистана, борьба с колониализмом и борьба за установление демократии в Сирии⁵². Первый съезд КДПС состоялся в июне 1957 года. Побочной, но не официально провозглашённой целью партии было создание чисто сирийской политической организации, защищающей именно сирийских курдов, в противовес влиянию ПСК, Демократической партии Курдистана (ДПК) во главе с М.Барзани и иранской партии Туде. Хотя КДПС была создана подпольно, в первые два года её деятельность не ограничивалась сирийскими властями. Переломный момент наступил 22 февраля 1958 года, когда Сирия и Египет создали Объединённую Арабскую Республику. Вопреки распространённой в советской и российской историографии точке зрения, объединение с Египтом было попыткой правительства президента Шукри аль-Куатли удержать власть⁵³. Правительство в Дамаске, укомплектованное египетскими панарабистами Насера, развернуло преследование местных коммунистов, езидов, алавитов, черкесов, курдов, армян и представителей других национальных меньшинств, изгнав их из органов государственной власти и управления и

развернув масштабные репрессии против национальных меньшинств в местах их компактного проживания.

Для КДПС это означало полный запрет на деятельность, переход на нелегальное положение и полную ревизию как организационной структуры, методов работы и программы партии в условиях жесткого подавления любых проявлений курдской национальной идентичности. Дискуссии об изменениях структуры, целей и методов работы в сочетании с попытками местных беев подчинить партийные ячейки своему влиянию привели к нескольким расколам КДПС и образованию целого ряда партий.⁵⁴ Первому расколу также способствовал арест лидеров КДПС после совещания с племенными вождями весной 1959 года, на котором обсуждалось участие КДПС в выборах в парламент ОАР. Др. Заза и Осман Сабри, собрав вокруг себя группы последователей, создали две фракции, отражавшие разные взгляды на будущее Курдистана («*независимость*» или «*автономия*»), сосуществовавшие в КДПС до 1965 года и постоянно враждовавшие между собой. Отсутствие единства ускорило также раскол в иракской КДП, имевшей сильное влияние на КДПС. Раскол КДПС отражал разлад между более консервативной ДПК под руководством М.Барзани и Талабани. Возникшая в результате раскола КДПС (Основная) Сабри и Нейо ориентировалась на ДПК М.Барзани, а КДПС (Правильная) под руководством Абдуллы Дарвиша следовала в фарватере ПДС в основном из-за личных отношений Дарвиша и Талабани. Отношения между ПДС и КДПС(П) остаются тесными и сейчас. ПДС твёрдо поддерживает позицию КДПС(П) на создание ограниченной курдской автономии в аль-Джазире в рамках единой Сирии. Отношения этих партий стали особенно тесными после смерти Абдуллы Дарвиша в 2019 году. Руководство ПДС надеется на объединение с партией Дарвиша, потерявшей после его смерти значительную часть членов (на март 2021 года членство сократилось до чуть более 3 500 человек по сравнению с более 12 000 членов в 2014 году).

КДПС(О) после неудачной попытки воссоединения с КДПС(П) в 1970 году при посредничестве Барзани подверглась ещё 4 расколам, была реорганизована в Партию демократии курдов в Сирии (Аль-Парти) и является самой крупной консервативной партией сирийских курдов.

Процесс фрагментации курдских партий ускорился в 70-х – 80-х годах прошлого века. К 1987/88 году в Сирийском Курди-

стане вместе с КДПС(П) и Аль-Парти, самыми заметными были «Единство», *Демократическая партия курдов в Сирии* (Абдуллы Дарвиша), *Рабочая партия курдов в Сирии*, *Сирийская курдская демократическая партия* (Шейха Джамала Баки), *Рабочая партия Курдистана в Сирии* (Мухаммеда Мусы, не путать с РКК Оджалана) и *Партия патриотического союза Курдистана* (Джалала Талабани, создана в период его эмиграции в Дамаске⁵⁵). Несмотря на их обилие, их идеологические различия весьма незначительны. Их программные требования сводятся к (а) прекращению угнетения курдов в Сирии; (б) обеспечению культурных и политических прав курдов; и (в) прекращению режима военного положения и отмене репрессивных законов.

К началу 2012 года в Сирийском Курдистане действовало около 20 курдских политических партий. Курдские политические движения подвергаются систематическим репрессиям, что не только затрудняет контакты с ними, но и не позволяет определить их точное количество. В беседах с различными курдскими политическими деятелями в 2012–2022 гг. упоминалось и иное количество политических партий (до 50). Поскольку есть законодательный запрет на курдскую политическую деятельность, понять какие из них являются независимыми организациями, а какие – фракциями существующих партий, достаточно сложно.

Попытки объединения политических сил в Сирийском Курдистане

Попытки объединения различных политических сил Сирийского Курдистана неоднократно предпринимались, начиная с конца 70-х годов прошлого века и вплоть до начала гражданской войны в Сирии. Вследствие немногочисленности большинства политических партий значительная часть таких попыток не имела практического влияния на курдские политические процессы.

К 2008 году сформировались три основные коалиции. В правый блок вошли: Прогрессивная партия Абдулхамида Дарвиша, «Единство Курдистана» Исмаила Омара, Единая партия Мухаммеда Мусы и Партия демократии в Курдистане Нусраддина Исмаила. Он был создан в 1992 году. Лидером

блока стал А.Дарвиш. Левый блок Фронт курдов в Сирии был создан в 1996 году. Он объединял Аль-Парти Х.Башара, «Равенство» Азиза Дауда и Демократически-патриотическую партию курдов в Сирии Тахира Сафука. Представителем этого блока стал Хаким Башар. Оба блока подписали так называемую Дамасскую декларацию 2005 года, объявлявшую правительство Башара Асада «авторитарным, тоталитарным и кликабельным» и призывавшую к «мирным, постепенным» реформам, «основанным на согласии, диалоге и признании другого».

В 2006 году три партии, не подписавшие Дамасскую декларацию («Единство», «Свобода» и Объединённая партия курдов в Сирии), создали Комитет борьбы курдов, занявший левоцентристскую позицию в политическом спектре Сирийского Курдистана. Каждый из сформировавшихся блоков в своих документах и деятельности ориентировался на одну из внешних курдских сил: РКК Оджалана, ПДС Талабани и ДПК Барзани. Такая ориентация во многом определила современный расклад политических сил в Сирийском Курдистане.

После инцидента на футбольном матче в Камышлы в 2004 году и последовавших за ним беспорядков в некоторых городах аль-Джазире, предпринималось ещё несколько попыток объединить различные курдские силы и выработать общие принципы политических процессов в Сирийском Курдистане. Столкновения в Камышлы также спровоцировали создание боевых отрядов несколькими курдскими партиями. Внутренние распри не дали этому процессу вылиться в какие-то конкретные решения, несмотря на четкий запрос на единое лидерство, созревший в курдском обществе к 2011 году. Продолжающиеся межпартийные дразги и конкуренция отрицательно влияют, в том числе, на создание единой администрации в аль-Джазире и Курд Даге, способной вести эффективные переговоры с правительством в Дамаске о предоставлении аль-Джазире самоуправления (подробнее об этом см.ниже).

В результате сложной межпартийной борьбы в 2009 году возник Курдский политический совет (КПС), провозгласивший своей основной целью покончить с фрагментацией курдского политического движения. 8 из 15 существовавших на тот момент партий были представлены в КПС. Особенно хотелось бы отметить, что клан Барзани с 1970-х годов активно участвует во всех попытках объединения курдских политических сил в Сирии в надежде создать условия или для присоединения

аль-Джазире к Иракскому Курдистану, или, по крайней мере, для создания в аль-Джазире курдской автономии, с руководством которой можно было бы создать тесный экономический и политический союз.

Отношения курдских партий с государством

Несмотря на запрет деятельности любых курдских партий и политических движений в 70-х – 90-х гг. прошлого века практически все курдские партии создали достаточно сложную систему отношений с государством. Необходимость создания и поддержания таких отношений диктуется основной причиной их существования – защитой интересов курдского населения Сирии, что невозможно без взаимодействия с государством в той или иной форме.

В целом такое взаимодействие имеет три основные формы: (а) организация публичных протестных мероприятий; (б) совместная работа с оппозиционными арабскими партиями в качестве их региональных представителей и (в) редкие, иногда неформальные взаимодействия с представителями государства.

Социальный протест

Вследствие исторических и законодательных причин курдское население в Сирии сильно политизировано. Поэтому оно легко мобилизуется на любые акции социального протеста и массовые мероприятия и очень резко и чутко реагирует на любые действия правительства, которые выходят за рамки негласного пакта между курдами и Дамаском. Прекрасным примером этого является реакция курдов на силовое подавление беспорядков во время и после футбольного матча в Камышлы в 2004 году. Сирийское правительство прекрасно понимает протестный потенциал курдов и за многие годы их сдерживания выработало и донесло до всех политических, общинных и племенных лидеров Сирийского Курдистана рамки допустимого общественного поведения. Разобщенность и соперничество курдских партий, племенные разногласия и склоки и разновекторное влияние внешних сил значительно ограничивают их возможности вести последовательную и целенаправленную деятельность на общекурдском уровне.

В силу этих обстоятельств функции и природа курдских партий изменились. Во-первых, они стали «подопытными кроликами», на которых сирийское правительство испытывает пределы давления на курдское движение в Сирии. Во-вторых, они по существу заменили местные органы власти во многих общинах, особенно в сельских районах, где они часто служат арбитрами в решении местных земельных споров и вопросах семейной и племенной чести. В-третьих, они являются основными организаторами просветительской и культурной работы среди сирийских курдов.

Авторитаризм баасистского режима, правящего Сирией многие десятилетия, и непрекращавшиеся все это время репрессии против курдов породили политическую апатию у части курдского населения (особенно в Курд Даге и Кобани/Джараблусе, где борьба Турции с РКК накладывает дополнительные ограничения на желание и готовность курдов бороться за свои права). Только с началом гражданской войны в 2011 году Дамаск уменьшил давление на курдов, что привело к оживлению курдских политических процессов.

Необходимо также отметить, что в районах компактного проживания курдов курдские партии и до 2011 года работали вполне открыто. Ранние курдские партии вообще не занимались социальными протестами. Они были более сфокусированы на создании панкурдской национальной идентичности и развитии связей, сотрудничества и общей борьбы с братскими партиями в Иране, Ираке и Турции.

В результате такой осторожной работы в Курд Даге открытых курдских массовых мероприятий не было вплоть до начала 1980-х годов, а единственные протесты в аль-Джазире были организованы в 1970–1971 гг. как способ сопротивления реализации земельной реформы, направленной на арабизацию приграничных территорий.

Также следует учитывать, что активисты курдских партий часто подвергаются уголовному преследованию по статьям 267, 307, 285 и 286 УК Сирийской Арабской Республики (возбуждение национальной розни, отторжение территории в пользу другого государства и попытки навредить Сирийскому национальному сознанию) в ходе подготовки каких-либо публичных массовых мероприятий, не санкционированных местным отделением партии Баас.

Низкой политической активности в 80-х – 90-х гг. XX века также способствовала деятельность ячеек РКК, массово заби-

равших курдскую молодежь из аль-Джазиры и Джараблуса в Турцию, где она проходила подготовку в лагерях РКК и принимала активное участие в турецко-курдском конфликте. Многие молодые курды, вернувшись в Сирию в начале нулевых годов, стали командирами в Силах народной самообороны YPG и YPJ (женские подразделения).

РКК, будучи основной политической силой в Сирийском Курдистане в 80-х – 90-х гг. XX века, по негласному соглашению с Дамаском не занималась в Сирии никакой политической деятельностью.

Первой партией, занявшейся открытой протестной деятельностью, была «Единство», обклеившая плакатами с требованиями курдов все города аль-Джазиры и Курд Дага в 1993 году. По оценкам одного из лидеров «Единства», около 20 активистов было арестовано за расклеивание плакатов в сирийских городах⁵⁶.

«Единство» продолжало время от времени организовывать протестные акции, самыми заметными из которых стали демонстрация на День защиты прав человека 10 декабря 2002 года и демонстрация в День защиты детей перед зданием офиса ЮНИСЕФ в Дамаске 25 июня 2003 года. Блок Абдуллы Дарвиша отказался поддержать акцию из-за нежелания провоцировать власти на аресты демонстрантов. В октябре 2003 г. «Единство» сумело всё-таки организовать акцию молчаливого протеста перед парламентом Сирии, в которой приняли участие большинство курдских политических партий. Несколько протестных акций были проведены под руководством «Единства» в начале 2004 года в Курд Даге.

Именно поэтому восстание, которое было спровоцировано жестким разгоном беспорядков в Камышлы в 2004 году, так быстро распространилось на весь Сирийский Курдистан. С самого начала восстания лидеры курдских партий стали посредниками в переговорах с властью, и после встречи Абдуллы Дарвиша с губернатором провинции Хасеке и генералом Мансуром 12 марта 2004 года ситуацию удалось урегулировать, хотя и без каких-либо уступок или компромиссов со стороны центрального правительства в Дамаске.

«Единство» и несколько других партий, действуя как самостоятельно, так и отдельно, продолжали организовывать протестные акции вплоть до начала гражданской войны. Очевидной причиной активности «Единства» была попытка заполнить

вакуум, возникший после изгнания РКК из Сирии в 1998 году. РКК, находившаяся в Сирии по приглашению президента Хафеза Асада с конца 1970-х годов, не только не вела какой-либо деятельности в стране, но и просто в силу своей популярности и авторитета сдерживала протестную активность сирийских курдов. «Единство», судя по ее программе, является более воинственной и более радикальной партией по сравнению с другими⁵⁷. Ее первоначальную социальную базу составляла активная часть курдов фрейли, которая была недовольна поведением РКК. В радикальных молодежных кружках Джараблуса и Камышлы РКК считали «цепным псом Асадов, убивающим курдскую мечту»⁵⁸.

Двумя другими факторами, способствовавшими росту социальных протестов и политической активности курдских политических партий, были смерть 10 июня 2000 г. президента Хафеза Асада, вселившая в курдов надежду на реформы, и политика США в отношении баасистских режимов после терактов в сентябре 2001 года в Нью-Йорке. Особенно сильное влияние на продолжение и увеличение интенсивности протестов оказали совместные действия курдских отрядов самообороны пешмерга (как РКК, так и общинно-племенные отряды, ассоциированные с другими партиями и племенными вождями) с армией США против джихадистской организации «Ансар аль-Ислам» на севере Ирака в 2003–2004 гг.

Отношения с арабскими оппозиционными партиями

До начала гражданской войны отношения с арабской оппозицией были весьма поверхностными. Это в первую очередь объясняется сугубо националистической идеологией всей арабской оппозиции в Сирии. Кроме того, сотрудничество с курдскими партиями могло быть расценено как подрыв национального единства, поддержка сепаратизма и возбуждение национальной розни. Кроме того, практически вся арабская оппозиция поддерживала политику арабизации приграничных регионов аль-Джазиры⁵⁹.

Курдско-арабский диалог оживился после смерти президента Хафеза Асада. После своей инаугурации новый президент Башар Асад выразил твердое намерение достичь согласия между правительством и оппозицией⁶⁰. Правительство предоставило до того неслыханную свободу собраний и ассоциаций, что вызвало бурный рост умеренных оппозиционных

организаций и движений четко продемонстрировавший запрос общества на создание развитого гражданского общества⁶¹. Кульминацией «Сирийской весны» стало освобождение политических заключённых в мае 2001 года. Встреча лидеров нескольких курдских партий (Абдуллы Дарвиша, Хасана Салиха, Марвана Отмана) с лидерами арабской оппозиции (Хасаном Абдул Азимом, Наср'ом аль-Харири, Ахмедом аль-Хатибом) в июне-июле 2001 года открыла курдско-арабский диалог.

Закрытие Ассоциации Бедиркана в сентябре 2001 года ознаменовало конец «Сирийской весны». Последовавшие за этим аресты руководства и активистов Ассоциации и других курдских политических деятелей определили возврат Дамаска к преследованиям курдов. Это было формально закреплено в речи президента Башара Асада при открытии нового парламента в марте 2003 года. В ней он объявил, что деятельность оппозиции наносит ущерб национальной безопасности⁶². Такой поворот в отношениях с оппозицией был в большой степени реакцией на изменение политики США в отношении баасистских режимов Ирака и Сирии после террористических актов в Нью-Йорке и вторжения США в Ирак в марте 2003 года.

В результате на курдов было наложено дополнительное ограничение. Указом президента № 50/2001 собственниками периодических изданий могли быть только сирийские граждане-арабы, что в условиях отрицания курдской национальной идентичности было логическим шагом. Этот указ вместе с последовавшими за ним законами, регулирующими СМИ (включая распространение информации по интернету), ввел жёсткий контроль и цензуру за деятельностью сирийских СМИ. Администрация Северо-Восточной Сирии, впрочем, следует в фарватере этой политики Дамаска и в настоящее время⁶³.

Контакты между курдами и арабской оппозицией были прерваны и возобновились только после инцидента в Камышлы. По инициативе Ахмеда Хатиба всем известным арабской оппозиции курдским партиям было послано приглашение присоединиться к Дамасской декларации 2005 года. Курдские партии, ассоциированные с племенами курманджи и сорани (в основном поддерживавшие PYD/PKK), отказались присоединиться к этой акции, что укрепило подозрения в их «особых» отношениях с Дамаском.

PYD/PKK, «Единство», «Свобода» отказались подписывать Дамасскую декларацию, формально мотивируя это тем, что

она не учитывает фундаментальные требования курдов. «Свобода» пошла ещё дальше в своей критике, заявив, что арабская оппозиция заражена вирусом баасизма и является такой же антикурдской, как и правительство в Дамаске⁶⁴.

Курдские партии, поддержавшие Дамасскую декларацию, надеялись, используя вес, связи и влияние арабской оппозиции, вывести весьма ограниченную курдскую повестку дня на общесирийский уровень и достучаться до правительства. Они ставили себе задачу уравнивать курдов в правах с арабами, но натолкнулись на постоянные напоминания о роли курдов в притеснении арабов в мандатный период. Эти обвинения время от времени усиливаются с каждым визитом курдских представителей во Францию и переговоров с французским руководством⁶⁵.

С началом гражданской войны, радикализации арабской оппозиции и доминировании в ней джихадистских элементов большинство курдских партий сократили взаимодействие с арабской оппозицией до минимума.

Неформальные контакты с государством

Официально все курдские партии запрещены. Поэтому любые контакты с сирийскими властями становятся объектом критики в курдской прессе и обществе, как только о них становится известно. Курдские партии часто используют обвинения в связях с властями как средство межпартийной борьбы. Особенно популярны обвинения в связях с сирийскими спецслужбами.

Однако курдские политические партии не могут осуществлять базовую функцию посредничества между властью и народом без такого взаимодействия. Неудивительно, что большинство партийных лидеров культивирует чаще всего неформальные отношения как с отдельными представителями сирийских властей, так и с сотрудниками спецслужб. Долголетний лидер Демократической партии курдов в Сирии Абдулла Дарвиш неоднократно обвинялся в связях с руководителем отдела спецслужб в Камышлы, генералом Мухаммедом Мансуром. Более радикальные партии («Единство» и PYD) обвиняли Абдуллу Дарвиша в смягчении требований программы своей партии о статусе курдов в обмен на скрытое спонсорство ДПКС сирийскими спецслужбами. Дарвиш и подконтрольные ДПКС и ее союзным партиям СМИ неоднократно указывали на то, что ос-

новным источником финансирования ДПКС являются деньги клана азиз, племени кикан (являющегося частью племени фрейли). Старейшина племени кикан Абу Наваф заявил, что такие обвинения не только беспочвенны, но и накладывают тень на все курдское движение, «которое начинали азизы братья Бедиркан»⁶⁶.

Распространению мнения о связях курдских партий с Дамаском в период, предшествующий гражданской войне, также способствовала разница в сроках тюремного заключения, которому подвергались разные партийные лидеры в 1970-х – 1990-х годах. Среди более радикальных групп курдского общества также распространилось мнение о том, что только истинным борцам за свободу и права курдов приходится эмигрировать из Сирийского Курдистана, а лидеры, остающиеся в стране, находятся на содержании спецслужб⁶⁷.

В целом курдские партии после инцидента в Камышлы (который курды считают восстанием) приняли позицию неконфликта с Дамаском с сохранением возможности мирных выражений своего протеста (например, поминание погибших в Камышлы и празднование Навруза). Такая позиция полностью устраивала центральное сирийское правительство.

Гражданская война изменила динамику отношений Дамаска и курдов. Уже в июне 2011 года Офис президента Башара Асада предложил всем курдским партиям встретиться для обсуждения вопросов защиты от джихадистской угрозы. Курды проигнорировали это приглашение, отметив, что все переговоры с властями оканчивались ничем, потому что власти никогда не выполняют своих обещаний.

Гражданская война, начавшаяся весной 2011 года, создала совсем иные условия, позволившие радикально изменить отношения курдов с центральным правительством и предоставившие курдам первую реальную возможность трансформировать свой политический, социальный и культурный статус в сирийском обществе и государстве.

Курдские партии и курдское общество

В условиях запрета политической деятельности курдские партии в конце 1950-х – начале 1960-х годов путем проб и ошибок определили те практические цели и задачи, решение

которых могло принести практическую пользу курдам. Политика активной арабизации аль-Джазиры, начавшаяся в период ОАР и продолженная партией Баас после захвата власти в 1963 году, подсказала две наиболее очевидные задачи: недопущение конфискации курдских земель в пользу переселенцев-арабов из западных районов и защита курдского языка и культуры⁶⁸. Защита от арабизации предполагает также сохранение традиционного курдского образа жизни, племенной организации, укрепление самоидентификации курдов и их самосознания.

Большая часть партийной работы традиционно состоит из просветительской деятельности, закреплённой во всех партийных программах до сих пор⁶⁹. Особое место занимает обучение и популяризация курдского языка. Несколько видных политических деятелей (Бедирканы, Сабри, Дарвиши) и члены их семей руководили различными образовательными и просветительскими организациями. Это направление деятельности восходит ко временам Хойбуна и Джаладата Бедиркана, который создал современную курдскую письменность и основал просветительскую ассоциацию, главной задачей которой является ликвидация безграмотности в Сирийском Курдистане. Это само по себе является непростой задачей в условиях запрещения курдского языка и достаточно жесткого регулирования печатных СМИ. Положения Указа президента № 108, изданного в 2011 году о запрете публикаций, поощряющих сепаратистские настроения, совершение преступлений на основе национальной розни, или угрожающих безопасности и единству сирийского государства и народа, на практике толкуются и применяются Национальным медиа советом (НМС), созданным тем же указом как орган государственной власти. Сочетание произвольного права Министерства социальных вопросов и труда закрывать любые медийные организации, если оно сочтёт, что в их существовании нет общественного интереса⁷⁰, запрета на курдский язык и требования лицензировать каждое печатное СМИ значительно затрудняет образовательную и просветительскую деятельность курдских партий.

РКК, появившаяся в Сирии в 1980 году, имела бóльшую свободу действий, чем местные курдские партии. Тем самым она привлекла в свои ряды (и ряды PYD) большое количество молодых людей, часть из которых проходила воинскую подготовку, схожую с советским курсом молодого бойца, и отправ-

лялась в Турцию для участия в борьбе РКК с турецким правительством. Им разрешалось демонстрировать курдскую национальность, носить национальную одежду, вывешивать курдский флаг. РКК активно пропагандировала идею о том, что после того, как сирийские курды помогут турецким курдам добиться самоуправления, турецкие курды окажут помощь их сирийским братьям в решении курдского вопроса в Сирии.

Большая степень свободы РКК позволила и другим сирийским курдским партиям более открыто демонстрировать курдские символы. Положение РКК облегчало образовательную, просветительскую и культурную деятельность курдских партий. К 1998 году практически каждая партия стала спонсором футбольного клуба, что позволяло демонстрировать их символику широкой публике. В этот период курдские партии начали организовывать массовые мероприятия, приуроченные к празднику Навруз, которые много лет запрещались властями. Запреты постепенно ослаблялись. В 1986 году 21 марта стал официальным выходным, формально не связанным с Наврузом. В 2011 году правительство впервые приветствовало проведение Навруза, что рассматривалось курдскими партиями как значительная победа в борьбе за курдскую самоидентичность, несмотря на то, что на проведение празднеств по поводу Навруза все ещё требовалось формальное согласие спеслужб.

Местное самоуправление и разрешение общинных и социальных конфликтов является ещё одним важным направлением работы всех курдских политических партий. Это во многом историческая функция. Начиная с Хойбуна, в руководстве партий преобладали племенные вожди, старейшины общин, курдское дворянство и интеллигенция. Это способствовало тому, что партийные активисты и лидеры становились неформальными лидерами местных общин и в этом качестве часто участвовали в разрешении местных споров как арбитры. В отдаленных общинах партии осуществляют практическое руководство общинами, дополняя или полностью замещая собой органы местного самоуправления. В последние десятилетия происходит ослабление племенных связей в Рожаве, что уменьшает влияние партий на общинные и межобщинные отношения⁷¹. В последние двадцать лет перед гражданской войной авторитет на местном уровне сместился с племенных вождей, интеллигенции и партийных активистов на старейшин семей

с наиболее крепким финансовым положением, способных оказывать общинам финансовую поддержку.

Земельные отношения, определявшие место и роль партий на местном уровне, отошли на задний план после принятия Закона о земельной реформе 1958 года. Этот закон и последовавшие за ним подзаконные акты положили конец полуфеодальным отношениям крупных агаватов с крестьянами, и соответственно партийная работа, унаследованная партиями от Мурода и Крестьянской лиги СКП, практически сошла на нет. Курдские традиции распределения наследства между всеми детьми и ближайшими родственниками в сочетании с земельной реформой 1958 года к концу 1990-х годов привели к значительному уменьшению влияния традиционных дворянских семей на общинную жизнь. Вместе с уменьшением влияния земельной аристократии уменьшалось и влияние местных партийных активистов.

В 1960-х – 1970-х годах Аль-Парти и ДПК Барзани стали основной руководящей силой в аль-Джазире. Популярность ДПК была настолько велика, что местные администраторы, назначенные партией Баас, не могли принять ни одного решения, пока местный комитет не одобрил его.

В 1980-х годах РКК/РҮД стала наиболее популярной и авторитетной партией, поскольку ее связи с правительством Хафеза Асада позволяли ей добиваться гораздо более ощутимых результатов по сравнению с партиями Барзани. Ещё до начала гражданской войны РҮД взяла под контроль значительную часть школ, дорог и местных администраций, что обеспечило ей быстрый успех как в борьбе с «Исламским государством» (ИГ, запрещено в России), так и в борьбе с конкурентами в начальный период гражданской войны (2011–2013 гг.).

Гражданская война в Сирии и курды

Первоначальный период

Гражданская война с самого начала не воспринималась лидерами курдов Сирии как шанс добиться отмены антикурдских законов и создать курдскую автономию. Их немедленной задачей было недопущение боевых действий на территорию Курд Дага и аль-Джазире. Но даже для реализации этой экзе-

стенциальной задачи курды не смогли объединиться. Созданный при помощи правительства Иракского Курдистана и клана Барзани 26 октября 2011 года Курдский национальный комитет (КНК) вначале объединял 11 курдских партий, социальную базу которых составляли племена сорани, келхури и фрейли. Усилия Масуда Барзани привели к тому, что к лету 2012 года число участников КНК достигло 15, включая PYD.⁷² Участники КНК сформировали Курдский верховный совет (КВС) в качестве квазипарламента Сирийского Курдистана. Партии, вошедшие в КНК, конфликтовали с партиями, традиционно ориентированными на PKK Оджалана, опирающуюся на курманджи и гурани. В этих конфликтах прослеживаются племенные разногласия и старые идеологические ссоры, восходящие к расколу и конфликтам между Талабани, Барзани и Оджаланом⁷³. Попытки Масуда Барзани примирить КНК и PYD провалились. Каждая курдская политическая организация начала создавать свои вооруженные формирования, в основном принимавшие форму отрядов общинной самообороны.

Вождистские замашки М.Барзани и его конфликт со сторонниками Оджалана, давние межпартийные раздоры и ограниченное финансирование КНК привели к тому, что большинство партий под руководством PYD покинуло КНК к концу 2012 года. Это стало причиной того, что у КНК осталось только два места в КВС, а большинство отошло PYD и ассоциированным с ней партиям. Отряды самообороны, созданные PYD после инцидента в Камышлы в 2004 году, вышли из подполья и стали основой курдских Сил народной самообороны (YPG и его женское крыло YPJ). После столкновений со сторонниками КНК в мае-июле 2012 года⁷⁴ PYD⁷⁵ стала доминирующей политической и военной силой в Сирийском Курдистане. Многие конкуренты PYD считают, что выход сирийских правительственных войск из Сирийского Курдистана был если не официально скординирован с PYD, то «уж точно режим Асада считает PYD естественным союзником в войне с ИГ и вывел войска, когда сирийское отделение PKK набрало полную силу»⁷⁶. PYD быстро заполнила вакуум и заняла все курдские территории вдоль границы с Турцией (Джараблус, Кобан, Африн и Ашрафих) вместе с курдскими регионами провинции Алеппо. Резко возросшие сила и влияние PYD не могли не обеспокоить Турцию.

Фактический контролёр КНК, Масуд Барзани, чтобы хоть как-то сохранить влияние своего блока, пролоббировал согла-

шение между КНК и PYD, вошедшее в курдскую сирийскую историю под названием Эрбильского соглашения. Его единственным реальным результатом стало прекращение боестолкновений между YPG и сторонниками КНК и окончательное укрепление PYD как основной политической и военной силы в воюющем Сирийском Курдистане.

К ноябрю 2012 г. PYD установила единоличный контроль над более чем 80% сирийских курдских территорий и провозгласила создание Рожавы (Rojavaye Kurdistan – Западный Курдистан) на основе аль-Джазиры, Курд Дага и Кобани. КНК отказался признавать создание Рожавы и перевел свою штаб-квартиру в Ирак. Однако учитывая историю курдов и перемещение их между Ираком, Турцией и Сирией, полностью сбрасывать КНК со счетов нельзя. У КНК есть прекрасный пример для своих последователей – Иракский Курдистан как образец того, чего курды могут добиться, если они сумеют в «правильный момент» договориться с центральным правительством.

КНК, пользуясь связями клана Барзани, безуспешно пытался в тот период договориться со Свободной сирийской армией (ССА), Сирийским национальным комитетом, иными организациями «умеренной сирийской оппозиции», а также Турцией и США о совместной борьбе. Эти переговоры были разрекламированы PYD как попытка сдать Рожаву джихадистам и Турции, что оттолкнуло от КНК большую часть населения Рожавы.

В ответ КНК и ССА обвинили PYD в том, что ее контролирует Асад и РКК, которыми управляют Иран и Россия⁷⁷. В ответ PYD заявила, что Турция контролирует ССА, и прекратила любые связи с КНК. Результаты боестолкновений между ССА и YPG и «Джебхат ан-Нусрой» (запрещена в России) в Африне в ноябре 2012 – марте 2013 года укрепили позиции PYD как единственного защитника курдов в Сирии.

После достаточно короткого перемирия в 2013 году атаки джихадистов на Рожаву участились, и PYD втянулась в основном в позиционную вялотекущую войну с ИГ, «Джебхат ан-Нусрой» и многочисленными плохо управляемыми джихадистскими бригадами, охотившимися за территорией, деньгами и населением, которое можно оседлать и доить по образу и подобию российских рэкетиров конца 1980-х – начала 1990-х годов прошлого века.

2013–2019 гг., война всех со всеми и создание курдской автономии в Сирии

Открытая первоначальными военными успехами и победой над конкурентами PYD в 2012 году создала политический блок Движение за демократическое общество (ДДО), доминировавший в КВС⁷⁸. В ДДО вошли PYD, микроскопическая Коммунистическая партия Курдистана (КПК), Партия демократического мира сирийских курдов (ПДМСК), Либеральный союз Курдистана (ЛСК), Курдская демократическая партия Сирии (КДПС) и Национальное движение Курдистана (НДК). В Исполнительный комитет вошли представители всех этих партий. PYD приняла решение делегировать в Исполнительный комитет г-жу Ильхам Эмед, опытную политическую активистку с давними связями с французским истэблшментом. Г-жа Эмед является близким соратником сопредседателя PYD г-жи Айши Хесо, с которой они много лет руководили женскими организациями в Африне и принадлежат к племени дымли, традиционно ориентированному на РКК. Избрание г-жи Эмед председателем обеспечило PYD эффективный контроль над ДДО. В ноябре 2013 года КВС провозгласил себя временной администрацией Рожавы⁷⁹ и сформировал из представителей ДДО комитет для подготовки Конституции Рожавы. КВС сформировал также переходное правительство Рожавы (Администрация Северо-Восточной Сирии, АСВС). Г-жа Эмед сложила с себя полномочия сопредседателя ДДО и возглавила АСВС. Для сохранения контроля над ДДО PYD делегировала в сопредседатели Хариба Хесо⁸⁰, брата Айши Хесо, переизбранной на пост сопредседателя PYD в 2018 году⁸¹.

Конституция Рожавы была подготовлена чуть более чем за два месяца и принята КВС 29 января 2014 года. Официальное ее название «Устав Общественного договора» подчеркивает ее переходный характер. В Конституции подчеркивается приверженность сирийских курдов к сохранению Сирии как единого федеративного государства с курдской автономией (ст.12).⁸²

Создание АСВС совпало по времени с формальным расколом между ИГ и «Аль-Каидой» (запрещена в России). Захватив Ракку в августе 2013 года, ИГ начало продвигаться на восток и юго-восток с целью создать единую территорию с землями Ирака, контролировавшимися иракским ИГ. Это создавало прямую угрозу только что возникшей Рожаве,

особенно после захвата Дейр-эз-Зора и Аазаза. YPG удалось отбить Ялорубий⁸³, основной пограничный пункт на сирийско-иракской границе. Он особенно важен для Рожавы, поскольку через него проходит основной маршрут транспортировки нефти из провинции Хасеке в Иракский Курдистан. Все лето 2014 года курды отчаянно обороняли Кобани от ИГ, крупный город на границе с Турцией, через который проходило снабжение ИГ и нескольких сирийских оппозиционных группировок. К концу лета ИГ удалось захватить Кобани и почти полностью зачистить его от христиан и курдов. Одновременно силы YPG отчаянно обороняли нефтяные месторождения провинции Хасеке и боролись с ИГ за восточные месторождения провинции Дейр-эз-Зор. В отличие от ИГ YPG сумели наладить обучение специалистов нефтяной отрасли по программам ТОТАЛФИНАЕЛФ и смогли сохранить почти довоенный уровень добычи (в течение 2012–2014 года) в приблизительно 40 000 баррелей в день⁸⁴. В борьбу за ресурсы пыталась включиться поддерживаемая ЕС и Турцией ССА, но она не сумела установить сколь-нибудь эффективный контроль за нефтяными месторождениями, и ЕС возобновил временно снятое эмбарго на покупку нефти у ССА. Курдам удавалось удерживать контроль над нефтяными месторождениями также потому, что ИГ пришлось отвлекаться на борьбу с «Джебхат ан-Нусрой» и «Ахрар аш-Шам». После взятия Мосула и Ракки ИГ удалось переманить в свои ряды около 6000 боевиков ССА, многие из которых прошли подготовку в США.

До лета 2014 года сирийская правительственная армия была сосредоточена на борьбе с «Джебхат ан-Нусрой», ССА, Силами демократической Сирии (СДС или SDF) и «Ахрар аш-Шам». А ИГ в основном воевало с другими джихадистскими группами и пыталось расширить контроль за нефтяными и газовыми ресурсами в Сирии. YPG удавалось маневрировать между всеми этими силами и удерживать эффективный контроль над аль-Джазирой и Африном (отбив его у ИГ). Защита осаждённого Кобани позволила YPG отработать современные методы ведения войны в населенных пунктах и натренировать офицерский и рядовой состав.

Ощутимый удар по YPG был нанесён в августе 2014 года, когда ИГ удалось разгромить базу 121-го мотопехотного полка в Хасеке. Фронт в Рожаве стабилизировался поздней осенью 2014 года. Однако это не означало, что Рожава останется

островком относительной стабильности и мира в море всеобщей войны всех против всех. Турция наблюдала за развитием событий на северном и западном фронтах Рожавы с растущим беспокойством. В результате переговоров с руководством Иракского Курдистана Эрбиль резко сократил направление бойцов и поставки вооружения PYD. Это позволило ИГ прорвать линию обороны в Кобани и достичь гостиницы «Абу Маруф» в самом центре города. Около 200 000 курдов покинули город и прорвались в Турцию. PYD запросила Турцию разрешить РКК помочь оружием и бойцами, но получила отказ. Вместо этого под прикрытием турецкой армии несколько сотен бойцов ССА и приблизительно батальон иракских пешмерга Барзани начали защищать сверную часть города от ИГ. При этом Турция продолжала блокировать силы РКК и PYD, закрепившиеся на северо-восточной окраине Кобани. Командир пешмерга в нарушение инструкций Анкары заключил союз с PYD, что позволило к концу января 2015 года отбросить ИГ от города.

Подробное описание этого эпизода необходимо для понимания масштаба конфликта РКК/ PYD с турецким правительством и степени упорства Анкары в преследовании турецких и сирийских курдов. Курдская диаспора в Европе развернула и продолжает проводить активную антитурецкую агитацию. Этим также, в частности, объясняется и позиция Турции по вопросу принятия Финляндии и Швеции в НАТО. В отличие от Турции США быстро поняли значение битвы при Кобани и с конца октября 2014 года начали наносить воздушные удары по позициям ИГ, чем облегчили работу по зачистке города от боевиков ИГ. При поддержке ВВС США PYD в течение 2014 года освободила Хасеке и взяла Телль-Абьяд, восстановив тем самым контроль АСВС практически над всей границей Рожавы с Турцией.

В период 2012–2015 гг., несмотря на принятие конституции и формирование АСВС, продолжалось внутрикурдское политическое соперничество. Основную конкуренцию PYD составляли оппозиционные партии, объединённые в блок КНК. Лидером КНК стал Мустафа Джума. Попытка КНК в начале 2015 года договориться о союзе с пешмергой Барзани в Кобани окончилась неудачно, и в середине 2015 года курдская оппозиция заявила о готовности работать с PYD и АСВС, отложив разрешение своих разногласий до конца гражданской войны.

Сирийский национальный совет (СНС) так же, как и вся остальная арабская оппозиция режиму Асада, относится к PYD, ACBC и самой идее автономии Рожавы с большим недоверием, если не сказать крайне отрицательно. СНС неоднократно обращался к ACBC и PYD с требованием передать контроль над Рожавой ССА. Один из лидеров СНС Абдулбасет Сеида, курд по национальности, в обращении к г-же Эмед от 13 октября 2014 года отметил, что «курдский вопрос – это общесирийский вопрос и должен решаться совместно со всеми оппозиционными силами»⁸⁵. Эта позиция не нашла поддержки даже среди руководства СНС и была похоронена вместе с возможностью совместных операций ССА и YPG. СНС продолжает демонстративно игнорировать любые мероприятия, организуемые в ходе процесса национального примирения, тех сил в участии в которых заинтересована PYD/ACBC⁸⁶.

С середины 2015 года западный фронт Рожавы стабилизировался, а после освобождения Африна при помощи сирийской правительственной армии и ВКС РФ столкновения с ИГ и силами «умеренной» оппозиции приняли эпизодический характер.

С приходом к власти в США президента Дональда Трампа, отчаянно нуждавшегося в надёжных союзниках в Сирии, у ACBC появился шанс отбить временно утраченные территории. Президент Трамп решил поддержать ACBC оружием, медикаментами и инструкторами вопреки жесткой оппозиции Турции. Трампу также было необходимо ограничить возможности наступления на восток правительственной армии, чтобы дать возможность СДС захватить как можно больше территории, оставляемой ИГ. Немалую роль в его решении заключить ситуативный союз с ACBC сыграл тот факт, что бои разворачивались в основных нефтеносных провинциях.

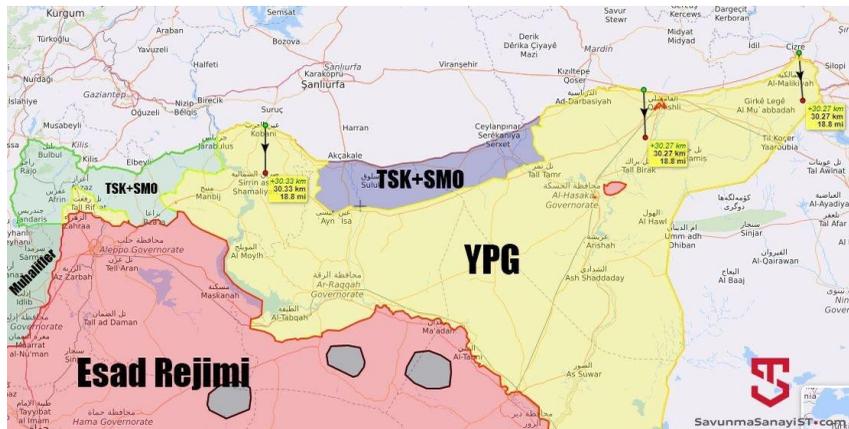
Это позволило YPG к лету 2017 года отбить у ИГ все территории Рожавы на левом берегу Евфрата. Отказ YPG продвигаться западнее Ракки и вступить в прямые боестолкновения с правительственными войсками, несмотря на достаточно жесткое давление американских кураторов, привёл к отказу США от дальнейшей поддержки курдов и выводу американских инструкторов и военного контингента из аль-Джазиры в конце 2018 года. Решение YPG было вполне понятно: вернув все курдские территории на левом берегу Евфрата, YPG достигла всех целей, поставленных ей PYD и ACBC. Курды твёрдо отка-

зались вести прокси-войну с Дамаском от имени и по поручению Вашингтона, что соответствовало программным установкам PYD на создание курдской автономии в рамках единой Сирии. PYD также покинула СДС⁸⁷, значительно ослабив их. Попытки КНК занять место YPG в СДС и тем самым перехватить управление Рожавой у АСВС не увенчались успехом. Однако эта инициатива не нашла поддержки у ССА и активистов КНК, на местах не сумевших укомплектовать вооружённые отряды курдскими добровольцами⁸⁸.

Решению администрации Трампа уйти из Рожавы также способствовало усиление давления Турции на США после проведения АСВС неофициального референдума о независимости Рожавы в октябре 2017 года⁸⁹. По словам Генри Барки, старшего референта Государственного департамента США в 2016–2020 гг., Эрдогану удалось убедить Трампа, что Турция сможет решить все задачи по сдерживанию сирийско-российского наступления без поддержки курдов⁹⁰. Согласие администрации Трампа с этим предложением Турции и вывод американских войск были болезненно восприняты как руководством АСВС и PYD, так и курдским населением Рожавы, надеявшимся на поддержку США в решении курдского вопроса в Сирии⁹¹. Это решение было осуждено и иракскими курдами, прямо указавшими в своём заявлении на то, что такое решение США позволит Эрдогану устроить геноцид курдов как в Сирии, так и в Ираке⁹².

Турция, Африн и будущее Рожавы

Турция рассматривает всех курдов как экзистенциальную угрозу существованию государства. С приходом к власти президента Р.Т.Эрдогана и провозглашением курса на возрождение Османской империи борьба с курдами и идеологией конфедеративной демократии РКК ожесточилась. С самого начала своей борьбы с РКК Турция обращала особое внимание на создание пояса безопасности вдоль границы с Сирией, куда РКК была вынуждена перебазироваться в 1980 году, где были созданы её учебные базы и откуда боевики уходили на боевые операции в Турецкий Курдистан. Анкара всегда стремилась создать пояс безопасности вдоль сирийской границы с целью недопущения боевиков РКК на территорию Турецкого Курдистана.

Торговые отношения Турции с ИГ и логистические цепочки снабжения ИГ и «Джебхат ан-Нусры» требовали более жёсткого контроля над турецко-сирийской границей. Для обеспечения снабжения протурецких боевиков в Идлибе, а также для возврата исконно турецких земель, бывших до 1936 года частью провинции Хатай⁹³, Турция провела две спецоперации, в результате которых был установлен турецкий контроль над провинцией Африн (операция «Оливковая ветвь») и городами Рас-эль-Айн и Телль-Абьяд (операция «Источник мира»). Еще одной целью этих операций было установление зоны безопасности (см. турецкую карту с отметкой предлагаемой зоны), предложения о создании которой выдвигались Турцией неоднократно с начала гражданской войны в 2011 году. В результате была создана буферная зона безопасности между городами Аазаз и Джараблус к северу от Алеппо, оккупирован Африн, взяты под контроль пограничные районы к востоку от реки Евфрат.

Немалую роль в решении проведения военной операции «Оливковая ветвь» сыграла и поддержка США YPG, которых Турция объявила террористами вместе с СДС. Уход российской военной полиции с позиций в Кафр Ана после неудачной попытки уговорить руководство АСВС/ПВД включиться в процесс внутрисирийского примирения и вступить в переговоры о признании курдской автономии с Дамаском 19 января 2018 года спровоцировал Турцию начать операцию на следующий день. Попытки АСВС убедить США вмешаться в ситуацию и обеспечить вывод турецких войск закончились неудачей.

Поэтому АСВС обратилась к России и Дамаску за защитой сразу после начала операции «Источник мира»⁹⁴. Интересно отметить, что в делегацию PYD, приехавшую в Хмеймим на переговоры входил и Мазлум Кобани, до этого активно сотрудничавший с США в рамках СДС. Достигнутые договорённости были подвергнуты критике в курдских СМИ, поддерживающих КНК и ДПК Барзани, как первый шаг к капитуляции режима Асадов⁹⁵. К переговорам с Дамаском и Россией PYD подтолкнуло также то, что Анкара для создания буферной зоны использовала боевиков аффилированных с Турцией бригад «Джейш аль-Ислам», «Султана Мурад» и «Ахрар аш-Шам». Эти три вооружённых формирования прославились крайней жестокостью в период, когда они контролировали Думу, Восточную Гуту, Алеппо и Дейр-эз-Зор соответственно. «Ахрар аш-Шам» также зверствовал в Африне при его захвате турецкой армией⁹⁶.

После того, как сирийские войска заняли Кобани, Ракку, Манбидж и Табку, Турция была вынуждена провести переговоры с Дамаском и Россией по разграничению зон ответственности. PYD пришлось отвести свои легковооружённые части из 30-километровой зоны вдоль границы с Турцией, а российская военная полиция начала совместное патрулирование трассы М4 для поддержания мира и разграничения турецкой армии и YPG. По словам курдов, патрулям ВС РФ на протяжении 2020–2021 гг. достаточно регулярно приходилось предотвращать акты насилия и грабежи сил ССА в отношении курдского населения на трассе М4.

Часть из достигнутых договоренностей касалась защиты прав арабов, проживающих в аль-Джазире. АСВС/PYD согласились на ряд шагов, призванных показать приверженность курдов сохранению единства Сирии. АСВС отказалась от термина Рожав, переименовав ее в Северо-Восточную Сирию, столица была перенесена из Камышлы в Кобани, который стал официально именоваться его арабским названием Айн Исса. АСВС приняла ряд законов, направленных на обеспечение прав арабского населения, и строго следит за их соблюдением. Этим же объясняется и сохранение контроля СДС над рядом населённых пунктов и прилегающих территорий. СДС, будучи в основном арабской организацией (с ограниченным контингентом бойцов пешмерга Барзани и КНК), по соглашению с АСВС контролирует и поддерживает порядок в населённых пунктах

с преобладанием арабского населения. Это, кстати, позволило СДС совместно с бойцами JSOC (спецназа) США сохранить контроль над территорией в провинции Хасеке, где находятся нефтяные месторождения. В результате сложных переговоров между АСВС, кланом Барзани, правительством в Дамаске и администрацией Трампа часть месторождений была передана в управление американской компании Delta Crescent Energy LLC, получившей лицензию Управления по контролю за иностранными активами Министерства финансов США на работу в Сирии. Администрация Байдена не продлила эту лицензию, однако Delta продолжила работы по реабилитации скважин и продаже нефти в Иракский Курдистан.

Результатом всех турецких военных операций и договоренностей стало уменьшение территории, подконтрольной АСВС и Дамаску, появление подразделений ВС РФ в Кобани и закрепление очередного внутрикурдского раскола по линии КНК/СДС и PYD/АСВС, что является продолжением многолетнего, во многом идеологического, спора между Барзани и Оджаланом о будущем курдского народа и устройстве курдского самоуправления. Здесь следует отметить, что в западной литературе и СМИ СДС часто отождествляют с PYD, только усиленное арабскими подразделениями⁹⁷. Это в корне неверно. Более того, после отказа PYD от сотрудничества с СДС между ними развивается конфликт, во многом вследствие упорного сопротивления СДС восстановлению полного контроля АСВС над месторождениями нефти в провинции Хасеке⁹⁸. PYD, устами заместителя председателя PYD Кемила Байика, публично осудила сделку СДС и Delta, отметив, что эта сделка «противоречит сирийским законам и конституции Сирийского Курдистана».

Раскол стал очевиден ещё в середине 2019 года. КНК/СДС ещё до решения президента Трампа вывести войска из Сирии начали кампанию по выдавливанию депутатов ДДО из КВС. 9 ноября 2019 года между этими блоками начались переговоры, которые, впрочем, окончились ничем⁹⁹.

Основной целью СДС является устранение курдов заа и курманджи, многие из которых имеют политические, племенные и родственные связи с РКК и иранскими курдами, из руководства АСВС, YPG, YPJ и образовательных учреждений. Мазлум Абди, лидер СДС и КНК, заявил, что устранение кадров PYD/ПКК из руководства Рожавой является основным

условием продолжения переговоров и заключения соглашения о совместном управлении Рожавой.

PYD выступила с заявлением о том, что СДС является марионеткой Турции и стремится присоединить Рожаву к Турции¹⁰⁰. PYD последовательно выступает за компромисс с Дамаском и закрепление курдской автономии в Рожаве (либо в границах аль-Джазиры или с Курд Дагом, оккупированным Турцией) и расценивает деятельность СДС как подрывающую основы самоуправления Рожавы и перспективы сирийских курдов на создание национальной автономии.

Этот конфликт является очередным проявлением межплеменной борьбы по линиям, разделяющим курдские племена не один десяток лет.

Курдские активисты считают, что СДС объективно следует в фарватере турецких интересов. Турция рассматривает сам образ жизни курдов, принципы «конфедеративной демократии» Оджалана как экзистенциальную угрозу своему существованию. Различные представители иракской ДПК, включая представителей клана Барзани, также неоднократно выступали против идей Оджалана¹⁰¹ с момента раскола между Оджаланом и Барзани в 1970 году. Практическое внедрение конфедеративной демократии в Рожаве доказало ее жизнеспособность и эффективность на общинном и местном уровнях. Она оказалась настолько эффективной и популярной, что большинство сирийских беженцев (независимо от их этнической принадлежности) в Турции берут ее за основу самоорганизации в лагерях временного размещения. Поскольку основной движущей силой конфедеративной демократии является PYD, именно она стала доминирующей партийной силой в Рожаве. При этом АСВС допускает Сирийские правительственные силы, включая спецслужбы, в Рожаву.

Представители Дамаска, находящиеся в Камышлы, Рмейлане и Кобани, никак не вмешиваются в работу местных администраций и в основном осуществляют функции коммуникации между PYD и центральной властью. Это даёт КНК/СДС повод обвинять PYD в предательстве курдской мечты о независимости и единстве. Впрочем, проблемы внутри КНК и потеря поддержки США не позволяют ему стать серьезной оппозицией PYD. Хотя есть «скелет в шкафу» и у PYD, который преследует ее с 2012 года, – это ее связь с РКК. Отношения с РКК в первую очередь использует Турция как повод для создания

зоны безопасности. При этом конфедеративная демократия для Эрдогана – это основной вызов и альтернатива исламскому пантюркизму и собственно существованию Турции¹⁰².

Этим объясняются как вторжение в Иракский Курдистан в мае 2022 года, так и требование об отказе Финляндии и Швеции от поддержки РКК в обмен на согласие Турции на вступление этих стран в НАТО¹⁰³.

Будущее Рожавы и Россия

После неудачных попыток включить АСВС в процесс национального примирения и выработать рамки самоуправления курдов и определить контур их будущей автономии в составе единой Сирии переговоры с режимом Дамаска были поставлены на паузу.

Переговоры с различными оппозиционными арабскими силами (ССА и Сирийским национальным конгрессом) также окончились неудачей после безапелляционного требования ССА передать Рожаву под контроль ССА и СНК. Обменявшись традиционными обвинениями в работе на Турцию и РКК, СНК и АСВС прервали всякие контакты и неоднократно вступали в боестолкновения.

Ситуация как внутри Рожавы, так и вне ее значительно усложняется внутрикурдским расколом между PYD и КНК/СДС, их взаимозависимостью для снабжения Рожавы нефтью и нефтепродуктами и наполнения бюджета Рожавы и необходимости взаимодействия с Дамаском для обеспечения беспрепятственного экспорта нефтепродуктов. Раскол восходит корнями к племенной борьбе XVIII-XIX вв. Современные его причины можно проследить в борьбе между племенами, мигрировавшими в аль-Джазиру после разгрома восстания Шейха Саида (составляющими основу КНК), и местными курдами аль-Джазиры, боровшимися с мандатными властями. В последнее время стали очевидны и претензии Масуда Барзани на лидерство среди всей курдской нации, в реализации которых он опирается на КНК.

Турция явно взяла курс на жесткое подавление любых связей между PYD и РКК путём создания санитарного кордона вокруг аль-Джазиры, зачистки Курд Дага и создания санитарной зоны в Иракском Курдистане. В предвыборный год на фоне

нарастающих проблем в экономике Эрдоган нуждается в небольшой победоносной войне для обеспечения своей победы. Этим объясняется операция «Захват Когтя», начатая им 18 апреля 2022 года. Основной целью операции является создание наблюдательных постов и оперативных баз турецких вооруженных сил для прерывания каналов снабжения и связи между базами РКК в Иракском и Сирийском Курдистане. Турция рассматривает Иракский и Сирийский Курдистан как тыл турецкой РКК и считает операцию «Захват Когтя» самообороной, разрешённой ст.51 Устава ООН¹⁰⁴.

В настоящее время АСВС обладает фактическим, хотя и неполным контролем над территорией Джазире и, за исключением Турции (и СДС), признаётся всеми как единственная власть в аль-Джазире. Россия признала за АСВС право представлять всех сирийских курдов и разрешила открыть представительство в Москве.

Национальное примирение в Сирии невозможно без решения курдского вопроса. Достигнутое за последние 10 лет равновесие интересов, столкнувшихся в Рожаве, очень шатко и может взорваться в любой момент. АСВС пока удаётся сохранять мирное сосуществование между курдами, арабами, арамейцами и другими этносами, населяющими Рожаву.

Упорство Дамаска и АСВС в отстаивании своих позиций значительно сужает возможную посредническую роль России в выработке приемлемой формы сосуществования арабов и курдов в рамках единой Сирии. На возможности примирения также отрицательно влияют позиции Турции и Иракского Курдистана. Клубок отношений сирийских курдов и арабов схож с Израильско-палестинским конфликтом. Очевидно, что достижение всеобъемлющего курдско-арабского урегулирования в Сирии займёт значительное время. Россия является фактически единственной внешней силой, не заинтересованной в долгосрочной поддержке какой-либо из сторон. Очевидным национальным интересом России является успешное завершение процесса национального примирения и сохранение Сирии как единого государства, создающего благоприятные условия для российского бизнеса. США и их союзники потеряли уважение курдов после ухода из аль-Джазире в конце 2019 года и в силу своей политики уничтожения баасизма и не способны играть сколь-нибудь конструктивную роль в процессе арабо-курдского урегулирования и примирения.

Поэтому Россия является единственной реальной силой, посредничество которой будет принято и АСВС, и Дамаском. Видимо, к этому процессу стоит привлечь и клан Барзани, обязанный СССР и России своим существованием. По всей вероятности, гарантии безопасности Турции будут неотъемлемой частью арабо-курдского примирения.

Однако в настоящее время говорить о каких-то сроках или перспективах достижения такого примирения рано. Возможно, отправной точкой этого процесса станет совместная борьба против ушедших в подполье исламских джихадистов, одинаково ненавидящих и Кобани, и Дамаск.

Также очевидно, что сирийские курды проделали огромный и трудный путь от Общества возрождения и развития Курдистана братьев Бедиркан до АСВС Эмед, Салиха и Хесо. Первой задачей арабо-курдского примирения является признание обеими сторонами реально сложившегося положения и достижение понимания того, что в сложившихся внешних условиях сохранение единой Сирии является основной предпосылкой к существованию и развитию арабского и курдского этносов в ее границах.

Пока ни одна из сторон не готова принять существующую реальность и общность внешних и внутренних вызовов, и роль России видится в первую очередь как образовательно-воспитательная, конечным итогом которой будет признание обоими сторонами двух простых фактов: (1) курды и арабы должны иметь равные права и жить в единой стране и (2) в стране реально сформировалась курдская автономия, основанная на принципах, коренным образом отличающихся от официальной идеологии баасизма.

Также исключительно важным является достижение внутрикурдского мира и переход всех курдских политических партий к публичной политике для выработки реалистичного общекурдского социального контракта. Возможно, он будет основан на действующей конституции Рожавы, а может быть, – на каких-то иных принципах и концепциях. Важно то, что курдам надо отказаться от силовых методов разрешения своих политических споров.

Дамаску следует отменить все нормы закона, ограничивающие курдов в их правах, дать всем курдам, проживающим в Сирии, гражданство и согласиться с тем, что курды являются отдельным народом и имеют право на самоуправление.

Представляется, что решение этих задач займёт не один год. Попытки навязать какие-нибудь принципы и/или идеологии могут только навредить и отбросить процесс назад. Пока перспективы развития курдов в Сирии весьма туманны, поскольку нет главного: у обеих сторон нет политической воли выработать взаимоприемлемые правила общежития и нет признания того, что другая сторона имеет законные права и интересы. И пока это понимание не придёт, перспективы курдского самоуправления в Сирии остаются весьма неопределёнными.

¹ Настоящая статья написана на основании материалов, полученных автором в ходе визитов в Сирию и Рожаву в 2011-2022 гг., и личных бесед с различными курдскими политическими лидерами и активистами.

² Администрация Северо-Восточной Сирии – временный орган самоуправления Рожавы.

³ См., например: Обзор курдоведения в России в XX веке. Аманж Бижан и Надим Бижан. Курдоведение в России в начале XX века // Вестник Тамбовского государственного университета, 2020, № 8; Материалы научной конференции Курдоведение в России / Институт Восточных Рукописей РАН РФ. – СПб, 2007; Мустафа Арам Али. Движение курдского народа за национальное самоопределение в XIX – первой трети XX века и позиция России. Дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Краснодарский государственный университет, 2007.

⁴ Минорский В.Ф. Курды. Заметки и впечатления. – СПб. Типография Киришбаума, 1915, с. 27–42.

⁵ Nakan Özoğlu. Kurdish notables and the Ottoman state: Evolving Identities, Competing Loyalties, and Shifting Boundaries, New York, SUNY Press, 2004, p. 25.

⁶ The World Factbook (Online ed.). Langley, Virginia, ЦРУ. 2015. ISSN 1553-8133. Приблизительная оценка ЦРУ дает 14,3 млн курдов в Турции, 8,2 млн в Иране, от 5,6 до 7,4 млн в Ираке и около 1,8–2 млн в Сирии.

⁷ Jwaideh Wadie. The Kurdish National Movement: Its Origins and Development. Syracuse University Press. 2006, с. 3–6.

⁸ Andrew Kane. The Reality of Intra-Kurdish Rivalry Undermines the Notion of Pan Kurdish Nationalism, SciencePo Kuwait Programme, октябрь 2017. https://www.sciencespo.fr/kuwait-program/wp-content/uploads/2018/05/KSP_Paper_Award_Fall_2017_Andrew_Kane.pdf

⁹ Родились в провинциях Урфа (Оджалан) и Кобани (Салих), до Лозаннского трактата 1923 года входивших в провинцию Санхурта Османской империи.

¹⁰ Клан Барзани позиционирует себя как прямых наследников курдской династии Барзикан, основанной в 959 году в провинции Джебель вождем барзикан Хасанвайхидом бен Хасаном.

¹¹ Jabar, Faleh A, Hosham Dawod. *The Kurds: Nationalism and Politics*. London: Saqi, 2006.

¹² Таких партий в Сирии три, они отличаются только лидерами и регионами проживания их последователей.

¹³ Евсевий Кесарийский. *Хроники*, часть 1, цит. по:

https://www.tertullian.org/fathers/jerome_chronicle_02_part1.htm

¹⁴ Знаменитый храм езидов Лалеш, где находится могила почитаемого курдами-йезидами шейха Ади ибн Мусафира, ранее был частью несторичанского монастыря Апостола Фомы. В дохристианский период этот же сакральный комплекс был храмом Солнца. Более подробно об этом см: <https://www.rudaw.net/sorani/kurdistan/270720194>

¹⁵ Joseph I. *Devil Worship: The Sacred Books and Traditions of the Yezidiz*. Boston: R.G. Badger, 1919.

¹⁶ Более подробно см.: Spät E. *The Yezidis*. London: Saqi, 2005.

¹⁷ Более подробно см.: *The Kurds: Nationalism and Politics* / Под ред. Jabar, Faleh A и Hasham Dawod. London: Saqi, 2006.

¹⁸ Семенов А. А. Поклонение сатане у передне-азиатских курдов-езидов // *Бюллетень Средне-Азиатского Государственного Университета*, 1927, № 16.

¹⁹ Robert Olsen. *The Kurdish Nationalist Movement in the 1990s: its impact on Turkey and the Middle East*. The University Press of Kentucky, 1996, с. 5–7.

²⁰ Robert Olsen. *The Emergence of Kurdish Nationalism and the Sheikh Said Rebellion, 1880–1925*. University of Texas Press, Austin, 1991, с. 80.

²¹ Michael M. Gunter. *The A to Z of the Kurds* // Scarecrow Press, 2009, с. 128.

²² Hansard 1803-2005 – GOVERNMENT OF IRELAND BILL, April 1886.

²³ Olsen. *Op. cit.*, с. 5–7.

²⁴ Aghawat (агават) – общее название крупных курдских землевладельцев, служивших основой самоуправления курдских общин в мандатный период.

²⁵ Christian Velud. *Une Experience d'Administration Regionale en Syrie durant Le Mandat Francais: Conquete, Colonisation, et mise en Valeur, de la Djezireb, 1920–1926*. University of Lyon, 1991, с. 334.

²⁶ Stephen Heydemann. *Authoritarianism in Syria: Institutions and Social Conflict, 1946–1970*. Cornell University Press, 1999, с. 30.

²⁷ Mulla Ahmed Mohammad. *Jama'at Khoybun wa Alaqat Al-Kurdiyah-Armanyah*. Kawa Press, Bonn, 2000, с. 5.

²⁸ Gérard Chaliand. *A People without the country*. Zed Books, 1993. – Kurdistan, с. 55.

²⁹ Olsen. Op. cit., с.15.

³⁰ См., например: Jordi Tejel. Syria's Kurds: Politics and Society. – London: Routledge University, 2009.

³¹ Jordi Tejel. Op. cit., с. 28.

³² Jordi Tejel. Op. cit., с. 30.

³³ Jordi Tejel. Op. cit., с. 32–44; беседы с Муллою Ахмедом Мухаммадом, август 2013 года, Канн, Франция и Мустафой Джума'а, январь 2022 года, Алеппо, Сирия.

³⁴ <https://journals.openedition.org/remmm/6481>

³⁵ Ahmed Muhammad Mulla. Al-Quadaya al Kurdiliayh fi Suriya. Nabilbum, Berlin, 2001, с. 54–55. (Курдские проблемы в Сирии)

³⁶ Jordi Tejel. Les constructions de l'identite kurde sous L'influence de la connexion kurdo-francais, au Levant (1930–1946) // European Journal of Turkish Studies, Thematic Issue №5, London, 2006, с. 30.

³⁷ <https://journals.openedition.org/remmm/6481>

³⁸ Отчёт Монсеньора Хеббе Комиссару Лиги Наций в Леванте Франку Пуа. Женева, 1939 // United Nations Geneva Archive. Публикация 1958 года.

³⁹ Dr.Mikhmed Eli. Jabal al-Kurd: Dirasab Tarikhyah Izhtimayah Tawthiquiya. Afrin, 1955, с. 505.

⁴⁰ Roger Lescot. Le Kurd Dag et Le movement Mouroud // Thawrah Jabal Akrad al-Istimar al-Franzi fi Suriyah. – Курдский Институт в Париже, 1940. Цит. по переизданию 1988 года. С. 109.

⁴¹ Беседа с внуком Шейха Халила, Ибрагимом Рашид Халилом, в Африне 16 января 2022 года.

⁴² Dr.Mikhmed Eli. Jabal al-Kurd: Dirasah Tarikhiyah Ijtimaiyab Tawthiquiyah. Afrin, 1979, с. 517–526.

⁴³ Запись беседы с г-ном Мустафой Джумаа, председателем Партии курдской свободы в Сирии, 17 января 2022 года.

⁴⁴ Более подробно см.: Yildiz, Kerim. The Kurds in Syria : the forgotten people (1st ed.). London, Pluto Press, 2005, in association with Kurdish Human Rights Project.

⁴⁵ Эта позиция была обоснована генеральным секретарем Х.Бакдашем в «Hizb al-ummal wa-al-fallahien» (The Party of the Workers and Peasants). Beirut, 1955.

⁴⁶ David McDowall. A modern History of the Kurds. London, London School of Economics, 2000, с. 47–82.

⁴⁷ Не путать с алавитами, составляющими основу поддержки правящего режима Асадов.

⁴⁸ Ahmed Muhammad Mulla. Al-Quadaya al Kurdiliayh fi Suriya. Nabilbum, Berlin, 2001, с. 68.

⁴⁹ Подробно об этом см. в: McDowall David. *The Modern History of the Kurds*. London: Tauris, 1998.

⁵⁰ Ahmed Muhammad Mulla. *Op. cit.*, с. 88.

⁵¹ Запись бесед с шейхом Али Мухидином (лидером Объединённой демократической курдской партии) и Джавадом Мелла (представителем ассоциации западных курдов в Лондоне), январь 2022, Африн и Лондон.

⁵² Программа КДПС, здесь и далее цитируется по изданию на арабском языке. Эрбиль, 1968.

⁵³ См., например: Дементьев И.А., Генин И.В. *Объединённая Арабская Республика*. – М., 1959; *Национализм в мировой истории / Под ред. Тишкова В.А. и Шнирельмана В.А.* – М.: Наука, 2007.

⁵⁴ Ahmed Muhammad Mulla. *Op. cit.*, с. 25.

⁵⁵ В 1998 году РКК Оджалана договорилась с Партией демократического союза Курдистана о союзе, в результате которого последняя была преобразована в Патриотический союз Курдистана.

⁵⁶ Запись беседы с Шейхом Али, август 2013 года.

⁵⁷ Программа партии цитируется по <http://yekitimedia.org/en/index.php/the-political-programme.html>

⁵⁸ См., например: <https://en.qantara.de/content/alliance-between-the-pkk-and-the-assad-regime-a-political-sect-on-the-wrong-track>, интервью с Мерваном Дерикатом, активистом «Единства», январь 2022 г., Африн.

⁵⁹ David McDowall. *The Kurds of Syria*. London: KHRP, с. 1–7.

⁶⁰ Инаугурационная речь президента Башара Асада, §27–30, цит. по: <https://al-bab.com/documents-section/president-bashar-al-assad-inaugural-address>
⁶¹ https://www.meforum.org/meib/articles/0103_sd1.htm

⁶² Цит. по: <https://www.britannica.com/biography/Bashar-al-Assad>

⁶³ Более подробно см.:

<https://medialandscapes.org/country/syria/policies/media-legislation>

⁶⁴ <https://www.jstor.org/stable/26427398>

⁶⁵ https://kurdpress.com/en/news/1187/France-using-Syria's-Kurds-to-pressure-Damascus-and-Ankara*/

⁶⁶ Who is the Syrian-Kurdish opposition? The development of Kurdish parties, 1956–2011 // *KurdWatch Report*. Berlin: European Center for Kurdish Studies. 8: 1–34.

⁶⁷ Личные беседы с курдскими политиками, август 2013 года.

⁶⁸ <https://lib.ohchr.org/HRBodies/UPR/Documents/session12/SY/HIC-HabitatInternationalCoalition-eng.pdf>

⁶⁹ См., например, программы КДПС, СКП, «Единства», «Свободы» и нескольких мелких партий. Ссылки на программы приведены в конце статьи.

⁷⁰ Ст. 36 Закона Об Ассоциациях и Частных Обществах № 9329. Здесь и далее сирийское законодательство цит. по:

<https://archive.crin.org/en/library/publications/syrian-arab-republic-national-laws.html>

⁷¹ Alan George. Syria: Neither Bread nor Freedom. London: Zed Books, 2002, с. 178–182.

⁷² Malcolm H.Kerr. The Kurdish National Council. 15 февраля 2012 года. – <https://carnegie-mec.org/publications/?fa=48502>

⁷³ Личные беседы с шейхом Али Мухидином, генеральным секретарем Партии единства и демократии в Сирийском Курдистане (16.01.2022, Африн), шейхом Джамалом Баки, лидером Партии демократии для курдов в Сирии (22.08.2017, Дамаск).

⁷⁴ Harriet Allsop. The Kurds of Syria. London: Taurus, 2014, с. 196–202.

⁷⁵ Для удобства здесь и далее термин PYD включает в себя YPG/YPJ и союзные им партии, если иное не указано в тексте.

⁷⁶ Беседа с шейхом Баки, см. выше.

⁷⁷ См., например: <https://www.tarihigercekler.net/isid-assad-rus-and-pyd-limited-company/>

⁷⁸ Известное как TEV-DEM, <https://ekurd.net/the-project-of-a-democratic-syria-movement-for-a-democratic-society-rojava-2015-02-17>

⁷⁹ <https://www.rudaw.net/english/middleeast/syria/13112013>

⁸⁰ <https://www.rudaw.net/english/middleeast/syria/280820181>

⁸¹ Там же.

⁸² Текст Конституции Рожавы цитируется по английскому переводу: <https://internationalistcommune.com/social-contract/>

⁸³ Это транслитерация с сорани. Официальное название на арабском сирийском البروبية (Алорубийя).

⁸⁴ David Butler. Syria's Economy: Picking up the Pieces // Chatham House Research Paper, June 2015.

⁸⁵ Копия письма предоставлена шейхом Али, находится в личной библиотеке автора. Перевод автора.

⁸⁶ <https://www.understandingwar.org/syria-90-day-forecast-assad-regime-and-allies-northern-syria>

⁸⁷ Вопреки широко распространяемой западными СМИ версии о том, что и после ухода США СДС продолжает существовать как курдо-арабская сила. Это делается для оправдания нахождения СДС на территории Рожавы, где они совместно с американским контингентом удерживают контроль над несколькими нефтяными месторождениями в интересах американской компании Delta Crescent Energy LLC.

⁸⁸ Курдский контингент СДС после ухода PYD – это в основном боевики КНК и несколько боевых групп иракских сил самообороны Курдистана, созданной кланом Барзани (пешмерга).

⁸⁹ Brian Gibson. *Sold out: Foreign Policy, Iraq, the Kurds and the Cold War*. 2nd edition. London: Palgrave, 2020, с. 162-165.

⁹⁰ Цит. по: Ezra Gurcaу. *The US-YPG Relationship: US Foreign Policy & the Future of the Kurds in Syria and Turkey* // Middle East Policy Council, Washington, 2020, <https://mepc.org/commentary/us-ypg-relationship-us-foreign-policy-future-kurds-syria-and-turkey>

⁹¹ <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/kurdish-reactions-their-abandonment-syria>

⁹² <https://www.puknow.com/english/view?article=14391&cat=52>

⁹³ См. более подробно: Eder, Mine (2016). "Turkey". In Lust, Ellen (ed.). *The Middle East* (14 ed.). CQ Press. ISBN 978-1506329307.

⁹⁴ <https://www.bbc.com/russian/news-50037738>

⁹⁵ <https://www.nytimes.com/2019/10/13/world/middleeast/syria-turkey-invasion-isis.html>

⁹⁶ https://www.dissentmagazine.org/online_articles/trumps-betrayal-of-rojava

⁹⁷ См., например: https://en.wikipedia.org/wiki/Syrian_Democratic_Forces, где утверждается, что ССА участвует в СДС, что в корне неверно, достаточно посмотреть на список организаций-создателей; Christopher Phillips. *The Battle for Syria*. Yale University Press, New Haven, 2020, где PYD упоминается только как часть SDF.

⁹⁸ <https://syriadirect.org/will-oil-spark-conflict-between-qandil-and-the-sdf-in-northeast-syria/>

⁹⁹ <https://syriadirect.org/نجاح-المبادرة-الأميركية-في-توحيد-الأك/?lang=ar>

¹⁰⁰ <https://blogs.eui.eu/medirections/the-pyd-pkk-relationship-under-scrutiny/>

¹⁰¹ <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/nana.12609>

¹⁰² <https://www.dailysabah.com/politics/war-on-terror/turkey-has-no-kurdish-issue-erdogan-says>

¹⁰³ <https://foreignpolicy.com/2022/05/23/erdogan-turkey-pkk-election-sweden-finland-nato/>

¹⁰⁴ Заявление пресс-секретаря МИД Турции Ахмеда аль-Сахафа, 19 апреля 2022 года, цит. по: https://www.tellerreport.com/news/2022-04-19-operation-%22lock-claw%22---iraq-summons-the-ambassador-of-turkey-and-demands-the-withdrawal-of-its-forces-from-its-lands.Bygf5_dnV9.html

ИЗРАИЛЬ И ПЕРЕГОВОРЫ ПО ИРАНСКОЙ ЯДЕРНОЙ ПРОБЛЕМЕ

Продвижение иранского ядерного проекта

О конфронтационном характере отношений между ИРИ и Государством Израиль можно говорить с полной очевидностью. В период после победы в Иране Исламской революции 1979 г. отношения между двумя странами приобрели откровенно антагонистический характер. При этом нужно отметить, что более 30 лет из 43, прошедших после установления в Иране исламского режима, главным фактором этого противостояния является иранская ядерная программа. Однако Иерусалим поначалу игнорировал антиизраильскую риторику иранского клерикального руководства, считая, что реальной угрозы оттуда не исходит. Действительно, серьезным он считал финансирование Ираном экстремистских террористических организаций типа ливанской «Хизбаллы», палестинских ХАМАСа и «Исламского джихада», которые неуклонно наращивали силу главным образом при иранской помощи, формируя существенные угрозы безопасности Израиля.

Переломным стал январь 1995 года. Тогда появился договор с Россией о «завершении строительства АЭС в Бушере», прерванного после Исламской революции. Это спровоцировало у Израиля реальные опасения, что Иран попытается использовать доступ к новейшим ядерным технологиям для выхода на производство атомной бомбы. Вспомнили о том, что лидер Исламской революции аятолла Рухолла Хомейни в свое время озвучивал планы своей страны обзавестись «исламской

* Д-р Владимир Месамед – Ph.D, ст. преподаватель Института стран Азии и Африки Гуманитарного факультета Еврейского университета в Иерусалиме.

атомной бомбой», которая помогла бы обеспечить Ирану гегемонию в ближневосточном регионе. Своеобразным триггером для аятоллы послужили ирано-иракская война (1980–1988 гг.) и особенно уничтоженный Израилем в 1981 г. иракский ядерный реактор, спровоцировавший руководство ИРИ активно выступать за создание своей атомной бомбы. Похоже, это стало в ИРИ идеей фикс, ее не раз высказывали религиозный лидер Ирана аятолла Али Хаменеи, тогдашний иранский президент (в 1989–1997 гг.) Али-Акбар Хашеми-Рафсанджани, а затем Махмуд Ахмадинежад (2005–2013). Именно поэтому вскоре после начала реализации иранского ядерного проекта в Израиле решили инициировать международную кампанию, суть которой состояла в следующем: Иран создает атомную бомбу, одновременно транслируя Израилю «неприкрытые угрозы уничтожения»¹. Ввиду того, что подобные действия опасны для самого существования Израиля, считали в руководстве страны, необходимо положить конец продвижению Ирана по пути создания этого вида неконвенционального оружия. С самого начала претворения российско-иранского атомного проекта ему сопутствовала жестко отрицательная позиция Запада, однозначно дававшего понять, что он мыслится как эффективный способ выхода ИРИ на обладание ядерным оружием, провоцируя важнейшую угрозу миру и безопасности на Ближнем Востоке. Еще в августе 2002 года на пресс-конференции в Вашингтоне представитель иранской оппозиции впервые представил реальные доказательства наличия в стране мощностей по обогащению урана. Через год это подтвердила инспекция Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), заявившая, что имеющиеся в ИРИ мощности по обогащению урана позволяют говорить о наличии в стране ядерной программы военного назначения. Осенью 2003 г. «тройка» европейских государств в составе Великобритании, Германии и Франции инициировала переговорный процесс с Ираном, результатом которого стало подписание ИРИ в декабре того же года Дополнительного протокола к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), дающего право этой международной организации инспектировать любой иранский объект, имеющий отношение к ядерной программе. Тогда же МАГАТЭ занялось планомерным мониторингом иранского ядерного проекта. В 2006 г. «тройка» превратилась в «шестерку», включив в свой состав Китай, Россию и США.

Самым опасным для Израиля с точки зрения продвижения ядерного проекта ИРИ явился период нахождения у власти в 2005–2013 гг. неоконсервативного президента М. Ахмадинежада с предпринятой им радикализацией своей внешней политики. В тот период Иран сделал повседневными антиизраильские заявления и ужесточил позицию по ядерной программе. Все это воспринималось в Иерусалиме как вполне осязаемая угроза. Понимая, что подобные призывы стали в ИРИ обыденной демагогией, характеризующей послереволюционную повестку, в Израиле не игнорируют того факта, что она сопровождается наращиванием действий по продвижению к своей цели – тайному созданию атомной бомбы. Именно – тайному, потому что после смерти лидера ИРИ в июне 1989 г. там установилась прагматическая повестка. Создание ядерного оружия ушло на периферию общественных дискуссий, постепенно заменившись активностью по созданию в Иране мирного атома. Для Израиля, впрочем, с самого начала было ясно, что главное – это «атомное оружие, а электростанция – прикрытие»². Но все прошедшие с тех пор годы весь мир убеждают в том, что «...иранская ядерная программа имеет исключительно мирный характер, и не стоит всерьез воспринимать мечты аятолл о создании собственной атомной бомбы»³. Однако в ИРИ делалось все для того, чтобы отечественная ядерная программа военного назначения была продолжена. По сути, Иран продолжал реализацию своей устоявшейся тактики: всячески тянуть и выигрывать время, необходимое для того, чтобы выйти на конечную цель – стать обладателем ядерного оружия. Много лет прошло под сенью постоянных рутинных инспекций МАГАТЭ, результаты которых излагались в ежегодных докладах его гендиректора, констатирующих невозможность показать нарушение Ираном обязательств по ДНЯО. С другой стороны, доклады не фиксировали и того, что ИРИ реализует военный компонент своей ядерной программы. Подлинным камнем преткновения стала программа обогащения урана, которую мировое сообщество считало главным аргументом реализации военного компонента иранской ядерной программы. Несмотря на давление со стороны МАГАТЭ, ИРИ декларировала невозможность как свертывания, так и приостановки процесса обогащения урана, считавшегося неременным условием продолжения переговоров в этом направлении. Такие переговоры шли с 2003 г., добиваясь от Ирана приостановки работ по обогащению

урана, которые могут представлять угрозу режиму международного ядерного нераспространения.

В качестве реакции на иранскую «упрямость» на Иран не раз налагались санкции. Так, в октябре 2007 г. США заявили об ужесточении режима санкций против ИРИ. Они включали бойкот иранских компаний, финансовых и государственных организаций, ограничения на зарубежное передвижение некоторых функционеров исламского режима, внесение определенных иранских военно-политических структур в список террористических организаций и др. Обидевшись на это, тогдашний глава иранского МВД сказал, что страна с этим справится, и обещал «надрать морду Америке»⁴.

Многолетняя реализация иранской ядерной программы сопровождалась утаиванием Ираном от мирового сообщества в лице инспекторов МАГАТЭ фактов многочисленных ядерных разработок. Между тем в ноябре 2003 г. в Иране достаточно открыто признали, что Тегеран не раз допускал нарушения обязательств, вытекающих из членства Ирана в ДНЯО, но эти нарушения были «частичными» и «не заслуживающими серьезного внимания»⁵. Более того, глава Организации по атомной энергии Ирана (ОАЭИ) Али-Акбар Салехи примерно тогда же расценил выход страны на передовые технологии обогащения урана как ее несомненное научно-техническое достижение⁶. Важно обратить внимание на то, что установки по обогащению урана в Натанзе к тому времени прошли испытательный цикл, и в том же 2003 г. был запущен производственный цикл. Это был однозначный сигнал к тому, что страна последовательно движется по пути наращивания обогащения урана, а следовательно – развивает военный компонент своей национальной ядерной программы. В 2009 г. реализация «мирной атомной программы» была декларирована государственным приоритетом ИРИ, и введено празднования в апреле каждого года Дня ядерных технологий.

Между тем становилось все более очевидным, что все действия мирового сообщества по нейтрализации военного компонента иранской ядерной программы не имеют должного эффекта. В опубликованном в сентябре 2008 г. тринадцатом по счету докладе за годы реализации в Иране инспекций специалистами МАГАТЭ подчеркивалось, что Иран последовательно срывает выполнение рутинных инспекций со стороны Агентства⁷. Из доклада следовало, что проходящие уже

несколько лет переговоры МАГАТЭ с Ираном ничего не дают, ибо «ИРИ не в состоянии представить доказательства мирного характера своей ядерной программы». Важно и то, что в тексте доклада прямо констатировались большие сомнения в мирном характере проводимых в иранских атомных центрах производственных процессов. В докладе сделан закономерный вывод о том, что в последние месяцы уровень сотрудничества Ирана с МАГАТЭ достиг минимально возможной отметки. Резюмируя свое мнение о состоянии иранского атомного проекта по этому докладу, тогдашний Верховный комиссар ЕС по вопросам внешней политики и безопасности Хавьер Солана сказал, что он сулит Ирану «плохие новости»⁸. В Израиле по этому поводу констатировали, что международные санкции, направленные на обуздание исходящей от Ирана угрозы, явно недостаточны. «Иран успешно продвигается вперед, наращивая мощности по обогащению урана, что является решающим шагом на пути к производству собственной ядерной бомбы»⁹. В национальный День атомных технологий 9 апреля 2009 г. президент ИРИ М. Ахмадинежад заявил, что Иран сумел достичь полного цикла производства ядерного топлива и поэтому может «считаться ядерным государством»¹⁰.

Разумеется, такая констатация не могла не вызвать активизации деятельности мирового сообщества по ограничению продвижения Ирана по пути нуклеизации. Начало 2010-х гг. как раз и отмечено интенсификацией такого процесса. Так, в июне 2012 г. в Москве состоялись переговоры между «шестеркой» (США, Великобритания, Китай, Россия, Франция и Германия) международных посредников и делегацией Ирана. По мнению иранских СМИ, озвученному накануне встречи в столице России, «переговоры проводятся под жестким давлением ЕС, в ультимативной форме потребовавшего заключения соглашения об условиях беспрепятственного въезда в Иран инспекторов МАГАТЭ для проверки атомного объекта в Парчине»¹¹. Как известно, иранцы много лет пытались выдать этот объект за военный, а потому не подлежащий инспекциям МАГАТЭ. По его подозрениям, там уже были проведены предварительные атомные испытания. Вот почему гендиректор агентства озвучил требование о том, что до тех пор, пока инспекторы не посетят Парчин, МАГАТЭ не сможет представить квалифицированное заключение о том, что иранская ядерная программа носит мирный характер.

В ответ СМИ назвали все предстоящие переговоры «ямой», которую роет Запад на пути тех действий, которые хочет предпринять Иран: «Нам не нужно поддаваться на все их уловки»¹². Иранская точка зрения была озвучена незадолго до этого президентом М. Ахмадинежадом: если Иран решит обзавестись атомной бомбой, никто в мире не сможет ему в этом помешать. Накануне московской встречи позиции сторон были следующими: Иран требовал от Запада уменьшения санкционного бремени, а Запад, в свою очередь, настаивал на прекращении процессов обогащения урана, особенно – выше планки в 20%. Аналитики высказывали точку зрения, что если даже Иран согласится приостановить обогащение урана на уровне 20% и выше, получив разрешение на обогащение в более низких пределах, он в любом случае продолжит свое движение по пути создания атомного оружия, «делая это тайком от международного сообщества, как это было уже в течение многих лет»¹³.

Как и следовало ожидать, московские переговоры окончились безрезультатно, что соответствовало предсказаниям западных переговорщиков: «От переговоров и нельзя было ждать результативного исхода»¹⁴. Аналитики высказали убеждение, что необходимо, наконец, определить стратегию переговорного процесса, перейти от декларированной, но все еще не реализованной политики пошаговой дипломатии к объявлению серьезного ультиматума. «Кто в конце концов должен бояться провала переговоров? Разве не Иран?»¹⁵.

Однако этого не удалось добиться и на следующем раунде переговоров, прошедшем в обычном формате 26 февраля 2013 г. в южной столице Казахстана – Алма-Ате. На нем прозвучали заверения верховного комиссара ЕС по внешней политике и безопасности Кэтрин Эштон в том, что контакты будут плодотворными, и будет достигнут конкретный прогресс в поисках решения, которое позволило бы ответить на беспокойство международного сообщества относительно ядерной программы Ирана. В США, судя по реакции СМИ, такое известие вызвало озабоченность и усилило пессимистические ожидания от предстоящей встречи, «играя на руку тем, кто убежден в отнюдь не мирном характере иранского атомного проекта»¹⁶. Как выяснилось накануне встречи в Казахстане, Феридун Аббаси-Давани – глава ОАЭИ, заверял, что на ней должны обсуждаться вопросы, связанные с проблемами общего порядка – типа

макрэкономических процессов и обеспечения уровня жизни на Земном шаре¹⁷. Кстати, подобное иранцы регулярно повторяли перед началом всех последних раундов переговоров в формате «шестерка плюс Иран». При этом они реально преуспевали в продвижении отнюдь не мирного компонента своей ядерной программы, о чем свидетельствовал выпущенный как раз в те дни очередной отчет генерального директора МАГАТЭ Юкия Аmano: Иран установил 180 новых центрифуг на ядерном объекте в Натанзе. Там же констатировалось продвижение по пути создания ядерного оружия¹⁸. Относительно объекта в Фордо СМИ сообщали, что там приостановлен монтаж дополнительных центрифуг, ибо Иран боится «скандала и дополнительных вопросов о сущности своей атомной программы»¹⁹. Вот что написали по этому поводу израильские СМИ: «У ИРИ имеется 167 кг урана с процентом обогащения 20%. Для создания бомбы достаточно 220 кг»²⁰.

На проведенной в октябре того же года встрече в Женеве – одной из признанных столиц мирового дипломатического процесса – были, наконец, выдвинуты конкретные предложения Ирана. Их суть состояла в следующем:

- Для ИРИ устанавливается граница обогащения урана на отметке 20%;
- Обогащенный до такой отметки уран будет конвертирован в специальные стержни, которые, как считают в Тегеране, будет невозможно использовать для создания атомного оружейного заряда;
- Аракский реактор на тяжелой воде будет закрыт.

В кулуарах женевской встречи обсуждались и другие предложения иранской делегации. В частности, о возможности подписания Дополнительного протокола к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Этот документ устанавливает общепринятый порядок проведения инспекций МАГАТЭ на объектах ядерного цикла. В соответствии с ним инспекции могут проводиться на любом объекте и в любое время без разрешения страны-владельца объекта. Это, на самом деле, главный аргумент прозрачности иранской атомной программы.

Вскоре оказалось, что с этим предложением все обстоит максимально сложно. Дело в том, что согласие на его реализацию озвучил через месяц после вступления на высший государ-

ственный пост президент ИРИ либерал Хасан Роухани на сентябрьской сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Тем самым он дал понять, что начало эры либерального президента внесет весомые коррективы в иранский атомный проект. Когда у власти был другой реформатор – Сеййед Мохаммад Хатами (1997–2005), документ был подписан, что продемонстрировало желание Ирана достичь понимания в атомной сфере. Однако под давлением фундаменталистского большинства парламента его ратификация не состоялась. И вот теперь вновь стало очевидным, что вопреки обещаниям Х. Роухани, продвижения в этой сфере не предвидится. Об этом официально заявил на встрече в Женеве главный иранский переговорщик – заместитель главы МИД ИРИ А. Аракчи. Он разъяснил, что все вопросы, связанные с Дополнительным протоколом, отнесены к рассмотрению на последующих фазах переговоров. Вместе с тем, вероятно, иранцы были готовы пойти на полный контроль работ на ядерном объекте Фордо со стороны международных инстанций. СМИ в дни проведения переговоров в Женеве писали о еще одном возможном предложении ИРИ – ограничении обогащения урана на объекте в Натанзе. Впрочем, глава иранского внешнеполитического ведомства Мохаммад Джавад Зариф на своей странице в Facebook на другой день после завершения встречи – 18 октября – дезавуировал все иранские предложения, но одновременно объявил, что следующая встреча в таком же формате пройдет через несколько недель, точнее – 7–8 ноября 2013 г. в той же Женеве. Он полагал, что в течение оставшегося времени шестерка переговорщиков сумеет изучить суть иранских предложений и продумать возможную реакцию.

Неожиданно жесткую реакцию высказал Израиль, внимательно отслеживавший ход переговоров. По мнению премьер-министра Биньямина Нетаньяху, со стороны мирового сообщества будет большой исторической ошибкой допустить, чтобы итогом переговоров было ослабление санкционного давления на Иран вместо того, чтобы предпринять реальные шаги по остановке иранской ядерной программы и блокированию продвижения страны в клуб ядерных государств. Как писала газета «Ха-Арец», «сейчас самое время принимать решительные действия, ибо режим в Иране находится на этапе серьезных потрясений, и ужесточение санкций заставит его пойти на попятную, то есть согласиться с требованием прекратить обогащение урана, который для Запада олицетворяет собой реализацию

военного компонента программы. Нужно принять срочные меры, чтобы не упустить момент, пока не стало поздно». «Если такое не случится, Израиль должен сам позаботиться о прекращении развития иранской ядерной программы, приведя в действие военные рычаги»²¹. Экс-министр иностранных дел С.Шалом выразил следующее видение ситуации: «Хватит поддаваться сладкой риторике иранских переговорщиков. Довольно делать вид, что мы не видим, как Иран водит за нос все международное сообщество, и что нынешний режим является по своей сути лицемерным и циничным. Этот аргумент не дает нам уверенности в том, что можно верить Ирану. А раз так, то ни в коем случае нельзя снимать или уменьшать санкционный прессинг, способный достичь своей цели»²². Пессимизм Израиля разделили и США, считавшие, что серьезным шагом Ирана по обеспечению доверия мирового сообщества к его ядерной программе могло бы стать «присоединение Ирана к Дополнительному протоколу к Договору о нераспространении ядерного оружия. В условиях, когда Иран не присоединился к Дополнительному протоколу, все инспекции обречены, как минимум, на провал»²³.

Несмотря на такой пессимизм, переговоры в Женеве можно было вполне оценить как прорывные, потому что они имели своим результатом подписание достаточно важного соглашения. Однако накануне этой встречи тегеранская газета «Кейхан» озвучила своеобразные «красные линии», устанавливающие границы соглашения по ядерной программе. Они касались самых чувствительных для мирового сообщества проблем, вокруг которых велись самые острые дискуссии на переговорах. Позиция ИРИ состояла в том, что должен продолжиться свою работу подземный атомный объект в Фордо. То же самое должно произойти со строительством реактора на тяжелой воде в Араке. Иран отказался и складировать обогащенный уран за границей. И, естественно, в Тегеране отказались присоединяться к Дополнительному протоколу к Договору о нераспространении ядерного оружия. В ходе самих женевских переговоров было декларировано еще одно базовое требование ИРИ – процессы обогащения должны быть продолжены.

Израиль занял предельно жесткую позицию, считая нерелевантной линию Запада, готового пойти на значительные уступки, не требуя взамен ничего реального. Однако успокаивающим аккордом прозвучали слова главы Госдепа США Дж. Керри о том, что потенциально возможное соглашение

не создаст угроз безопасности Израиля. С другой стороны, все участники переговоров сочли вполне логичным обращение главы иранской делегации М. Дж. Зарифа о том, что переговоры могут быть взаимной победой или взаимным поражением участвующих в них сторон: «Давайте вместе положим конец ненужному кризису и будем двигаться к новым горизонтам»²⁴.

Завершение женевских раундов переговоров – их было три – продлилось до утра 24 ноября, до последней минуты, оставшейся под напряжением. Наконец, в 3.30 было решено подписать откорректированный текст соглашения между Ираном и «шестеркой» посредников. Он явился подлинным воплощением взаимных уступок, допущенных как Ираном, так и международными посредниками.

Вот его некоторые основные пункты: Ирану запретили поднимать планку обогащения урана выше 5%. По тяжеловодородному реактору в Араке, где мог бы производиться плутоний, стороны пришли к компромиссу, остановив его лишь на полгода. Хотя Иран и на этот раз не пошел на подписание Дополнительного протокола, посредники довольствовались пунктом, в котором содержалось возможность регулярного контроля иранских ядерных объектов инспекторами МАГАТЭ. Иран обязался не устанавливать дополнительные центрифуги, отказаться от использования самых современных центрифуг и создания новых мощностей по обогащению урана. Кроме этого, Иран пошел на прекращение процессов производства плутония, который наряду с ураном может быть использован при создании ядерного оружия. В ответ на это было достигнуто согласие на смягчение санкционного бремени, в основном затрагивающее нефтеэкспорт, торговлю газом и драгоценными металлами. Невыполнение условий соглашения влекло за собой повторное введение санкций. Таким образом, женевские переговоры позволили выйти из тупика, возможно, уменьшив риски угроз как регионального, так и глобального характера. Но надолго ли?

Состоявшийся через полгода, 8–9 апреля 2014 г. в Вене очередной тур переговоров прошел под сенью серьезных расхождений точек зрения, которые было необходимо сблизить. По мнению руководителя иранских переговорщиков А. Аракчи, ничего «взрывного» произойти не должно было, шла рутинная работа, которая продолжала то, что было начато на предыдущих встречах. Важным было то, что обе стороны заявили

о подготовке окончательного документа, обсуждение и отработка которого начнется вначале на экспертном уровне, а затем – и на уровне официальных делегаций. Но на тот момент его не существовало даже в черновой форме. В любом случае, на итоговой пресс-конференции было выражено удовлетворение результатами. Глава МИД ИРИ М. Дж. Зариф заявил, что понимания удалось достичь «по 60% обсуждавшихся вопросов»²⁵. По его словам, участники переговорного процесса достигли середины пути в направлении выработки окончательного документа по нормализации ситуации вокруг иранской ядерной программы. Это значит, уточнил Зариф, что «разрешены основные противоречия и недопонимание между сторонами».

Это дало право считать главной задачей нового раунда переговоров, состоявшегося в середине июня в Вене, переход к подготовке постоянного соглашения по иранской ядерной программе. Среди всех прочих аргументов к интенсификации переговорного процесса главенствовало давнее намерение «шестерки» посредников подписать его к 20 июля. Однако, писали мировые СМИ, документ «еще не наличествует даже в черновике»²⁶. Вот почему на неделе, предшествовавшей переговорам, состоялась серия двусторонних встреч в формате Иран – США, Иран – Франция и Иран – Россия, которые были организованы в Женеве и Риме для решения тех или иных противоречий, разделяющих переговоривающиеся стороны. Иранский настрой показало интервью М. Дж. Зарифа, где отмечалось, что «за оставшиеся до 20 июля 5 недель Иран и «шестерка» международных посредников сумеют достичь постоянного урегулирования, которое докажет миру, что иранская ядерная программа имеет сугубо мирное назначение»²⁷. На это же сделал упор президент Ирана Хасан Роухани: «Мы все больше входим в цивилизованный экономический диалог с внешним миром, сокрушая еще недавно считавшуюся незыблемой изоляцию в торговой и экономической сферах. И это означает поражение американских радикалов и сионистов»²⁸. Однако продолжение этой фразы вызвало недоумение и у тех, и у других. Президент сказал, что его страна отнюдь не замыкается в ядерных переговорах: «Они постепенно отходят на периферию». Вероятно, в этом отражается американское видение важности иранского атомного процесса. Видно было, что для Вашингтона он отходит на периферию внешнеполитической активности США, ибо «имеется много факторов, требу-

ющих своего внимания. Это и обострившаяся угроза территориального распада Ирака, и все никак не разрешающаяся проблема напряженности в Сирии, не уменьшающиеся сложности израильско-палестинского противостояния и др.»²⁹. На таком фоне, считала администрация президента Б. Обамы, достижение соглашения на иранском направлении выглядит более легким и выигрышным, не требуя много сил, а значит, – работая «поверхностно и особо не вникая в суть».

В июньском раунде переговоров, проведенном в Вене, действительно, началась работа по обсуждению проекта окончательного урегулирования. Иранцы охарактеризовали ее сугубо положительно: «Можно утверждать, что атмосфера нынешнего раунда вполне дружественная, спокойная, конструктивная. Это позволяет всем нам надеяться, что до конца нынешнего раунда мы согласуем основу текста постоянного урегулирования. Можно надеяться, что к концу отпущенного нам времени, то есть до 20 июля, будет готов текст, устраивающий обе переговорные команды»³⁰. Однако оба крупнейших информационных агентства страны – ИРНА и ИСНА – почти немедленно опубликовали свои комментарии, в которых акцентировали внимание на том, что в подходах сторон к окончательному урегулированию имеются серьезные и существенные разногласия. При этом ИСНА сослалось на мнение одного анонимного дипломата из иранской переговорной команды. Все СМИ ИРИ делали акцент на противоречиях в вопросе формулирования итогового документа между Ираном, с одной стороны, и «шестеркой» международных посредников, с другой. Это привело к тому, что раунд закончился без подписания соглашения. Однако по возвращении в Тегеран глава МИД ИРИ М.Дж. Зариф обвинил в неудаче очередного раунда США, «которые не захотели внести изменения в свою концепцию».

Тогда, летом 2014 г. еще оставался почти год до обнаружения первых результатов многолетних переговоров. И вот 2 апреля 2015 г. в швейцарской Лозанне были оглашены их первые результаты. Как сообщалось в официальном заявлении, стороны согласились на урегулирование иранской ядерной программы в обмен на постепенное снятие международных санкций: «Мы нашли решения по ключевым параметрам всеобъемлющего соглашения. Прогресса удалось достичь благодаря всемерному сотрудничеству и усилиям, что говорит о наличии политических сил и доброй воли всех сторон»³¹.

Основные пункты достигнутого рамочного соглашения сводились к следующему:

- Основная часть – 97% – имеющегося в Иране запаса обогащенного урана будет перемещена для складирования за рубеж, скорее всего, в Россию. В Иране останется 300 кг из 10 тонн обогащенного урана, этого будет достаточно для использования его в медицинских целях.
- Иран принимает на себя обязательство не производить обогащение урана выше уровня 3,67% и не создавать новые объекты по обогащению урана в течение ближайших 15 лет.
- Количество работающих центрифуг уменьшится с 19 000 до 6104. Что касается модификаций центрифуг, то ИРИ можно будет пользоваться аппаратами только первого поколения IR-1. Центрифуги более современной модификации IR-2M, имеющиеся на объекте в Натанзе, будут складированы под контролем МАГАТЭ. Ирану запрещается разработка и строительство новых типов центрифуг.
- Обогащение урана решено ограничить только заводом в Натанзе. На подземном объекте в Фордо будет создан Центр научных исследований в ядерной сфере, однако изучение процессов обогащения урана будет категорически запрещено.
- Реактор в Араке будет перепрофилирован и не сможет более производить оружейный плутоний.

Было решено, что мониторингом выполнения рамочного соглашения будет заниматься инспекция МАГАТЭ. На основании ее рекомендаций станет реализован процесс снятия с Ирана международных санкций.

К чему привел СВПД

В США оценили подписанный документ как отвечающий всем ожиданиям. По мнению Б. Обамы, он был способен снять все угрозы, вытекающие из возможной нуклеизации Ирана. Однако с этим решительно не согласился премьер-министр Израиля Б.Нетаньяху, выразивший протест против достигнутого соглашения. Сделка, по мнению политика, представляет «прямую угрозу существованию Израиля» и является заурядной «исторической ошибкой»³². В заявлении пресс-службы Министерства главы правительства Израиля говорилось:

«Соглашение на такой основе будет представлять собой угрозу существованию Израиля. Только позавчера Иран заявил, что уничтожение Израиля не является предметом переговоров. В эти судьбоносные дни Иран спешно вооружает свои террористические группировки, чтобы напасть на Израиль»³³. Далее в заявлении говорилось, что сделка даст легитимацию ядерной программе Ирана, укрепит иранскую экономику и усилит агрессию и иранский террор на Ближнем Востоке и за его пределами. «Такое соглашение не преградит, а проложит путь Ирану к атомной бомбе. Это усилит риск региональной гонки ядерных вооружений и развязывания войны. Альтернативой является усиление давления на Иран и настойчивые действия для достижения более приемлемого соглашения». По мнению премьер-министра Израиля, сделка «не закроет ни одного ядерного объекта в Иране, не уничтожит ни одну центрифугу и не прекратит разработки».

Выступая 3 апреля 2015 г. по окончании чрезвычайного заседания израильского парламента, Б. Нетаньяху еще раз заявил, что он никоим образом не разделяет оценку только что достигнутого соглашения американским президентом: «Подписанное рамочное соглашение создает серьезную угрозу существованию еврейского государства». В интервью прессе он отметил, что на свет появился документ, увеличивший угрозы, исходящие от Ирана Израилю, и подвергающий его еще большей опасности, чем прежде. Поэтому, считает премьер-министр, Израиль оставляет за собой право апеллировать к американскому Конгрессу, другим американским и международным структурам, чтобы донести до них свою обеспокоенность создавшейся ситуацией. «В связи с тем, что между публикацией временного рамочного соглашения и подписанием окончательного документа есть еще три месяца, в Израиле заявляют о том, что это время нужно использовать так, чтобы максимальным образом донести до мирового сообщества свое беспокойство». Видный израильский политик, заместитель министра иностранных дел Ц. Ханегби в интервью утренней ивритоязычной программе радио «Коль Исраэль» («Голос Израиля») в тот же день подверг уничтожающей критике не только США, но и все другие страны-участницы группы международных посредников, допустившие «подлинную капитуляцию в угоду интересам Ирана, но никак не мирового сообщества». По мнению Ханегби, документ никак не проработан и не может

быть основой для последующего постоянного и окончательного соглашения. Его дополнил другой видный политик, глава партии «Наш дом – Израиль» (НДИ) А. Либерман, отметивший, что достигнутое соглашение не затрагивает целого ряда проблем, напрямую связанных с агрессивной внешнеполитической линией Ирана, в частности, развитие военной программы с разработкой ракет дальнего радиуса действия, подрывную деятельность во всем ближневосточном регионе – в Йемене, Сирии, Ливане, странах Персидского залива. При заключении данного документа, по словам А. Либермана, полностью проигнорированы угрозы Ирана стереть Израиль с лица земли. Иран фактически получил разрешение на развитие своей ядерной программы. В результате, резюмировал политик, есть прямая и непосредственная угроза нашему существованию. Отметим и мнение, высказанное израильскими военными: «Израиль делает то, что релевантно для него. В тот момент, когда Израиль почувствует, что защита его безопасности потребует конкретных действий, он реализует их»³⁴.

Так же точно отреагировали в Израиле и на подписание тремя месяцами позже окончательного текста ядерного соглашения с Ираном, которое в мире расценили как «соглашение десятилетия». Поскольку в США документ необходимо провести через Конгресс, для Израиля это означало возможность «предпринять новый рывок в борьбе с противником»³⁵. Именно поэтому премьер-министр Израиля начал новую кампанию, нацеленную на дискредитацию подписанного соглашения и его возможный пересмотр.

Израильские аналитики хорошо видели плюсы и минусы достигнутых договоренностей. Разумеется, можно оценить как плюс то, что опасность появления у Ирана ядерного оружия отложена на 15 лет. Кроме того, подписанные в Вене документы на самом деле являются серьезным вкладом в укрепление договора ДНЯО и режима ядерного нераспространения. Но для этого, писали израильские СМИ³⁶, необходима полная транспарентность их выполнения, что, как считают аналитики, невозможно, ибо Иран не подписал Дополнительный протокол, регулирующий вопросы инспекций атомных объектов. Даже в случае, когда Дополнительный протокол от 1997 г. будет выполняться Ираном в соответствии с венскими документами «на временной основе», объем инспекций будет обусловлен «доброй волей принимающей стороны». Но имеется ли такая воля

у страны, отнюдь не доказавшей за время реализации переговорного процесса своей готовности дать полную картину развития своего атомного проекта? Очевидно, нет.

С другой стороны, в Израиле предложили вариант соглашения, который мог бы гарантировать соблюдение интересов еврейского государства. Речь шла о формуле, «при которой снятие санкций будет находиться в зависимости от действий Ирана, а не наоборот»³⁷. Однако еще до обсуждения соглашения американскими конгрессменами в Вашингтоне сочли целесообразным воздействовать на Иерусалим руками американских политиков. В связи в этом было решено направить в Израиль главу Пентагона Э. Картера. Впрочем, это не имело никакого эффекта.

Несомненно, для Ирана, кроме атомной составляющей, важно было оживить рынок углеводородов, ибо страна до введения парализующих санкций в 2012 г. экспортировала в сутки более 2,6 млн баррелей нефти. К моменту подписания в июле 2015 г. венских договоренностей, вошедших в историю как Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД), нефтеэкспорт опустился до отметки 1,2 млн баррелей, где половину составляет экспорт в Европу и столько же – в Азию³⁸. По иранским данным, снятие санкций как результат подписания СВПД позволит достаточно быстро вернуться к прежним показателям³⁹. Все страны-посредники должны были пройти процесс утверждения СВПД в законодательных органах своих стран. В ИРИ практически каждый шаг переговорщиков согласовывался с верховным лидером ИРИ аятоллой Али Хаменеи. Это означало, что и утверждение в Собрании исламского Совета (парламенте) пройдет без серьезных проволочек, хотя разделение местных законодателей на фундаменталистов и либералов должно было, как при принятии всех важных документов, вызвать серьезные дискуссии. Как писали СМИ⁴⁰, СВПД пользовалось на этом этапе полной поддержкой аятоллы А. Хаменеи, что гарантировало одобрение законодателей.

Уже в середине октября президент Х. Роухани официально объявил о введении в действие закона об утверждении иранским парламентом договора СВПД. Как и следовало ожидать, обсуждению в парламенте сопутствовали длительные и достаточно ожесточенные дебаты, длившиеся почти месяц. Команде переговорщиков поначалу были предъявлены жесткие обвинения в предательстве не только национальных интересов, но и

идеалов исламского строя. Однако под давлением аятоллы Али Хаменеи ситуация была переломлена, и в итоге иранский парламент одобрил закон о реализации соглашения. Комментируя его на пятничном намазе в Тегеране 16 октября 2015 г., секретарь Наблюдательного Совета аятолла Али Джаннати, имеющий в Иране репутацию крайне фундаменталистского деятеля, заявил по этому поводу, что документ можно считать подлежащим реализации, причем, добавил аятолла, «мы не знаем, чего от него ждать – хорошего или плохого»⁴¹. Другой видный политик, бывший глава МИД ИРИ, тогдашний директор ОАЭИ Али-Акбар Салехи считал, что уже в декабре текущего года граждане страны ощутят на себе первые результаты этого соглашения. На подобное рассчитывали в США, где Б. Обама был практически уверен в прохождении документа, при том, что республиканцы доминировали в Конгрессе. Президент надеялся в случае серьезных трудностей воспользоваться своим правом вето. До отмены санкций необходимо было и положительное заключение МАГАТЭ, которое было той международной инстанцией, которая выносит все решения о состоянии иранской ядерной программы и ее соответствии условиям СВПД. Оптимальный срок начала минимизации санкционного прессинга – март 2016 г., когда годовой доклад о состоянии иранской атомной программы будет утвержден Советом управляющих МАГАТЭ. Учтем при этом, что ко времени подписания СВПД Иран так и не присоединился к Дополнительному протоколу.

Однако уже 15 октября 2015 г., раньше ожидаемого срока, МАГАТЭ объявило в своем официальном докладе о выполнении Ираном своих обязательств по «дорожной карте». Продолжение положительных заключений со стороны МАГАТЭ позволило бы начать минимизацию санкционного бремени, которое, по словам экс-президента ИРИ Али-Акбара Хашеми-Рафсанджани, «уже сломало хребет иранской экономики». Это помогло бы стране «оставить позади мрачный период своей нынешней истории и дать новые импульсы и возможности экономическому развитию»⁴².

Точка в этом вопросе была поставлена 15 декабря, когда Совет управляющих МАГАТЭ на своем экстренном заседании принял резолюцию, которая закрыла «ядерное досье» ИРИ, обнулив тему возможного военного компонента иранской ядерной программы. По сути, доклад МАГАТЭ должен был дать од-

нозначный ответ на вопрос, идет ли Иран по пути в клуб ядерных государств.

Иранские СМИ оценили это следующим образом: «Иранское ядерное досье закрыто решением Совета управляющих МАГАТЭ. После 12 лет все подозрения и обвинения сняты»⁴³. Газета «Эбтекар» написала: «Беспочвенные обвинения стали достоянием истории»⁴⁴. Выступая в одной из программ иранского ТВ, президент Ирана Х. Роухани выразил удовлетворение по поводу закрытия иранского ядерного досье Советом управляющих МАГАТЭ, что «откроет путь реализации окончательного соглашения по иранской ядерной проблеме и позволит начать снятие санкций с Исламской Республики Иран».

Что касается Израиля, то там выразили принципиальное несогласие с решением МАГАТЭ, сочтя его сугубо политическим. СМИ отметили, что принятая резолюция никоим образом не стыкуется с прежними докладами Агентства. «Это политическое решение мы рассматриваем как отрицательный меседж», – сообщил Ynet.co.il 16 декабря 2015 г.

Через год после подписания СВПД международные СМИ констатировали, что «Иран все так же погружен в пучину экономических трудностей, доставшихся в наследство от санкционной поры»⁴⁵. В США многие политики придерживались точки зрения о том, что Иран до сих пор является проводником деструктивной политики в регионе Ближнего Востока, не прекращает поддержки террористических организаций как на глобальном, так и региональном уровне, не снижает интенсивности антиизраильских заявлений⁴⁶.

Именно этим было обусловлено принятое в ноябре того же 2016 г. решение американского Конгресса об очередном продлении на 10 лет антииранских санкций. Это сделано, несмотря на иранские ожидания полного их снятия после подписания СВПД. Реакция ИРИ демонстрируется мнением председателя парламентской Комиссии по вопросам безопасности и внешней политики Алаутдина Боруджерди: этот шаг США вполне увязывается с их политикой противодействия выполнению венских договоренностей⁴⁷. Однако был и оптимизм: аятолла Мохаммад Эмами-Кашани на пятничном намазе в Тегеране сказал: «Подобные шаги США делают нас еще сильнее»⁴⁸.

Однако такой поворот событий заставил задуматься о позиции только что избранного президента США Д. Трампа по отношению к иранскому досье. Д. Трамп последовательно употреблял

по отношению к этому документу лишь отрицательные определения. Это «заразило» и Запад, СМИ которого все чаще начали писать об Иране в отрицательном ключе. Вдобавок к этому стало возрастать и число аналитиков, продолжающих выражать тревогу относительно иранской политики на региональном уровне. На таком фоне можно было прогнозировать те или иные, в том числе достаточно жесткие, коррективы на иранском направлении внешней политики новой администрации США.

Впрочем, в Иране к этому были готовы. Правые радикалы не раз повторяли как мантру свои утверждения о том, что СВПД не представляют никакой ценности для страны, и Иран готов самолично разорвать этот документ.

В ответ американский президент высказался в пользу более жесткой линии США по отношению к Ирану. Это же прозвучало в речи президента на очередной Сессии ГА ООН в сентябре 2017 г. В развитие этой линии 13 октября Д. Трамп официально обозначил новую стратегию в отношении Ирана. США не выходят из СВПД, но не будут его ратифицировать в нынешней версии, предложив необходимые поправки. Однако, сказал Д. Трамп, если не удастся исправить договор, мы его отменим.

Реагируя на изменение стратегии США по отношению к венским договоренностям, президент ИРИ Х. Роухани заявил, что если интересы Ирана по отношению к СВПД не будут соблюдены и США прибегнет к каким-либо действиям касательно СВПД, Исламская Республика Иран без промедления ответит надлежащим образом. «Наша страна, – сказал Х. Роухани, – всегда сохранит верность этому договору, а США к тому времени нарушили три статьи СВПД, а также сам дух венских договоренностей». «С точки зрения ИРИ, новые переговоры или включение в текст венских договоренностей дополнительных компонентов совершенно невозможны»⁴⁹. Иранские СМИ написали, что запланированное США введение дополнительных ограничений санкционного характера является на самом деле нарушением принятого шестью мировыми посредниками атомного соглашения и в итоге ведет к его делегитимации⁵⁰. Ранее ИРИ обвинила США еще в одном нарушении СВПД. Таковым может считаться проводимая США модернизация своих ядерных вооружений, что ведет к новому витку гонки ядерных вооружений.

В октябре 2017 г. состоялся визит в Иран генерального директора Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) Ю.Аmano. Приезд в Тегеран главы международной структуры, контролирующей развитие иранской ядерной программы, расценили в ИРИ как знак поддержки СВПД со стороны МАГАТЭ. Именно в таком ключе прошла встреча Ю.Аmano с президентом ИРИ, на которой было подчеркнуто, что ни Иран, ни МАГАТЭ не допустят заявлений, ставящих своей целью свести на нет значение венских договоренностей⁵¹. Глава МАГАТЭ охарактеризовал СВПД как «очень хорошее соглашение» и подтвердил, что Иран верен всем своим обязательствам, вытекающим из СВПД.

Однако все было не так однозначно. Несколькими неделями ранее Ю. Аmano в интервью Reuters⁵² утверждал о наличии проблем в организации инспекций, заявляя, что «возможности МАГАТЭ в части инспекции по одному из пунктов СВПД ограничены». При этом он вновь делал акцент на том, что по всем прочим компонентам СВПД инспекции проводятся досконально и Иран выполняет взятые на себя обязательства. Положительной была и констатация Ю.Аmano в отношении иранской атомной программы уже после поездки в Тегеран. Он заявил, что Иран верен своим обязательствам по ядерному соглашению, а инспекторы МАГАТЭ не сталкиваются ни с какими трудностями при выполнении своей миссии в ИРИ. «Это было главной темой моих переговоров в Тегеран»⁵³. Разумеется, опять возникает вопрос, насколько можно ожидать объективности в очередном докладе МАГАТЭ?

Вдобавок к этому, несмотря на продолжавшийся позитив, исходивший от МАГАТЭ, иранских лидеров беспокоили возможные действия со стороны американской администрации в связи с СВПД. 24 апреля 2018 г. президент Х. Роухани выступил с предостережением по поводу возможных действий американской администрации в связи с этим договором: «В любом случае великая иранская нация будет противостоять всем заговорам имеющейся у нее силой. Выход США из ядерной сделки будет серьезной ошибкой»⁵⁴.

Претензии США касались не только ядерной программы. Белый дом мыслит СВПД как единое соглашение, которое бы касалось как ядерной программы, так и продвижения иранской программы баллистических ракет. «Поэтому иранская программа производства и испытаний баллистических ракет также

должна быть поставлена под санкционный прессинг»⁵⁵. В числе претензий США по поводу венских соглашений следует назвать и желание Вашингтона создать действенный механизм инспекции иранских ядерных объектов, чтобы инспекторы МАГАТЭ могли посещать любой объект иранской ядерной инфраструктуры по их первому требованию.

Реагируя на шаги США, 25 апреля 2018 г., выступая на конференции по безопасности, секретарь Высшего совета по национальной безопасности ИРИ, бывший министр обороны Ирана адмирал Али Шамхани сказал, что тогда «Иран возобновит работу атомных объектов до того уровня активности, который был до подписания СВПД»⁵⁶.

Однако спустя несколько дней произошло сенсационное событие, поставившее под угрозу существование СВПД. Как сказал Б. Нетаньяху, выступая 30 апреля на специальной пресс-конференции, агентам израильской внешней разведки «Моссад» удалось заполучить примерно 100 тысяч оригинальных иранских документов о развитии национальной ядерной программы. «Они представляют миру данные, которые никогда ранее не были показаны»⁵⁷. Израильской разведке удалось вывезти из Ирана документы, раскрывающие действительное положение вещей с продвижением разработки иранского ядерного оружия. Чтобы скрыть разработки, Иран разместил под землей всю инфраструктуру по обогащению урана и созданию ядерного оружия. На презентации были показаны и фотографии 5 ядерных боеголовок мощностью 10 килотонн для установки на баллистические ракеты. Из выступления израильского премьер-министра следовало, что часть их касалась продвижения ракетной программы, в частности, ракет «Шахаб», дальность которых достигает 2000 км, способных донести боеголовки до Эр-Рияда, Тель-Авива и Москвы. Как подчеркнул Нетаньяху, доказано, что Иран работает над увеличением дальности полета ракет, способных нести ядерные боеголовки. Еще один пример иранской ядерной активности – размещение сотен центрифуг в скале. Как заметил Нетаньяху, нет необходимости размещать центрифуги в скале, если работы касаются ядерной технологии в медицине. «Это делается с единственной целью, которая понятна»⁵⁸. На основании полученной информации премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху обвинил Иран во лжи и обмане мирового сообщества. В заключение своей презентации Нетаньяху выразил надежду, что «Трамп

примет правильное решение на благо США, Израиля и всего мира», имея в виду ядерное соглашение с Ираном. Вскоре последовала реакция американского президента: «Это доказывает, что я был прав на 100%», – отметил он⁵⁹.

СМИ ИРИ поначалу вообще «не заметили» этого важного события, проливающего новый свет на одну из кардинальных проблем, сопровождающих позиционирование Ирана на мировом геополитическом пространстве в течение нескольких десятилетий. Оба руководителя страны – верховный лидер аятолла Али Хаменеи и президент Хасан Роухани – никаких официальных заявлений не сделали. Что касается местных СМИ, то практически полный текст выступления израильского премьер-министра опубликовал лишь сайт «Хабарнамэе Гуйя», размещенный на портале gooya.com.

Однако уже утром 1 мая информационная картина изменилась. Появилось заявление министра обороны ИРИ генерала Амира Хатеми: «Предупреждаем режим-захватчик Святого города – руки прочь от опасных действий!». Назвав выступление израильского премьера пропагандистским шоу, иранский генерал сказал, что это «продолжение реализации сценария сионистов», призванного увести общественное мнение «от их злодеяний против страдающего народа Палестины». По мнению министра обороны Ирана, время реализации этого сценария выбрано таким образом, чтобы помочь претворению в жизнь «вражеских планов Трампа против Ирана и его народа». Все утверждения израильского премьера он назвал «безосновательной чепухой», высказанной «от полной немоги и слабости сионистского режима»⁶⁰. Примерно так же высказывались и другие иранские политики, назвавшие слова израильского премьера «детским представлением», «клоунадой», рассчитанной на уничтожение СВПД.

Действительно, почти весь период после прихода к власти в январе 2017 г. новый президент Д. Трамп обещал выйти из СВПД или серьезно скорректировать этот документ, называя его «ужасным». И, наконец, 8 мая 2018 г. Трамп выполнил свое обещание, объявил о выходе США из СВПД. В Тегеране немедленно дали понять, что в этом факте для ИРИ нет трагедии: из СВПД выпал «мешающий элемент». Объясняя последствия такого шага, президент Х. Роухани привел следующие аргументы: – Со времени подписания СВПД Иран был верен взятым на себя обязательствам. Напротив, США их никогда не выполняли.

- СВПД носит международный характер, он вполне способен продолжить свою жизнь и без США.
- США развязали против нас психологическую войну, но мы не позволим Америке победить в ней.
- С этой минуты СВПД, которое было соглашением Ирана с шестью мировыми державами, приобретает новую конфигурацию, потеряв одного участника. Будущее покажет, как поведут себя все участники соглашения по отношению к СВПД⁶¹. «Наш народ увидит в ближайшее время, – сказал президент, – что мы продолжим экономический рост. Мы уже не раз побеждали в разных передрягах, так что и сейчас победа будет за нами»⁶².

Глава исполнительной власти Ирана коснулся и судьбы СВПД. По его словам, «если будет потребность, мы возобновим промышленное обогащение урана в необходимых количествах, без каких бы то ни было ограничений». Говоря о функционировании СВПД, президент сказал: «Мы предпримем широкие консультации с друзьями, союзниками и теми партнерами по СВДП, которые остаются верны своим обязательствам... Если наши национальные интересы по СВПД не будут ущемлены, мы продолжим его выполнять»⁶³. Реакция аятоллы Али Хаменеи уместилась в одной фразе: «Г-н Трамп, вы жестоко ошиблись! Пусть Трамп знает, что он не вечен, он умрет и истлеет, но Исламская Республика будет стоять вечно!».

Более взвешенный и многоаспектный анализ свершившегося факта предпринял политолог, экс-советник посольства ИРИ в Хельсинки (Финляндия) Хосейн Ализаде. Он назвал случившееся экономической войной: Д. Трамп взял иранскую экономику в заложники, надеясь «обеспечить для себя те дивиденды, которые он не получил от ядерного соглашения»⁶⁴. Стоявший у истоков СВПД президент Б. Обама, считает Ализаде, задумывал это соглашение, мечтая изменить «поведение» иранского режима. «Ни для кого из участников переговорного процесса не было тайной, что СВПД с самого начала рождался в невероятных муках и в итоге стал малосимпатичным созданием». С ним, утверждает Ализаде, не могут смириться и такие страны, как Саудовская Аравия, другие суннитские страны региона, ощущающие в нем прямую угрозу для своей безопасности. Беспокоит ядерное досье и стратегического партнера США на Ближнем Востоке – Израиль. Но это не все. Не меньшими объектами обеспокоенности являются развива-

ющаяся ракетная программа и растущее влияние Ирана в региональной геополитике. Именно на этой базе, отмечает политолог, США хотели бы начать новый этап экономического прессинга удушения Ирана, надеясь, что опасаясь такого давления, Иран пойдет на новые переговоры.

Ализаде предлагает подумать и над тем, что «евротройка», «несмотря на то, что у нее есть противоречия с Тегераном и ей, казалось бы, необходимо быть рядом с Америкой, отнюдь не позиционирует себя в ряду партнеров США. И вот в этом для Ирана есть плюс: играя на противоречиях между иранцами и американцами, «евротройка» способна открыть ворота для переговоров на этом направлении».

Вдобавок к этому Ализаде считает, что в ирано-американском противостоянии нужно учитывать и сирийский фактор. Противостояние между Ираном и Израилем чревато тем, что «евротройка» может солидаризироваться с Трампом в отношении защиты еврейского государства. «В силу наличия хороших отношений с Израилем Россия также вряд ли станет на сторону Ирана в этом конфликте. Это, разумеется, еще более обострит экономические неурядицы страны». Как считает Ализаде, «Сирия превратилась не только в некую бездну, засасывающую иранские финансовые и людские капиталы, но и возможную точку военного конфликта между Ираном и Израилем». Сирийское «болото», резюмирует Ализаде, способно вовлечь Иран в войну с Израилем, и такая гипотетическая вероятность может побудить «евротройку» покинуть новый формат СВПД.

Между тем вслед за выходом США из СВПД Иран, как и обещал ранее, декларировал намерения серьезно нарастить мощности по обогащению урана. ЕС отреагировал вяло, заявив, что «в данный момент это не будут способствовать укреплению доверия к иранской ядерной программе». Иранские оппозиционеры в лице авторитетного аналитика Резы Тагизаде подвергли этот шаг жесточайшей критике. Р. Тагизаде опубликовал комментарий под красноречивым заголовком «Атомная политика Исламской Республики: лить воду на мельницу войны?». По его мнению, этот шаг знаменует начало имплементации новой политики иранского руководства, связанной с постепенным ростом исходящих от Тегерана угроз. Речь идет о таких действиях, прямо нарушающих СВПД, как создание нового поколения центрифуг, их испытание, увеличение

производства исходного сырья, создание новых производств обогатительного цикла, которые можно расценить как носящие «подстрекательский характер»⁶⁵.

В то же время, утверждает Р. Тагизаде, уже заметна деятельность Израиля, связанная с попытками переговоров с европейскими подписантами СВПД, с тем чтобы побудить их также выйти из этого соглашения, ибо «СВПД создает возможности Ирану стать обладателем атомного оружия и спровоцировать угрозы региональной стабильности»⁶⁶. Аналитик уверен, что ИРИ в своем нынешнем состоянии находится в полосе экономического кризиса, с пустой казной, обремененная долгами, внутренними проблемами и внешними обязательствами. При этом она перешла к языку угроз, диктуемому ее духовным лидером, в условиях, когда она не может адекватно ответить на внешние вызовы. Единственное, чего она может ныне добиться, это того, что стоящие перед ней потенциальные угрозы могут стать реальностью, резюмирует Р. Тагизаде.

Действительно, давал знать о себе экономический кризис. Инфляция породила скачки цен на базовые продукты, вызвав значительное подорожание мясных и молочных продуктов, куриных яиц. Информационное агентство «Мехр» сравнило в разрезе года повышение цен на яйца и пришло к выводу, что рост составил 55%. Говядина поднялась в цене на 23%. Фрукты за год стали дороже на 45%. Это вызвало резкое недовольство населения, что наглядно демонстрируют протестные акты, начавшиеся именно с экономических требований и спорадически проходившие с начала 2018 г. по различным регионам страны. Последние тому примеры – прошедшие в конце июня забастовки торговцев тегеранского базара – экономического сердца иранской столицы и своеобразного барометра деловой жизни Ирана.

На таком фоне введение в августе того же 2018 г. новых антииранских санкций США, а на самом деле – восстановление пакета санкций, ранее снятых после подписания в июле 2015 г. СВПД, – было расценено как эффективное давление на Иран, чтобы в конечном счете заставить его отказаться от военных ядерных амбиций. В Израиле усиление санкционного прессинга расценили как важное решение американской администрации. Б. Нетаньяху призвал Европу присоединиться к этому шагу. «Европа, которая говорит, что нужно остановить Иран, должна реально что-то сделать». Его поддержали все

ведущие политики страны. Министр внутренней безопасности Израиля Гилад Эрдан расценил введение первого пакета антииранских санкций как эффективный шаг на пути исправления «обамовского соглашения» и достижения нового, которое будет лучше по всем параметрам. Глава оппозиционной партии «Еш атид» Яир Лапид охарактеризовал возвращение первого пакета санкций как смелый и решительный шаг американской администрации.

В Иране с введением пакета антииранских санкций, которые мыслятся Вашингтоном как первый шаг возвращения Ирана за стол переговоров, связали предварительные условия. Они состояли в том, что США должны принести извинения иранскому народу за многолетнее вмешательство во внутренние дела его страны и выплатить ему компенсации. Сами санкции не вызвали в стране ожидаемого эффекта. Информационное агентство «Фарс» написало по этому поводу: «Если будем едины, санкции быстро потерпят крах». Центристская газета «Эбтекар» констатировала: «С возвращением санкций ничего необычного не случится».

Эти санкции как первые после значительного перерыва рассматривались Ираном и посредниками как своего рода рекогносцировочные. Серьезно парализующими могли стать санкции приближающегося второго пакета, введение которых начелено основном на нефтяную сферу.

Как известно, после выхода США из ядерного соглашения (СВПД) в мае 2018 г. ИРИ возлагает надежду на сохранение венских договоренностей на европейских подписантов документа. Сами эти страны – Великобритания, Германия и Франция – не раз высказывались в пользу сохранения СВПД. В Иране, однако, не склонны питать излишние иллюзии по этому вопросу, и глава МИДа ИРИ Мохаммад-Джавад Зариф не раз высказывал сомнение.

Однако, ожидая введения пакета нефтяных санкций, из Тегерана грозили не только перекрытием жизненно важных для нефтеэкспорта артерий, но и новыми вооружениями, превращающими его армию и КСИР в грозную силу как на региональном, так и глобальном уровне. Это показывала, например, реализация национальной программы создания продвинутых баллистических ракет, активным оппонентом которой выступают США, Израиль и умеренные суннитские режимы. В августе 2018 г. на параде в честь иранского национального праздника –

Дня военной промышленности – мир увидел новые современные разработки, в частности – первый иранский истребитель «Коусар».

Кроме этого, в Иране решили интенсифицировать развитие ядерной программы. Видимо, это связано с тем, что в Тегеране были не уверены в «живучести» ядерного соглашения. Вот почему в сентябре 2018 г. спикер иранского парламента А. Лариджани серьезно прошелся по адресу европейских партнеров по СВПД, упрекнув их в полном бездействии в деле спасения ядерного соглашения⁶⁷. 12 сентября с очередным декларативным посланием в поддержку СВПД выступила на заседании Европейского парламента верховный комиссар по вопросам безопасности и внешней политики ЕС Ф. Могерини. Ее бывший коллега на этом посту Х. Солана ранее дал понять, что в итоге подписанты СВПД от Европы неминуемо должны будут согласиться с американскими санкциями. Понятно, что с каждым днем это вызывает у Ирана все большее раздражение, провоцируя резкие высказывания его руководства. Глава ОАЭИ Али-Акбар Салехи вообще заявил в этой связи, что распад СВПД развязывает Ирану руки и страна может возобновить обогащение урана до уровня 20%.

Понятно, что это никоим образом не соответствует условиям венского ядерного соглашения. В этом плане намеченные санкции вполне логичны, тем более, что они намечались в нефтяной сфере. Многие традиционные покупатели иранской нефти, напуганные возможными санкциями и по их адресу, начали сворачивать многолетние сделки. В августе многолетний потребитель иранской нефти Южная Корея не купила ни барреля. Это был болезненный удар по иранской экономике, поскольку в предшествовавший обнулению иранского нефтеэкспорта в эту стану июль туда ежедневно поступало 194 тыс. баррелей этого стратегического продукта. С октября, как следует из официального документа, так же поступит и Индия. Эти две страны, вместе с Китаем, были тогда крупнейшими покупателями иранской нефти.

В развернувшейся в стране дискуссии накануне принятия намечаемого пакета санкций было высказано мнение о том, что все беды связаны не с США в целом, а с их нынешней администрацией. Срок ее каденции ограничен четырьмя годами, а на второй срок, пишут иранские СМИ, нынешнего главу Белого дома просто не изберут. А там все вернется к той ситуации,

которая существовала при прежнем президенте Бараке Обаме. Глава же новой американской администрации, верили в Тегеране, вернет страну в СВПД и, разумеется, снимет санкции, как это и предусмотрено соглашением.

В подтверждение такого мнения, видный иранский экономист Камал Саидали, занимавший ранее пост вице-директора иранского Центробанка, высказался в программе государственного ТВ ИРИ по этому поводу. По его словам, у страны есть 100 млрд долларов валютных сбережений, которые позволят ей продержаться на «плаву» ближайшие пару-тройку лет даже без валютных поступлений из-за рубежа в обмен на экспорт иранской нефти, «а там, надеемся, в США сменится власть и все вернется на круги своя»⁶⁸. Чиновник исходит из того, что вводимые через месяц США нефтяные санкции действительно способны обнулить иранский нефтеэкспорт, но страна сумеет выжить, используя сбережения.

Оптимизм исходил и от главы иранского МИДа М. Дж. Зарифа. За несколько дней до введения санкций он заявил, что с вводом санкций «ничего страшного не произойдет»⁶⁹. Он был уверен, что готовящиеся предложения стран ЕС, призванные смягчить американские санкции и выработать альтернативные пути реализации финансовых операций Ирана с международной банковской системой, помогут Тегерану облегчить финансовые трудности. Однако судя по публикации «The Financial Times» от 28 октября, никакой конкретики в этом направлении еще не выработано. Сошлемся и на мнение западных СМИ, что страны ЕС вряд ли решатся идти на открытое противостояние с США из-за СВПД.

На пороге введения второго пакета санкций в стране зрело недовольство никак не решаемыми экономическими проблемами – дороговизной, растущей безработицей, безудержной инфляцией, для отражения которой в фарси появился даже неологизм «*абартаварром*» – суперинфляция. Иранские СМИ наполнились сообщениями о продолжающемся повышении цен на продукты первой необходимости. Председатель городского Совета Тегерана М. Хашеми в интервью интернет-изданию «Энтэхаб» в феврале 2019 г. оценил ситуацию в стране как канун полного обнищания и спрогнозировал дальнейшую галопирующую инфляцию.

Именно на таком фоне стал возможным резкий подъем протестных актов и демонстраций, будоражащий страну с де-

кабря 2017 г. Конечно, эти акции не ограничивались экономическими лозунгами, хотя экономика была своего рода импульсом, придавшим демонстрациям почти повсеместный характер. Социально-политическое наполнение протестной активности резко противопоставило эту волну гражданского неповиновения тем, что происходили в прежние годы, и удивило власти своей интенсивностью. Тогда впервые открыто прозвучали лозунги, требующие свержения исламского строя. Однако в своем выступлении в начале февраля 2019 г. Х.Роухани сказал, что все это – заговор США против иранского народа, не имеющий внутрииранских причин.

Однако если бы ситуация была такой, вряд ли президент Х. Роухани задумался бы о возможности смягчить конфронтацию с США, давним и непримиримым врагом ИРИ. Х. Роухани заявил, что за последние два года США не раз предлагали Исламской Республике сесть за стол переговоров, но он всякий раз отвечал отрицательно. У Ирана есть свои условия, и они заключаются в том, что Америка должна прежде всего вернуться в ядерное соглашение – СВПД, и признаться в том, что совершила ошибку, выйдя из этого соглашения.

Еще до выхода США из ядерного соглашения в мае 2018 г. иранский президент не раз официально заявлял, что Иран никогда не пойдет на переговоры с Америкой. Что же изменилось за прошедшие месяцы? Почему вдруг произошла такая перемена? К этому подталкивает тяжелая и деградирующая с каждым днем экономическая ситуация и растущая изоляция.

Становилось все более очевидным, что санкционный прессинг на Иран не ограничивается США. Великобритания готова ввести санкции против иранской ракетной баллистической программы, если она не будет свернута. Хотя в целом страны Европы были не согласны с США в вопросе выхода из ядерного соглашения, но по ряду других вопросов, например, в отношении ракетной программы и вмешательства Ирана во внутренние дела региональных государств, придерживаются почти сходных взглядов.

Как бы не замечая этого, Иран не снижал уровень своих воинственных заявлений. В пятницу 1 марта 2019 г. Тегеран вновь пригрозил Израилю физическим уничтожением. Милитаристская риторика направлена не только против Израиля: командующий Военно-космическими войсками КСИР генерал Амир-Али Хаджизаде пригрозил, что Иран может обстрелять

американские военные базы в ближневосточном регионе и военные корабли США, базирующиеся в Персидском заливе и Оманском море. Понятно, что такая риторика еще более укрепляла решимость Запада реально противостоять иранским угрозам, даже путем новых санкций.

Нефтяные санкции, введенные в 2018 г., мыслились как эффективный инструмент давления на исламский режим, но для ряда стран было сделано временное исключение сроком на полгода, своеобразный переходный период. Было ясно, что нельзя в одночасье прекратить экспорт главного стратегического продукта, на котором держится иранская экономика. Одновременно планировалось реализовать обязательство ЕС построить финансовый механизм, нацеленный на обход санкций в финансовой сфере путем создания альтернативных возможностей реализации денежных операций Ирана с международной банковской системой SWIFT. Уже тогда «The Financial Times» предрекала, что обещанной презентации такого финансового механизма в ближайшее время не произойдет. Так и случилось: он не появился и в нынешнем 2022 г.

По данным СМИ, перепроизводство нефти в мире сегодня в три раза превышает ее производство в Иране, так что обнуление иранского экспорта, будь оно реализовано, существенного влияния на мировой рынок не оказало бы. Однако для Ирана это было сродни экономической катастрофе. Али Хаменеи, реагируя на это решение американской администрации, назвал его мстью, сведением счетов. По мнению Хаменеи, все эти потуги США обречены на сокрушительный провал. Между тем вещающая из Израиля фарсиязычная радиостанция «Пейамэ Эсраиль» написала 26 июня 2019 г. на своем интернет-сайте, что эти новые санкции, прямо направленные против режима Исламской Республики и его лидеров, явно демонстрируют решение американской администрации действовать в направлении демонтажа действующего в Иране режима и по сути приближают горячую фазу двустороннего конфликта. Анонимный аналитик этой радиостанции писал на ее сайте, что последние по времени санкции, «без всякого сомнения, вызвали гнев иранских руководителей, поселив в их сердцах страх». С другой стороны, этот шаг Вашингтона сделал еще более невозможным примирение двух сторон.

Тогда же, в конце июня 2019 г., Д.Трамп написал в Twitter, что лидеры ИРИ «понимают только язык силы, а США – самая

сильная страна в мире, с большим отрывом от других стран, вложившая в течение последних двух лет 1,5 триллиона долларов в свою военную отрасль». Он дал понять, что любая иранская атака на любую американскую цель будет сопровождаться жестоким военным ответом, зачастую – полным разрушением объектов. Таким образом, все более явственно ощущалась конкретика войны, а напряженность между двумя странами достигла за весь послереволюционный 40-летний период своего апогея, а политические и военные специалисты с высокой степенью вероятности прогнозировали возможность военного конфликта.

Эта перспектива провоцировалась и предпринимаемыми ИРИ шагами по выходу из ряда обязательств, наложенных на Тегеран по договору СВПД. Такое нарушение обязательств вызывало серьезное беспокойство в Израиле. Его лидеры считали, что появились новые сигналы о переходе страны к реализации военного компонента ядерной программы. Рост беспокойства вызван и заявлением секретаря Высшего совета национальной безопасности (ВСНБ) Ирана, экс-министра обороны ИРИ адмирала Али Шамхани о том, что его страна «полна решимости продолжать сворачивать свои ядерные обязательства»⁷⁰.

Авторитетный аятолла Моваххеди-Кермани на пятничном намазе в столице 5 июля, выразился достаточно конкретно: «Если Исламская Республика Иран решит атаковать Израиль, ей будет достаточно обстрелять ракетами атомную станцию в Димоне». Продолжая свою пятничную проповедь, аятолла Моваххеди-Кермани сказал, что данная ракетная атака Ирана приведет к тому, что Израиль, обладающий ныне двумя сотнями ядерных боеголовок, превратится в «перепаханное поле». Естественно, он не подумал о том, что атомная бомбардировка Израиля уничтожит как знаменитую мечеть Аль-Акса, так и ни в чем не повинных израильских граждан-мусульман. Отреагировавший на такое заявление один из видных политиков Израиля д-р Юваль Штайниц сказал, что руководство страны неоднократно заявляло, что Израиль не позволит Ирану приблизиться к созданию ядерного оружия. «Это для Израиля будет означать пересечение "красных линий"». Одновременно с этим во время посещения базы ВВС Израиля «Неватим» премьер-министр и министр обороны Израиля Б. Нетаньяху, знакомясь с самолетами F-35, которые способны летать на дальние расстояния и не могут быть обнаружены радаром, отметил, что

этому типу самолетов «вполне по зубам достичь территории Ирана». Эти слова израильского премьер-министра можно было считать своего рода прямым посланием иранским лидерам, которые не раз в последние недели и месяцы угрожали еврейскому государству военными атаками в случае, если США вознамерятся подвергнуть бомбардировкам военные объекты Ирана.

Что касается реакции граждан еврейского государства, то в январе 2020 г. был опубликован очередной опрос общественного мнения. Из него следовало, что более четверти респондентов считают, что ядерная деятельность Исламской Республики Иран представляет самую большую угрозу для безопасности еврейского государства. Респонденты уверены, что Израиль любой возможной ценой должен продолжать противостояние с Ираном в этой сфере, вплоть до военного решения проблемы. Их не отпугивала даже война между двумя странами, если таковая последует, ибо в далекой перспективе вступление Ирана в ядерный клуб поставит под явную угрозу сам факт существования Государства Израиль. Определяющим является декларируемое и не раз подтвержденное на самом высшем уровне лидерами Исламской Республики Иран стремление физического устранения еврейского государства.

В свете этого, было вполне логично, что Израиль в марте 2020 г. объявил об образовании внутри Генштаба ЦАХАЛа специальной структуры, которая целиком будет ориентирована на задачу противостояния иранским угрозам. Ее создание происходит в рамках стратегических изменений Вооруженных сил Израиля, реализуемых нынешним руководством военного ведомства еврейского государства⁷¹. Главные направления работы структуры – разработка военной стратегии и формирование конкретной военной деятельности на «иранском фронте». Израильские СМИ ссылались на мнение начальника Генштаба ЦАХАЛа о том, что такое перевооружение армии еще более усилит ее боеспособность по сравнению с армиями соседних государств и международными военными структурами. СМИ писали⁷² и о том, что создание новой структуры обосновывается тем, что Израиль в ближайшие годы по-прежнему будет ощущать присутствие иранской угрозы

Практически выйдя из СВПД и уже заявив о возможности прекращения сотрудничества с МАГАТЭ, что делает невозможным контроль над его ядерной активностью, Иран послал сигналы подписантам этого соглашения о том, что в случае их

реальной помощи по преодолению американских санкций он готов вернуться к венским договоренностям. Тем самым ИРИ провоцировала противостояние между США и Европой. Для получения для себя односторонних преимуществ Иран, вероятно, готов был даже пойти на иное ядерное соглашение, будь на то в стране властный консенсус, а не постоянное противостояние фундаменталистов и исламских либералов.

Началом процесса потенциального возвращения к СВПД явилось заявление иранского президента от 24 июня 2020 г., когда он декларировал «решительный» шаг к началу переговоров с США и последовательному продвижению диалога с этой страной. По его словам, как только США объявят о том, что они продолжают уважать законы и документы ООН, покажут, «что привержены обязательствам СВПД, и что Белый дом и Конгресс решили вернуться к членству в этом договоре, вот тогда мы и объявим о готовности к диалогу»⁷³. Как видно, Х.Роухани увязал продвижение диалога на американском направлении с возвращением США в ядерное соглашение, которое Вашингтон покинул в мае 2018 г. Иран считает, что вернувшись в рамки СВПД, США должны неуклонно выполнять все обязательства, вытекающие из этого документа. В Иране хотели бы, чтобы США возместили ИРИ весь тот ущерб, который Исламская Республика понесла из-за выхода США из СВПД. Только в этом случае Иран готов сесть за стол переговоров и обсуждать весь круг вопросов, подлежащих урегулированию. Иными словами, США, как мыслит Иран, должны оплатить все те издержки, которые понесла ИРИ из-за введения санкций после выхода США из СВПД. Совершенно очевидно, что такие условия для США были неприемлемы, о чем Тегеран был неоднократно проинформирован. Но важно, что впервые Иран официально декларировал свою готовность сесть за стол переговоров. По сути, это шаг вперед, и он мог считаться началом некоего положительного процесса.

Сами США уже не раз, даже за годы нахождения в президентском кресле Д. Трампа, декларировали свою готовность к переговорам с Ираном. Наиболее подробно эта проблема поднималась в мае 2018 г., уже после выхода из ядерного соглашения. Тогда были названы 12 принципов как условия нормализации диалога двух стран. Это – отказ Ирана от поддержки государственного терроризма на Ближнем Востоке, освобождение всех задержанных американских граждан, а также

граждан государств-союзников США, вывод всех сил Ирана из Сирии, прекращение любых угроз в адрес главных американских союзников в регионе: Израиля, ОАЭ и Саудовской Аравии. Здесь же были и условия в ядерной сфере, сводящиеся к тому, что Иран должен сделать максимально прозрачной свою атомную программу для инспекторов МАГАТЭ, предоставив им нелимитируемый доступ на места ядерных разработок. От Тегерана также требовалось прекратить обогащение урана, отказаться от переработки плутония и закрыть тяжеловодный ядерный реактор. Кроме этого, в 12 пунктов входил и отказ Ирана от производства и распространения баллистических ракет. Иран в свое время жестко отвел эти требования, а в последние годы просто не вспоминал о них.

Предыдущая инициатива ИРИ была выдвинута ее президентом на годичной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2019 г. и состояла в том, что если США снимут наложенные на его страну санкции, «появится возможность переговоров». Но тогда декларативная готовность Ирана к диалогу с США была дезавуирована религиозным лидером ИРИ аятоллой Али Хаменеи, сказавшим, что никоим образом нельзя вступать в переговоры с Америкой.

Логика нового заявления иранского президента ясна: неуклонно ухудшающаяся в Иране экономическая ситуация требует принятия дипломатических мер экстраординарного характера, чтобы по возможности нормализовать позиционирование страны на международной арене, не допустить банкротства и развала режима. Тем не менее 19 сентября 2020 г. США в одностороннем порядке заявили о возврате международных санкций в отношении Ирана. Президент Ирана Х. Роухани назвал этот шаг США незаконным. Однако президент США Д. Трамп объявил ранее, что возврат существовавших санкций будет наслаиваться на существующее до сих пор санкционное давление, и те страны, что решатся их игнорировать, будут наказаны. Причины возврата санкций администрацией президента США были аргументированы возросшими угрозами со стороны Исламской Республики, продолжающимся следованием этой страны по пути государственного терроризма, продвижением имеющей военный компонент национальной атомной программы. В Вашингтоне сочли, что все преференции, созданные в 2015 г. подписанием СВПД, «увеличили наглость Тегерана». Поэтому все санкции, снятые резолюцией

СБ ООН 2231, должны быть вновь внедрены в действие. Актуальность обрел и целый ряд прежних резолюций СБ ООН, которые были сняты после подписания СВПД.

Решение США о возврате санкций вызвало серьезную реакцию в Тегеране. Но она ограничилась исполнительной властью. Привычных угроз в адрес США от аятоллы Али Хаменеи не поступило. Вероятно, учитывая катастрофическую экономическую и геополитическую ситуацию, аятолла не считал возможным «транслировать угрозы в адрес США и углублять уже существующий кризис»⁷⁴. Шаг США привел к тому, что многие иранцы бросились снимать со счетов свои накопления, опасаясь падения национальной валюты и запредельной инфляции. Национальная валюта одновременно потеряла 2,5% своей стоимости. Пытаясь успокоить наиболее малоимущие слои населения страны, Х. Роухани объявил, что правительство решило ассигновать 1,4 млрд долларов на приобретение продуктов питания и другого необходимого ассортимента.

Однако иранские экономические катаклизмы отступили на второй план после судьбоносного поражения на президентских выборах действовавшего главы администрации республиканца Д. Трампа и победы его соперника от Демократической партии Дж. Байдена. В преддверии этого события в Тегеране не раз звучала фраза о том, что для Тегерана не имеет никакого значения, кто придет к власти в результате президентских выборов в США, и президент Х. Роухани в своих высказываниях проводил мысль о том, что все равно врагом Ирана будет любой, кто займет Овальный кабинет в Белом доме. Однако последовавшая сразу же после объявления о победе Дж. Байдена реакция позволяет сделать вывод о том, что в ИРИ многие были весьма довольны грядущими изменениями в американском руководстве. 8 ноября 2020 г. Х. Роухани расценил победу Дж. Байдена как конструктивный процесс, несущий благо Ирану. Ожидаемым диссонансом прозвучали слова аятоллы А. Хаменеи, что «дни США сочтены, и скоро этой страны не будет»⁷⁵. Иранские СМИ назвали победу Байдена победой надежды, но они же писали, что отношение Дж. Байдена к иранской реальности вряд ли будет радикально отличаться от того, что проводил в жизнь Д. Трамп.

В Израиле отметили в этой связи, что во время своего визита в страну в 2017 г. Дж. Байден декларировал отношение к ядерному доосье Ирана как суть своего подхода к взаимодей-

ствию с Исламской Республикой Иран. При этом Байден исповедует дипломатический путь в решении иранской ядерной программы, стараясь всячески дистанцироваться от ее военной опции. Однако СМИ задавались вопросом, ограничится ли Байден лишь ядерной проблематикой или обратит свое внимание и на ракетную программу ИРИ, вызывающую в последнее время обеспокоенность многих политиков. В отличие от Трампа, он не поддерживал задачу демонтажа нынешнего иранского режима. На таком фоне иранские СМИ говорили о стабилизации курса доллара по отношению к иранской национальной валюте, что демонстрировало положительные ожидания в иранском обществе. Они были связаны и с надеждой на снятие американских санкций или их некоторое ослабление.

Рассматривая возможное изменение американской политики на иранском направлении, в Израиле хотели бы дать понять новой американской администрации избранного президента Дж. Байдена, что если он захочет достижения компромисса по ядерной программе ИРИ и будет реально действовать на этом направлении, Израиль будет реагировать в одиночку и самостоятельно, защищая свою безопасность. Именно с этой целью в середине января 2021 г. в Израиле объявили, что ЦАХАЛ возобновил подготовку к возможному военному удару, направленному на уничтожение иранских ядерных объектов. Вероятно, неслучайно информация о таких действиях силовиков появилась одновременно в нескольких израильских СМИ. Это давало основание предполагать, что она исходит от израильских служб безопасности.

14 января 2021 г. Израиль призвал Совет Безопасности ООН оказать давление на Тегеран, чтобы тот воздержался от наращивания ядерной деятельности и нарушения своих предыдущих обязательств, изложенных в СВГД. Отмечалось, что ИРИ приступила с начала года к обогащению урана до 20% и приближается к созданию ядерной бомбы. Хотя США и некоторые европейские страны подвергли критике действия Тегерана, никаких мер по их предотвращению предпринято не было. 14 января стало известно о новом «достижении» иранских атомщиков, приблизившихся к стадии сборки ядерных боеголовок. Израиль призвал международное сообщество положить конец этому процессу, который, несомненно, приближает иранский режим к созданию атомной бомбы.

Пока же еще оставалась дипломатия на ирано-американском направлении. В январе появились публикации о том, что

в течение некоторого времени представители иранского правительства уже встречаются в Нью-Йорке с американскими чиновниками, представляющими новую администрацию 46-го президента США Дж. Байдена и рассматривают возможности начала переговоров между двумя странами. Иранские лидеры объявляли такие факты неверными и далекими от реальности, а верховный лидер ИРИ аятолла Али Хаменеи постоянно твердил, что такое невозможно, ибо «США нельзя доверять». Западные СМИ писали, что контакты и переговоры идут непрерывно, хотя издания не берутся предсказать, каковы будут их реальные последствия⁷⁶. Реагируя на сообщения о возможности ирано-американского диалога, Х. Роухани сказал среди прочего, что Иран будет действовать шаг за шагом и что любые шаги, принятые для выражения доброй воли Ирана, должны быть встречены со стороны США взаимностью. С другой стороны, если первые шаги окажутся плодотворными, уровень контактов будет поднят, чтобы их участники могли принимать серьезные решения. В то же время израильское фарсиязычное радио «Пейамэ Исраэль» высказало точку зрения о том, что президент Дж. Байден начнет серьезные переговоры только со следующим главой исполнительной власти Ирана, который официально приступит к исполнению своих обязанностей через 7 месяцев. Что касается нынешних, в значительной мере неформальных и сугубо конфиденциальных контактов, то они мыслятся как предтеча дальнейших всеобъемлющих переговоров.

О том, какова реально будет американская политика на иранском направлении, в январе 2021 г. рассказал новый глава американского внешнеполитического ведомства Энтони Блинкен: если Иран вернется к выполнению обязательств по СВПД, США последуют таким же путем. Затем уже будет обсуждаться вопрос нового, более всеобъемлющего и более протяженного по времени соглашения. Иными словами, пока ИРИ в полном объеме не вернется в ядерное соглашение и не возобновит реализацию взятых на себя международных обязательств, Вашингтон не возобновит свое участие в этом международно-правовом договоре. Отвечая своему коллеге, министр иностранных дел ИРИ М. Дж. Зариф парировал: мяч находится именно на американской стороне игрового поля, а стало быть, в игру должны включиться игроки с этой стороны.

Таким образом, сразу же проявилось несоответствие подходов ИРИ и США к решению проблемы дипломатическим путем.

Но противоречия проявились и на американо-израильском треке. Их озвучил посол Израиля в ООН Г.Эрдан, заявив: «Израиль вряд ли согласится с новой стратегией США в отношении ядерной программы Ирана, мы не можем быть частью этого процесса... Если США вернуться к тому же соглашению, которое было достигнуто ранее, все рычаги давления на Иран будут безвозвратно утрачены», и добавил: «Если, как того хочет Иран, санкции будут сняты, это лишит Тегеран желания вести переговоры с тем, чтобы достичь эффективного соглашения, которое будет способно на деле ограничить его ядерные возможности и преградить путь к вступлению в клуб ядерных государств»⁷⁷. Таким образом, было оценено видение перспектив, связанных с возможным поворотом американской политики на иранском направлении и переходом к компромиссам, не сулящим в случае с таким партнером, как Иран, ничего позитивного.

Важно обратить внимание и на новизну ситуации во взаимоотношениях двух лидеров. В Израиле, особенно в годы каденции президента Д. Трампа, привыкли чувствовать за своей спиной поддержку США и действовать в единой связке, в первую очередь на иранском направлении. Настораживало и то, что, находясь на своем посту целый месяц, новый президент США не вышел на прямой контакт с израильским премьер-министром, что было особенно заметно после тех тесных связей, которые существовали между лидерами двух стран в предшествующий период.

В Израиле вызывала тревогу и позиция «первого шага»: как Иран, так и США ждут, когда другая сторона сделает первый шаг, считая, что это способно сдвинуть с мертвой точки застарелый процесс. Создалась ситуация, в которой каждая из сторон настаивает на своем: в Тегеране поставили условием полного выполнения своих ядерных обязательств по СВПД отмену *всех* односторонних санкций США. В Вашингтоне же заявляют, что вернуться в соглашение и снимут санкции только в том случае, если ИРИ возобновит полномасштабное участие в договоре и в качестве первого шага прекратит 20-процентное обогащение урана. Иранцы выдвинули и временной ультиматум – если США не выполнит свои обязательства к первой неделе марта, Иран реализует недавний парламентский закон о прекращении добровольного выполнения Дополнительного протокола и тем самым положит конец инспекциям иранских атомных объектов представителями МАГАТЭ. Как итог, премьер-

министр Биньямин Нетаньяху в телеинтервью 16 февраля признал, что израильское правительство имеет серьезные расхождения с администрацией президента Джо Байдена по поводу реализации политики, направленной против иранской ядерной программы.

Пока же 6 апреля 2021 г. в Вене начались переговоры подписантов СВПД и Ирана. Как известно, с мая 2018 г. из СВПД вышли США, чья делегация принимает участие в венских переговорах опосредованно, находясь в соседнем здании. Цель переговоров – выработать конкретные меры, на которые будут согласны пойти США и Иран для выполнения венских договоренностей 2015 г. Иранская позиция была отражена в интервью Х. Роухани иранским СМИ, опубликованном на следующий день после начала переговоров. Из него видно, что президент избрал внешне победный тон, демонстрируя тем самым выгодные позиции ИРИ в этом важном международном событии. По сути, он тем самым показал эффективность грубой и достаточно жесткой с точки зрения международного права политики Ирана в выполнении своих обязательств, вытекающих из условий СВПД.

Характер заявлений иранского президента свидетельствовал о том, что его страна удовлетворена тем, что постепенный и поэтапный выход ИРИ из условий венских договоренностей июля 2015 г. воспринимается в Европе и США с определенной опаской и тревогой. «США уже склонили голову перед мощью и силой иранской нации». «Мы видим, что Америка раскаялась, и она готова вернуться в Договор. Для этого она и прибыла на переговоры. Она как бы говорит нам: я раскаялась и пришла вернуться в СВПД»⁷⁸. Тем самым иранский президент дал понять, что нынешний венский переговорный процесс будет для ИРИ, несомненно, успешным. При этом президенту придется выполнять чудеса политической эквилибристики, выполняя директивы своего прямого шефа – верховного лидера ИРИ аятоллы Али Хаменеи – в плане реализации иранской линии на венском форуме – не вступать с США ни в прямые, ни в опосредованные переговоры. Роухани, позиционирующий себя как либерал, попытается обойти многочисленные ограничения, выставляемые аятоллой Хаменеи в сфере диалога с США, ибо задаваемая верховным лидером жесткость может стать непреодолимым препятствием в переговорном процессе и не даст возможности достичь приемлемого решения.

Все это, безусловно, предопределило в Израиле пессимизм по отношению к результатам переговоров. Министр разведки Израиля Эли Кохен сделал заявление о том, что если на переговорах не будет достигнуто «хорошее» соглашение между исламским режимом и США, еврейское государство будет вынуждено обратиться к идее ликвидации ядерной инфраструктуры этой страны военным путем. Израиль впервые так однозначно и прямо предупредил о возможности своего военного удара⁷⁹. Министр разведки заострил внимание и на том, что продолжение реализации атомной и ракетной программы Ирана больше, чем когда бы то ни было, приближает ближневосточный регион к опасности прямого военного столкновения. Слова министра разведки можно расценить как признание той реальности, что в Иерусалиме всерьез опасаются непредсказуемого и не устраивающего его соглашения в Вене. Важно учесть и то, что беспокойство связано с риском предоставления Вашингтоном таких послаблений Тегерану, которые позволят ему получить дополнительное время для успешного продолжения продвижения по пути достижения ядерного оружия и развития своей ракетной программы. Вероятно, США уменьшат важную для Израиля часть санкционного прессинга на Иран, несмотря на то, что неоднократно звучали заявления главы Пентагона и других высших деятелей американской системы безопасности о том, что иранские провокации в регионе Ближнего Востока считаются серьезной угрозой, и нет никакого резона давать Тегерану поблажки. Капитуляции и уступки создают перманентно возрастающие угрозы Израилю и многим другим странам ближневосточного региона.

Важная роль в предотвращении нежелательного для Израиля развития событий на переговорном процессе в Вене была отведена и состоявшейся 29 апреля в Вашингтоне встрече главы «Моссада» с Госсекретарем США Энтони Блинкеном. Й.Коэн разъяснил главе внешнеполитического ведомства США позицию Израиля в отношении угроз безопасности, которые несет иранский режим, и аргументировал, почему Америке не стоит возвращаться к старому варианту договора СВПД. Прошедшая 1 июня 2021 г. церемония смены главы «Моссада» явилась поводом для руководства еврейского государства заявить о своей непреклонной решимости добиться реальных преград продвижению ИРИ к овладению атомным оружием, даже ценой серьезных разногласий по этому поводу с США:

«Если нам придется выбирать между трениями с Соединенными Штатами и устранением экзистенциальной угрозы, мы выберем второе»⁸⁰.

Иранское ядерное досье в эпоху президента Э. Раиси

Победа на июньских президентских выборах 2021 г. фундаменталиста ходжат-оль-эслама Эбрахима Раиси, по сути, несла в себе угрозы дальнейшего ужесточения позиции ИРИ на венских переговорах. Э. Раиси пришел к власти при бойкоте выборов большинством населения страны, что «беспрецедентно в новейшей истории страны»⁸¹. По мнению политического активиста, правозащитника Наргес Мохаммади, бразды правления исполнительной властью в Иране взял человек, являющийся «самым жестоким нарушителем прав человека в ИРИ за все 42 года исламского правления»⁸². Пресс-секретарь израильского МИДа Орли Хаят назвала Раиси «тегеранским палачом», сообщив, что он непосредственно виновен в смерти более 30 тысяч иранских граждан⁸³. Большинство аналитиков-иранистов признало, что важнейшей целью выборов было привести к власти преемника аятоллы Али Хаменеи. Это означало, что отныне будет возобладать консервативная линия аятоллы Али Хаменеи, в отличие от недавнего времени, когда Х. Роухани позволял себе либеральные «вольности». «Победа Раиси означает укрепление клерикальной диктатуры в стране»⁸⁴.

В этой связи из-за паузы в переговорах после прихода к власти нового президента в Иране вполне логичным выглядело проведение секретных переговоров между Израилем и Соединенными Штатами по проблеме противодействия ядерной программе Ирана. Такие контакты вряд ли можно было считать сенсацией, ибо официальные лица Израиля и США осенью 2021 г. имели динамичные контакты на высшем политическом уровне, обсуждая насущные проблемы в сфере безопасности. При таких коллизиях неизбежна ситуация, когда контакты идут как открыто, так и тайно, оговаривая, в частности, щепетильные нюансы ядерных и ракетных проблем иранского режима. Статистика такова, что за первые 8 месяцев работы администрации президента Дж. Байдена состоялись десятки открытых и секретных встреч между официальными лицами Израиля и США на различных уровнях, целью которых являлось ознакомление новой

вашингтонской администрации с израильским видением атомной проблемы ИРИ. В августе 2021 г., во время встречи нового премьер-министра Израиля Нафтали Беннета с президентом Дж. Байденом было решено реализовать ряд поэтапных действий, нейтрализующих угрозы, исходящие от ядерной программы Ирана. По сути, это некая программа, предусматривающая возможность избежать прямой и открытой войны. Она базировалась на том, что США, покинувшие в августе Афганистан, не хотели бы вступать в новую войну, несущую смертельные риски, на этот раз с ИРИ. Именно поэтому, говорили в США, нейтрализация угроз нуклеизации Ирана должна быть проведена совершенно другим способом. Последнее, вероятно, и является объектом переговорного процесса.

В своей речи на сентябрьском 2021 г. заседании Генеральной Ассамблеи ООН президент США озвучил мысль о том, что его страна не позволит Ирану войти в клуб ядерных государств. В ходе недавних переговоров между двумя лидерами в Вашингтоне Дж. Байден сказал премьер-министру Израиля Н. Беннету, что в том случае, если переговоры по судьбе СВПД зайдут в тупик, в США готовы рассмотреть другие варианты. В этой связи в Израиле хотели бы иметь полную и ясную картину таких перспектив, знать, что готово предпринять правительство президента Дж. Байдена.

При этом со стороны ИРИ не поступало никакой информации о дате возврата к переговорам по СВПД, прерванным на шестом раунде примерно в июне 2021 г. Это вселяло в США и других членов переговорного процесса пессимизм и разочарование. Они подпитывались содержанием речи Э. Раиси на сентябрьском (2021 г.) заседании Генеральной Ассамблеи ООН, а также высказываниями находившихся в Нью-Йорке нового министра иностранных дел Хосейна Амира-Абдоллахиана и главы ОАЭИ Мохаммада Эслами. Увы, в их словах конструктивные прогнозы не просматривались. Президент ИРИ в своей речи на ГА ООН назвал главным условием возвращения к переговорам по СВПД снятие всех санкций, тогда как сам прекрасно знал, что это условие невыполнимо и США не готовы его реализовать. Э. Раиси добавил, что обещаниям и обязательствам правительства США нельзя верить. Так же неконструктивно высказался в Вене и М. Эслами, по мнению которого Соединенные Штаты должны вернуться в первоначальный вариант СВПД без каких-либо условий и без необходимости

вести переговоры. Вряд ли можно было считать эти слова признаком стремления нынешнего иранского правительства к реальному переговорному процессу.

На таком фоне США ввели в конце октября 2021 г. новые санкции против Ирана. Они касались как юридических, так и физических лиц, связанных с иранской индустрией создания БПЛА, и были вполне ожидаемыми, потому что такого рода новейшая техника иранского производства вызывала серьезные опасения. Постоянно расширяющаяся деятельность беспилотников иранского производства, разрабатываемых и производимых силами КСИР, представлялась Израилю и его западным партнерам несущей серьезные угрозы стабильности стран ближневосточного региона. Иранские СМИ писали в те дни, что если США хотят как можно более быстрого продвижения на пути восстановления СВПД, зачем они налагают на Тегеран все новые чувствительные и ослабляющие Иран санкции? Как вновь заявил по этому поводу верховный лидер ИРИ аятолла Али Хаменеи, введение новых санкций показывает, что США «нельзя доверять», ибо шаги, которые они предпринимают, противоречат заявленной Вашингтоном цели восстановления диалога. Можно ли верить США, спрашивает «Fars News», если говоря о своем желании быстрее возврата к венским договоренностям, они последовательно отягощают ИРИ все новыми и новыми санкционными ограничениями. Как считают аналитики, продолжение санкционной политики США во время возможного принятия решения о возвращении к переговорам по СВПД со стороны обоих государств, частично покинувших ранее соглашение, усиливает в Иране позиции тех военно-политических кругов, которые противятся такому возможному шагу иранского руководства. Но в США не впервые идут на подобное обострение, и президент Дж. Байден, «уподобляется своему предшественнику на президентском посту, декларируя при этом совершенно иную политику»⁸⁵.

Как реакция на продолжение санкционной политики США, в Иране усилились голоса тех, кто пытается минимизировать значение венских договоренностей. Глава МИД ИРИ Х. Амир-Абдоллахиан заявил в газетном интервью, что СВПД – не больше, чем стостраничный бумажный документ, подписание которого совсем не было на пользу ИРИ как с политической, так и с экономической точки зрения. Министр выразил сомнение в том, что проведенные до июня 2021 г. переговоры показали

волю новой американской администрации президента Дж. Байдена к возвращению в СВПД. «Поэтому нет никакой необходимости их продолжать»⁸⁶. В такой констатации был свой резон: западные СМИ писали⁸⁷, что американское руководство испытывает крайний пессимизм относительно переговорного процесса по возвращению к венским соглашениям, что как раз и явилось побудительным мотивом по ужесточению санкционного прессинга.

С другой стороны, подобные реалии множили в Израиле число противников мирного решения ядерного кризиса, не видевших возможности преградить Ирану дорогу в ядерный «клуб», кроме как устранив его ядерную инфраструктуру. Говоря другими словами, – разбомбив его атомные объекты. Но готовы ли западные страны поддержать в этом еврейское государство, считающее себя главной целью атак исламского режима в случае обретения им такого неконвенционального оружия? Израильские аналитики полагали, что Запад к этому не готов. Он не хочет войны, а потому все еще надеется отговорить Иран от его планов, используя дипломатические пути решения проблемы. А готов ли Иерусалим нанести по инфраструктуре иранской атомной программы военный удар? Если Израиль почувствует угрозу самому своему существованию, то у него не будет другого выбора, кроме как атаковать. «С точки зрения военной мощи и наличия необходимых технологий еврейское государство вполне в состоянии разрушить все атомные объекты. Однако это будет сиюминутная победа. Если сохранится исламский режим, он сможет восстановить все объекты в течение максимум двух лет. То, что невозможно снести никаким ударом – это людской потенциал, его знания, которые накапливались внутри КСИР, под патронажем которого реализуется иранская атомная программа в течение десятилетий»⁸⁸. Как считают израильские аналитики, главная опасность кроется не в использовании бомбы, а в ее наличии, что даст иранскому режиму очень опасную сдерживающую силу, которая будет угрожать странам региона, парализуя их волю. «Лучший способ свести на нет ядерную угрозу Ирана – лишить ее идеологического базиса, которым является режим исламской республики. Именно это поможет навсегда или надолго устранить опасность ядерной войны вселенского масштаба»⁸⁹.

В декабре 2021 г. стало ясно, что венские переговоры вновь «буксуют», не решив ни одной из возложенных на них надежд. Глава Госдепартамента США Э. Блинкен был вынуж-

ден заявить, что если нынешний этап дипломатической работы не достигнет результатов, «мы будем вынуждены применить другие возможности воздействия в отношении Ирана»⁹⁰. В целом США транслировали пессимизм относительно достижения поставленных целей, и на этом фоне Израиль готовил себя к тому, чтобы реализовать самый жесткий сценарий противодействия развитию иранской атомной программы.

А чего же добивалась Исламская Республика Иран? Ее правительство заявляло, что главная и единственная цель нынешнего дипломатического раунда – полное снятие санкций, непомерным грузом давящих на Иран со всех сторон и не дающих стране реализовывать программы развития на всех возможных направлениях. Но никаких реальных успехов с переговорного «фронта» не поступает. Было ясно, что переговорная команда ИРИ отходит от тех договоренностей, что были достигнуты в первых шести раундах, проходивших в марте-июне, то есть при президенте Х. Роухани. Происходило то, что на фарси передается словом «*вакткоши*» – «бессмысленная трата времени». Шел торг, во время которого иранцы обогащали уран до запрещенного им СВПД уровня в 20% и использовали запрещенные тем же документом новые продвинутые центрифуги. Попутно они опробовали и обогащение до 60%. То есть «на сегодня они дурачат мировое сообщество»⁹¹. Затягивая время, они накопят запас урана, достаточный для создания атомной бомбы.

Пресловутое «*вакткоши*» чувствовалось и на 8-м раунде переговоров, начавшихся на исходе 2021 г., хотя международные СМИ писали, что имеется осязаемая надежда на достижение результатов. 28 декабря 2021 г. МИД ИРИ заявил, что страна ожидает «хорошего соглашения» для воссоздания прежнего СВПД. Что означает для Ирана «хорошее соглашение»? Это – снятие всех санкций, ситуация, когда ракетная программа не будет фигурировать ни в каких переговорных документах, возобновление нефтеэкспорта, возвращение в международную систему банковских операций SWIFT. При таких условиях, при наличии «испытательного срока для Запада», ИРИ будет согласна снизить уровень обогащения урана, причем не на обусловленные СВПД 3,67%, а примерно до 20%, вернуться к старым, а не продвинутым типам центрифуг. На большее Тегеран не согласен.

Как писали в те дни израильские СМИ, лучший исход переговоров состоит в том, что вся деятельность ИРИ на ядерном и ракетном направлении будет приостановлена и никогда более

не будет возобновлена. Но нужно еще учитывать разделение политической элиты Ирана на два лагеря, что отражается и на подходах к венским переговорам. Одно, более либеральное крыло утверждает, что если ИРИ не добьется нужного ей соглашения и полного снятия санкций, ограничившись частичным, это будет означать поражение. Другое, консервативное, стремится продолжать переговоры до тех пор, пока не сумеет добиться полной победы. В Вашингтоне и Иерусалиме нормальный исход переговоров видится по-другому. Что касается Израиля, то он хочет отвести от себя смертоносную ядерную угрозу, которую он видит реальной, в США надеются вернуться к соглашению от июля 2015 г., то есть возродить тогдашний договор и на его базе двигаться дальше.

Однако Иран хочет нечто другое, и это «другое» уже не раз фигурировало в СМИ. В апреле его не в первый раз озвучил глава иранского МИДа Х. Амир-Абдоллахиан: главным для Тегерана является не подписание нового договора в столице Австрии, а снятие санкций⁹². Глава МИД ссылается на президента: «Раиси всегда подчеркивал на встречах со всеми членами кабинета, что внимание должно быть сосредоточено не на Вене, а на том, чтобы все институты должны действовать для снятия санкций и содействия устойчивому развитию экономики и торговли в стране». Министр считает, что переговоры надо было остановить, «потому что мы очень близко подошли к заключению с тремя европейскими странами по техническим вопросам». Вдобавок к этому в ИРИ полагают, что выдвинутые в последние недели американские требования носят завышенный характер. Главная забота Тегерана на данном этапе – не переступить свои «красные линии»: если они будут соблюдаться, будет достигнуто хорошее соглашение. «Мы будем продолжать идти достойным, хорошим, сильным и прочным дипломатическим путем для достижения соглашения, которое отменит санкции», – таково видение иранцами нынешнего состояния венского переговорного процесса⁹³.

Какова перспектива венских переговоров по СВПД

Надо полагать, такая «дорожная карта» лишь усугубляет серьезное противостояние ИРИ и Израиля, занимающего самую жесткую позицию по отношению к иранской ядерной программе.

СМИ постоянно освещают разные грани напряженности, показывающие нарастание двусторонней конфронтации. Достаточно часты кибератаки в обоих направлениях, правда, не всегда ясно, являются ли именно эти две страны целями и исполнителями действий, направленных на то, чтобы парализовать ту или иную отрасль. Западные и региональные СМИ фиксируют множество бомбежек иранских объектов на сирийской территории, и их авторство традиционно приписывают Израилю. Кроме этого, не раз и не два отмечались рецидивы танкерной войны, когда нападениям подвергались морские суда обеих стран. Подобное происходит и в дипломатической сфере. Что же касается того, о чем мировое общественное мнение говорит достаточно продолжительное время, то есть прямого вооруженного конфликта в виде израильской атаки на инфраструктуру иранской ядерной программы, то по этому поводу имеется достаточно много вполне серьезных заявлений как израильских политиков, так и военных, включая самых высокопоставленных. Это можно рассматривать как часть психологической войны, как определенное давление или создание атмосферы страха и напряжения.

Отметим, что в Израиле отбросили в сторону излишнюю секретность, и СМИ подробно описывают такого рода акции, раскрывая сценарии возможных операций. Израильские СМИ пишут, к примеру, что военная операция втянет в свою орбиту не только иранские объекты, но и принадлежащие союзникам Тегерана в Ираке, Ливане, Сирии, Йемене. Достоянием общест­венности уже стали даже типы военной техники, используемые в возможных действиях, способ противодействия возможным ответным акциям Ирана. Разумеется, в этом заметен своеобразный месседж в адрес как США, так и европейской «тройки» посредников: сделайте что-либо реальное, чтобы не было никакой необходимости в таком, несомненно, крайнем шаге Израиля. «Не доводите дело до такой точки, когда надо будет удерживать Израиль от безрассудных действий. Предложите и доведите до конца нечто иное, что будет способно приструнить Тегеран, вывести его из деструктивной гонки по вступлению в ядерный клуб. Создайте такие условия, когда Иран отбросит в сторону затею со своей нуклеизацией»⁹⁴.

По всей видимости, происходит постепенное изменение израильских позиций по иранской ядерной программе в сторону их смягчения. Нынешняя корректировка подходов Израиля

выражается в том, что как премьер-министр Н. Беннет, так и министр обороны Б. Ганц и глава внешнеполитического ведомства Я. Лапид едины во мнении, что если будет хорошее соглашение, «мы не будем против». «Мы не будем отвергать его с порога», – говорят израильские лидеры, – а попробуем понять и принять»⁹⁵. Как оценивают подобную корректировку в Израиле, не видят ли в этом уступку под натиском новой американской администрации? В Израиле уже привыкли к тому, что страна имеет в иранском вопросе свою позицию, и поэтому несовпадение израильской и американской точек зрения иногда принимало острые фазы. Вспомним хотя бы противоречия между Б. Нетаньяху и Б. Обамой как раз в отношении СВПД. Нынешнее правительство, являющееся коалицией самых разных политических сил, имеет свое видение выхода из создавшегося тупика. «Тактика нынешнего правительства следующая – давайте не будем озвучивать свое несогласие прежде, чем увидим результаты»⁹⁶.

В этой связи возникает соблазн сравнить действия на американском направлении со стороны Б. Нетаньяху и Н. Беннета. Если первый отмечался прямоотой и жесткостью, напористой критикой, которая, правда, не имела большого эффекта, то действующий глава правительства придерживается иной тактики. Он предпочитает тайные переговоры с США, которые непрерывно проводят высокопоставленные израильские политики, на которых они пытаются убедить руководство США и лично президента Дж. Байдена в том, что их нынешняя мягкая политика в связи с противодействием продвижению иранской ядерной программы является ошибочной. Более жесткой политики на иранском направлении от США требуют и Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ). При этом и Израиль, и ОАЭ хотят точного следования со стороны США заявленным приоритетам. Израиль всеми возможными способами оппонирует стратегии Дж. Байдена, состоящей в опоре на мирное, посредством переговоров, решение атомной проблемы. Израиль не раз задавался вопросом: что будет делать Вашингтон, если на этом пути не будет достигнут ожидаемый успех? Там отвечали: если переговоры ни к чему не приведут, мы прибегнем к другому решению. Вот почему Израиль не раз транслировал свое мнение о том, что если атомное продвижение Ирана создаст непереносимые угрозы его безопасности, еврейское государство прибегнет к решительным шагам, даже ценой невероятных потерь.

Именно этим объясняется неуменьшающееся давление Израиля на Белый дом с целью уточнения американской позиции.

В Израиле хотят доподлинно знать, что намерены делать США, в чем состоит их альтернативный план, каковы этапы и тактика его осуществления. СМИ пишут о том, что после долгих секретных американо-израильских переговоров становится все очевиднее, что они не достигли ожидаемых результатов. Другими словами, израильские переговорщики не сумели убедить США в том, что им самим кажется очевидным. «Хорошее соглашение», как мыслят его в Израиле, означает включение в него вопросов ракетной программы с недопущением баллистического компонента, остановку процессов обогащения урана на оговоренной отметке, создание оптимальных условий для инспекторов МАГАТЭ с тем, чтобы они смогли в любой требуемый момент зафиксировать действительную картину происходящего на атомных объектах ИРИ. Действующий премьер-министр, как видно, не намерен автоматически соглашаться с возможным подписанием СВПД всеми его участниками: «Мы будем анализировать, что происходит, и лишь затем принимать устраивающее нас решение». Вряд ли можно утверждать, что соглашение может быть заведомо не устраивающим израильскую сторону. В Израиле все чаще слышатся голоса тех, кто считает, что разрушение СВДП по причине выхода из него США создало ситуацию, когда Иран приобрел импульсы к ускорению реализации своих ядерных амбиций. Вот почему возвращение к СВПД может создать новую реальность, выражающуюся в том, что иранская атомная программа вновь обретет контроль, и в этом случае возродятся действенные рычаги ее минимизации.

Перспектива переговоров по СВПД активно обсуждается и в Иране. В связи с их затягиванием и отсутствием устраивающей Запад динамики аналитики все чаще касаются использования военной опции как неизбежной при таком развитии событий. Издание «Фарару» недавно написало, что распространяются успокаивающие общественное мнение инсинуации о том, что в нынешней обстановке США не в состоянии предпринять военные действия против Ирана. В этом контексте военный конфликт Вашингтона с Тегераном, который может повлечь за собой значительные затраты, особенно с точки зрения воздействия на энергетический рынок, считается маловероятным.

Как видно из публикации⁹⁷, в Иране пристально отслеживают не только ход переговоров в Вене, но и процессы, прохо-

дящие внутри американской дипломатической команды в австрийской столице, в том числе противоречия по тактике и стратегии их ведения. Они уже привели к тому, что из состава команды ушел ряд заметных дипломатов. Налицо концептуальный раскол в переговорной группе США. Большинство ее членов призывает к более жесткому подходу к Ирану. Это означает, что иранский оптимизм по поводу достоверности заявления о том, что США отказались от варианта нанесения военного удара по Ирану, не имеет под собой основания. СМИ ИРИ много пишут и о положительном для страны исходе переговорного процесса. Известный иранский политический аналитик А. Абди высказался в публикации в газете «Эттемад» о том, как в Иране видят исход встреч в Вене: главным является отмена нефтяного эмбарго и получение валюты от ее продажи.

«Но быстрота реализации будет иной, потому что этому препятствуют два базовых фактора. Во-первых, предыдущий опыт и страх перед любым событием, которое нарушит продолжение реализации СВПД, заставит иностранные компании и правительства быть более осторожными, когда имеешь дело с Ираном. Во-вторых, у правительства Э. Раиси, в отличие от правительства Роухани, нет ни цели нормализации, ни возможности сделать это, ни особого интереса к этому. Поэтому и результаты, которые мы увидим после подписания СВПД в его потенциально возможном новом виде, будут гораздо более ограниченными, чем то, что мы видели в 2015 г.»⁹⁸.

В Израиле уже сегодня просчитывают плюсы и минусы от приближающегося подписания венского соглашения. Развернутое мнение представил в местных СМИ отставной генерал Йоси Купервассер, который задался вопросом, что будет, если Запад достигнет соглашения с теократическим режимом в Иране и как это отразится в военно-политической сфере, в области разведки и безопасности?

Его мнение строится на цифрах, представленных в заявлении МАГАТЭ от 2 марта с.г. Из него следует, что Иран накопил значительные запасы обогащенного до 60% урана. Они в разы превышают то количество, которое фиксировалось в ноябре прошлого года. Обогащение до столь высокого порога осуществлено на ядерном объекте Фордо, расположенном в толще гор. В заявлении говорится и о достаточно большом количестве урана, обогащенного до 4,5% и 20%, что противоречит Договору СВПД, установившему для ИРИ порог

обогащения максимум до 3,67%. Если Иран примет решение о повышении уровня обогащения урана до оружейного уровня в 90% с использованием центрифуг шестого поколения собственного производства, то для такого технологического процесса с накоплением необходимого заряда в 25 кг достаточно всего трех недель. После этого в течение двух недель Ираном может быть подготовлен второй заряд для следующей атомной бомбы. Изготовление новых бомб – лишь вопрос времени, главное – политическая воля, пишет генерал Й. Купервассер. Несомненно, важно и то, что одновременно с подготовкой ядерного заряда Иран динамично работает и над совершенствованием средств доставки ядерного заряда, то есть продвигает свою ракетную программу. Нет никакого сомнения в том, что такого рода деятельность Ирана является прямым нарушением СВПД от июля 2015 г., а также обязательств Ирана, вытекающих из его членства в Договоре о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО, англ. NPT), а также Дополнительного протокола к этому договору, который, как известно, Иран до сих пор не ратифицировал.

Подавляющее большинство нарушений, по наблюдениям аналитика, произошло после избрания Дж. Байдена президентом и его инаугурации⁹⁹. Поспешное отступление США из Афганистана в августе 2021 г. и дефицит наступательности в реакции США на российскую военную операцию на Украине в феврале 2022 года убедили лидеров исламского режима в оправданности их нынешней политики и побудили их и дальше придерживаться своих позиций. США вполне могли бы «надавить» на Иран, чтобы тот притормозил опасные достижения в продвижении по производству ядерного оружия и вынудить его к более выгодной сделке, сочетая санкции и реальную угрозу применения силы. Однако на деле, как показывают последние реалии, Соединенные Штаты намерены уступить требованиям Ирана в санкционной сфере.

«Не забудем, – предостерегает генерал Й.Купервассер, – что после гипотетически возможного повторного подписания СВПД ИРИ получит доступ к своим замороженным авуарам в сумме порядка 100 млрд долларов и увеличению доходов от экспорта нефти. Размороженные активы могут пойти на укрепление силовых структур режима. В результате более успешной будет борьба с непрекращающимися беспорядками, возрастет помощь террористическим прокси-формированиям всех видов –

«Хизбалле», хоуситам, ХАМАСу, «Исламскому джихаду» и др.»¹⁰⁰. Аналитик считает, что Израилю следует принять как сиюминутную реальность факт, что Соединенные Штаты, как самый важный союзник и главный сторонник Израиля, страдают от слабости, которая вполне очевидна и осязаема. Вот почему в этой сфере Израиль должен полагаться и опираться в первую очередь на себя. Но даже если лидеры США подтвердят свою приверженность предотвращению нуклеизации Ирана и будут убеждены, что возвращение к соглашению поможет этому, отмечает израильский аналитик, на практике СВПД прокладывает путь для превращения Ирана в ядерную державу. Поэтому Израиль должен предотвратить возвращение к соглашению, устанавливая серьезные и последовательные контакты с официальными лицами США по обе стороны политического спектра (демократы и республиканцы), которые разделяют серьезность текущего шага. В противном случае Израилю придется начать тайную кампанию, чтобы сорвать ядерную программу Ирана. Имеются в виду засекреченные операции, которыми Израиль уже много лет пытается противодействовать продвижению иранской атомной программы. На самом деле, они существенно тормозят продвижение Ирана к выбранной им цели. Израиль должен как можно эффективнее использовать это дополнительное время, чтобы развивать свои способности силой затормозить прогресс ядерной программы Ирана, если это будет необходимо, и противостоять сложным последствиям такого шага.

Если Й. Купервассер рассматривает возможность заключения СВПД и анализирует последствия такого шага, другой видный представитель военно-политической элиты – бывший советник по национальной безопасности Израиля в правительстве Б. Нетаньяху, несколько лет возглавлявший Совет национальной безопасности страны генерал Яков Нагель придерживается мнения о том, что обсуждаемый в последнее время проект ядерного соглашения с иранским режимом «не должен быть подписан ни при каких обстоятельствах»¹⁰¹. По его мнению, лучшим исходом прямых переговоров между пятеркой международных посредников (где виртуально участвуют и США) и ИРИ будет сценарий, при котором фундаментальные разногласия между иранским режимом и американской администрацией не позволят поставить подпись под подготовленным документом. Вескими аргументами к этому являются сла-

бость предложенных договоренностей и тот факт, что ИРИ продвигает подписание СВПД, не снижая одновременно своей ядерной активности и приблизившись, по существу, к статусу пороговой ядерной боеготовности. Чрезвычайную тревогу вызывает повышение обогащения урана на предприятиях иранского атомного комплекса до 60-процентной отметки. «Иранцы зашли слишком далеко, и это повод для глобальной озабоченности». Подписание СВПД создает для Израиля новые, еще более серьезные риски.

Действия Ирана в последние месяцы, полагает Я. Нагель, диктуются четырьмя аргументами:

- иранский режим относит нынешнего президента США и его правительство к слабым политикам, а посему рассчитывает, что такой лидер не осмелится отдать приказ о реализации военного удара по ИРИ;
- в Иране оценивают Израиль как страну, неспособную нанести удар по Ирану в силу отсутствия достаточного потенциала. Как утверждает генерал Я. Нагель, «Если бы я был иранцем, я бы очень осторожно относился к таким оценкам. Кроме того, иранцы отдают себе отчет в том, что Израиль не будет атаковать в одиночку»;
- Тегеран сможет противостоять всем экономическим штурмам, вызванным санкциями;
- в настоящий момент иранцы не видят реальной угрозы ни себе, ни режиму, ни своим семьям, и это их успокаивает.

Вот почему, пока эти четыре столпа не будут разрушены, иранцы за столом переговоров будут настаивать на своих безумных требованиях, резюмирует генерал Я. Нагель. Аналитик постулирует необходимость американо-израильского сотрудничества по альтернативному «Плану Б», то есть, по сути, силовому решению, если соглашение по СВПД не будет достигнуто и ядерная программа Ирана продолжится. Однако он не испытывает оптимизма в отношении того, что США примут в нем активное участие. План сочетает в себе множество компонентов, в том числе прямые авиационные атаки, кибератаки, экономическую конфронтацию, разноплановое давление со стороны СМН, международные санкции, лишение Ирана многих аспектов ядерной программы и многие другие меры, которые на нынешнем этапе публично не обсуждаются из-за боязни утечки информации.

Я. Нагель не испытывает оптимизма в ожидании положительного ответа Дж. Байдена. Несмотря на затянувшийся перерыв в венских переговорах, Вашингтон и Тегеран постоянно входят в неформальные контакты, время от времени сигнализируя о тех или иных успехах. Вместе с тем трудно утверждать, что они приближаются к подписанию неких соглашений. Может быть, этого вовсе не будет. Для США сейчас время других приоритетов. Дж. Байден больше занят такими проблемами, как военные действия между Россией и Украиной, ширящаяся гегемония Китая, инфляция, пандемия коронавируса, экономические трудности и др. Понимая это, подытожил бывший советник по национальной безопасности в правительстве Б. Нетаньяху генерал Я. Нагель, иранцы продолжают свое движение в направлении нуклеизации страны.

Заключение

Нынешняя ситуация вокруг иранской ядерной программы представляется тупиковой. Проходящие уже больше года переговоры в Вене, в которых напрямую участвуют 5 стран-посредников и Иран, и опосредованно – США, не приводят ни к каким устраивающим все стороны результатам. Стало очевидным, что две главные переговоривающиеся стороны – США и ИРИ – декларируют взаимно неприемлемые условия и не готовы к поиску компромиссов. В то же время, обвиняя США в развале СВПД, Иран на деле постепенно выходит из этого соглашения, занимаясь теми видами деятельности на пути нуклеизации и интенсификации военного аспекта своей ядерной программы, которые были запрещены условиями венских договоренностей, подписанных в июле 2015 г. в столице Австрии. Движение в направлении вступления в клуб стран-обладательниц атомного оружия рассматривается на Ближнем Востоке как зловещая угроза глобальной и региональной безопасности. Главный оппонент иранской атомной программы в ее нынешнем виде – Израиль, считает, что если в результате нынешнего переговорного процесса не будут созданы условия нейтрализации исходящих от ИРИ угроз, он попытается действовать иными путями, нежели реализуемые сейчас. США декларативно поддерживают такую линию, что создает возможность взаимных действий по выходу из образовавшегося тупика.

- ¹ *Новости недели* (Израиль), приложение «Время евреев». 19 мая 2022. С. 10.
- ² *Вести-2*. – Общественно-политическое приложение к газете "Вести" (Израиль), 13 мая 2004. С. 4.
- ³ Там же. 5 марта 2009. С. 7.
- ⁴ *Irna.ir*, 29 октября 2007.
- ⁵ *Mehr News*, 3 November 2003, фарси.
- ⁶ *Tehran Times*, 17 February 2003.
- ⁷ *The Jerusalem Post*, 3 September 2008.
- ⁸ *Известия*, 17 сентября 2008.
- ⁹ *Израэль ха-йом*, 21 сентября 2008, иврит.
- ¹⁰ *radis.org*, 9 апреля 2009, фарси.
- ¹¹ *Джомхурийе Эслами*, 23 мая 2012, фарси.
- ¹² *Кейхан*, 8 июня 2012, фарси.
- ¹³ Иран накануне встречи с «шестеркой» посредников в Москве. – *iimes.ru*, 10 июня 2012.
- ¹⁴ *Global Defense*, 21 June 2012.
- ¹⁵ *The Jerusalem Post*, 21 June 2012.
- ¹⁶ *Едиот Ахаронот*, 22 февраля 2013, иврит.
- ¹⁷ *Кейхан*, 25 февраля 2013, фарси.
- ¹⁸ *Radio Farda*, 23 February 2013.
- ¹⁹ *The Washington Post*, 22 February 2013.
- ²⁰ *Маарив*, 23 февраля 2013, иврит.
- ²¹ Женевская встреча по иранской ядерной программе: спектр оценок. – *iimes.ru*, 20 октября 2013.
- ²² Там же.
- ²³ *The Wall Street Journal*, 20 October 2013.
- ²⁴ *The Tehran Times*, 8 November 2013.
- ²⁵ *Ресалат*, 9 апреля 2014, фарси.
- ²⁶ *Маарив*, 21 июня 2013, иврит.
- ²⁷ *The Washington Post*, 18 June 2014.
- ²⁸ *Irna.ir*, 22 июня 2014, фарси.
- ²⁹ *Reuters*, 17 June 2014.
- ³⁰ *Irna.ir*, 9 июня 2014, фарси.
- ³¹ *radis.org*, 3 апреля 2015, фарси.
- ³² Соглашение по иранской ядерной программе: израильские оценки. – *iimes.ru*, 5 апреля 2015.
- ³³ Там же.
- ³⁴ *Израэль ха-Йом*, 3 апреля 2015, иврит.

- ³⁵ Сотрудничество Израиля с партнерами в свете достижения соглашения по иранской ядерной программе. – iimes.ru, 20 июля 2015.
- ³⁶ *Едиот ахаронот*, 18 июля 2015, иврит.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Иранский углеводородный экспорт после снятия санкций. – iimes.ru, 20 июля 2015.
- ³⁹ *Кейхан*, 22 июля 2015, фарси.
- ⁴⁰ IranPressNews, 24 июля 2015, фарси.
- ⁴¹ [Fars News](http://FarsNews), 6 октября 2015, фарси.
- ⁴² Соглашение по иранской ядерной программе обретает реальность. – iimes.ru, 19 октября 2018.
- ⁴³ *Эттемад*, 16 декабря 2015, фарси.
- ⁴⁴ *Эбтекар*, 16 декабря 2015, фарси.
- ⁴⁵ Reuters, 13 July 2016.
- ⁴⁶ Pna.ir, 14 July 2016.
- ⁴⁷ [Fars News](http://FarsNews), 23 November 2016.
- ⁴⁸ Irna.ir, 18 ноября 2017, фарси.
- ⁴⁹ [Fars News](http://FarsNews), 22 октября 2017, фарси.
- ⁵⁰ Irna.ir, 14 октября 2017, фарси.
- ⁵¹ Isna.ir, 30 октября 2017, фарси.
- ⁵² Reuters, 11 October 2017.
- ⁵³ [Fars News](http://FarsNews), 30 October 2017, фарси.
- ⁵⁴ Irna.ir, 24 апреля 2018, фарси.
- ⁵⁵ [Radio Farda](http://RadioFarda), 22 апреля 2018, фарси.
- ⁵⁶ Iran.ru, 26 апреля 2018.
- ⁵⁷ *Едиот ахаронот*, 2 мая 2018, иврит.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ *Израэль ха-Йом*, 3 мая 2018, иврит.
- ⁶⁰ [Fars News](http://FarsNews), 1 мая 2018, фарси.
- ⁶¹ Isna.ir, 10 мая 2018, фарси.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Pna.ir, 13 мая 2018, фарси.
- ⁶⁴ radis.org, 16 мая 2018, фарси.
- ⁶⁵ akhbar-rooz.com, 5 июня 2018, фарси.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ *Mehr News*, 12 сентября 2018, фарси.
- ⁶⁸ *Khabarnateye Gooya*, 3 октября 2018, фарси.
- ⁶⁹ Irna.ir, 2 ноября 2018, фарси.
- ⁷⁰ *Омид-э Иран*, 8 июля 2019, фарси.

- ⁷¹ Ynet.co.il, 3 марта 2020, иврит.
- ⁷² *The Jerusalem Post*, 4 March 2020.
- ⁷³ *Isna.ir*, 24 июня 2020, фарси.
- ⁷⁴ *The New York Times*, 21 September 2020.
- ⁷⁵ *Isna.ir*, 8 ноября 2020, фарси.
- ⁷⁶ *Le Figaro*, 22 January 2021.
- ⁷⁷ *Маарив*, 25 января 2021, иврит.
- ⁷⁸ *Fars News*, 7 April 2021, фарси.
- ⁷⁹ *radis.org*, 28 апреля 2021, фарси.
- ⁸⁰ *Израэль ха-Йом*, 2 июня 2021, иврит.
- ⁸¹ *Akhbare rooz*, 21 июня 2021, фарси.
- ⁸² *Пейамэ Эсраиль*, 23 июня 2021, фарси.
- ⁸³ Там же. 21 июня 2021.
- ⁸⁴ *IranPressNews.org*, 24 июня 2021, фарси.
- ⁸⁵ *IranPressNews*, 28 октября 2021, фарси.
- ⁸⁶ *Иран*, 30 октября 2021, фарси.
- ⁸⁷ *radis.org*, 1 ноября 2021, фарси.
- ⁸⁸ Израильский аналитик о ситуации с иранской ядерной программой. – *iimes.ru*, 5 ноября 2021.
- ⁸⁹ Там же.
- ⁹⁰ *Израэль ха-Йом*, 12 декабря 2021, иврит.
- ⁹¹ Чего ждут в Израиле от переговоров в Вене? – *iimes.ru*, 3 декабря 2021.
- ⁹² *Fars News*, 11 апреля 2022, фарси.
- ⁹³ Там же.
- ⁹⁴ *radis.org*, 9 января 2022, фарси.
- ⁹⁵ *Израэль ха-Йом*, 8 января 2022, иврит.
- ⁹⁶ Там же.
- ⁹⁷ *Фарару*, 27 января 2022, фарси.
- ⁹⁸ *Эттемад*, 23 января 2022, фарси.
- ⁹⁹ *Израэль ха-Йом*, 7 апреля 2022, иврит.
- ¹⁰⁰ Там же.
- ¹⁰¹ *radis.org*, 1 мая 2022, фарси.

НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ БАЗА РАЗВИТИЯ ВПК ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Турецкий военно-промышленный комплекс за последние несколько лет вышел на траекторию интенсивного развития. В 2018 г. в Турции начата реализация ряда новых военных проектов, целью которых является минимизация зависимости от импорта. Особое внимание уделяется производству современных технологий военного назначения, не имеющих аналогов в мире, и расширению экспорта своей военной продукции. В этой связи детальное изучение ВПК Турции необходимо военному специалисту в профессиональной деятельности для получения наиболее полных сведений о военно-технической политике этой страны и выявления тенденций развития её военного потенциала.

В настоящее время Турция удовлетворяет 70% потребностей внутреннего рынка в оборонной сфере за счет собственного производства¹. Кроме того, Стокгольмский международный институт стратегических исследований проблем мира (SIPRI) констатировал, что в период с 2014 по 2018 год Турция увеличила экспорт оружия на 170% по сравнению с предыдущим четырехлетним периодом. В 2020 году Анкара экспортировала продукцию военного назначения (ПВН) в общей сложности 113 заказчикам (в 2019-м насчитывалось 110 импортеров турецких ВВТ)². Таким образом, турецкий ВПК по объему экспорта постепенно входит в категорию мировых лидеров.

В целях оценки текущего состояния турецкого ВПК, *рассмотрим основополагающие документы, регламентирующие его деятельность.*

В Конституции Турецкой Республики (принята в 1982 году, в 2013 году в нее внесен ряд поправок), а также в «Концепции национальной безопасности» (2006) сформулированы ключевые задачи строительства и применения вооруженных сил (ВС):

защита страны от внешних угроз и реализация национальных интересов в регионе.

Нормативно-правовая база, регламентирующая деятельность военно-промышленного комплекса Турции, включает в себя законы, решения Совета министров (с 2018 года администрации президента Турции) и подзаконные нормативно-правовые акты³.

Все основные аспекты деятельности ВПК Турции регулируют следующие законодательные акты, которые условно можно разделить на три категории:

1. Законы управленческого характера, которые регламентируют порядок производства, разработки и применения продукции ВПК, организацию планирование и контроль развития военно-промышленного сектора:

– Указ президента Турецкой Республики № 7 от 15.07.2018 «Об Управлении военной промышленности».

– Закон № 3238 «О некоторых положениях, касающихся оборонной промышленности» от 03.11.1985;

– Закон «О безопасности оборонной промышленности № 5202» 29.06.2004;

– Закон № 3833 «О разрешении вооруженным силам Турции брать на себя обязательства на следующие годы в целях реализации стратегического целевого плана» 02.07.1992.

– Закон «О некоторых нормах, касающихся обороны» № 3238 от 07.11.1985 (Целью этого закона является развитие современной оборонной промышленности и обеспечение модернизации Вооруженных сил Турции);

– Закон № 2920 «О гражданской авиации Турции» от 14.10.1983.

– Закон № 6136 «Об огнестрельном оружии, ножах и других инструментах» от 10.07.1953.

2. Законы экономического характера, определяющие порядок и объёмы финансирования проектов, определение принципов и процедур регулирования и выполнения контрактов на тендерах, обеспечение и управление государственными финансами, подготовка и распределение государственных бюджетов с целью обеспечения подотчетности и финансовой прозрачности, эффективного, экономичного приобретения и использования государственных ресурсов:

– Закон № 4734 «О государственных закупках» от 04.01.2002;

– Закон № 4735 «О государственных закупках» от 05.01.2002;

- Закон № 2886 «О государственных закупках» от 08.09.1983;
- Закон № 5018 «О государственном финансовом управлении и контроле» от 10.12.2003;
- Закон № 244 «О заключении, исполнении и опубликовании международных договоров, и разрешении Совета министров на заключение некоторых договоров» от 31.05.1963 г. с поправками, в соответствии с указом президента Турецкой Республики № 703 от 07.02.2018;
- Закон № 4749 «О регулировании государственных финансов и управления долгом» 28.03.2002.

3. Законы регламентирующие кадровую политику турецкого ВПК:

- Закон № 657 «О государственных служащих» от 14.07.1965 с поправками, в соответствии с указом президента Турецкой Республики № 703 от 07.02.2018;
- Закон № 2531 «О нетрудоспособности лиц, увольняющихся с государственной службы» 02.10.1981.

Помимо основных законодательных актов, отдельные вопросы деятельности ВПК Турции регламентируются решениями Совета министров и подзаконными нормативно-правовыми актами.

Рассмотрим организацию системы управления военной промышленностью Турецкой Республики:

В Турецкой Республике потребности в производстве вооружения военной и специальной техники формируются на уровне генерального штаба и видовых командований ВС.

Высший военный совет Турции в составе президента страны Реджепа Тайипа Эрдогана, вице-президента Фуата Октая, министра национальной обороны Хулуси Акара, министра юстиции Абдулхамита Гюля, главы МВД Сулеймана Сойлу, главы МИД Мевлюта Чавушоглу, министра казначейства и финансов Берата Албайрака, министра национального образования Зии Сельчук, начальника Генерального штаба Яшара Гюлера, командующих СВ – Умита Дюндара, ВМС – Аднана Озбала и ВВС – Хасана Кючюкакьюза утверждают «План военного строительства страны». Таким образом определяются и утверждаются потребности в вооружении, военной и специальной технике (ВВСТ) и другой продукции военного назначения.

Непосредственное руководство военно-промышленным комплексом Турецкой Республики осуществляется «Исполнительным комитетом военной промышленности», во главе которого находится президент Турции – Реджеп Тайип Эрдоган, и «Управлением военной промышленности», которым руководит Исмаил Демир.

1. «Исполнительный комитет военной промышленности» действует в соответствии с законом № 3238 «О некоторых положениях, касающихся оборонной промышленности» от 3.11.1985. Под руководством президента республики – Реджепа Тайипа Эрдогана в состав исполнительного комитета входят премьер-министр Фуат Октай, министр транспорта Лютфи Эльван, министр внутренних дел Сулейман Сойлу, министр обороны Хулуси Акар, начальник Генерального штаба Яшар Гюлер и глава Управления военной промышленности Исмаил Демир⁴.

Функциональные обязанности комитета включают:

- принятие решений в соответствии с общей стратегией и принципами, определенными для развития ВПК;
- принятие решения о производстве современного вооружения военной и специальной техники для обеспечения силовых структур Турции;
- создание оборонно-ориентированных производств, в том числе с привлечением иностранного капитала и технологий, а также принятие принципиальных решений об участии государства в создании таких предприятий;
- формирование поручений Управлению военной промышленности на проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР), разработку прототипов нового оружия, определение долгосрочных заказов и финансирование проектов;
- принятие решений об экспорте продукции военной промышленности, а также о взаимной торговле вооружением и его элементами;
- обеспечение координации между военной промышленностью и смежными организациями;
- принятие решений на использование «Фонда поддержки оборонной промышленности», в том числе для финансирования подготовки квалифицированных кадров для ВПК Турции⁵.

2. Управление военной промышленности Турции реорганизовано из Секретариата оборонной промышленности на осно-

вании указа президента Турецкой Республики № 7 от 15.07.2018 «Об Управлении военной промышленности»⁶.

В целях развития современной оборонной промышленности и обеспечения модернизации турецких вооруженных сил, основными задачами Управления военной промышленности являются:

- исполнение решений, принятых Исполнительным комитетом военной промышленности;
- составление ежегодных программ закупок и моделей финансирования с учетом источников финансирования;
- реорганизация национального промышленного комплекса в соответствии с текущими потребностями военной промышленности, стимулирование создания новых предприятий и нацеливание их деятельности в соответствии с этими потребностями, а также исследование возможностей и регулирование привлечения иностранного капитала и технологических решений для турецкого ВПК;
- планирование производства современного оружия, инструментов производства и необходимого оборудования в частных или государственных учреждениях;
- привлечение для вновь сформированных частных предприятий государственных или смешанных инвестиций, когда это необходимо;
- обеспечение развития сложных наукоёмких проектов путём определения долгосрочных заказов и предоставления финансовых и экономических стимулов;
- заключение контрактов, включающих технические и финансовые вопросы, а также определение спецификации и стандартов производимой продукции;
- координация экспорта продукции ВПК и внебиржевой торговли;
- предоставление предприятиям кредитов из средств «Фонда поддержки оборонной промышленности» или получение займов в Турции и за рубежом;
- контроль качества и соответствия произведенных товаров условиям контракта;
- контроль за возникающими проблемными вопросами посредством соответствующих учреждений и организаций;
- исполнение других обязанностей, возложенных на него президентом⁷.

Рассмотрим объём государственных ассигнований, выделяемых на развитие ВПК Турецкой Республики.

Общий объём военных расходов Турции в 2020 финансовом году составил 17,7 млрд долларов США, что на 5% ниже показателей 2019 года. Таким образом, Турция занимает 16-е место среди стран мира по расходам на оборону. Однако это снижение является несущественным на фоне 77%-го роста военных расходов Турции в период с 2011 по 2020 годы⁸.

Финансирование военных НИОКР проходит через Турецкое высшее научно-техническое исследовательское общество (TUBİTAK), и финансирование частных университетов, часть средств поступает из секретного фонда.

Расходы на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) в интересах вооруженных сил (ВС) и ВПК в 2019 году в Турции выросли более чем на 15%, достигнув почти 1,7 млрд долларов по сравнению с 1,4 млрд в 2018 году. Траты на развитие технологий оборонной отрасли приумножились еще более заметно, достигнув 249 млн долларов и увеличившись на 67% по сравнению со 149 млн в 2018 году. Это свидетельствует о повышенном внимании к высокотехнологичным достижениям в военной промышленности республики. Следующие несколько лет станут крайне важными для будущего этой отрасли⁹.

Рассмотрим отраслевую структуру ВПК Турецкой Республики.

На современном этапе ВПК Турецкой Республики включает в себя 213 производственных предприятий государственной, частной и смешанной форм собственности, на которых занято около 80 тыс. человек. Организовано производство более 1600 наименований продукции. Руководство Турецкой Республики на современном этапе, выделяет 15 отраслей военной промышленности¹⁰:

- *авиационная* (самолёты, вертолёты, БПЛА и учебные транспортные средства и различные подсистемы самолетов);
- *бронетанковая* (танки, БМП, БТР, автомобили обеспечения, инженерная техника, роботизированные наземные системы, башни для бронемашин, специальные автомобили для полиции, специализированные разработки для наземных боевых машин);
- *судостроительная* (боевые корабли, десантные корабли, суда обеспечения, катера, беспилотные корабли, корабельное и противолодочное вооружение, сонары, модернизация, ремонт и техническое обслуживание действующих кораблей);

- *ракетная и боеприпасная* (ракеты, средства наведения, специальные боеприпасы, тяжелые боеприпасы и ракетные системы, магазины к оружию и средства для уничтожения ракет и боеприпасов);
- *производство средств радиоэлектронной борьбы и защиты от средств радиоэлектронной борьбы противника*;
- *артиллерийская и стрелковая* (пушки, минометы, стрелковое оружие, подствольные гранатомёты, высокотехнологичные орудия);
- *производство системы связи и боевого управления* (радиостанции, системы управления огнём, системы наведения ракет и системы оповещения);
- *промышленность по разработке программного обеспечения и навигационных систем*;
- *разработка симуляторов и учебно-тренировочных комплексов*;
- *производство радаров и сенсоров* (наземные, морские и воздушные радиолокационные системы, электрооптические датчики и лазерные детекторы);
- *конструирование двигательных и силовых установок для морских, наземных и воздушных платформ, а также электроустановок*;
- *системы электропитания* (генераторы, аккумуляторы и крупные системы энергообеспечения);
- *системы обеспечения информационной безопасности* (защита от несанкционированного допуска и противопожарные системы);
- *средства тылового обеспечения* (обмундирование, экипировка, продовольственное и медицинское обеспечение);
- *другие подсистемы оборонной промышленности*.

Производственные предприятия, как правило, относятся одновременно к нескольким отраслям турецкого ВПК. Наиболее крупными из них являются такие компании, как Aselsan, Roketsan, Havelsan, STM, TAI, BMC и FNSS, которые входят в число 100 наиболее крупных оборонных компаний в мире¹¹.

Рассмотрим территориальное распределение производственных предприятий военной промышленности Турции.

Более 80% мощностей турецкого ВПК сосредоточено в центральной и северо-западной части страны. Наибольшее количество компаний расположено в провинциях Анкара, Стамбул, Коджаэли и Измир.

Все производственные мощности располагаются в районах с развитой транспортной инфраструктурой, что обеспечивает высокий уровень производственной логистики.

Наиболее крупные и значимые производства расположены в западной части страны на удалении от зон вооруженных конфликтов (Сирия, Ирак, Нагорный Карабах) и восточных районов Турции, наиболее подверженных террористическим атакам. Таким образом, предусмотрена дополнительная безопасность кадрового, производственного и логистического секторов ВПК.

В последнее десятилетие символом интенсивного развития турецкого военно-промышленного комплекса является производство БПЛА. Все, что с ними связано в стране, находит широкое освещение в турецких СМИ, а после боевого применения БПЛА, таких как «Байрактар ТБ2», в вооружённых конфликтах Сирии, Ливии и Нагорного Карабаха – в региональных и даже глобальных СМИ. Так Турция успешно продвигает свою продукцию на экспортный рынок, о чём свидетельствуют последние закупки турецких БПЛА Украиной, Польшей и Катаром. Также Турция вошла в число трех стран в мире, способных производить дроны-камикадзе. В 2020 году предусмотрена поставка в войска БПЛА такого типа – «Каргу-2», оснащенных системой распознавания лиц и способных выполнять задачи в автоматическом режиме. Контракт, заключенный турецким правительством с военно-промышленным концерном STM, предполагает поставку 356 единиц БПЛА «Каргу-2».

В этой связи объемы турецкого экспорта продукции военного назначения в обозримой перспективе могут приблизиться к мировым лидерам в этой области.

¹ Челик Хаккан Интервью с главой Управления военной промышленности Турции Исмаилом Демиром.

URL: <https://www.posta.com.tr/yazarlar/hakan-celik/dosta-gurur-dusmanakorku-2312218> (дата обращения: 23.05.2021).

² Иванов С.А. ОПК Турции на современном этапе. URL: <https://colonelcassad.livejournal.com/6778950.html> (Дата обращения: 10.05.2021).

³ Официальный сайт Управления турецкой военной промышленности, раздел законодательство. URL: <https://www.ssb.gov.tr/> (Дата обращения: 07.05.2021).

⁴ Официальный сайт Управления турецкой военной промышленности. URL: <https://www.ssb.gov.tr/WebSite/contentlist.aspx?PageID=40&LangID=1> (Дата обращения: 07.05.2021).

⁵ Закон № 3238 «О некоторых положениях, касающихся оборонной промышленности» от 03.11.1985 (3238 Sayılı Savunma Sanayii İle İlgili Bazı Düzenlemeler Hakkında Kanun).

⁶ Официальный сайт Управления турецкой военной промышленности. URL: <https://www.ssb.gov.tr/WebSite/contentlist.aspx?PageID=39&LangID=1> (Дата обращения: 07.05.2021).

⁷ Указ президента Турецкой Республики № 7 «Об оборонной промышленности» от 15.07.2018. (Savunma sanayii başkanlığı hakkında cumhurbaşkanlığı kararnamesi).

⁸ Отчёт Стокгольмского международного института исследований проблем мира SIPRI Апрель 2021 г. Тенденции мировых военных расходов 2020 (TRENDS IN WORLD MILITARY EXPENDITURE 2020). – 12 с. – С. 2–3.

⁹ Иванов С.А. ОПК Турции на современном этапе. URL: <https://colonelcassad.livejournal.com> (Дата обращения: 10.05.2021).

¹⁰ Каталог продукции оборонной промышленности Турции. (Savunma Sanayii Ürünler Kataloğu) 2019. – 634с. – С. 8–15.

¹¹ Интервью с главой Управления военной промышленности Турции Исмаилом Демиром. URL: <https://www.posta.com.tr/yazarlar/hakan-celik/dostagurur-dusmana-korku-2312218> (дата обращения 23.05.21).

**УГРОЗА
ГЛОБАЛЬНОГО ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КРИЗИСА
ДЛЯ СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
И СЕВЕРНОЙ АФРИКИ В 2022–2023 гг.**

На фоне роста глобальной напряженности в связи с резким обострением продовольственного, энергетического и финансового кризисов на первый план в повестке стран Ближнего Востока и Северной Африки выходит вопрос реалистичной оценки рисков национальной продовольственной безопасности в странах региона в среднесрочной перспективе, особенно тех, которые охвачены затяжными вооруженными конфликтами, гуманитарными кризисами и подвержены негативному воздействию климатических катаклизмов.

**Анализ глобальных продовольственных рисков
после пандемии COVID-19**

Выпущенный под эгидой ООН 4 мая 2022 года глобальный доклад по продовольственным кризисам¹ констатировал, что еще до начала конфликта на Украине ситуация с голодом в мире развивалась по пессимистичному сценарию. Причиной этому стала сильнейшая экономическая рецессия после пандемии коронавируса, а также обусловленные пандемией глубокие разрывы торговых связей и транспортно-логистических цепочек, растущие цены на углеводороды. Как следствие, сокращение расходов государственных бюджетов и потребителей в пик пандемии и карантинных мер в 2020–2021 гг. привело к невосполнимым экономическим потерям для глобальной экономики в размере 12 триллионов долларов США, а общее число остро нуждающихся в продовольственном обеспечении выросло до 193 миллионов человек в 53 странах².

При этом в большом ближневосточном регионе складывалась к началу 2022 года наиболее тяжелая ситуация с голодом: в Сомали, Южном Судане и Йемене в совокупности к концу 2022 года ожидается, что не менее 330 тысяч человек окажутся в высшей пятой стадии по международной шкале продовольственной безопасности IPC, то есть фактически под прямой угрозой голодной смерти³. Общее же число населения на планете в стадии угрозы голодной смерти в 2021 году достигло 570 тысяч человек, и по итогам текущего года оно неизбежно вырастет.

Прямым следствием начавшегося в конце 2021 года продовольственного кризиса стал стремительный рост продовольственных цен. С начала 2022 года они выросли в среднем на 30–40%. В частности, цены на пшеницу выросли с января 2021 года с 300 до 450–500 долларов за тонну⁴. При этом глобальный индекс продовольственных цен Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО) в марте с.г. достиг исторического рекорда в 160 пунктов (в 2000 году он не превышал 50 пунктов). Этот индекс учитывает ежемесячную динамику международных цен продовольственной корзины, которая включает пять основных товарных групп – мясо, зерновые, растительные масла, сахар и молочную продукцию.

Фактор украинского конфликта и санкционной политики

Последующая эскалация продовольственной ситуации возникла в контексте конфликта на Украине и особенно после введения против России торгово-экономических санкций со стороны США и Евросоюза, что сильно обострило положение с учетом ведущей роли России и Украины на мировых рынках удобрений, пшеницы, подсолнечного масла, кукурузы и других видов продовольствия.

Ситуация в дальнейшем еще более усугубилась как следствие введенных Россией и другими крупными экспортерами ограничительных мер по вывозу продовольствия и удобрений в целях защиты собственных национальных продовольственных интересов в условиях неурожая и дефицита на рынках. Сначала о введении запретительных мер на экспорт пальмового

масла объявила Индонезия, крупнейший мировой экспортер⁵. Затем Индия объявила о решении ввести эмбарго на экспорт пшеницы ввиду начавшейся в стране сильной засухи, а впоследствии, являясь вторым в мире экспортером сахара, приняла решение ограничить его экспорт на уровне 10 млн. тонн⁶. К этой группе стран затем прибавились Египет, Казахстан и Сербия, запретившие экспорт пшеницы.

По оценкам Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), к началу 2023 года число хронически недоедающего населения в мире увеличится почти на 19 миллионов человек⁷. Наряду с ценами на продовольствие растут цены на удобрения и энергию, что подстегивает продовольственную инфляцию еще сильнее и ставит под угрозу посевной сезон 2022–2023 гг.

Внешние факторы воздействия на продовольственную безопасность в регионе Ближнего Востока

Таким образом, в 2022–2023 гг. следует ожидать обострения продовольственной ситуации в странах Ближнего Востока под совокупным воздействием как традиционных внешних факторов, так и новых вызовов, обусловленных последствиями пандемии, ситуацией в черноморском регионе и санкционной политикой.

Так называемые традиционные внешние факторы – климатические катаклизмы, вооруженные конфликты и низкий потенциал собственного аграрного производства в большинстве стран региона – в среднесрочной перспективе будут оказывать неизменное негативное воздействие на продовольственную безопасность в регионе.

В 2022 году на эти традиционные факторы накладываются новые обстоятельства – разрушенная пандемией система мировых поставок и логистических цепочек продовольствия, кризис на мировом рынке удобрений (ввиду санкций против ведущих производителей удобрений – России и Беларуси), перебои с поставками зерна из черноморского региона и связанные с этим усилия стран региона по поиску альтернативных поставок, спровоцированный санкциями против российского энергетического сектора рост цен на топливо и энергоносители,

ставший ключевым драйвером роста продовольственных цен в марте-мае 2022 г.

Конфликты и продовольственная безопасность на Ближнем Востоке

Вооруженный конфликт в современном мире остается главным фактором возникновения голода и ухудшения ситуации в области продовольственной безопасности во многих странах мира, в особенности в ближневосточном регионе. Только за последние три года – с 2018 по 2021 гг. общее число населения в кризисных ситуациях, создающих угрозу продовольственной безопасности, выросло на 88% и достигло 139 миллионов человек⁸.

Разумеется, при оценке степени уязвимости стран Ближнего Востока с точки зрения национальной продовольственной безопасности отдельно следует рассматривать страны с перманентным военным конфликтом либо гуманитарным кризисом – Йемен, Афганистан и Ливан, которым продовольственная помощь на 70–90% оказывается по линии международных гуманитарных организаций⁹.

Именно эта группа стран в силу различных факторов не обладает каким-либо значительным аграрным потенциалом, способным обеспечить продовольственную безопасность. Например, Ливан не только не в состоянии обеспечить себя самостоятельно стратегическими видами продовольствия, но и не обладает достаточной инфраструктурой по его складированию и хранению. После взрыва в порту Бейрута в 2020 году 80% мощностей Ливана по хранению 120 тысяч тонн зерновых были уничтожены и до сих пор не восстановлены¹⁰. При этом для производства хлеба в стране Ливан вынужден импортировать практически все необходимые ингредиенты – пшеницу, сахар и электроэнергию.

Климат и продовольственная безопасность на Ближнем Востоке

Климатические условия – важнейший фактор продовольственной безопасности в большинстве стран Ближнего Востока

ка, с учетом ограниченности их земельных, водных и иных природных ресурсов и климатических особенностей. С учетом растущей частоты и степени воздействия климатических катаклизмов на страны региона, устойчивое производство сельскохозяйственной продукции оказывается под угрозой. В зоне повышенного риска находятся наиболее дефицитные с точки зрения водных ресурсов страны региона – Сирия и Ирак. Также есть большие угрозы водного дефицита в других крупных странах-производителях продовольствия с большим демографическим составом – Иране, Египте, Турции.

В Египте – при условии благоприятных климатических условий – ожидаемый урожай пшеницы летом 2022 года вырастет на 9% по сравнению с прошлогодним результатом, а производство кукурузы и риса, как минимум, сохранится на прошлогоднем уровне¹¹. В двух других крупных странах-производителях пшеницы в регионе – Турции и Иране в текущем сезоне, по предварительным прогнозам, ожидается производство на среднем уровне, а именно в объеме 19 и 13 миллионов тонн по итогам 2022 года соответственно¹². В Иране ситуация несколько сложнее ввиду продолжающейся засухи и предполагаемого наращивания закупок пшеницы из-за рубежа в 2023 году.

Таким образом, именно к этой пятерке крупных аграрных стран (Египет, Иран, Турция, Ирак и Сирия) с совокупным значительным демографическим составом свыше 330 млн. человек сегодня привлечено основное внимание с точки зрения региональной продовольственной безопасности.

В отличие от стран, охваченных перманентным гуманитарным кризисом, вышеупомянутая «пятерка» благодаря климатическим и географическим особенностям очень сильно зависит не столько от экспорта сырья, сколько от показателей собственного производства и, соответственно, климатических условий. При усилении засухи и других климатических катаклизмах в течение нескольких следующих месяцев ситуация с продовольственным обеспечением в этих странах может коренным образом измениться.

Например, в Афганистане, по оценкам экспертов Всемирной продовольственной программы ООН (ВПП), локальное производство пшеницы ожидается на уровне ниже среднего показателя за последние пять лет. Это обусловлено прежде всего угрозой дефицита урожая в северных и северо-восточных

регионах Афганистана, где высота снежного покрова была текущей зимой ниже среднего уровня, а количество атмосферных осадков весной оказалось также чрезвычайно низким. Эти климатические показатели зимой-весной 2022 г. создают крайне неблагоприятные предпосылки для планируемого второго посевного сезона в Афганистане, в первую очередь на территориях, обеспечиваемых естественным орошением. Помимо угрозы для производства пшеницы, проблема с естественным орошением и дефицитом осадков может также затронуть другие виды посевов, включая рис и бобовые.

Удобрения и продовольственная безопасность на Ближнем Востоке

В условиях растущих рисков эскалации глобального продовольственного кризиса одним из ключевых стабилизирующих факторов становится обеспеченность аграриев минеральными удобрениями, особенно на долгосрочную перспективу 2023–2024 гг. Только за март 2022 г. цены на удобрения на глобальном рынке выросли на 40%¹³.

Угроза возникновения дефицита мировых поставок удобрений обозначилась экспертами в контексте украинского конфликта, в том числе в связи с введенными западными странами санкциями и с учетом ведущей роли России как мирового поставщика всех категорий удобрений. По состоянию на 2022 г. Россия занимает первое место в мире по продаже азотных (N), второе – по поставкам фосфорных (P) и третье – калийных (K) удобрений¹⁴.

В странах Ближнего Востока с учетом климатических изменений спрос на удобрения последовательно рос в последние десятилетия. По мере завершения пандемии и снятия ограничительных мер в 2020–2021 гг. спрос на удобрения в регионе в среднем увеличился на 10% и сохраняет тенденцию роста.

В условиях введенных санкций против России и Беларуси, а также роста мировых цен на газ, который во многом формирует цену на азотные удобрения, дефицит этого важнейшего сырья на ближневосточном рынке может подорвать следующий посевной сезон. Известно, что природный газ является не

только источником энергии для работы заводов по производству удобрений, но и сырьем. Эта ситуация может спровоцировать кризис среди ведущих аграрных производителей региона, продовольственная безопасность которых в большой степени обеспечивается за счет местного производства. Например, Турция обеспечивает более 50% внутренних потребностей в пшенице за счет местного производства¹⁵. Египет планирует сократить в текущем году импорт основных видов продовольственной номенклатуры за счет дальнейшего наращивания локального производства. Однако достижение поставленных целевых показателей странами в регионе станет возможным в случае устойчивых поставок и экономической доступности удобрений для сохранения масштабов местного производства.

С другой стороны, страны Ближнего Востока являются и крупными производителями и экспортерами удобрений. Например, на этот регион, прежде всего на Израиль и Иорданию, приходится 10% мирового производства калийных удобрений¹⁶. А это в свою очередь открывает дополнительные возможности для наращивания производства и экспорта, и занятия ниш российских и белорусских поставщиков.

Отдельное место в контексте фактора удобрений занимает Марокко, роль которого как крупного производителя фосфорных удобрений, обладающего колоссальным потенциалом более 70% мировых запасов фосфатов, существенно возрастает¹⁷. Отметим, что еще до последних событий на международной арене Марокко последовательно наращивало свое влияние в обеспечении поставок фосфорных удобрений, особенно в страны Африки южнее Сахары, по сути используя этот ресурс в качестве важнейшего инструмента мягкой силы для распространения своего регионального влияния. В частности, в 2020 г. Марокко контролировало 54% рынка удобрений на африканском континенте¹⁸.

Реализация этих амбициозных целей удалась благодаря комплексной политике Марокко на протяжении последних десятилетий. Власти Марокко сформировали мощную производственную базу для производства удобрений и развернутую систему поставок местным фермерам в африканских странах через создание совместных предприятий, кооперативов и партнерств на локальном уровне в 12 африканских странах.

Помимо Африки, экспортные позиции Марокко на рынках удобрений сильны и на самом Ближнем Востоке, где мароккан-

ские производители контролируют 30% рынка фосфорных удобрений¹⁹.

Аграрные субсидии и продовольственная безопасность

Целый ряд государств в регионе Ближнего Востока активно использует механизм государственного субсидирования ключевых видов продовольственной номенклатуры как важной меры социальной защиты населения, особенно в период обострения финансового кризиса. При этом страны, максимально обремененные долговыми обязательствами и, соответственно, зависимые от международных финансовых институтов, вынуждены идти навстречу требованиям Международного валютного фонда и Всемирного банка и реализовывать рыночные, либеральные реформы, которые подразумевают, в том числе, и постепенный отказ от продовольственных субсидий в пользу конкурентного рынка. В обмен этим странам предоставляется доступ к финансовым кредитам и грантам. По такому пути в последнее десятилетие активно двигаются Иордания и Марокко. Постепенный отказ от субсидирования продовольствия и топлива является одним из важнейших условий МВФ для разморозки крупного пакета донорской помощи Ливану, где на фоне политического кризиса отсутствует пока внутренний консенсус по этому чувствительному вопросу.

В то же время на середину 2022 года целый ряд стран региона, особенно в Северной Африке, очень сильно зависит от субсидирования продовольствия как ключевого инструмента социальной стабильности. В Египте, Тунисе, Алжире, Сирии, да и Ливане до сих пор политика государства в сфере агропродовольственных субсидий является важнейшим фактором внутренней стабильности.

Наглядным примером взаимосвязи аграрных субсидий и национальной продовольственной безопасности стал Иран, где в мае 2022 года после отмены правительством субсидий на важнейшие продовольственные товары цены на хлеб выросли втрое, а на масло, яйца и куриное мясо – в четыре раза. Итог – продолжающиеся до сих пор массовые протесты населения.

Высокие риски также складываются в Египте, который является ведущим импортером пшеницы в мире. С 2016 года,

следуя настоятельным рекомендациям МВФ, Каир принял четырехлетнюю программу по плавному снятию субсидий на электроэнергию, получив в обмен кредит от фонда на 12 миллиардов долларов США²⁰. При этом, в условиях нынешнего кризиса пшеница остается сырьем стратегической важности для экономической и социальной жизни Египта, и любые колебания и неопределенности в этом комплексном секторе, включая местное производство, рынки и поставки, энергетику и удобрения и прочее могут стать фактором дестабилизации ситуации в стране. Очень многое будет зависеть и от финансовой стабильности Египта и финансовых возможностей правительства оказывать устойчивую поддержку продовольственному рынку через систему субсидирования. В частности, сегодня для фиксации удержания роста продовольственных цен правительство вынуждено расходовать колоссальные ресурсы для ежедневной социальной поддержки свыше 70 миллионов египтян через программу субсидируемого хлеба²¹.

Таким образом, нынешний продовольственный кризис, тесно переплетающийся с финансовым и топливным кризисом, несет в себе существенные риски для стран, зависящих от политики субсидирования продовольствия и аграрного сектора, и требует их финансовой стабильности и обеспеченности ресурсами для продолжения этого курса.

Прогноз продовольственной ситуации на Ближнем Востоке в 2022–2023 гг.

Резюмируя, подавляющее большинство стран Ближнего Востока в среднесрочной перспективе будет лихорадить на фоне разрастающегося продовольственного кризиса, сопровождаемого финансовыми и энергетическими рисками.

С учетом многофакторного характера глобального продовольственного кризиса, а также новых обстоятельств, связанных с преодолением последствий все еще продолжающейся пандемии, и с динамичным развитием геополитической ситуации вокруг украинского конфликта (имея в виду в первую очередь использование продовольственного фактора как инструмента санкционной и геополитической борьбы западных стран против России), ситуация в странах региона будет развиваться разнонаправленно. Комбинация вышеуказанных факторов уда-

рит в первую очередь и наиболее масштабно по беднейшим странам, находящимся в стадии вооруженного конфликта либо гуманитарного кризиса. К ним относятся Йемен, Афганистан, Сирия, Ливан, Сомали, Южный Судан.

В то же время при неудачном совмещении определенных факторов, включая климатические катаклизмы, финансовые проблемы и дефицит либо дороговизну энергоресурсов и топлива, сильно пострадают также и страны, продовольственная безопасность которых, как минимум, на 30–50% обеспечивается за счет местного производства и которые имеют большую численность населения: Египет, Турция, Иран, Ирак. На недавнем примере социальных протестов в Иране такая тенденция хорошо прослеживается. Причем в случае провала аграрного сезона негативные последствия скажутся не только в виде продовольственного кризиса, но и более масштабного социально-экономического кризиса с учетом того, что аграрный сектор обеспечивает существенную часть доходов и занятости населения этих стран.

Особняком стоят богатые арабские страны Персидского залива, которые сейчас существенно пополняют свои бюджеты благодаря росту цен на углеводороды. Но и для них существуют определенные риски. Не стоит забывать, что этот субрегион с точки зрения аграрного производства представляет собой зону повышенного риска с учетом ограниченности их земельных и водных ресурсов и засушливого климата. На арабские страны Персидского залива приходится менее 2% культивируемых земель в мировом обороте, при том что в среднем они импортируют около 85% всего потребляемого продовольствия. При этом импортная зависимость от зерновых в Омане достигает 90%, а в Кувейте, Саудовской Аравии и ОАЭ она выше 95%²².

Тем не менее им удалось значительно нивелировать риски, несмотря на высокую уязвимость от внешних поставок в агропроме. Нужно отметить, что все эти страны подошли к глобальному продовольственному кризису весьма подготовленными. По состоянию на 2021 год все они входят в 30 ведущих стран мира по индексу оценки национальной продовольственной безопасности (лучший – Катар, расположенный на 24-м месте, за ним следуют Кувейт, ОАЭ, Оман и Бахрейн), за исключением Саудовской Аравии, которая в мировом рейтинге стоит на 44-м месте²³.

Высокая степень готовности арабских стран к кризисным угрозам в продовольственном секторе объясняется основательной подготовкой на национальном уровне к такого рода рискам и тщательным планированием. С 1990-х гг. все эти страны уделяли приоритетное внимание и выделяли финансовые ресурсы для обеспечения национальной продовольственной безопасности на фоне высокой зависимости от экспорта и регулярных всплесков мировых цен на продовольствие. Сформированные ими в 2000-е гг. национальные стратегии продовольственной безопасности во многом учитывают риски волатильности продовольственных цен, а также адресуют риски применяемых странами-производителями экспортных ограничений в случае неурожая, климатических рисков или иных проблем.

С другой стороны, арабские страны Персидского залива смогли за последние два десятилетия существенно диверсифицировать и упрочить сеть закупок продовольствия на мировых рынках, что позволяет им активно маневрировать для устойчивого и стабильного обеспечения поставок из других стран основных стратегических видов продовольственной номенклатуры.

При этом многие зависимые от продовольственного импорта страны Персидского залива в последние годы активно инвестировали в земельные ресурсы на африканском континенте. По оценкам, от 0,7% до 1,75% всех сельскохозяйственных земель в мире было скуплено иностранными инвесторами из этого региона, преимущественно из ОАЭ и Саудовской Аравии²⁴. Это позволяет богатым арабским странам адресно инвестировать в монокультуры с ориентиром на собственные нужды, но создает и риски в случае принятия странами-производителями ограничительных мер на вывоз этой продукции при угрозе возникновения продовольственного кризиса и в целях защиты собственной национальной продовольственной безопасности.

На глобальном уровне скорректированные прогнозы экономических экспертов свидетельствуют о рисках проявления масштабного продовольственного голода уже осенью 2022 года. Главным катализатором этого кризиса станет кумулятивное воздействие всех выше обозначенных неблагоприятных факторов при сохранении санкций и геополитического напряжения, что будет поддерживать высокую стоимость энергоносителей и

продовольствия и не позволит восстановить глобальную систему логистических цепочек поставок продовольствия.

Такой сценарий сегодня представляется весьма вероятным. При этом, несмотря на предпринимаемые усилия, многие страны региона так и не смогли создать устойчивые национальные или региональные системы стратегических резервов продовольствия: у большинства из них таких запасов в случае мирового голода остается на 2–4 месяца.

В то же время степень распространения и масштабы гуманитарного кризиса в регионе будут отличаться в зависимости от национальных особенностей и, как минимум, зависеть от двух факторов. Первый – эскалация вооруженных конфликтов (сегодня есть предпосылки к дальнейшей стабилизации в Афганистане и Йемене, но вновь серьезно обостряется ситуация в Ираке и Сирии, пока до конца не ясны последствия гражданских продовольственных бунтов в Иране). Второй – климатические риски, способные подорвать прогнозируемое устойчивое производство продовольствия как внутри региона, так и за его пределами. Например, расчеты ряда стран, включая Египет и ОАЭ, о заключении дополнительных контрактов на поставку пшеницы из Индии не оправдались после сильнейшей засухи в этой стране и соответствующих ограничительных мер.

Резюмируя, подведем итог: даже если удастся избежать острого и масштабного продовольственного кризиса в ближневосточных странах в ближайшие месяцы, совокупное негативное воздействие целого ряда факторов (климатические катаклизмы, вооруженные конфликты, нарушения глобальных логистических поставок и торговли ввиду санкций и односторонних запретительных мер, дестабилизация на рынке удобрений, растущие цены на энергию и топливо) будет в различной степени оказывать прямое негативное воздействие на продовольственную безопасность в большинстве из этих стран, даже наиболее обеспеченных, для которых проблемы экономического доступа к продовольствию в принципе решены.

¹ Global Report on Food Crisis, United Nations, 2022. –

<https://www.wfp.org/publications/global-report-food-crisis-2022>

² A statement by FAO Director General. Meeting of the G7 Ministers of Agriculture, Stuttgart, Germany, 13 May 2022. Securing Global Food Security in

Times of Crisis. – <https://www.fao.org/director-general/speeches/detail/en/c/1512493/>

³ Remarks by FAO Director General. Global Food Security Ministerial Call for Action, 18 May 2022. – <https://www.fao.org/director-general/speeches/detail/en/c/1513186/>

⁴ A statement by FAO Director General. Meeting of the G7 Ministers of Agriculture, Stuttgart, Germany, 13 May 2022. Securing Global Food Security in Times of Crisis. – <https://www.fao.org/director-general/speeches/detail/en/c/1512493/>

⁵ <https://www.interfax.ru/business/837440>

⁶ USDA Foreign Agricultural Service, 2022.

⁷ Global Report on Food Crisis, United Nations, 2022. –

<https://www.wfp.org/publications/global-report-food-crises-2022>

⁸ Maintenance of International Peace and Security – Conflict and Food Security”, Security Council Chamber, New York. Statement by FAO Director General, 19 May 2022. – <https://www.fao.org/director-general/speeches/detail/en/c/1513304/>

⁹ Global Humanitarian Report, 2021. –

<https://reliefweb.int/report/world/global-humanitarian-assistance-report-2021>

¹⁰ <https://www.allaboutfeed.net/animal-feed/raw-materials/beirut-blast-destroys-grain-silo-and-15000-t-of-grains/>

¹¹ Global Report on Food Crisis, United Nations, 2022. –

<https://www.wfp.org/publications/global-report-food-crises-2022>

¹² Global Report on Food Crisis, United Nations, 2022. –

<https://www.wfp.org/publications/global-report-food-crises-2022>

¹³ <https://fortune.com/2022/03/21/fertilizer-prices-record-high-food-crisis-middle-east-starvation/>

¹⁴ Information Note “The importance of Ukraine and the Russian Federation for global agricultural markets and the risks associated with the current conflict”. Food and Agriculture Organization (FAO), 2022. –

<https://www.fao.org/3/cb9013en/cb9013en.pdf>

¹⁵ Global Report on Food Crisis, United Nations, 2022. –

<https://www.wfp.org/publications/global-report-food-crises-2022>

¹⁶ <https://www.middleeasteye.net/news/russia-ukraine-war-middle-east-fertiliser-booms-supply-shocks>

¹⁷ Morocco’s new challenges as a Gatekeeper of the World’s Food Supply: the Geopolitics, Economics and Sustainability of OCP’s Global Fertilizer Exports. Michael Tanchum, January 2022. –

<https://www.mei.edu/publications/moroccos-new-challenges-gatekeeper-worlds-food-supply-geopolitics-economics-and>

¹⁸ Middle East Institute (MEI). Morocco's new challenges as a Gatekeeper of the World's Food Supply: the Geopolitics, Economics and Sustainability of OCP's Global Fertilizer Exports. Michael Tanchum, January 2022. –

<https://www.mei.edu/publications/moroccos-new-challenges-gatekeeper-worlds-food-supply-geopolitics-economics-and>

¹⁹ Statista. - <https://www.statista.com/statistics/1240369/leading-export-destinations-of-fertilizers-from-morocco/>

²⁰ International Monetary Fund (IMF). –

<https://www.imf.org/en/News/Articles/2016/11/11/PR16501-Egypt-Executive-Board-Approves-12-billion-Extended-Arrangement>

²¹ Italian Institute for International Political Studies (ISPI). The spectre of food insecurity in Egypt, April 2022. –

<https://www.ispionline.it/en/pubblicazione/specter-food-insecurity-egypt-34750>

²² Food Security in the Gulf Cooperation Council, by Shira Efron et al, 2018. – https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/external_publications/EP60000/EP67748/RAND_EP67748.pdf

²³ The Global Food Security Index. –

<https://impact.economist.com/sustainability/project/food-security-index/>

²⁴ Food Security in the Gulf Cooperation Council, by Shira Efron et al, 2018/ – https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/external_publications/EP60000/EP67748/RAND_EP67748.pdf

И.И. Стародубцев

ТУРЦИЯ В ПОИСКЕ НОВОЙ РОЛИ: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ НА ФОНЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

С момента распада СССР Турция находится в поиске новой для себя роли. При этом роли не вассальной, как она смотрелась в разгар Холодной войны, когда Турция рассматривалась, и вполне справедливо, в качестве страны, сдерживающей СССР на южном фланге НАТО.

Распад СССР и роспуск Варшавского договора привел к ситуации, когда в странах Советского блока и вокруг них сложилась переходная ситуация, характеризовавшаяся возникновением многочисленных вакуумов силы. При этом заметим, что границы влияния СССР далеко не ограничивались Варшавским договором. Все же СССР был в полном смысле страной-сверхдержавой, имевшей глобальные интересы. Выпадение СССР одномоментно открыло, без преувеличения, невообразимое число окон возможностей. Разумеется, эти возможности не ускользнули от всеобщего внимания, в том числе, от внимания турецкого.

Помимо этого, истекшие годы и месяцы предложили Турции и целый ряд других шансов, которые также были оценены ею в полной мере. Прежде всего речь идет, разумеется, о событиях так называемой «арабской весны», стартовавшей в 2010 году, чьи последствия до сих пор ощущаются в стратегических для Турции странах, в том числе в Сирии и Ливии.

Кроме того, пандемия коронавируса также дала Турции надежду на то, чтобы занять более важное место в мировой торговле.

Рассуждая более глобально, мировые центры силы смещаются в сторону Востока, и это сформировало серьезный вектор в турецкой внешней политике. Говоря же более широко, по мнению турецких обозревателей, Запад, как коллективный, так и на уровне отдельных стран, будь то США или же ЕС,

находясь на своем плато, демонстрирует признаки деградации, за которыми со всей неизбежностью последует ослабление.

Это происходит на уровне «вырождения» западных лидеров, которые выглядят если не членами Политбюро, если говорить о президенте США Джо Байдене, то фриками, чью роль неплохо выполняет премьер-министр Великобритании Борис Джонсон. Можно ли и того и другого сравнить с таким политическим тяжеловесом, как президент Турции Р.Т. Эрдоган? Сколько в мире столь же серьезных «олдскульных» мировых лидеров, и из какой части света они? Они есть, но явно – не из стран Запада.

Деградация старого Запада приводит и к тому, что будет делиться и его наследие. Будь то плохо интегрированные в Запад его новые участники из стран Восточной Европы. Или же, допустим, колониальное наследие Запада в Африке и в Юго-Восточной Азии. Или же подбрюшье США в странах Латинской Америки. Разумеется, это все – пока лишь наследие при ещё живых владельцах, и далеко не факт высокая скорость, с которой они «отбудут в мир иной». Они могут отбывать последовательно или параллельно, с той или иной скоростью.

Но факт остается фактом: их отход в обозримой уже перспективе является данностью, и вопрос заключается лишь в том, кто будет на это наследство претендовать? Какая страна имеет для этого достаточный имперский дух, подкрепленный реальными возможностями? Разумеется, в первую очередь, речь идет о Китайской Народной Республике. И размышления на эту тему не могут не привести ко вполне закономерной мысли о том, что серьезным претендентом на эту должность могла бы стать и Турецкая Республика.

Состоится ли большое возвращение России на мировую арену – это большой вопрос, положительный или отрицательный ответ на который будет получен в ходе и по результатам конфликта на Украине, причем получен уже в самое ближайшее время.

Пока же, как можно судить, турками весьма скромно оцениваются российские перспективы на Украине: российские цели и задачи, на взгляд турок, сейчас оказываются намного уже изначально заявленных и будут ограничены ДНР и ЛНР и не предполагать смены режима в Киеве¹.

При этом ущерб России от действий её руководства, на взгляд ведущих турецких обозревателей, может оказаться

таков, что Украина будет претендовать на роль «второго Афганистана» даже с более разрушительными факторами для страны (справедливыми они в итоге окажутся или нет, разделяют ли их в России или нет – это отдельный вопрос – прим. авт.), включая, но не ограничиваясь: беспрецедентными санкциями со стороны Запада, способствующими разрушению сырьевой по своему характеру российской экономики, изоляцией России от экономических центров силы, ростом недовольства внутри России, как среди простых граждан, так и олигархов, помноженным на психологическую травму от войны с братским украинским народом и проч.

При этом, сразу стоит оговориться, что все перечисленные выше процессы являются нелинейными, крайне сложными с точки зрения своей динамики, на них оказывает влияние множество зачастую неформализуемых факторов.

Это требует от той же Турции серьезной аналитической работы и большой гибкости, которая должна учитывать и процессы внутри самой страны, и те ограничения, которые у самой страны имеются. Речь идет, разумеется, об: а) экономических возможностях страны, б) о 20-летнем периоде нахождения нынешнего турецкого руководства у власти с необходимостью организации плавного транзита, который не нарушил бы непрерывную логику процесса.

Допустим, у того же Китая транзит организуется самим тем фактом, что во главе страны стоит КПК, и это означает неизменность курса при возможности смены официального рулевого. У России, которая стремится к возвращению себе сверхдержавного статуса, транзит власти может быть обеспечен процедурой «назначения преемника».

Что же до Турции, то у неё нет в наличии ни первого, ни второго варианта – ни жесткой системы в виде «единственного и верного рулевого», ни достаточно пластичного электората, которому достаточно «краткого представления преемника» для того, чтобы был достигнут необходимый, положительный результат у избирательной урны.

Так что Турции приходится проделывать огромную мыслительную работу, которая бы компенсировала имеющиеся у страны недостатки и пробелы. Причем заметим, что недостатки и пробелы – достаточно серьезные, которые обуславливают далеко не 100%-й положительный исход по имеющимся у Турции планам.

Заметим, что у Турции – достаточно серьезный аналитический потенциал, в том числе на уровне мозговых центров. Прежде всего мы имеем в виду Фонд политических экономических и социальных исследований Турции (SETAV)² – официальный «придворный» мозговой центр, который не просто проводит множество исследований, но и публикует различную литературу – быстро и на злобу дня.

Есть другие, менее известные мозговые центры, которые работают и при Министерстве иностранных дел Турции, и при государственной телерадиовещательной компании TRT. Отдельных слов заслуживают и «гиперактивные» турецкие некоммерческие организации, счет которым идет на десятки тысяч. Разумеется, их возможности и влияние различаются, но все вместе они могут создавать кумулятивный эффект «затапывания слона муравьями».

Отдельных слов заслуживают и лица, принимающие решения в Турции.

Надо ли говорить о том, что президент Р.Т. Эрдоган позиционирует себя не просто как президента страны, и даже не просто как лидера мирового уровня. Он позиционирует себя как идеолога 21-го века, говоря о том, что миру нужен новый уклад, поскольку уклад предыдущий, возникший после 2-й Мировой войны, на его взгляд, уже устарел. Квинтэссенцией этого является известный турецкий слоган «Мир – больше пяти!». Более развернуто эта идея оформлена в виде ряда публикаций турецкого лидера, в том числе в его статьях для ведущих мировых СМИ, которые предваряют его зарубежные визиты. Это стало для турецкого руководства «доброй традицией» последнего времени. В сентябре 2021 года Р.Т. Эрдоган опубликовал свой труд – книгу под заголовком «Более справедливый мир – возможен!»³, которую он, переведя на иностранные языки, вручает своим зарубежным визави.

За турецким лидером интеллектуальным путем следует и его ближайшее окружение. Разумеется, первый, кого в этом смысле в хронологическом порядке можно вспомнить, – это бывший премьер-министр, до этого министр иностранных дел, до этого научный работник проф. Ахмет Давутоглу, написавший свою книгу «Стратегическая глубина», изданную на многих языках мира и подробно нами разобранный для Института Ближнего Востока.

Регулярно публикует свои статьи и пресс-секретарь турецкого президента Ибрагим Калын. В конце 2021 года глава

Управления по связям с общественностью при Администрации президента Турции Фахреттин Алтун издал свою книгу под заголовком «Турция – как стабилизирующая сила в эпоху потрясений»⁴. Издал он её, заметим, сразу на английском языке, ибо обращена она, в первую очередь, не к турецкой публике, а во внешний мир. В начале 2022 года книгой отметился и бывший министр казначейства и финансов, до этого бывший министр энергетики и природных ресурсов, зять президента Р.Т. Эрдогана – Берат Албайрак, которому даже прочили то, что он может стать преемником турецкого лидера (по крайней мере, на момент написания данной статьи этот план можно считать неактуальным – прим. авт.). Издал он книгу, заголовок которой с турецкого языка можно перевести как «Это место (имеется в виду Турецкая Республика) – очень важно!»⁵. И это – лишь отдельные примеры турецкой активности.

С другой стороны, президент Р.Т. Эрдоган создал правительство «технократов», в профессионализме которых, сообразно с их бэкграундом, сомневаться не приходится. В этом смысле мы не вполне разделяем мнение тех оппозиционных критиков турецкой власти, которые говорят о том, что «авторитаризм президента Эрдогана» привел к тому, что самые квалифицированные и мыслящие кадры покинули руководящие посты. Тут не все так просто. Хотя и нельзя не согласиться с тем, что эти рассуждения не совсем уж беспочвенны с учетом, допустим, той кадровой чехарды, которая творится с назначениями и снятиями со своего поста глав ЦБ ТР в последние несколько лет после их споров с президентом Р.Т. Эрдоганом.

Впрочем, на то и создавалась турецкая вертикаль власти, чтобы наделить президента особыми полномочиями, которые должны сделать страну «более эффективной» и мобильной в условиях, когда страны с более сложными, многоступенчатыми и многосторонними процедурами принятия решений неизбежно будут тормозить и буксовать.

Какие действия были предприняты Турцией с целью воспользоваться возникающими окнами возможностей, и на каких направлениях? Прежде всего Турция стала одной из стран, которые первыми признали образование новых независимых государств после распада СССР, и установила с ними дипломатические отношения.

Вплоть до настоящего времени, наиболее успешными кейсами сотрудничества Турции со вновь образовавшимися стра-

нами являются, пожалуй, три турецкие инициативы. Их можно считать стратегическими, столбовыми направлениями движения на постсоветском пространстве.

Во-первых, развитие близких, союзнических отношений с Азербайджаном под лозунгом «Два государства, один народ». Подписание и ратификация Шушинского соглашения в феврале 2022 года⁶ ознаменовали переход турецко-азербайджанских отношений на качественно новый, союзнический уровень. Заметим и то, что проявленная Турцией принципиальность в 2009 году, когда в Женеве были подписаны, но не ратифицированы Протоколы с Арменией, и именно из-за неурегулированности вопроса Нагорного Карабаха, сделала Шушинское соглашение спустя 12 лет возможным.

К 2021 году упомянутый выше слоган получил расширенное звучание: «Два государства, один народ, одна сила». В том смысле, что речь уже идет о военно-политическом союзе между Турцией и Азербайджаном. Предвестником полноценного появления которого становится то, что теперь уже планируется проведение совместных заседаний Советом национальной безопасности Турции и Азербайджана.

Уже сегодня, за 30-летний срок, истекший после распада СССР, Азербайджан смотрит не в сторону России (где, вообще говоря, проживает крупнейшая зарубежная азербайджанская диаспора – прим. авт.), и даже не в сторону Запада (который в ходе «Карабахской осени» оказался попросту не у дел), а в сторону Турции. Сегодня Турция и Азербайджан связаны такими отношениями, какими в свое время были связаны между собой Россия и Украина. И разорвать их можно только ценой больших и многолетних усилий.

В этом смысле лишь только заметим, что Шушинское соглашение прямо говорит о наличии общих ценностей между Турцией и Азербайджаном и о том, что их необходимо совместно продвигать с использованием потенциала двух диаспор – турецкой и азербайджанской. Синергический эффект действий Турции и Азербайджана в ходе конфликта в Нагорном Карабахе оказался столь серьезным, что, допустим, в информационном смысле турецко-азербайджанскому альянсу удалось одержать крайне убедительную победу.

Второй важнейший турецкий актив на постсоветском пространстве оказался и весьма парадоксальным, одновременно. Речь идет о выстраивании особых отношений между Украиной

и Турцией. И тут опять же достаточно любопытным образом сработала та самая турецкая «принципиальность», что помогла Турции и в ходе выстраивания ее долгосрочных отношений с Азербайджаном. Просто стоит задаться вопросом: могли бы турки прийти с Азербайджаном к Шушинским соглашениям, если бы в 2009 году Турция под давлением международного сообщества и в присутствии госсекретаря США Х. Клинтон и министра иностранных дел С. Лаврова не только подписала Протоколы с Арменией, но и позже их ратифицировала бы? Нет, если бы это случилось, – это не было бы стратегическим поражением «любой» Турции вообще. Но это было бы стратегическим поражением для Турции «имперской», чьи интересы далеко выходят за рамки границ страны.

Та же самая модель «территориальной принципиальности» продемонстрировала свою эффективность и в других регионах бывшего советского пространства, терзаемых территориальными спорами. Например, Турция продолжает поддерживать территориальную целостность Грузии после российской операции по «принуждению к миру» летом 2008 года.

Но, конечно же, Грузия пока ярким примером не стала, в отличие от Украины, где Турция официально поддерживает территориальную целостность страны, после событий т.н. «Крымской весны» 2014 года, когда полуостров вернулся в состав Российской Федерации.

Заметим, что Турция прямо не приложила никаких экономических или военных усилий по тому, чтобы содействовать возвращению Крыма в состав Украины. Не было ни отправлено военных на территорию Украины, ни введено экономических санкций против России, в отличие от тех же стран Запада. Даже более того, Турция строила и строит плодотворные торгово-экономические отношения с Российской Федерацией, которые включают и реализацию двумя странами долгосрочных, стратегических проектов, в том числе и тех, которые вызывают на Украине немалую озабоченность, если не сказать раздражение.

Речь идет, в первую очередь, о проекте «Турецкий поток», который шунтирует транзит газа по территории Украины. Украина много раз высказывалась и против проекта строительства АЭС «Аккую», считая, что он недопустимо крепко привяжет друг к другу Россию и Турцию. Не говоря уже о поставках Турции со стороны России систем С-400, которые потенциально

могут способствовать более тесной кооперации между двумя странами в сфере военно-технического сотрудничества.

Однако Турция не просто говорит подчеркнуто громко и регулярно на всех доступных ей площадках (и здесь она отнюдь не лукавит – прим. авт.) о том, что она не признает Крыма в составе России. Турция является активной участницей и так называемой Крымской платформы⁷, созданной Украиной, чьей целью, собственно, и обозначено возвращение Крыма в состав Украины. Демпфером в отношениях между Турцией и Россией же служат как раз те самые торгово-экономические отношения и стратегические проекты, про которые мы уже сказали раньше.

И если в случае с Азербайджаном венцом работы стало подписание Шуминского соглашения в июне 2021 года, то с Украиной такой победой, такими долгосрочными скрепами стал пакет документов, подписанный в ходе визита в Киев президента Р.Т. Эрдогана в феврале 2022 года, который включал в себя, в частности, Соглашение о свободной торговле между двумя странами. Помимо этого, были достигнуты договоренности о развитии сотрудничества в сферах авиации и космоса, оборонно-промышленного комплекса и даже в сфере молодежной политики и правильного воспитания подрастающего поколения⁸. Турецкие строительные компании занимают существенную долю на украинском рынке, а турецкие холдинги участвуют в приватизационных мероприятиях, объявленных на Украине, включая и приватизацию морских портов. Между двумя странами существует режим проезда по внутренним удостоверениям личности – то есть, не только без виз, но даже и без заграничных паспортов.

Что это, как не возвращение Турции на северный берег Черного моря и на Кавказ, после её вытеснения оттуда Российской Империей?

И, наконец, венцом турецких усилий на постсоветском пространстве является Совет сотрудничества тюркоязычных государств, преобразованный на Саммите в Стамбуле в Организацию тюркских государств⁹. Случился этот Саммит в ноябре 2021 года, в ходе него председательство перешло к Турции. Заметим одну немаловажную вещь: эта организация создана в 2009 году отнюдь не только по инициативе Турции. У истоков этой организации стоял Казахстан и лично его первый президент Н. Назарбаев.

То есть нельзя говорить о том, что Организация тюркских государств создана лишь только по желанию самой Турции. Речь идет о том, что она создана в развитие имеющейся потребности вновь образовавшихся стран иметь свой собственный «клуб». На Запад их «не примут», а возвращаться в проекты России – это для них, ищущих свою национальную идентичность и пробующих на вкус свою независимость, – это, безусловно, вчерашний день. Сейчас преобладают центробежные силы, расходящиеся в стороны именно от России. И такова физика этого «взрыва», случившегося при распаде СССР.

Промежуточным итогом стало то, что в Стамбуле в ноябре 2021 года были подписаны крайне важные, стратегические документы для Организации, включая Совместную декларацию из 121 пункта, «Видение – 2040» и дорожную карту по реализации достигнутых договоренностей¹⁰.

Безусловно, в этих документах – достаточно много желаемого, выдаваемого за действительное. Однако это – безусловно нормально, если только «желаемое» достаточно конкретно. А во-вторых, оно должно рассматриваться в качестве той линии горизонта, к которой любое начинание стремится. А стремится тюркское пространство к «вековому пробуждению тюрков», о котором объявил и лично президент Р.Т. Эрдоган. «Видение – 2040», по сути, нацелено на то, чтобы Организация тюркских государств, объединив Азербайджан, Казахстан, Киргизию, Узбекистан, Турцию, а также Туркменистан и Венгрию (ныне две последние страны пребывают в статусе наблюдателей – прим. авт.), стала бы своего рода «тюркским Евросоюзом» с единым экономическим пространством. Лишь с тем небольшим отличием, что Турция пытается придать этому объединению ещё и военно-политическое измерение. Отсюда – все эти разговоры про «армию Турана».

2022-й год – это год председательства Турции в Организации тюркских государств, и, как представляется, важнейшей задачей, которую ставит перед собой турецкое руководство на этот год – добиться того, что будет достигнуто решение о создании тюркских сил оперативного реагирования по аналогии с ОДКБ. И ещё одна крайне важная деталь, которую нельзя упускать из виду, заключается в том, что турецкий язык не делает различий между турками и тюрками (как не знает он, к слову сказать, различий между русскими и россиянами – прим. авт.). Это дает четкое понимание того, что на самом деле

на турецкий слух Организация тюркских государств – это именно Организация турецких государств. Так же она воспринимается и турецкими обывателями.

Как мы видим, на постсоветском пространстве в 30-летний юбилей образования новых независимых государств Турцией достигнуты несомненные, бесспорные, зримые успехи, которые не могут быть поставлены под сомнение.

Это – лучший ответ на тот скепсис, который являли отдельные официальные лица России, когда пренебрежительно отзывались о Совете сотрудничества тюркоязычных государств, который характеризовался ими именно как чисто гуманитарная организация, не имеющая перспектив перерасти во что-то большее. По причине того, что Турция – это не Германия и не Франция, поднявшие ЕС на своих широких экономических возможностях. Однако подчеркнем, что факты говорят об обратном. А клуб тюркских государств – это, конечно же, не клуб самых зажиточных стран мира, а клуб стран, которые стремятся к революционным преобразованиям не только в своем регионе, но и в мире. А этому излишняя зажиточность только вредит, ибо заставляет людей думать больше о сохранении, нежели о преобразовании.

Второй «исторический шанс», о котором нами было написано выше, предстал перед Турцией в 2010 году в облике событий «арабской весны», прокатившейся по Ближнему Востоку и Северной Африке. Как изначально предполагалось зарубежным, в том числе, и турецким аналитическим сообществом, «весеннее обновление» региона приведет к тому, что в массовом порядке региональные монархии и диктатуры будут отлучены от власти и на смену им придет более современный и прогрессивный, на взгляд ряда наблюдателей, политический ислам.

Однако, как выяснилось, «ветер перемен» оказался не таким уж сильным, чтобы это стало реальностью, хотя и местами дул с «порывами» и снес «несколько крыш». Порывов этого ветра хватило на то, чтобы запустить гражданские войны в Сирии и Ливии, каждая из которых нанесла немалый ущерб Турции, турецкой экономике и её интересам. В случае Сирии можно отметить те 4 млн сирийских беженцев, которые прибыли в Турцию, и расходы на обеспечение пребывания которых на территории страны оцениваются турками в миллиарды долларов.

Помимо этого, Турция оказалась непосредственно втянута в перманентно тлеющий конфликт с Сирией, который вплоть до настоящего времени не является урегулированным. И последнее обстоятельство, которое представляется наиболее важным: речь идет об угрозе образования так называемого «Большого Курдистана», чьи части могут быть составлены, в том числе, и из осколков Сирии. Среди других частей, которые могут, пока чисто теоретически, «подтянуться», собираясь в единое курдское государство, можно назвать регионы компактного проживания курдов в Иране, Ираке и в Турции.

Фрагментация Сирии запустила данный процесс, который тлеет при непосредственной поддержке со стороны Соединенных Штатов Америки, которые поддерживают курдские Силы народной самообороны и Партию «Демократический союз» вопреки настойчивым протестам со стороны турецкого руководства «положиться» на них в регионе. Сегодня фактор курдского сепаратизма и терроризма объявлен важнейшей угрозой национальной безопасности страны.

Не многим лучше развернулась у Турции ситуация по другим направлениям. Про Египет мы не говорим по понятным причинам: там страна от чего ушла, к тому и пришла – к военной диктатуре, через краткий период нахождения во власти партии «Братьев-мусульман», поддерживаемых турецким руководством.

Однако в той же Ливии Турция серьезно проиграла, и дело даже не только и не столько в том, что турецкие строительные подрядчики потеряли ту страну, с которой они начали свое, без преувеличения, триумфальное шествие по миру и которая долгие годы по объему заключаемых сделок была для них страной №1 – №2.

Речь идет о том, что Турцией с правительством Муаммара Каддафи готовилось соглашение о разделении исключительных экономических зон в Средиземном море вместе с их богатейшими газовыми месторождениями. При этом речь шла о том, что турецко-ливийское видение карты Средиземного моря всерьез отличалось от видения «газового консорциума» в составе Греции – Республики Кипр – Израиля – Египта. Будучи реализованным, это видение превращало Турцию в страну-обладательницу богатых газовых месторождений, меняя знак итоговой строки в турецком бюджете и сальдо внешней

торговли с устойчиво отрицательного на устойчиво положительный.

Поэтому Турция была той страной, которая, поддерживав в общем и целом события «арабской весны», пыталась спасти М. Каддафи от его свержения. Сегодня турецкие строители продолжают активно, хотя и рискованно, работать на осколках Ливии. Разумеется, что у них нет ни прежнего уровня доходов, ни прежнего уровня спокойствия при работе в этой стране. Регулярно просачивается информация о похищениях турецкого персонала, работающего на ливийских стройках, – иногда с последующим требованием выкупа, иногда речь идет о пропаже без вести.

Соглашение о разделении исключительных экономических зон в Восточном Средиземноморье Турция в итоге подписала с поддерживаемым ею Правительством национального согласия Ливии. Однако его практическая реализация затруднена как высоким противодействием со стороны соперников Турции (в первую очередь Греции и Республики Кипр), так и фактом раздробленности Ливии и неутихающей там гражданской войной. Как бы то ни было, Турция обращается ко всем сторонам так называемого газового консорциума, включая Грецию, Республику Кипр, Египет и Израиль, с двумя основными тезисами.

Тезис № 1 заключается в том, что Греция и Республика Кипр некорректно провели границы своих исключительных экономических зон, нанеся территориальный ущерб не только Турции, но и Египту и Израилю. Греческий подход подразумевает то, что прочерчивание линии идет по принципу, когда гряда островов приравнивается к полноценной береговой линии. При этом получается, что материк, населенный и с развитой экономикой, приравнивается даже к пустым островам.

Тезис № 2 заключается в том, что наиболее быстрый и экономичный путь по доставке энергоносителей Восточного Средиземного моря на европейский рынок проходит по сухопутной территории Турции – как противовес морскому трубопроводу, который соединит остров Кипр (греческую часть) и Грецию. Морской маршрут трудно реализуем, весьма дорогостоящ и, как подчеркивается турецкими официальными лицами, является политически мотивированным.

Отметим, что вплоть до последнего времени у Турции не получалось убедить страны «газового консорциума» скорректировать свои планы и учесть «рациональные и полезные для

всех» планы Анкары. Заметим, что это пока – один из тех случаев, когда Турции не удалось продвинуть исповедуемый ею внешнеполитический принцип о возможности реализации стратегических проектов в сфере экономики, несмотря на политические разногласия. Впрочем, заметим, что большая игра в Восточном Средиземном море, сулящая перекарройку всего рынка природного газа, продолжается и свои коррективы может внести специальная военная операция России на Украине.

В контексте того, что в интересах Запада как можно быстрее заместить Россию, Турция может оказаться со своими предложениями весьма востребованной, поскольку, и правда, её предложение по транспортировке газа Восточного Средиземного моря с использованием существующей у Турции газотранспортной системы является рациональным по срокам и по объему необходимых инвестиций.

Другой вопрос для Турции – это стремление «нарушить стройность конструкции» газового консорциума: понятно, что ни с Грецией, ни с Республикой Кипр Турции договориться практически невозможно. Это – крайне длинная история, и как представляется, бесконечные раунды переговоров с Грецией и даже инклюзивная конференция по Восточному Средиземному морю делу не помогут.

Остаются две страны: Израиль и Египет. Между первым и Турцией – труднопреодолимые разногласия по палестинскому вопросу, между вторым и Турцией – заметно более абстрактная взаимная неприязнь, замешанная на взглядах руководства Турции на военные диктатуры в принципе, особенно на те, которые пришли к власти через свержение законного правительства «Братьев-мусульман». Впрочем, как бы то ни было, в настоящее время Турция продолжает именно с Израилем и Египтом свои затяжные переговоры, направленные на нормализацию отношений. Невзирая на трудность этого процесса, в Турции не ослабляют хватки в Восточном Средиземном море. Поскольку, повторим очевидное: Турция со своим природным газом и Турция без газа – это две разные страны, как в плане экономических возможностей, так и политического веса. Если «без газа» означает устойчивое место во втором десятке мировых экономик по ВВП, то «с газом» моментально вводит Турцию по этому показателю в первый десяток.

Возвращаясь к неслучившемуся (пока) «весеннему реформатированию» Ближнего Востока и Северной Африки, за-

метим следующее: результатом действий Турции (совместно с Катаром) по поддержке «весенних перемен» на Ближнем Востоке и в Северной Африке стало резкое охлаждение отношений с теми самыми монархиями и диктатурами, по чью «душу» пришел политический ислам. 2010-е годы прошли под знаком весьма прохладных отношений между Турцией и аравийскими монархиями, прежде всего Саудовской Аравией и Объединенными Арабскими Эмиратами.

Яркими событиями этих двусторонних отношений для Турции следует считать, как минимум, два эпизода. Первое – это введение санкций со стороны КСА по отношению к Турции в части доступа её товаров и услуг на саудовский рынок. Говоря о последнем, имеем в виду рынок строительно-подрядных услуг, куда одновременно турецкие строительные компании потеряли доступ. При том, что рынок этот – один из самых емких и перспективных для Турции с точки зрения её компетенций и потенциала.

В связи с турецко-саудовскими дипломатическими войнами нельзя не вспомнить и убийство оппозиционного саудовского журналиста и обозревателя Джамала Хашогги в октябре 2018 года на территории Генерального консульства КСА в Стамбуле¹¹. В этом преступлении Турция обвинила высшее руководство Саудовской Аравии, в первую очередь наследного принца.

На протяжении всех четырех лет с момента убийства Турция была той страной, которая говорила об этом вопиющем акте буквально на всех возможных международных площадках, прямо указывая на наличие у неё аудиозаписи момента убийства, но не предоставляя её для ознакомления широкой общественности. Как сообщили турецкие официальные лица, они её «прокручивали» своим зарубежным партнёрам, включая в первую очередь США, но не обнародовали для широкой публики, сохраняя себе пространство для будущего политического маневра.

И следует полагать, что даже те шаги по нормализации отношений между Турцией и КСА, которые наблюдаются в последнее время, вряд ли способны привести к тому, что турецкая сторона окончательно оставит данный вопрос «в покое». Карта убийства оппозиционного саудовского журналиста по-прежнему остается в турецкой колоде.

Другое дело, что тема убийства Джамала Хашогги, помимо чисто криминального аспекта, имеет, безусловно, и политиче-

ское измерение, причем в сферах именно большой политики, где можно обнаружить, помимо собственно КСА и Турции, на чьей территории было совершено убийство, еще и США, которые желают продавать саудовцам оружие без возмущенных правозащитных голосов, вопрошающих: «Кому вы его продаете?».

Как бы то ни было, в последнее время Турция и КСА демонстрируют между собой очевидные шаги навстречу друг другу. Ну, а наличие аудиозаписи, чья ценность в неопубликованном состоянии куда выше, чем в опубликованном, лишь только «скрепляет» эти противоречивые отношения.

Как и в отношениях между Турцией и ОАЭ, которые на протяжении ряда лет обвиняли друг друга во вмешательстве во внутренние дела. ОАЭ обвиняли Турцию и Катар в поддержке деятельности организации «Братья-мусульмане» на своей территории, что в итоге привело к попытке блокады Катара арабийскими монархиями и присоединившимися к ним государствами в 2017 году. К попытке, прорванной через активное и немедленное вмешательство со стороны Турции, с которым, заметим, монархии Залива не смогли ничего поделать.

Турция же обвиняла ОАЭ в том, что те были одними из стран, стоявших за попыткой военного переворота в ночь с 15 на 16 июля 2016 года. Иными словами, получается, что ОАЭ поддержали проживающего на территории Пенсильвании (США) беглого проповедника Фетхуллага Гюлена.

Опять же вмешательство ОАЭ во внутренние дела Турции не вызывает сомнений хотя бы потому, что с территории Эмиратов на протяжении достаточно долгого времени, используя средства Youtube, вещал беглый турецкий мафиози Седат Пекер не только с оскорблениями в адрес действующего руководства Турции, но и с громкими разоблачениями¹².

Одним из самых часто упоминаемых руководителей в выступлениях турецкого мафиози был министр внутренних дел Турции Сулейман Сойлу, чья популярность в Турции была на определенном этапе его политической карьеры достаточно велика, чтобы его можно было рассматривать даже в качестве потенциального преемника Р.Т. Эрдогана на президентском посту. Сейчас же можно констатировать, что эта тема несколько отошла на второй план, возможно, до поры до времени. В конце концов, на ближайших по времени президентских выборах, которые состоятся в 2023 году, будет баллотироваться именно президент Р.Т. Эрдоган. А появление кандидата-

преемника от партии власти может стать актуальным, самое ближайшее, в 2029 году.

Как бы то ни было, сейчас Турция переживает период нормализации отношений с теми самыми арабийскими монархиями, с которыми уже десятилетие находилась на уровне серьезной конфронтации. Во многом это объяснимо той непростой экономической ситуацией, в которой находится сейчас Турецкая Республика в преддверии президентских и парламентских выборов, которые должны состояться в июне 2023 года. Турции нужно оперативно привлечь в свою страну как прямые иностранные инвестиции, так и «горячие деньги» для демпфирования галопирующей инфляции и падения курса турецкой лиры, которые наблюдаются все последние месяцы. И здесь она готова рассчитывать и на арабийскую поддержку.

К слову сказать, в этом смысле свои корректировки в список возможных источников привлечения в Турцию новых инвестиций может внести и спецоперация России на территории Украины: речь может идти не только о ближневосточных государствах, но и даже о европейских державах, которые ставят на ближайших выборах на оппозиционную коалицию и их кандидата. Однако желание Запада привлечь Турцию на свою сторону в вопросе изоляции России может пересилить: Запад, как мы видим из его шагов и заявлений кризисного периода, пересматривает (тактически) свои отношения с Турцией.

Принципиальный вопрос: означает ли нынешняя турецко-арабийская нормализация, что Турция изменила свою принципиальную позицию в том, что монархии и диктатуры должны смениться политическим исламом? Означает ли это, что Турция отказалась от своего мнения о том, что она может послужить «моделью для сборки» «улучшенной версии» Ближнего Востока? Иными словами, можно ли считать, что Турция больше не видит для себя «окон возможностей» для наращивания своего влияния на Ближнем Востоке и в Северной Африке? Как можно судить из заявлений официальных лиц Турции, об этом говорить не приходится.

Можно считать, что Турция только поставила эти процессы на паузу, поскольку на данном историческом отрезке времени, они не могут «разрешиться» в предсказанном ею направлении. Однако это отнюдь не означает того, что, на турецкий взгляд, данные процессы являются неизбежными. В этих условиях действия Турции по нормализации текущих отношений с КСА и

ОАЭ смотрятся рациональными и оправданными, лишенными той поспешности, которую страна демонстрировала в самом начале «арабской весны» в 2010 году.

Когда мы говорили об «историческом шансе» для Турции в связи с разразившейся в 2020 г. пандемией коронавируса, что мы имели в виду? Самым главным было то, что находившийся на тот момент во власти президент США Дональд Трамп озвучил официальную американскую (читай, западную) позицию, что виновной в пандемии следует считать Китайскую Народную Республику вне зависимости от того, является ли вирус естественным по своему происхождению или же искусственным. А где есть виновник, – там должно быть и наказание в виде международных санкций, которые могли применяться по отношению к китайским товарам и услугам на международных рынках.

Здесь Турция достаточно быстро выступила с тезисом о том, что она по своему промышленному потенциалу может заменить Китай и обеспечить непрерывность поставок необходимых Западу товаров и услуг. Заметим, что это, в изрядной степени, всё же была выдача желаемого за действительное со стороны турок, которые кинулись даже не на подвернувшуюся, а на замаячившую теоретическую возможность.

Впрочем, данная возможность в ожидаемом изначально объеме не реализовалась. Ко власти в США пришла администрация Джо Байдена, имеющего иной, менее радикальный взгляд на положение Китая в мире и не декларирующего намерения по его изоляции. Вместе с этим наряду с угасанием пандемии «провис» и турецкий тезис о возможности замещения Китая. Заметим, что он не выдерживает критики с точки зрения несопоставимости экономик двух стран, однако демонстрирует турецкую готовность использовать любую возможность, пусть даже весьма призрачную. К настоящему времени можно сказать, что тезис «заместим Китай» остался для Турции в прошлом.

Говоря о тех возможностях, которые рассматривает для себя Турция в обозримой перспективе, нельзя не сказать и о турецком взгляде на Запад, прежде всего на Европу. Совершенно очевидно, что речи о принятии Турции в состав Европейского Союза не идет. Скорее уже в ЕС примут Украину, на территории которой (на момент написания статьи, апрель 2022 г.) Россия проводит «специальную военную операцию». Украина уже оформила свою заявку, и она будет рассматриваться по особой процедуре, в кратчайшие сроки.

Заметим сразу, что такой подход вызвал крайнее раздражение в Турции тем, что европейцы исповедуют подобные двойные стандарты, не принимая турецкую заявку уже не одно десятилетие, невзирая на несопоставимость уровней развития Турции и Украины.

Однако в чем же тогда окно возможностей для Турции в ЕС, если в этот клуб Турцию никто принимать не собирается? Окно возможностей для Турции – это многочисленная, многомиллионная диаспора выходцев из Турции, проживающих на территории Европы.

Именно с ними Турция проводит активную работу, которая направлена на то, чтобы, во-первых, выходцы из Турции не теряли связи со своей родиной и чтобы не потеряли своего культурного кода во втором и даже в третьем поколении своего исхода. Речь уже идет именно о третьем поколении турок, если вспомнить, что соглашение о трудовой миграции, подписанное между Германией и Турцией, отметило в 2021 году свой 60-летний юбилей¹³. Что характерно, германское руководство признает тот вклад, который вносят турки в развитие страны в условиях нехватки у Германии своей рабочей силы.

Второе, это разумеется, общий взгляд турецкого руководства, который заключается в том, что Турция не возражает против того, чтобы у турок было как можно больше гражданств различных стран мира. Делая перефраз крылатого в России выражения, турецкое руководство призывает своих граждан «брать паспортов столько, сколько они могут унести». Этот подход контрастирует с позицией ряда стран мира, включая Россию, которые более осторожны в таких вопросах. У Турции, в свою очередь, нет проблем с ростом численности населения: ежегодно оно прирастает приблизительно на 1 млн человек и есть вопросы с созданием новых рабочих мест. С другой стороны, турецкое население является достаточно пассионарным, склонным к предпринимательской деятельности, причем, что характерно, не только внутри страны, но и за рубежом. И, наконец, с третьей стороны, турки являются большими патриотами своей страны и держатся за свою культуру, даже находясь на протяжении достаточно долгого времени за границей. При этом отчетливо понимая, что если не в первом и не во втором, то в третьем поколении переселенцев возникают процессы отдаления от своей родины, турецкое руководство ставит перед зарубежными отделениями своих агентств мягкой

силы задачу, чтобы они свои усилия направляли на то, чтобы удерживать своих граждан «в обойме» – через языковые курсы турецкого языка, через прочие образовательные программы, через различные совместные активности.

Так что у турецкого руководства уровень опасений терять население страны – пониженный, по сравнению с той же Россией. Но все, разумеется, определяется практической работой. Не веди турецкое руководство деятельности в своей европейской диаспоре, тогда уже в первом поколении оно получило бы выходцев из Турции «космополитов и мультикультуралистов».

Третье – это призыв к турецким гражданам становиться как можно более активными участниками политической, экономической и социальной жизни тех стран, куда они прибыли на ПМЖ. Этот призыв со стороны турецкого руководства сопровождается и поддержанием контакта с теми гражданами, которые добились успеха за рубежом, и, разумеется, освещением их успехов на родине в средствах массовой информации. Любой мало-мальски достигнутый успех моментально отмечается турецкими «компетентными органами», будь то попадание турецкого депутата в Бундестаг или же просто победа на муниципальных выборах в Германии. По реестрам турецких (по происхождению) депутатов и вообще ведется подсчет и отмечается рост их численности из года в год.

Изложенное выше к настоящему времени уже превратило Турцию в полноценного политического игрока на европейской территории. Понятно, что ЕС настороженно относится к такому укреплению, но поделаться с ним, по большому счету, ничего нельзя: Турция – в своем законном праве поддерживать диалог со своими гражданами, вне зависимости от территории их нахождения. В случае проживания их за рубежом этот контакт обеспечивается зарубежными дипломатическими учреждениями страны, посольствами и консульствами.

Надо ли говорить о том, что одним из ключевых направлений работы Турции за рубежом, опять же – прежде всего в Европе, является борьба с проявлениями так называемой «исламофобии», отстаивание прав своих граждан или выходцев из Турции, находящихся за рубежом, обеспечение их базовых потребностей, к примеру, отправления религиозных обрядов в Европе.

И надо отметить, что «вода камень точит» и постепенно Турция заставляет говорить с собой Европу по поводу про-

блем, существующих у своего исламского населения. Эта ситуация несколько напоминает ситуацию миротворчества и посредничества Турции в отношениях между Россией и Украиной: сначала такое предложение смотрится абсурдным, потом странным. Затем его нехотя Россия, в первую очередь, принимает. По состоянию на момент написания данного материала (апрель 2022 г.) Турция подходит к тому, чтобы заместить собой Беларусь как основную площадку диалога между российской и украинской переговорными группами.

Аналогичная ситуация складывается и в отношениях, допустим, между Турцией и той же Германией. Сегодня Турция продолжает, к примеру, настаивать на том, чтобы Турецко-германский институт был создан не только на территории Турции, но и на территории Германии, и просит выделить ей для этого «территорию». При этом турецкое руководство и лично президент Р.Т. Эрдоган настаивают на том, чтобы в Германии существовал религиозный (разумеется) исламский факультет¹⁴. Для того, чтобы воспитывать религиозные кадры, нехватка которых, как настаивают турецкие руководители, ощущается в стране. Многие, заметим, склонны недооценивать значимость этого шага, однако турецкое руководство прекрасно понимает выигрышность той ситуации, когда именно оно будет непосредственно участвовать в подготовке религиозных кадров, которые затем будут проповедовать мусульманом Германии. Причем, заметим, что не только тем мусульманом, которые имеют турецкое происхождение, но и всем мусульманам в принципе.

И это подводит нас к другой важной мысли, которую нельзя упускать из виду: Турция интенсивно работает с любимыми мусульманскими диаспорами, проживающими за пределами своих стран. Неслучайно ведь Реджеп Тайип Эрдоган пытается каждый свой зарубежный визит совместить со встречами с зарубежными мусульманами, от НКО до отдельных активистов, выступая их если не защитником, то, во всяком случае, интегратором. Понятно, что Турция – это не Саудовская Аравия – родина ислама как религии, с её мусульманскими святынями. Однако этот «недостаток» турки компенсируют более активной работой с мусульманами, причем под понятным и близким всем флагом борьбы с «исламофобией».

Изложенное выше – это лишь пример отдельных региональных проектов Турции, которые она реализует в различных

регионах мира, включая Россию и так называемое «постсоветское пространство», включая Ближний Восток и Северную Африку, а также включая Запад – США и Европу. Здесь, как мы можем видеть, Турция имеет достаточно сильные позиции. Однако она укрепляет свое положение и в других регионах мира, которые обозначила как перспективные для себя.

Речь прежде всего идет об Африке, где Турция если не конкурирует на равных с Китаем, но стремится забрать себе вторую строчку по своей представленности на Африканском континенте. Турция стремительно нарастила свое дипломатическое присутствие в Африке и проводит регулярные форумы Турция – Африка, становящиеся год от года более представительными. Отметим, что тот же Дипломатический форум в Анталье, который состоялся в начале 2022 года, собрал достаточно представительные делегации из развивающихся стран мира, включая не только Африку, но и страны Латинской Америки и Юго-Восточной Азии. Именно развивающиеся страны – это четвертая аудитория Турции, которым она предлагает свой слоган «Мир – больше пяти» (имея в виду пятерку постоянных членов СБ ООН – прим. авт.).

Турция делает небезосновательную ставку на то, что со временем ей удастся решить и задачу реформирования ООН как глобальную, под которую она заведет уже все свои внешнеполитические проекты и инициативы, в том числе перечисленные выше, став из сильного регионального игрока глобальным игроком № 2 после Китая.

¹ Burhanettin Duran. The course of the Russia-Ukraine war is changing // Daily Sabah. April 7, 2022. – <https://www.dailysabah.com/opinion/columns/the-course-of-the-russia-ukraine-war-is-changing>.

² Фонд политических экономических и социальных исследований Турции (SETAV). <https://www.setav.org/>.

³ Recep Tayyip Erdoğan. Daha Adil Bir Dünya Mümkün // Turkuvaz Kitap. Eylül 2021.

⁴ Fahrettin Altun. Turkey as a Stabilizing Power in an Age of Turmoil. Academica Press. Washington – London, 2021.

⁵ Berat Albayrak. Burası Çok Önemli. Enerjiden Ekonomiye Tam Bağımsız Türkiye // Turkuvaz Kitap. Mart 2022.

⁶ Şuşa Beyannamesi Resmi Gazete'de yayımlandı // TRT Haber. 14 Şubat 2022. – <https://www.trthaber.com/haber/gundem/susa-beyannamesi-resmi-gazetede-yayimlandi-654606.html>.

⁷ Крымская платформа. <https://crimea-platform.org/>.

⁸ Türkiye ile Ukrayna arasında 8 anlaşma imzalandı // Anadolu Ajansı. 03.02.2022. – <https://www.aa.com.tr/tr/dunya/turkiye-ile-ukrayna-arasinda-8-anlasma-imzalandi/2493259>.

⁹ Türk Devletleri Teşkilatı. <https://www.turkkon.org/tr>.

¹⁰ Tarihi dönüm noktası: Türk Dünyası 2040 Vizyon Belgesi // Anadolu Ajansı. 19.11.2021. – <https://www.aa.com.tr/tr/analiz/tarihi-donum-noktasi-turk-dunyasi-2040-vizyon-belgesi/2425103>.

¹¹ Cemal Kaşıkçı // Anadolu Ajansı. <https://www.aa.com.tr/tr/cemal-kasikci>.

¹² Adalet Bakanlığı, BAE'den Sedat Peker'in iadesi için geçici tutuklanmasını istedi // Anadolu Ajansı. 23.02.2022. – <https://www.aa.com.tr/tr/gundem/adalet-bakanligi-baeden-sedat-pekerin-iadesi-icin-gecici-tutuklanmasini-istedi/2510937>.

¹³ TC Kültür ve Turizm Bakanlığı. Yurtdışı Türkler ve Akraba Topluluklar Başkanlığı. Türkiye-Almanya İşgücü Antlaşmasının Yıldönümü. <https://www.ytb.gov.tr/ozel-gunler/turkiye-almanya-ismucu-antlasmasinin-yildonumu>.

¹⁴ “Almanya ile bölgesel konularda yakın iş birliği içerisinde çalışmayı önemsiyoruz” // Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı. 14.03.2022. <https://tccb.gov.tr/haberler/410/136031/-almanya-ile-bolgesel-konularda-yakin-is-birligi-icerisinde-calismayi-onemsiyoruz->.

ФАКТОРЫ ОБОСТРЕНИЯ БЕЛУДЖСКОГО ЭТНОСЕПАРАТИЗМА В ПАКИСТАНЕ ПОСЛЕ УХОДА США ИЗ АФГАНИСТАНА

Теракты, совершенные на территории Пакистана в 2021 году и первом квартале 2022 года, указывают на возрождение и усиление влияния белуджских сепаратистов. Возобновление деятельности террористов-смертников также свидетельствует о новом уровне экстремистской угрозы в стране. На данном этапе характерные особенности терроризма в Пакистане качественно отличаются от тех, с которыми страна сталкивалась во время военной операции США в соседнем Афганистане.¹ До вывода с территории страны американского военного контингента деятельность террористов-смертников в Пакистане была направлена против партнерства правительственных сил и Вашингтона в борьбе с терроризмом в Афганистане. Агрессию со стороны боевиков также провоцировали внутренние операции по борьбе с повстанцами, в частности, удары беспилотников в регионе Федерально управляемой территории племен (ФУТП) и Белуджистане. Однако по мере того, как изменилась ситуация в сфере безопасности после ухода США из Афганистана, движущие факторы терроризма на территории Пакистана трансформировались из внешних в преимущественно внутренние.

После двухлетнего затишья с 2019 по 2020 год в Пакистане было зарегистрировано девять нападений террористов-смертников в период с 2021 по апрель 2022 года.

В данной ситуации тревогу вызывает то, что к использованию террористов-смертников прибегают не только джихадистские группировки, такие как «Техрик-е-Талибан Пакистан» (ТТП, запрещена в РФ) и «ИГ-Хорасан» (запрещена в РФ), но и так называемая Бригада «Маджид» Освободительной армии Белуджистана (ОАБ).² В данной статье будет рассмотрена эволюция деятельности террористов-смертников в Пакистане в контексте вывода американских войск из Афганистана и вы-

делены факторы, ответственные за активизацию подрывной деятельности в стране в последние годы.

Использование смертников в ведении террористической деятельности в Пакистане

Ведение экстремистской деятельности с участием террористов-смертников является общей чертой исламского экстремизма. Одна из проблем заключается в том, что мотивацию террористов-смертников трудно сдержать карательными мерами. К примеру, даже если боевику не удастся поразить намеченную цель, нападавший все равно становится мучеником, а если он все же достигает первоначальной цели, то становится своего рода идолом.³ После событий 11 сентября 2001 года терроризм с участием смертников стал характерной чертой пакистанских конфликтов в зоне ФУТП, которая теперь объединена с Хайбер-Пахтунхва и провинцией Белуджистан.

Деятельность террористов-смертников также прямо пропорциональна эскалации конфликта и наоборот. После проведенной в июле 2007 г. операции в Красной мечети число нападений, осуществленных смертниками в Пакистане, увеличилось в геометрической прогрессии.⁴ Например, по сравнению с 10 атаками смертников в 2006 г., годом позже в Пакистане произошло 61 аналогичное нападение,⁵ а в период с 2008 по 2009 год на территории страны было зарегистрировано 65 и 85 нападений смертников соответственно. В период с 2007 по 2015 год в Пакистане было совершено в общей сложности 466 атак террористов-смертников, что свидетельствует о характерном обострении конфликта.

Однако после операции «Зарб-и-Азб» в 2014 г., в ходе которой в ФУТП были ликвидированы опорные пункты ТТП, командиры которой бежали в Афганистан, интенсивность террористической деятельности постепенно пошла на спад.⁶ В отличие от 31 нападения смертников в 2015 году, в 2016 году было зарегистрировано только 23 подобных инцидента. В 2018 году количество нападений смертников в Пакистане снизилось до восьми инцидентов. Аналогичным образом в 2019 и 2020 годах было совершено по четыре нападения в каждом, что представляет собой тенденцию к снижению, совпадающую с деэскалацией конфликта в стране⁷.

В августе 2021 года конфликт между правительственными силами и экстремистскими ячейками возобновился на фоне вывода американских войск из Афганистана и возрождения самопровозглашенного Исламского Эмирата талибов в Афганистане («Талибан» – террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории РФ).⁸ Кроме того, участие белуджских сепаратистов в террористической деятельности уходит корнями в десятилетия политического отчуждения и социально-экономических лишений, которые в данный момент достигают апогея. Например, из пяти атак террористов-смертников, о которых сообщалось в Пакистане в 2022 году, три было совершено ранее упомянутой бригадой «Маджид», атаковавшей военизированные пограничные корпуса в районах Белуджистана Ношки и Панджгур⁹, а также фургон с китайскими гражданами у входа в Конфуцианский центр Карачиского университета.¹⁰ Два других нападения в марте совершила «ИГ-Хорасан», атаковав шиитскую мечеть в Пешаваре и кортеж президента Арифа Алви в Сибби, Белуджистан.¹¹ Из пяти взрывов смертников, зарегистрированных в 2021 году, ТТП осуществила четыре, в то время как ОАБ взяла на себя ответственность за один теракт.

Число жертв терактов с участием смертников намного выше в Пакистане, чем в среднем по миру из-за неизбирательного характера нападений. В период с 2007 по 2015 год большинство терактов, совершенных смертниками в Пакистане, были направлены против легких целей, таких как места отправления культа, особенно для религиозных меньшинств, поэтому на их долю приходилось более высокое количество жертв. Таким же образом большое количество терактов в Пакистане в период с 2007 по 2015 год объясняет более высокий уровень смертности в стране, чем в среднем по миру. Однако если не считать нападения террористов-смертников на шиитскую мечеть Пешавара, в результате которого погибло 66 человек, в 2021 и 2022 годах количество жертв в результате других терактов в Пакистане было ниже. Это связано с тем, что ТТП изменила свою стратегию нацеливания с неизбирательных атак, поражающих слабые цели, на более избирательную.

Участие террористки-смертницы ОАБ Шари Балудж в нападении на граждан Китая 26 апреля согласуется с распространенным сценарием, когда образованная молодежь из среднего класса примыкает к повстанческому движению

белуджей. Будучи выпускницей Университета Карачи, Балудж имела степень магистра в области образования.¹² Террорист-смертник, совершивший нападение в мечети Пешавара, был афганским беженцем, чья семья переехала в Пакистан несколько десятилетий назад. Будучи исключенным из средней школы, он прошел обучение в рядах «ИГ-Хорасан» в Афганистане, прежде чем вернуться в Пешавар, чтобы совершить теракт.¹³

В обоих случаях фактор мести был обоснован следующим: «ИГ-Хорасан» считает шиитов еретиками и законными целями, в то время как сообщество белуджей часто рассматривает китайский след в Белуджистане как форму неокOLONиализма. Оба террориста-смертника родом из районов, охваченных конфликтом, и имеют скромное прошлое. Точно так же и афганские беженцы, и белуджи сталкивались с необоснованными преследованиями, обвинениями в симпатиях к ТТП и сепаратистам, а также с произвольными задержаниями, перемещениями и стигматизацией.¹⁴ Это только способствовало коллективному чувству отчаяния, беспомощности и унижения. Следовательно, подобные атаки осуществляются смертниками, в том числе, и для того, чтобы восстановить утраченную честь и отомстить за перенесенные унижения.

Экстремистские организации, использующие террористов-смертников

ТТП и «ИГ-Хорасан»

Хотя первая атака террористов-смертников в Пакистане была осуществлена в 1995 году экстремистской организацией «Исламский джихад» (запрещена в РФ), ТТП по-прежнему является группировкой, использующей террористов-смертников в качестве предпочтительного стратегического оружия. Боевики ТТП научились этой оперативной тактике у «Аль-Каиды» (запрещена в РФ), когда ее члены скрывались в регионе ФУТП после начала военной операции США в Афганистане в 2001 году. Кари Хусейн Мехсуд, двоюродный брат бывшего главы ТТП Хакимуллы Мехсуда, был главным инструктором террористов-смертников в Пакистане.¹⁵ Их атаки стали почти повседневным явлением в стране после операции «Красная мечеть» в 2007 году. В период с 2007 по 2015 год Пакистан был наиболее

пострадавшей от террористов-смертников страной в мире. Взрыв в Карачи в 2007 году, направленный против политического митинга бывшего премьер-министра Беназир Бхутто, стал самым разрушительным терактом в истории Пакистана, унесшим жизни 180 человек.¹⁶

Между тем «ИГ-Хорасан», в которую входят отколовшиеся от ТТП группировки Баджаур и Оракзай, также использовала смертников для совершения терактов в Пакистане. Как уже упоминалось, из четырех терактов смертников, зарегистрированных в Пакистане в 2022 году, два были совершены «ИГ-Хорасан». В отличие от избирательной стратегии ТТП, направленной только на поражение жестких целей, «ИГ-Хорасан» использует смертников для нападения на религиозные меньшинства и суфийские святыни в Пакистане, которые террористическая группировка считает еретическими. Террористическая деятельность смертников ИГ-Хорасан направлена на привлечение новых боевиков, а также имеет целью большую огласку и увеличение финансирования. Одним из аспектов террористической деятельности «ИГ-Хорасан» является ее конкуренция с ТТП, которая представляет собой гораздо более крупную и изобретательную организацию. Тем не менее «ИГ-Хорасан» нашла для себя своего рода нишу, используя в вербовке концепт создания самопровозглашенного халифата, который находит широкий отклик среди городского среднего класса Пакистана.¹⁷

Бригада «Маджид» ОАБ

Белуджские сепаратисты также активно привлекают террористов-смертников для достижения своих целей. Бригада «Маджид» ОАБ, которая в основном занимается подготовкой партизан и боевиков, возглавляет террористическую кампанию сепаратистов-белуджей в Пакистане.¹⁸ Кроме того, Аслам Ачу, бывший командир ОАБ и организатор нападения на китайское консульство в Карачи в 2018 году был тем, кто возродил бригаду «Маджид» в Афганистане. Сын Ачу был одним из пяти террористов-смертников, совершивших нападение на консульство Китая в Карачи.¹⁹

Сам Ачу погиб в результате взрыва бомбы в афганской провинции Кандагар в 2018 г.²⁰ Он отделился от ОАБ под командованием Хюрбаира Марри и сформировал свою собственную фракцию после того, как между ними возникли непреодо-

лимые разногласия по оперативным и организационным вопросам.²¹ Эксперты сходятся во мнении, что ОАБ позаимствовала тактику использования террористов-смертников у ТТП во время тренировки в учебных центрах в Афганистане.²² С тех пор смертники ОАБ осуществили ряд масштабных терактов, в числе которых атаки на отель Gwadar Pearl Continental в 2019 году, на Пакистанскую фондовую биржу в 2020 году, а также подрыв террориста-смертника в Гвадаре в 2021 году, в результате которого погиб китайский инженер, и нападения на военизированные пограничные корпуса в Ношки и Панджгуре в 2022 году.²³

Тактика ведения подрывной деятельности с участием террористов-смертников указывает на растущее недовольство белуджских сепаратистов сильно милитаризованной и контрпродуктивной политикой пакистанского государства в борьбе с повстанцами. Однако изначально принятие данной тактики на вооружение было непростым решением для руководства сепаратистских группировок белуджей, так как оно опасалось, что пакистанские службы безопасности поставят их в один ряд с ТТП и «ИГ-Хорасан». В то же время они рисковали потерять доноров, которые обеспечивали организациям финансирование, из-за их светских взглядов. Тем не менее, они продолжали придерживаться тактики демонстрации высочайшего уровня преданности идеям белуджского национализма и сепарации от Пакистана.

Вывод

Период с начала 2021 года, за который произошло девять терактов с участием смертников в Пакистане возможно, является слишком узкими временными рамками, чтобы говорить о возрождении в стране этой тенденции. Однако распространение влияния более радикализированных элементов, таких как ТТП и «ИГ-Хорасан», на сепаратистские группы белуджей неоспоримо. Также очевидно, что как джихадистские, так и этно-сепаратистские группировки в Пакистане обладают способностью совершать теракты с участием смертников для достижения заявленных целей. Принятие на вооружение подобной тактики является признаком их растущей силы и подчеркивает сложный и затяжной характер асимметричных конфликтов

в Пакистане. С этой целью Пакистану придется пересмотреть свой внутривластный ландшафт и трезво оценить растущие внутренние угрозы, особенно после ухода США из Афганистана. Пересмотр существующей политики борьбы с терроризмом и повстанцами будет оправдан только после получения объективных статистических данных и полного понимания мотивов террористов-смертников.

¹ <https://tribune.com.pk/story/2334713/afghanistan-crisis-and-its-possible-effects>

² <https://www.dawn.com/news/1680914>

³ <https://www.arabnews.pk/node/2042201>

⁴ <https://www.dawn.com/news/1345068>

⁵ <https://www.satp.org/datasheet-terrorist-attack/suicide-attacks/pakistan>

⁶ <https://www.thenews.com.pk/print/129219-Operation-Zarb-e-Azb-in-retrospect>

⁷ <https://www.satp.org/datasheet-terrorist-attack/suicide-attacks/pakistan>

⁸ <https://tribune.com.pk/story/2334713/afghanistan-crisis-and-its-possible-effects>

⁹ <https://www.dawn.com/news/1672907>

¹⁰ <https://www.dawn.com/news/1686920/3-chinese-nationals-among-4-dead-in-suicide-attack-at-karachi-university>

¹¹ <https://www.dawn.com/news/1679017>

¹² https://www.independenturdu.com/node/100781?utm_medium=Social&utm_source=Facebook&fbclid=IwAR39MIosIO9fa_J-ldvapxNjWEDkSkadyBJ3k-OWI4PkL1fGM4iCQF2CY#Echobox=1650972392

¹³ <https://www.thenews.com.pk/print/940180-peshawar-mosque-suicide-bomber-was-afghan-police>

¹⁴ <https://www.dawn.com/news/1680914>

¹⁵ <https://www.dawn.com/news/888971/ttp-s-top-gun-qari-hussain-killed>

¹⁶ <https://www.thenews.com.pk/print/901227-remembering-karsaz>

¹⁷ <https://tribune.com.pk/story/845316/is-is-a-threat-to-pakistan>

¹⁸ <https://jamestown.org/program/blas-suicide-squad-majeed-fidayeen-brigade/>

¹⁹ <https://cscr.pk/explore/themes/defense-security/aslam-balochs-killing-implications-for-balochistan-insurgency/>

²⁰ <https://tribune.com.pk/story/1875211/mastermind-chinese-consulate-attack-killed-kandahar-bbc>

²¹ <https://www.thenews.com.pk/tns/detail/681470-a-new-wave-of-terror>

²² <https://gandhara.rferl.org/a/the-rise-of-the-new-pakistani-taliban/31261608.html>

²³ <https://www.arabnews.pk/node/2042201>

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РАБОТЫ МИД ИЗРАИЛЯ ПОД РУКОВОДСТВОМ Г. АШКЕНАЗИ И Я. ЛАПИДА

Продолжительность исполнения обязанностей руководителя внешнеполитического ведомства Израиля особенно в последние несколько лет была обратно пропорциональна политическому долголетию премьер-министра страны. Б. Нетаньяху непрерывно находился у власти чуть больше 12 лет (с марта 2009 г. по июнь 2021 г.). За указанный период сменилось 6 министров иностранных дел, причем на определенных и весьма продолжительных этапах председатель правительства оставлял этот портфель за собой, за что его стали называть «министром всего». Каденции последних двух глав МИД в кабинете Б. Нетаньяху – И. Каца и Г. Ашкенази длились 15 и 13 месяцев соответственно. Казалось бы, с учетом сравнительно непродолжительного вхождения в правительство и ощутимого вмешательства со стороны премьер-министра в компетенции внешнеполитического ведомства, его руководителю сложно было достичь каких-либо заметных результатов. Однако это не так, и прежде всего это касается Г. Ашкенази, который представлял по сути оппозиционную партии Ликуд политическую силу под названием «Хосен ле-Израэль», которая в дальнейшем все же присоединилась к коалиции. При этом время пребывания на должности министра иностранных дел Г. Ашкенази сравнимо с периодом, прошедшим с начала исполнения тех же обязанностей лидером «Еш атид» Я. Лапидом, а потому сопоставление стиля их дипломатии и специфики руководства МИД дает возможность более детально изучить внешнюю политику израильской оппозиции как таковой.

Г. Ашкенази, до этого занимавший руководящие посты в ЦАХАЛе, был приведен к присяге в качестве министра иностранных дел Израиля в мае 2020 г. Сохранявшаяся кризисная внутривнутриполитическая ситуация в сочетании с отсутствием у выходца из оборонной среды необходимого опыта международного

общения и относительно недавним началом политической карьеры привели к тому, что в целом на него не возлагали больших надежд ни с точки зрения дипломатии, ни в том, что касалось улучшения организации работы ведомства. Однако практически сразу после назначения с открытым письмом к Г. Ашкенази обратился экс-дипломат, эксперт и член совета директоров Израильского института региональной внешней политики Mitvim Н. Тамир, подчеркнувший первостепенное значение деятельности на нескольких направлениях. В их числе оказались продвижение мирных инициатив с обязательным условием воздерживаться от односторонних действий, способных вылиться в новую эскалацию палестинского насилия, а также помешать налаживанию коммуникации с умеренными ближневосточными режимами; поддержание двухпартийного консенсуса Демократической и Республиканской партий США по израильской проблематике, поскольку именно этот фактор создает прочную основу для американо-израильских отношений в долгосрочной перспективе; укрепление связей с мировым еврейством¹.

Важность обозначенных Н. Тамиром треков сомнений не вызывает, а вот вопрос об их приоритетности, особенно с учетом всего спектра угроз для государства, как кажется, можно считать дискуссионным. В частности, тот факт, что эксперт, одновременно представляющий в Израиле интересы американской еврейской организации J Street, сфокусировался именно на необходимости сближения с демократическим лагерем и американским еврейством в противовес сторонникам Д. Трампа христианам-евангелистам, явно продиктован его собственными политическими предпочтениями и повесткой леволиберальной лоббистской структуры. В контексте настоящего исследования важнее, скорее, то, в какой форме Н. Тамир обратился к Г. Ашкенази. Оформлено это было в виде не критики курса Б. Нетаньяху, а как призыв способствовать постепенным трансформациям, возможность которых предопределялась включением в состав правительства новых сил.

Сам министр уже в первом выступлении также очертил для себя круг основных задач, в чем-то близких к приведенным выше тезисам Н. Тамира. Так, в первой речи, произнесенной в новой должности, во многом центральной темой стали отношения с США, что проявилось как в обращении к мирному процессу, где во главу угла Г. Ашкенази поставил американские усилия, так и в необходимости бороться с влиянием Ирана

в регионе, для чего поддержка Вашингтона также незаменима. Разумеется, Соединенные Штаты были названы «самым близким союзником и самым важным другом Израиля». Далее по значимости следовали Иордания и Египет, которых министр охарактеризовал как «союзников первостепенной важности в решении региональных проблем». Наконец, Москва удостоилась формулировки о необходимости развития «важных отношений», а от ЕС израильский политик ожидал «конструктивного диалога»².

Сказанное Г. Ашкенази в первом выступлении оказалось воспринято свидетельством его склонности поддерживать линию премьер-министра дипломатическим путем. Связано это было с тем, что он избегал упоминания о наиболее кризисных точках, одновременно требующих участия МИД, а также хорошо знакомых ему по опыту службы в ЦАХАЛе. В их числе палестинская проблема и угроза на северном фронте, включающая потенциальную прямую агрессию иранских прокси. Все эти проблемы были упомянуты лишь в связке с региональными или нерегиональными союзниками. Другими словами, руководитель внешнеполитического ведомства, будучи представителем блока «Кахоль-лаван», чей председатель Б. Ганц стал министром обороны в том же кабинете, сосредоточился не на совместной активности своего альянса, которая в будущем могла бы помочь Б. Ганцу на посту премьер-министра, а на продвижении дипломатии Б. Нетаньяху. Это создало ему имидж удобной политической фигуры, обеспечивающей поддержание коммуникации между двумя блоками, а также сформировало опасения относительно перспектив неформального ограничения полномочий главы МИД, как это было некогда с А. Либерманом.

Наконец, на начальном этапе напряженной была и внутренняя ситуация в ведомстве. На время купированный трудовой конфликт, связанный с недовольством сотрудников сокращением бюджета, в результате которого уровень оплаты труда дипломатического персонала на местах и компенсация представительских расходов оказались несоразмерными выполняемым обязанностям, а представительство интересов государства на международной арене пострадало из-за закрытия посольств и консульств, мог разгореться вновь. Такие ожидания были обусловлены прежде всего увеличением количества министерских портфелей в 35-м правительстве, следствием которого могло стать новое урезание финансирования МИД,

который и без того в 2019 г. потерял 14%. Справляться с новыми забастовочными санкциями, как ожидалось, Г. Ашкенази могло оказаться сложно ввиду недостаточности опыта.

Скромность ожиданий от деятельности Г. Ашкенази на начальном этапе была компенсирована весьма положительными отзывами об итогах работы на момент его ухода из ведомства. Основным достижением министра была признана блокировка плана Б. Нетаньяху по распространению израильского суверенитета на части территорий на Западном берегу реки Иордан. Во-первых, его активность, а особенно постоянный контакт с представителями американской администрации, ответственными за работу на палестинском треке, показали США, что в ближневосточной стране не все внешнеполитические решения принимаются исключительно премьер-министром³. Это позволило создать условия для снижения значимости личной дипломатии Б. Нетаньяху и Д. Трампа, что в последствии оказалось полезным после избрания на пост президента Соединенных Штатов Дж. Байдена. Во-вторых, быстрое решение кадровых вопросов, сопровождавших процесс нормализации отношений с ОАЭ и Бахрейном, который последовал за отказом от т. н. «плана аннексии», дало шанс снять часть возражений по поводу сокращения израильского представительства на международной арене, а также урегулировать часть кадровых вопросов⁴.

Наконец, косвенным следствием этого компонента активности стало улучшение отношений между Израилем и Европой, где ведомство под руководством Г. Ашкенази сделало ставку не на субрегиональные группы типа Вышеградской четверки, а на признанные центры силы, такие как ФРГ и Франция. В частности, есть мнение, что на основании неприятия плана израильского суверенитета над спорными районами на Западном берегу произошло личное сближение Г. Ашкенази с его контрагентом из Германии Х. Маасом⁵. Отсроченным последствием смены акцентов европейской политики оказалось, в свою очередь, ужесточение подхода ряда государств ЕС к «Хизбалле». Согласно стратегии Г. Ашкенази, это являлось одним из элементов сдерживания растущего иранского влияния и активности его прокси.

Наконец, само внешнеполитическое ведомство хорошо приняло Г. Ашкенази в качестве руководителя. С одной стороны, сотрудникам МИД импонировало появление своего рода

лидера, не принадлежащего к окружению Б. Нетаньяху, что дало возможность обеспечить меньше вмешательства смежных структур, а особенно канцелярии главы правительства и Совета национальной безопасности в функционал дипломатов. С другой стороны, Г. Ашкензи составил план повышения эффективности вверенного ему министерства, который носил комплексный характер. Инициатива включала в себя увеличение финансирования программы подготовки кадров, в результате чего под его руководством был набран крупнейший курс кадетов МИД. Профессиональных дипломатов начали чаще привлекать к обсуждению важных решений, а успешность в достижении внешнеполитических целей стала оцениваться с учетом количественных показателей. В последнем эксперты заметили следствие предыдущего опыта работы Г. Ашкенази в Генштабе ЦАХАЛа⁶.

Преемник Г. Ашкенази Я. Лапид, вступая в должность, подчеркнул, что выбрал Министерство иностранных дел сознательно в ходе коалиционных переговоров с Н. Беннетом, что могло объясняться намерением политика до ротации на посту главы правительства наладить собственные связи с первыми лицами иностранных государств и наконец заблокировать критику Б. Нетаньяху, настаивавшего на внешнеполитической неопытности его противников. При этом в сравнении с предшественником, стартовые позиции Я. Лапида выглядели существенно более выгодными. Это было связано как с высокой степенью самостоятельности «Еш атид» в коалиции, так и с тем, что премьер-министр Н. Беннет на начальном этапе своей каденции был склонен сосредотачиваться на внутренней ситуации в стране.

Придя в МИД, Я. Лапид прежде всего занялся кадровыми вопросами. Частично это было продиктовано тем, что ранее Б. Нетаньяху придерживал некоторые ключевые дипломатические посты, что создало вакуум в представительстве государства за рубежом. Г. Ашкенази не удалось решить данную проблему, поскольку Ликуд и «Кахоль-лаван», закрепившие в коалиционном соглашении количество политических назначений в МИД за каждой из партий, не смогли договориться о конкретных кандидатурах. Лишь несколько дипмиссий возглавили ставленники Б. Нетаньяху. В их числе оказались экс-заместитель министра иностранных дел Ц. Хотовели и претендент на лидерство в Ликуде Г. Эрдан, отправку которого в США сразу

на два поста (посла в Вашингтоне и постпреда в ООН) объясняли намерением убрать его как можно дальше от внутренней политики. В результате к моменту приведения к присяге нового правительства накопилось более 30 вакантных должностей в МИД, включавших позиции глав посольств и консульств в таких важных точках, как США, Канада и Франция.

Несмотря на демонстративную борьбу с наследием Б. Нетаньяху, в МИД Я. Лapid во многом повторил его спорную кадровую политику. Среди политических назначенцев нового министра оказались послы в ОАЭ, Канаде и Анголе А. Хаек, Р. Хоффман и Ш.Соломон, а также генеральный консул в Нью-Йорке А. Замир. При этом Ш. Соломон и Р. Хоффман избирались в Кнессет от «Еш атид», А. Замир – от «Кахоль-лаван». А. Хаек в прошлом был президентом Израильской ассоциации отельеров и считается представителем ближайшего окружения Я. Лапида⁷. Наибольшие сложности вызвало у политика получение одобрения кандидатуры еще одной своей коллеги по партии – бывшего министра здравоохранения Я. Герман в качестве посла в Париже. Эксперты и журналисты, но особенно представители французской еврейской общины выступили против нее, ссылаясь на то, что она не владеет языком и не имеет необходимых профессиональных знаний, что особенно принципиально в условиях, когда именно МИД Пятой республики проводит довольно жесткий курс в отношении ближневосточного государства. В итоге к концу 2021 г. во французскую столицу в качестве поверенного в делах отправилась карьерный дипломат Р. Бен Дор, основной функцией которой стало продвижение израильских интересов на фоне переговоров по ядерной программе Ирана в Вене. Однако полностью от намерений сделать Я. Герман главой миссии Я. Лapid не отказался.

Параллельно с этим глава ведомства предпринял попытку отправить в досрочную отставку Ц. Хотовели. Она была назначена Б. Нетаньяху с контрактом, рассчитанным на трехлетний срок. При этом не исключено, что сдержали Я. Лапида от активных действий по ее смещению два обстоятельства. Во-первых, в МИД страны не принято прерывать трудовой договор с послом, даже если он – политический ставленник прошлого правительства. Во-вторых, без главы миссии Иерусалиму было бы крайне сложно работать над укреплением отношений с Лондоном в условиях преодоления последствий выхода Великобритании из ЕС.

Наконец, обилие политических назначений вызвало недовольство профессионального сообщества. В авторской статье для «Maariv» бывший посол Израиля в Египте, также занимавший видные посты в дипмиссиях страны во Франции, США и Канаде И. Леванон отметил, что подобная практика ущемляет карьерных дипломатов, которые для занятия должностей проходят серьезные испытания. Также, ссылаясь на собственный опыт, он подчеркнул, что послы, назначенные таким путем, как правило, наносят ущерб интересам страны, не имея достаточных знаний, а также перекадывают всю нагрузку на профессионалов, пользуясь лишь привилегиями. В связи с этим И. Леванон выразил мнение, что подобные назначения, если они необходимы министру, могут быть лишь «номером два»⁸.

За период, прошедший с момента начала исполнения обязанностей главы МИД, Я. Лapid приложил все возможные усилия, чтобы до начала каденции премьер-министра максимально расширить личные контакты с первыми лицами зарубежных стран. Впрочем, судя по всему, осознавая цели политика, Н. Беннет стал проявлять заметно большую склонность взять на себя, в том числе, внешнеполитические функции или делегировать их, к примеру, президенту И. Герцогу или министру обороны Б. Ганцу. Также лидер «Еш атид» старательно стал укреплять влияние своей партии, включая ее участников в состав делегаций, совершающих важные международные визиты.

Побочным эффектом всего этого оказался рост напряженности во внешнеполитическом ведомстве. В конце 2021 – начале 2022 гг. в МИД появились свидетельства нового трудового конфликта. Наиболее сложной стала ситуация в посольстве Израиля в Украине. В СМИ со ссылкой на заместителя посла Й. Быстрицкого в начале февраля 2022 г. появились сведения, что миссия прекратила выполнять свои функции из-за отмены надбавки за работу в опасных условиях, к которым, по мнению сотрудников, относится Киев вследствие конфронтации между Россией и Западом. Дипломаты рассказали журналистам, что решение о снятии выплаты для Украины, введенной с 2014 г., было принято еще в середине лета 2021 г. Затем мера была внедрена, причем «задним числом», в результате в декабре 2021 г. персонал, не ожидая того, получил сокращенную зарплату⁹. Параллельно с этим со стороны руководства ведомства не было дано никаких разъяснений по поводу

эвакуации дипломатов и членов их семей на фоне роста напряженности. Благодаря подключению Я. Лапида ситуацию удалось урегулировать. Сотрудникам обещали восстановить выплаты, а позднее появились сообщения сначала об эвакуации семей дипломатов¹⁰, а затем и о возможности временного перевода посольства из Киева во Львов, дабы в случае эскалации конфликта на территории республики персонал находился ближе к партнерам по НАТО¹¹.

Это было самое резонансное, но не единственное свидетельство разногласий между министром и его ведомством. В январе 2022 г. дипломаты пригрозили объявить полномасштабную забастовку из-за невыплаты им компенсаций за сверхурочную работу. В связи со сложившейся ситуацией в Иерусалиме прошла протестная акция, а сотрудники получили от рабочего комитета письмо, в котором говорилось о прекращении любой деятельности в неоплачиваемые часы. При этом основная вина за произошедшее была возложена именно на главу ведомства Я. Лапида, поскольку, по мнению его подчиненных, он был занят не урегулированием застарелой проблемы, которую периодически удается лишь купировать, а укреплением собственного имиджа. Рабочий комитет даже выпустил соответствующие видеоролики, которые затем попали в СМИ.

Примечательно, что помимо собственно забастовочных санкций, поддержку в которых дипломатам оказал Гистадрут, они попытались воздействовать на наиболее чувствительные точки для политического имиджа Я. Лапида именно как будущего главы правительства. В частности, среди услуг, о замораживании предоставления которых заявили в зарубежных миссиях, значилась выдача рабочих виз для иностранных граждан, которые должны были прибыть в Израиль для трудоустройства в медицинской сфере и сельском хозяйстве. На различных уровнях, прежде всего в Кнессете, ранее неоднократно озвучивалось, что многочисленные карантинные ограничения и локдауны привели к тому, что некоторые отрасли экономики, в том числе и здравоохранение, лишились персонала. В медицине речь прежде всего шла о тех, кто занимался уходом за больными. В результате на новое правительство была возложена задача как можно скорее исправить ситуацию. Однако в связи с нарастанием противоречий в МИД возникли существенные препятствия для этого, связанные именно с деятель-

ностью Я. Лапида, претендующего на то, чтобы возглавить правительство.

В практическом плане Я. Лapid сфокусировался на двух треках – региональном и европейском. В первом случае он активно подключился к реализации практических мер, сопровождавших процесс нормализации с умеренными ближневосточными режимами. Более того, судя по заявлениям министра, на этом направлении он публично не отказывался от наследия прошлого правительства¹². С Евросоюзом имела место в корне противоположная ситуация, отличавшаяся не только от практики Б. Нетаньяху, направленной на разрушение общеевропейского консенсуса, но и от курса Г. Ашкенази, который сместил израильский дипломатический фокус с субрегиональных групп на крупных самостоятельных игроков. Суть политики Я. Лапида в Европе все чаще стала представлять собой попытку поиска канала коммуникации именно с Брюсселем как наднациональным интеграционным центром. С одной стороны, это позволило бы снять напряженность именно во взаимодействии с европейскими институтами. Однако с другой, данный путь выглядит ограниченным краткосрочной перспективой, особенно если принять во внимание риторику Я. Лапида как предполагаемого будущего премьер-министра по вопросам поселенчества и палестинской государственности.

Таким образом, анализ работы МИД Израиля на протяжении каденций Г. Ашкенази и Я. Лапида показывает, что политическим силам, составлявшим на разных этапах оппозицию Б. Нетаньяху, удалось обеспечить лишь относительную преемственность курса на международной арене. Причем произошло это, несмотря на то, что оба министра сосредоточились на европейском векторе и региональной политике с акцентом на процессе нормализации отношений с умеренными региональными режимами. Наибольшие риски для страны, как кажется, касаются все же внутренней ситуации в ведомстве, где при Я. Лапиде наметились свидетельства нарастания очередного витка давно существующего трудового конфликта. Продиктована данная ситуация прежде всего тем, что Министерство иностранных дел с уходом Г. Ашкенази вновь лишилось полноценного руководителя и сторонника защиты интересов дипломатов, а на его место пришел политик, подготавливающий себя к исполнению обязанностей премьер-министра.

¹ Tamir N. An open letter to Gabi Ashkenazi // Jerusalem Post. 24.05.2020. URL: <https://www.jpost.com/opinion/an-open-letter-to-gabi-ashkenazi-629165>

² FM Ashkenazi's speech upon taking office // Israel Ministry of Foreign Affairs. 18.05.2020. URL: <https://mfa.gov.il/MFA/PressRoom/2020/Pages/FM-Ashkenazi-s-speech-upon-taking-office-18-May-2020.aspx>

³ Harkov L. Gabi Ashkenazi: Assessing the legacy of Israel's foreign minister // Jerusalem Post. 14.01.2021. URL: <https://www.jpost.com/israel-news/politics-and-diplomacy/gabi-ashkenazi-assessing-the-legacy-of-israels-foreign-minister-655504>

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

⁷ Berman L. Lapid taps business executive as first permanent envoy to UAE // Times of Israel. 25.07.2021. URL: <https://www.timesofisrael.com/lapid-taps-business-executive-as-first-permanent-envoy-to-uae/>

⁸ Levanon I. The appointments of Lapid's associates to ambassadorial positions harm the Foreign Ministry and its employees // Maariv. 08.08.2021. URL: <https://www.maariv.co.il/journalists/opinions/Article-857689>

⁹ Sokol S. Why Israel Almost Had to Shut Down Its Embassy in Kyiv // Haaretz. URL: <https://www.haaretz.com/israel-news/premium-israel-wanted-to-cut-hazard-pay-for-diplomats-in-ukraine-during-russia-crisis-1.10582395>

¹⁰ Israel evacuating families of diplomatic staff from Ukraine; issues travel warning // Times of Israel. URL: <https://www.timesofisrael.com/israel-issues-travel-warning-for-ukraine-amid-russian-invasion-fears/>

¹¹ Israel may relocate Ukraine embassy to Lviv amid Kyiv invasion fears // Times of Israel. URL: <https://www.timesofisrael.com/israel-may-relocate-ukraine-embassy-to-lviv-amid-kyiv-invasion-fears/>

¹² Goren N. Lapid overturns central pillar of Netanyahu foreign policy // MITVIM. URL: <https://mitvim.org.il/en/publication/lapid-overturns-central-pillar-of-netanyahu-foreign-policy/>

**ПОПЫТКИ ПЕРЕСМОТРА ПОДХОДОВ ФРГ
К ЭКСПОРТУ ВООРУЖЕНИЙ И ВОЕННОЙ ТЕХНИКИ
НА БЛИЖНИЙ ВОСТОК НА ЭТАПЕ ТРАНЗИТА ВЛАСТИ
ОТ А. МЕРКЕЛЬ К О. ШОЛЬЦУ**

Экспорт вооружений и военной техники традиционно является предметом споров представителей различных политических сил внутри Германии. Объясняется это тем, что, с одной стороны, проблема имеет прямое отношение к дискуссиям о защите прав человека, особенно в условиях вооруженных конфликтов. С другой стороны, динамика поставок сказывается на собственной экономической ситуации в ФРГ, где, к примеру, верфи нередко представляют собой градообразующие предприятия. Кроме того, данный вопрос накладывает серьезный отпечаток на внешнюю политику федеративной республики. При этом в последнем случае речь идет не только о взаимодействии ФРГ со странами-получателями оружия и боевой техники, но и о производственной кооперации внутри Европы. В этой связи правительственные коалиции неоднократно сталкивались с необходимостью обеспечения баланса между внутриполитическими запросами к процедуре одобрения экспортных лицензий и поддержанием необходимого уровня отношений с союзниками в военно-технической сфере. Кабинет министров под руководством федерального канцлера О. Шольца, приведенный к присяге 8 декабря 2021 г., также не стал исключением из данной практики. Однако дополнительной сложностью для правительства оказалось то, что в его состав вошли политические силы, ранее весьма критично отзывавшиеся об экспорте оружия, особенно в государства, вовлеченные в вооруженные конфликты в открытой фазе.

Согласно отчету федерального правительства, представленному в июне 2019 г., за 2018 г. объемы поставок Германией оружия и боевой техники снизились на 1,4 млрд евро, а около 47% экспорта пришлось на страны ЕС и НАТО. Особенно за-

метно упали показатели по стрелковому оружию, которые уменьшились почти на 9 млн евро¹. Результат этот был достигнут главным образом за счет третьих стран. Ведущим импортером за пределами ЕС и НАТО был признан Алжир, суммарная стоимость выданных лицензий для которого превысила 800 млн евро². Это позволило кабинету А. Меркель выполнить обязательства, заложенные в коалиционном соглашении ХДС/ХСС и СДП, включавшем положение об общих ограничениях на поставки вооружений государствам за пределами Евросоюза и Североатлантического альянса. Более того, в тексте подчеркивалось, что Германия «не будет разрешать экспорт в страны, если они непосредственно вовлечены в войну в Йемене»³. Последний пункт был назван партией СДПГ принципиальным при подписании документа, положенного в основу работы последнего правительства под руководством А. Меркель.

Несмотря на приведенные цифры, вскоре спор разгорелся вновь и был связан с появлением в открытых источниках информации о поставках за первые шесть месяцев 2019 г., которые кардинально меняли общую картину. Из ответа Министерства экономики на парламентский запрос следовало, что с января по июнь 2019 г. были одобрены лицензии на экспорт в страны, подпадающие под ограничения, предусмотренные коалиционным соглашением, на сумму более 1 млрд евро. 13 экспортных лицензий стоимостью порядка 800 млн евро были выданы для Египта, 43 на сумму 206 млн евро – для ОАЭ, 51 лицензия на сумму 71 млн евро – для Кувейта, по 6 лицензий на суммы 3,4 млн евро и 217 тыс. евро соответственно для Иордании и Бахрейна⁴. Саудовской Аравии в апреле того же года было разрешено поставить бронированные внедорожники стоимостью 831 тыс. евро⁵. Примечательно при этом то, что инициатором нового обращения к теме стал депутат от партии «Зеленых» О. Нурипур.

Одной из основных причин, по которым в выдаче экспортных лицензий не было отказано, стало внешнее давление со стороны европейских государств, участвующих в проектах, для которых ФРГ изготавливает комплектующие. Помимо этого, нельзя не учитывать ситуацию в оборонной отрасли страны и ее важность для экономики. Несмотря на то, что количество занятых в ней относительно невелико и составляет около 136 тыс. человек⁶, в числе компаний много представителей малого и среднего бизнеса, а также предприятий, фактически

являющихся градообразующими. Следовательно, запрет на экспорт неизбежно подталкивает недовольство бизнеса и местных властей. Особый всплеск такого рода настроений сопровождал мораторий на уже одобренные поставки в Саудовскую Аравию, поскольку производители рассчитывали на ранее спрогнозированную прибыль, а федеральные земли – на наполнение местных бюджетов.

В июле 2019 г. федеральное правительство Германии приняло обновленные Политические принципы экспорта боевого оружия и военной техники. Основной акцент в документе вновь был сделан на стрелковом оружии и его продаже в третьи страны. Согласно разделу III указанного документа, подобные поставки должны блокироваться, особенно в тех случаях, когда в стране-импортере разворачивается внутренний конфликт, есть риск применения насилия в отношении собственных граждан, получатель уже вовлечен во внешнее противостояние или находится на грани эскалации в силу существующих трений⁷. С одной стороны, указанный пункт действительно внес изменения в сравнении с аналогичными Принципами 2015 г., по которым ограничения накладывались исключительно на «негосударственные субъекты»⁸. С другой стороны, текст содержал оговорку в виде т. н. «особых случаев», когда поставки все же могут быть разрешены, а также о том, что в рамках процедуры одобрения контактов в расчет должны приниматься такие факторы, как расходы импортера на оборону, следование принципам устойчивого развития и защиты прав человека, участие в международных усилиях по борьбе с терроризмом.

Согласно ответу на парламентский запрос депутата уже «Левой» партии С. Дагделен, за первый квартал 2020 г. экспорт немецких вооружений более чем на 45 млн евро превзошел аналогичные показатели 2019 г., достигнув 1,16 млрд евро. СМИ обратили особое внимание на заметный рост статистики для покупателей за пределами ЕС и НАТО. Если в первые три месяца 2019 г. поставки германских вооружений и техники туда равнялись почти 35% от общей суммы, то за тот же период 2020 г. они превысили 50%⁹. При этом основной объем пришелся на обязательства крупных концернов ThyssenKrupp и Rheinmetall.

По итогам 2020 г. сумма лицензий на экспорт вооружений в страны, участвующие в конфликте в Йемене, превысила 1 млрд евро. Наибольшая партия стоимостью 752 млн евро была согласована для Египта. Далее следовали Катар

(305 млн евро), ОАЭ (51,3 млн евро), Кувейт (23,4 млн евро), Турция (22,9 млн евро), Иордания (1,7 млн евро) и Бахрейн (1,5 млн евро)¹⁰. Обнародование этой статистики вновь оказалось следствием парламентского запроса «Зеленых». При этом его составитель О. Нурипур обратил внимание прежде всего не на факт снабжения вовлеченных в противостояние сил оружием, а на непоследовательность коалиции ХДС/ХСС и СДПГ. По словам политика, «между словами и делами этого федерального правительства промежутки размером с лунные кратеры»¹¹.

Перед отставкой в декабре 2021 г. правительство А. Меркель подготовило предварительную статистику экспорта вооружений по итогам года. По представленным данным, за первые шесть месяцев страна поставила иностранным партнерам вооружений и боевой техники на 2,3 млрд евро, что на 17% ниже показателей за аналогичный период 2020 г.¹² Также было отмечено, что ведущими получателями оказались Нидерланды, США и Великобритания. Таким образом, промежуточная статистика выглядела весьма комплиментарно для завершавшей работу коалиции. Впрочем, существенно изменил общую картину вновь парламентский запрос. Исходя из сведений, предоставленных федеральным правительством, по состоянию на ноябрь 2021 г. экспорт вооружений достиг почти 4 млрд евро, из которых 27% пришлось на третьи страны, включая те, что имеют неоднозначную репутацию с точки зрения нарушения прав собственных граждан и участия в региональных конфликтах. Так, сразу за упомянутой «тройкой» Нидерландов, США и Великобритании следовал Египет. Сумма экспорта в Каир, по информации федерального Министерства экономического развития, превысила 4,34 млрд евро¹³. Для сравнения, на долю Лондона пришлось 190 млн евро. Таким образом, предварительно отчитавшись о снижении поставок, особенно для получателей, вызывающих наибольшие опасения с точки зрения дальнейшего использования продукции германского ВПК, кабинет А. Меркель в действительности продолжил практику, за которую его критиковала оппозиция, включая как «Левых», так и «Зеленых». Итоговый объем экспорта в 2021 г. оказался выше 9 млрд, что было признано рекордным значением, а на долю третьих стран пришлось более 60%¹⁴.

Коалиция О. Шольца получила неофициальное название «светофор» из-за партийных цветов ее участников, которыми стали СДПГ, «Зеленые» и СвДП. Другими словами, примени-

тельно к рассматриваемой теме новое правительство объединило партию, входившую в кабинет А. Меркель и выдвигавшую наиболее жесткие условия по ограничению оружейных поставок, которые в итоге оказались не соблюдены, а также одну из главных оппозиционных политических сил, стремившихся привлечь к факту нарушения властями их обещаний внимание в парламенте. Их коалиционное соглашение под названием «Альянс за свободу, справедливость и устойчивое развитие» содержало довольно много отсылок к Большому Ближнему Востоку, а потому не могло обойти и вопрос оружейных поставок в целом, и в регион, в частности. Общим знаменателем для СДПГ, «Зеленых» и СвДП стало стремление сократить объемы экспорта, для чего предлагалось усилить контроль и ограничения двумя способами. Прежде всего в тексте констатировалось намерение создать единый режим регулирования в рамках Евросоюза и унифицировать критерии. Помимо этого, планировалось внедрить собственные германские «политические принципы» для принятия решения об одобрении федеральным правительством экспортных решений, расширить мониторинг за продукцией ВПК Германии после получения ее покупателями, а также сделать процесс более прозрачным¹⁵. Под последним, судя по всему, понималось продвигавшаяся «Зелеными» стратегия усиления в этом вопросе роли Бундестага.

Казалось бы, данные принципы были направлены на то, чтобы переломить практику, которой следовало предыдущее правительство, и реализовать тем самым стратегии СДПГ и «Зеленых», которые с разных сторон пытались воздействовать на А. Меркель. Однако указанный документ содержит в себе и весьма важный элемент, в реальности обеспечивающий преемственность в работе двух кабинетов министров. Заключается он в признании важности координации экспортных политик на уровне ЕС. Так, если обратиться к упомянутым выше Политическим принципам экспорта боевого оружия и военной техники, то там указано, что целью ФРГ является содействие укреплению оборонного военно-промышленного и технологического сотрудничества со странами Европы¹⁶, что распространяется на совместное производство вооружений и боевой техники, которые могут быть отправлены за пределы ЕС. Кроме того, к «особым случаям», в которых поставки должны осуществляться без ограничений, относятся соображения внешней политики и политики безопасности ФРГ, что также включает

в себя обязательства перед союзниками. Наконец, этот документ впервые декларировал принцип, согласно которому для выражения несогласия с общей экспортной политикой в рамках оборонного сотрудничества внутри ЕС должен быть установлен минимально необходимый для блокировки объем технологического вклада ФРГ. Впрочем, в Принципах фигурировал лишь данный факт, в то время как сам показатель предполагалось установить позднее.

Таким образом, включение в коалиционное соглашение СПДГ, СвДП и «Зеленых» пункта о внедрении единого европейского режима регулирования оружейного экспорта в краткосрочной перспективе не грозит резким изменением ситуации. Связано это с тем, что в Евросоюзе уже действуют подобные согласованные принципы, схожие с германскими. Они включают в себя восемь основополагающих пунктов, среди которых приверженность соблюдению международного права, защите прав и свобод человека; стабильная внутривнутриполитическая и региональная ситуация; низкий уровень опасений в связи с реэкспортом технологий или образцов в «нежелательные» страны; степень соответствия получаемой техники и технологических решений ресурсообеспеченности получателя, в том числе «человеческому капиталу» государства-импортера¹⁷.

Впрочем, в дальнейшем унификация в реальности может привести не к сокращению показателей экспорта вооружений, а к росту. Связано это с тем, что, к примеру, в рамках указанного компонента сотрудничества с Берлином Париж настаивает, что для применения права «вето» на поставки совместных разработок в ФРГ должно быть произведено не менее 30% комплектующих¹⁸. При этом мотивация французской стороны имеет сходство с немецкой и заключается в важности сектора ВПК для экономики¹⁹. Кроме того, партнеры по Евросоюзу испытывают опасения в связи с тем, что экспорт оружия и техники в третьи страны в Германии становится все более политизированной проблемой, а значит, есть риск, что по соображениям внутреннего межпартийного противостояния представители ФРГ могут нанести ущерб интересам ЕС. В последнем случае речь идет уже не только о социально-экономической ситуации в странах-участницах организации, где недовольство населения провоцирует остановка верфей и оборонных предприятий, но и о том, что Брюссель сократит свои возможности и ресурсы для вовлеченности в решение глобальных

проблем, что способно привести к росту зависимости от США, Китая или России²⁰.

Само же федеральное правительство под руководством О. Шольца за первые почти 2 месяца исполнения полномочий одобрило лицензий на экспорт стоимостью 2,2 млрд евро, что практически равно показателям за 6 месяцев 2021 г. Однако существенная разница между подходами двух кабинетов состоит в том, что 99% новых поставок предназначены странам ЕС, НАТО и приравненным к ним Австралии, Новой Зеландии или Японии. На долю прочих стран, продажа оружия которым при А. Меркель вызывала наибольшую волну критики, пришлось 0,1% от общего объема, что равнялось 2,35 млн евро²¹. При обнародовании данной статистики было особо отмечено, что боевое оружие третьим странам не поставлялось. Примечательно, что на позицию нового правительства ФРГ на начальном этапе повлияла не столько ситуация на Большом Ближнем Востоке, сколько риск эскалации полномасштабного конфликта на территории Украины, в связи с которым Киев обратился к Берлину с запросом на разного рода поддержку, в том числе военно-техническую. При этом будучи в курсе стратегии кабинета О. Шольца, республика скорректировала перечень того, что ей необходимо. Так, вместо позиций, которые потенциально подпадают под ограничения, в него вошли приборы ночного видения, электронные системы слежения, радиолокационное оборудование и средства разминирования²². Не исключено, что по аналогичному пути в будущем могут пойти и партнеры Германии из Ближневосточного региона.

В целом вопрос экспорта вооружений в третьи страны, а особенно на Ближний Восток, будет представлять сложности для правительства под руководством О. Шольца. Объясняется это сохраняющимися внутривосточными противоречиями. Уже на начальном этапе работы коалиции наметились разногласия между вошедшими в нее «Зелеными» и «Левыми», оставшимися в оппозиции. Непростым видится и внешнеполитический контекст, где, с одной стороны, весьма вероятно, Франция не откажется от своего подхода к поставкам совместно произведенной продукции. С другой стороны, начинают проявляться и противоположные тенденции, примером которых можно считать запрос Афин на ограничение военно-технических контактов между Берлином и Анкарой.

¹ Rüstungsexportbericht 2018 vorgelegt // Bundesministerium für Wirtschaft und Klimaschutz. 19.06.2019. URL:

<https://www.bmwi.de/Redaktion/DE/Pressemitteilungen/2019/20190619-ruestungsexportbericht-2018-vorgelegt.html>

² Deutsche Rüstungsexporte 2018 deutlich gesunken // Zeit. 13.06.2019. URL: <https://www.zeit.de/politik/2019-06/waffenindustrie-ruestungsexporte-rueckgang-redaktionsnetzwerk-deutschland-bericht>

³ Ein neuer Aufbruch für Europa. Eine neue Dynamik für Deutschland. Ein neuer Zusammenhalt für unser Land. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. Berlin. 12.03.2018. S. 149.

⁴ Rüstungsgüter im Milliardenwert an Jemen-Kriegsallianz // Zeit. 16.06.2019. URL: <https://www.zeit.de/news/2019-06/16/ruestungsgueter-im-milliardenwert-an-jemen-kriegsallianz-190616-99-665458>

⁵ Waffen für Jemen-Kriegs-Allianz // TAZ. 01.04.2020.

URL: <https://taz.de/Deutsche-Ruestungsexporte/!5675867/>

⁶ Düsseldorf: Krisen kurbeln Waffengeschäft an // RP Online. 06.11.2015. URL: https://rp-online.de/wirtschaft/krisen-kurbeln-waffengeschaeft-an_aid-20585277

⁷ Politische Grundsätze der Bundesregierung für den Export von Kriegswaffen und sonstigen Rüstungsgütern. 2019. Bundesministerium für Wirtschaft und Klimaschutz. 9 S.

⁸ Grundsätze der Bundesregierung für die Ausfuhrgenehmigungspolitik bei der Lieferung von Kleinen und Leichten Waffen, dazugehöriger Munition und entsprechender Herstellungsausrüstung in Drittländer. 2015. Bundesministerium für Wirtschaft und Klimaschutz. 2 S.

⁹ Bundesregierung genehmigt mehr Waffenexporte // Deutsche Welle. 09.04.2020. URL: <https://www.dw.com/de/bundesregierung-genehmigt-mehr-waffenexporte/a-53074136>

¹⁰ Deutsche Waffen für Krisenregion // Tagesschau. 03.01.2021.

URL: <https://www.tagesschau.de/inland/ruestungsexporte-deutschland-107.html>

¹¹ Ibid.

¹² Weniger Rüstungsexporte aus Deutschland // Deutsche Welle. 03.11.2021.

URL: <https://www.dw.com/de/weniger-r%C3%BCstungsexporte-aus-deutschland/a-59704128>

¹³ Deutschland genehmigt Rüstungsexporte in Rekordhöhe // Tagesschau. 18.01.2022. URL: <https://www.tagesspiegel.de/politik/waffen-im-wert-von-9-35-milliarden-deutschland-genehmigt-ruestungsexporte-in-rekordhoehe/27984404.html>

¹⁴ Neue Bundesregierung genehmigt Rüstungsexporte für 2,2 Milliarden Euro // Handelsblatt. 31.01.2022. URL: <https://www.handelsblatt.com/politik/deutschland/waffen-neue-bundesregierung-genehmigt-ruestungsexporte-fuer->

2-2-milliarden-euro/28024768.html?ticket=ST-18776784-gJGZGDKbxqwYMnAXTD7d-ap5

¹⁵ *Mehr Fortschritt wagen*. Bündnis für Freiheit, Gerechtigkeit und Nachhaltigkeit. *Koalitionsvertrag 2021 – 2025* zwischen SPD, FDP, Bündnis 90/Die Grünen. 177 S.

¹⁶ Politische Grundsätze der Bundesregierung für den Export von Kriegswaffen und sonstigen Rüstungsgütern. 2019.

¹⁷ Gemeinsamen Standpunkt 2008/944/GASP. Betreffend gemeinsame Regeln für die Kontrolle der Ausfuhr von Militärtechnologie und Militärgütern // EUR-Lex.

URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/de/TXT/?uri=CELEX%3A32008E0944>

¹⁸ Wisotzki S., Mutschler M. Sind die überarbeiteten Politischen Grundsätze der Bundesregierung für den Export von Kriegswaffen und sonstigen Rüstungsgütern tatsächlich „restriktiver“? // PRIF Blog. 04.07.2019.

URL: <https://blog.prif.org/2019/07/04/sind-die-ueberarbeiteten-politischen-grundsaeetze-der-bundesregierung-fuer-den-export-von-kriegswaffen-und-sonstigen-ruestungsguetern-tatsaechlich-restriktiver/>

¹⁹ Descôtes A.-M. Vom „German-free“ zum gegenseitigen Vertrauen // Bundesakademie für Sicherheitspolitik.

URL: <https://www.baks.bund.de/de/arbeitspapiere/2019/vom-german-free-zum-gegenseitigen-vertrauen>

²⁰ Ibid.

²¹ Neue Bundesregierung genehmigt Rüstungsexporte für 2,2 Milliarden Euro.

²² Keine tödlichen Waffen Berlin prüft Rüstungsexporte an Ukraine // N-tv.de. URL: <https://www.n-tv.de/politik/Berlin-prueft-Ruestungsexporte-an-Ukraine-article23124418.html>

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ
ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА *

1995 г.

1. **А.З.Егорин:** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко:** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально-экономического и общественно-политического развития" (совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 1.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас):** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян:** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин:** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко:** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
9. **А.В.Федорченко:** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко:** "Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина:** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев:** "Объединенные Арабские Эмираты".

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки".
Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
16. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 3.
17. **Н.М.Мамедова**: "Иран в XX веке. Роль государства
в экономическом развитии".
18. "Турция: современные проблемы экономики и политики".
Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
19. Коллектив авторов "Сирийская Арабская Республика".
20. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева,
Н.Ю.Ульченко**: "Рынки Ближнего Востока".
21. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 4.

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов**: "Проблемы интеграции стран Магриба".
23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей
(совместно с ИВ РАН).
24. **А.В.Федорченко**: "Экономика переселенческого общества
(совместно с ИВ РАН)".
25. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян**: "Военный и военно-
экономический потенциал стран Ближнего и Среднего Во-
стока" (информационно-аналитический справочник, сов-
местно с ИВ РАН).
26. **Л.И.Данилов**: "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском
Королевстве".
27. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 5.
28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока". Сборник.
29. **К.А.Капитонов**: "Ближний Восток в лицах".
30. "Современная Саудовская Аравия". Справочник.
31. **К.З.Хамзин**: "Водные ресурсы бассейна реки Иордан
и арабо-израильский конфликт".
32. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей
(совместно с ИВ РАН).

33. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев:** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."
34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1999 г.

35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).
36. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 6.
37. **Г.И.Гучетль:** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии" (совместно с ИВ РАН).
38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Государство Катар: проблемы развития".
39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке". Материалы конференции. Москва, 04.02.99 г.
40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
41. **В.А.Ушаков:** "Иран и Мусульманский мир".
42. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 7.
43. **Е.Я.Сатановский:** "Экономика Израиля в 90-е годы".
44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
45. **Е.С.Мелкумян:** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".
46. **В.В.Кунаков:** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".
47. **А.И.Яковлев:** "Саудовская Аравия: пути эволюции" (совместно с ИВ РАН).
48. **М.А.Сапронова:** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989–1999)" (совместно с ИВ РАН).
49. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 8.
50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник (совместно с ИВ РАН).
52. **М.Р.Арунова**: "Афганская политика США в 1945–1999 гг." (совместно с ИВ РАН).
53. "Политическая элита Ближнего Востока". Сборник.
54. "Ближний Восток: проблемы региональной безопасности". Сборник статей (совместно с РАЕН).
55. **С.Э.Бабкин**: "Движения политического ислама в Северной Африке" (совместно с ИВ РАН).
56. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 9.
57. "Арабский Восток: ислам и реформы". Сборник статей (Совместно с Институтом Африки РАН).
58. "Афганистан: проблемы войны и мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
59. **Аль-Харири Мухаммад**: "Налоговые системы Сирии и Египта".
60. **В.В.Азатян, А.А.Ткаченко**: "Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки" (совместно с Институтом Африки РАН).
61. **К.И.Поляков**: "Исламский фундаментализм в Судане".
62. "Миграционные процессы и их влияние на израильское общество". Сборник статей (Совместно с Иерусалимским университетом и Открытым университетом Израиля).

2001 г.

63. "Турция между Европой и Азией". Итоги европеизации на исходе XX века. Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
64. "Ислам и политика". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
65. **Е.Я.Сатановский**: "Израиль в современной мировой политике".
66. **В.А.Исаев, А.О.Филоник**: "Султанат Оман" (совместно с ИВ РАН).
67. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 10.

68. **А.Г.Вирабов:** "Алжир: кризис власти" (Кризис общественного строя Алжира и перспективы его либерализации) (совместно с ИВ РАН).
69. "Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке".
Сборник статей (совместно с Академией геополитики и безопасности).
70. **К.И.Поляков, А.Ж.Хасянов:** "Палестинская национальная автономия: опыт государственного строительства".
71. **К.И.Поляков:** "Арабские страны и ислам в России (90-е годы XX века)".
72. **Зеэв Гейзель:** "Политические структуры Государства Израиль"
73. "Востоковедный сборник". Выпуск второй.
74. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 11.
75. "Россия на Ближнем Востоке". Материалы конференции.
76. **С.Э.Бабкин:** "Религиозный экстремизм в Алжире".
77. "Мусульманские страны у границ СНГ". Сборник статей, (совместно с ИВ РАН).
78. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 12.

2002 г.

79. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 13.
80. **Н.Ю.Ульченко:** "Экономика Турции в условиях либерализации (80–90-е годы)" (совместно с ИВ РАН).
81. "Мусульмане на Западе". Сборник статей (Совместно с РАЕН).
82. "Востоковедный сборник". Выпуск третий.
83. "Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 – июнь 2002 г.)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
84. **М.Ф.Видясова, М.Ш.Умеров:** "Египет в последней трети XX века (Опыт либерализации экономики и политической системы)" (совместно с ИСАА, МГУ).
85. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 14.

86. **Р.Р.Сикоев:** "Талибы (религиозно-политический портрет)" (совместно с ИВ РАН).
87. "Востоковедный сборник". Выпуск четвертый.
88. "Армия и власть на Ближнем Востоке". Сборник статей.
89. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 15.
90. **М.П.Гучанин:** "Турция и США: основные этапы торгово-экономического сотрудничества".
91. **С.М.Задонский:** "Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения".
92. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 16.

2003 г.

93. **С.В.Бондаренко, А.А.Ткаченко:** "Нефть и газ Египта и Алжира на рубеже XX–XXI вв."
94. **Д.Полисар:** "Выбирая диктатуру. (Ясир Арафат и формирование органов власти палестинской администрации)". Перевод А.Д.Эпштейна.
95. "Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы". Сборник статей (совместно с ИВ РАН, ИСАА).
96. **Алек Д.Эпштейн:** "Бесконечное противостояние. (Израиль и арабский мир: войны и дипломатия, история и современность)".
97. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Кувейт: Контуры экономических перемен" (совместно с ИВ РАН).
98. **О.В.Плешов:** "Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане" (совместно с ИВ РАН).
99. "Ирак: первые итоги, выводы, уроки". Сборник.
100. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 17.
101. **М.З.Ражбадинов:** "Радикальный исламизм в Египте" (совместно с ИВ РАН).

102. "Иракский кризис. Международный и региональный контекст".
Материалы "круглого стола" ИСАА. Апрель 2003 г.
103. "Иран и СНГ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
104. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 18.
105. "Саудовская Аравия: эволюция режима и пределы возможного в политическом развитии" Сборник статей.
106. **Г.Г.Косач, Е.С.Мелкумян:** "Внешняя политика Саудовской Аравии". Приоритеты, направления, процесс принятия решения".
107. "Афганистан и сопредельные страны". Сборник статей (совместно с РАЕН).
108. **В.М. Ахмедов:** "Сирия на рубеже столетий. Власть и политика" (совместно с ИВ РАН).
109. **В.П.Юрченко:** "Египет: проблемы национальной безопасности".
110. "Востоковедный сборник". Выпуск пятый.
111. "Российско-саудовские отношения: проблемы и перспективы" (по материалам круглого стола).
112. "Ирак под американским управлением: демократизация или вьетнамизация» (по материалам круглого стола).
113. "Арабо-израильский конфликт: старые проблемы и новые планы". Сборник статей.
- 114 **Е.И.Уразова:** "Экономическое сотрудничество Турции и тюркских государств СНГ" (совместно с ИВ РАН).
115. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 19.
116. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 20.
117. **М.С.Сергеев:** "Берберы Северной Африки: прошлое и настоящее"
118. **А.Р.Аганин, З.А.Соловьева:** "Современная Иордания".

2004 г.

119. **Владимир (Зезв) Ханин:** "«Русские» и власть в современном Израиле".

120. "Программы урегулирования палестино-израильского конфликта: три года после переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе". Сборник статей и документов под редакцией **Алека Д.Эпштейна**.
121. **А.О.Филоник, А.И.Вавилов:** "Саудовская Аравия: поиски внутренней гармонии" (совместно с ИВ РАН).
122. **Е.И.Миронова:** "Алжир: смена приоритетов развития" (совместно с Институтом Африки).
123. "Иракский кризис". Аналитические записки.
124. "Терроризм". Сборник статей.
125. "Ислам на современном Востоке. Регион стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
126. **И.А. Новиков:** "Оружие массового поражения на Ближнем Востоке" (совместно с информационно-аналитическим центром "Акцент").
127. "Иран и Россия". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
128. "Офицерский корпус ближневосточных государств". Сборник.
129. "Россия и США на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
130. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 21.
131. "Армия, ВТС, ОМП на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
132. "Проблемы Ближнего Востока. Аналитические записки".
133. "Курдский вопрос на рубеже тысячелетий" (круглый стол 19.02.2004).
134. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 22.
135. "Турция в новых геополитических условиях". Материалы круглого стола, март 2004 г. (совместно с ИВ РАН).
136. "Израиль и арабо-израильский конфликт. Аналитические записки".
137. "Иран. Аналитические записки".

138. **А.В.Федорченко, О.А.Зайцева, Д.А.Марьясис:** "Израиль в начале XXI века".
139. **И.А.Матвеев:** "Национальная и общеарабская слагаемые политики Сирии на Ближнем Востоке".
140. "Современный Исламский Восток и страны Запада". Сборник статей.
- 141 **А.В.Гасратян:** "Проблемы социально-экономического развития Ливана (1970–2000 гг.)".
142. **В.П.Юрченко:** "Сирия: проблемы национальной безопасности. (Военная политика и военное строительство в период правления ПАСВ 1963–2004 гг.)"
143. "Палестино-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии". (Сборник статей и документов) под редакцией **Алека Д. Эпштейна**.
144. «Афганистан в начале XXI века». Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
145. **М.З.Ражбадинов:** "Египетское движение «Братьев-мусульман»" (совместно с ИВ РАН).
146. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 23.
147. «Сирия. Проблемы внутривосточной стабильности и внешней безопасности» (материалы круглого стола, 21 сентября 2004 г.).
148. «Ирак: 100 дней переходного правительства».
149. "Востоковедный сборник". Выпуск шестой.
150. "Иран после парламентских выборов" (Круглый стол 27.04.2004 г.). Сборник статей.
151. **Б.В.Долгов:** "Исламистский вызов и алжирское общество" (совместно с ИВ РАН).
152. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 24.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА*

2005 г.

153. **М.К.Занбуа, А.О.Филоник:** "Формирование производственной инфраструктуры в Сирии (1946–2004)"
154. **Р.Г.Ланда:** "Политический ислам: предварительные итоги".
155. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и проблема палестинских беженцев: история и политика".
156. **О.В.Плешов:** "Ислам и политическая культура в Пакистане" (Совместно с ИВ РАН).
157. "Ислам и общественное развитие в начале XXI века" (Совместно с ИВ РАН).
158. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 25.
159. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 26.
160. **А.В.Рясов:** "«Левые» на Арабском Востоке: ливийский опыт".
161. **И.М.Мохова:** "Западное Средиземноморье: проблемы интеграции".
162. **Н.З.Мосаки:** "Курдистан: ресурсы и политика". Часть 1, Часть 2 (Совместно с ИВ РАН).

2006 г.

163. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль в эпоху «пост-сионизма»: наука, идеология и политика".
164. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Вокруг размежевания: общество и политика Израиля в 2005 году".
165. "Афганистан, Иран, Пакистан: время выборов и перемен". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
166. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 27.
167. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 28.

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

168. **Л.Н.Руденко:** "Проблемы привлечения иностранных инвестиций в арабские страны в условиях глобализации" (Совместно с ИВ РАН).
169. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Королевство Бахрейн" (Совместно с ИВ РАН).
170. "Востоковедный сборник". Выпуск седьмой.
171. **А.Г.Бакланов:** "Ближний Восток: «Дорожная карта» региональной безопасности".
172. **Алек Д. Эпштейн:** "Почему провалилась «Дорожная карта»?".
173. **Д.А.Нечитайло:** "Международный исламизм на Северном Кавказе".
174. **М.А.Сапронова:** "Иракская конституция в прошлом и настоящем" (Из истории конституционального развития Ирака).
175. **Алек Д. Эпштейн:** "Израильская война против «Хезболлы» и формирование новых контуров ближневосточной политики".
176. "Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
177. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 29.
178. "Современная Турция: проблемы и решения". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
179. **С.Ю.Серёгичев:** "Судан: исламо-традиционализм и армия".

2007 г.

180. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 30.
181. "Государство Израиль: политика, экономика общества". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
182. **К.В.Вертяев:** "Курдский вопрос в политике Турции (конец XX – начало XXI века)" (Совместно с ИВ РАН).
183. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 31.
184. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 32.
185. **М.Н.Гусев:** "Исламский фактор в Юго-Восточной Азии. Роль внешних сил".

186. "Востоковедный сборник". Выпуск восьмой.
187. **Г.Г.Косач**: "Саудовская Аравия: внутривосточные процессы «этапа реформ» (конец 1990–2006 г.).
188. **Д.А.Марьясис**: "Израиль в системе международных экономических отношений (1985–2005 г.)" (Совместно с ИВ РАН).
189. **Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева**: "Лига арабских государств и интеграционные процессы в арабском мире" (Совместно с ИВ РАН).
190. **Алек Д. Эпштейн**: "ХАМАС в региональной политике".
191. **С.Н.Саруханян**: "Ядерный фактор в российско-иранских отношениях".
192. **В.П.Юрченко**: "Военная политика и военное строительство в странах Арабского Востока (конец XX – начало XXI века)".
Справочно-аналитическое издание. Часть 1 и часть 2.
193. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 33.

2008 г.

194. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 34
(Совместно с ИВ РАН).
195. **Г.А.Меламедов, Алек Д. Эпштейн**: "Дипломатическая битва за Иерусалим. Закулисная история" (Совместно с МГУ, ИСАА, Ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
196. **В.В.Куделев**: "«Аль-Каида»: структуры, союзники и покровители".
197. **Г.Г.Косач**: "Саудовский дипломатический корпус: этапы эволюции и источники формирования".
198. **М.А.Сапронова**: "Правительство и парламент в арабских странах (правовой статус и политическая практика)".
199. **Е.С.Мелкумян**: "Регион залива: конфликты, компромиссы, сотрудничество" (Совместно с ИВ РАН).
200. **Е.А.Кудров**: "Конфликт в Дарфуре: основные причины и тенденции".

201. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и (не)контролируемые территории: уйти нельзя остаться" (Совместно с Ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
202. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 35 (Совместно с ИВ РАН).
203. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 36 (Совместно с ИВ РАН).
204. "Турция накануне и после парламентских и президентских выборов 2007 г." Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
205. **И.А.Свистунова:** "Иракский фактор во внешней политике турецкой республики (1990–2007 г.).
206. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 37 (Совместно с ИВ РАН).

2009 г.

207. **Алек Д. Эпштейн:** "Антитеррористический террор".
208. **В.В.Евсеев, В.И.Сажин:** "Иран, уран и ракеты".
209. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 38 (Совместно с ИВ РАН).
210. **А.Б.Подцероб:** "Ислам во внутренней и внешней политике стран Магриба".
211. **В.В.Куделев:** "Аль-Каида" и война в Ираке".
212. "Ближний Восток: вызовы XXI века". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
213. **Алек Д. Эпштейн:** "Израильяне и палестинцы: от конфронтации – к переговорам и обратно" (Совместно с ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
214. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 39 (Совместно с ИВ РАН).
215. **В.И.Месамед:** "Иран-Израиль: от партнерства к конфликту".
216. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 40 (Совместно с ИВ РАН).

2010 г.

217. **Ю.С.Кудряшова:** "Турция и Европейский Союз: история, проблемы и перспективы взаимодействия".
218. **И.И.Стародубцев:** "Топливо-энергетический комплекс Турции и энергетический фактор в российско-турецких отношениях". (Совместно с МГИМО)
219. "Турция в условиях новых внутренних реалий". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
220. **Ю.В.Зинькина:** "Коптская община современного Египта: Проблемы и перспективы".
221. **В.Чернин:** "Ближневосточный фронт. Израильское поселенчество: история и современность". (Совместно с ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
222. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 41 (Совместно с ИВ РАН).
223. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 42 (Совместно с ИВ РАН).
224. **В.И.Месамед:** "Иран в Центральной Азии: два десятилетия диалога"

2011 г.

225. "ШОС и страны Ближнего и Среднего Востока (К 10-летию образования ШОС)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
226. **Алек Д. Эпштейн:** "Россия и Израиль: трудный путь навстречу" (Совместно с Центром содействия гуманитарному образованию общества «Право Мира»).
227. **Алек Д. Эпштейн:** "Генезис и закат "левого" Израиля".
228. **Д.О.Бирюков:** "Правовое регулирование рынка ценных бумаг государств Ближнего Востока".
229. **Н.А.Кожанов:** "Экономические санкции против Ирана: цели, масштабы, возможные последствия введения".
230. Турция после референдума 2010 года (Межвузовская студенческая конференция. Москва, 17 февраля 2011 г.) (Совместно с МГИМО).

231. **С.Ю.Серёгичев:** "Современный Судан: от единства к разделу" (Совместно с РГГУ).
232. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 43 (Совместно с ИВ РАН).
233. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 44 (Совместно с ИВ РАН).
234. "Современный Афганистан и сопредельные страны". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
235. **Н.З.Мосаки:** "Курдистан и курдский вопрос политики запада и России (90-е годы XX века – начало XXI века)". (Совместно с ИВ РАН).
236. **И.И.Стародубцев:** "Трансформирующаяся Турция" (Совместно с МГИМО).

2012 г.

237. **Алек Д. Эпштейн:** "Государство Израиль перед вызовом исламизма: «арабская весна» и ее влияние на еврейское государство".
238. **С.В.Алейников:** "Политическая ситуация и проблемы национального применения в Сомали".
239. **А.В.Салийчук:** "Экономическая либерализация и макроэкономическая результативность Египта, Иордании и Туниса" (Совместно с ИВ РАН).
240. **Алек Д. Эпштейн, Евгений Варшавер:** "В диалоге с врагом (переговоры об освобождении израильских граждан, захваченных палестинскими и ливанскими боевыми организациями)".
241. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 45 (совместно с ИВ РАН).
242. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 46 (совместно с ИВ РАН).
243. **В.И.Месамед:** "Израиль в Центральной Азии: грезы и реальность".
244. "Турция в период правления Партии справедливости и развития" (совместно с ИВ РАН).

245. "Санкции и их влияние на Иран" (совместно с ИВ РАН).
246. **М.Р.Арунова:** "ШОС и афганская проблема" (совместно с ИВ РАН).
247. **Зеев Гейзель:** "Политические структуры Государства Израиль".
Издание 2-е (совместно с Мосты культуры/Гешарим).
248. "Афганистан и Пакистан: современное состояние и перспективы развития". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

2013 г.

249. **А.Р.Аганин:** "Племена, кланы и семейства Катара".
250. **Эльдар Касаев:** "Россия-Турция: современное состояние и возможный сценарий развития экономических связей".
251. **Н.П.Подгорнова:** " Проблема Западной Сахары. Миф и реальность".
252. **Алек Д. Эпштейн:** "От межблокового противостояния – к формированию «партии власти». Тенденции развития израильской общественно-политической жизни в свете итогов выборов в Кнессет XIX созыва и создания нового правительства страны".
253. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 47 (Совместно с ИВ РАН).
254. **Г.Г.Косач:** "Саудовская аравия: политические процессы 1990-х – 2000-х гг."
255. **А.Р.Аганин:** "Племена и кланы иорданского хашимитского королевства".
256. **В.В.Евсеев:** "Перспективы иранской ядерной программы при президенте Хасане Роухани".

2014 г.

257. **Н.П.Подгорнова:** " «Арабская весна» в странах Магриба".
258. **Е.С.Мелкумян:** "Кувейт в 2000-е гг.: внутривполитическое развитие и внешняя политика".
259. **Н.П.Подгорнова:** "Мавритания между прошлым и будущим".

260. **М.А.Сапронова:** "Египет: 90 лет конституционных трансформаций (1923–2013 гг.)".
261. **С.В.Алейников:** "Сомалийские племена. Справочник".
262. **Е.Е.Чулковская:** "Турецкая диаспора Германии: между Анкарой и Берлином".
263. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Партийно-политические структуры и электоральный процесс в Израиле в начале XXI века".
264. **Алек Д. Эпштейн:** "Ближайшие союзники? Подлинная история американо-израильских отношений". Т. 1-2 (совместно с Мосты культуры/Гешарим).
265. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 48 (Совместно с ИВ РАН).
266. **Алек Д. Эпштейн:** "От антитеррористической операции – к войне: Израиль и исламистское вооруженное сопротивление летом 2014 года".
267. **Р.Р.Субханкулова:** "О нефтегазовой отрасли Ирака".
268. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Третий Израиль": русскоязычная община и политические процессы в еврейском государстве в начале XXI века".
269. **В.В.Куделев:** "Аль-Каида в странах Исламского Магриба" и др. в Северной Африке (Хроника событий)".

2015 г.

270. **Н.П.Подгорнова:** "Проблема Западной Сахары в политике Алжира".
271. **Ю.Б.Щегловин:** "Размышления о борьбе с терроризмом".
272. **В.И.Месамед:** "Иран и немусульманские страны Южного Кавказа (Армения и Грузия)".
273. **Н.П.Подгорнова:** "Политика Франции в странах Северо-Западной Африки".
274. **М.А.Сапронова:** "Электоральный процесс после «Арабской весны»".

275. **Н.В.Жадовец:** "Формирование национальной инновационной системы Израиля (1985–2012 гг.)".
276. **В.М.Ахмедов:** "Роль исламского фактора в общественно-политическом развитии арабских стран Ближнего Востока и его эволюция в условиях сирийского восстания (90-е гг. XX – начало XXI вв.)".
277. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 49 (Совместно с ИВ РАН).
278. **Е.Э.Успенский:** "Инвестиционный климат в арабских странах в конце XX – начале XXI века".
279. **С.В.Алейников:** "Современное Сомали".

2016 г.

280. **Г.Г.Косач:** "Российско-саудовские отношения: политический аспект (1990–2015 гг.)".
281. **Н.П.Подгорнова:** "Страны Магриба в поисках оптимального пути развития".
282. **М.Чернин:** "Арабское население Израиля и палестинских территорий: происхождение, клановая и конфессиональная структура" (совместно с Мосты культуры/Гешарим).
283. **Алек Д. Эпштейн:** "Горизонты и миражи палестинской государственности" (совместно с Мосты культуры/Гешарим).
284. **Ю.Б.Щегловин:** "Размышления об «Исламском государстве»" (запрещено в России).
285. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Проблема реформы политической системы Израиля в свете предпосылок и итогов выборов в Кнессет XX созыва".
286. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 50.
287. **Е.А.Якимова:** "Государство Израиль и страны Балтии: между прошлым и будущим".
288. **В.И.Месамед:** "Феномен белорусско-иранских отношений".

2017 г.

289. **М.В.Казанин:** "Китай-Пакистан: военно-техническое и экономическое сотрудничество в начале XXI века".
290. **А.А.Кузнецов:** "Политический процесс в Ливане на рубеже XX-XXI веков".
291. **А.Р.Аганин:** "Племена, кланы и семейства Кувейта".
292. **А.Д.Манафова:** "Нефтяная политика Ирака 2003–2016 гг.".
293. **С.С.Балмасов:** "Опыт решения миграционных проблем в странах Аравийского полуострова".
294. **П.П.Рябов:** "«Арабская весна» по-иemenски".
295. **М.В.Казанин:** "Сирийский конфликт: оценки китайских специалистов".
296. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 51.
297. **В.В.Куделев:** "«Арабская весна»: марокканский феномен".

2018 г.

298. **Т.А.Ганиев, С.М.Задонский:** "Военная мощь Турецкой Республики".
299. **Ю.Б.Щегловин:** "Размышления о сирийском конфликте".
300. **Е.А.Якимова:** "Государство Израиль и европейские республики бывшего СССР: ускользающее партнерство".
301. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Израиль накануне и в год своего 70-летия: актуальные аспекты внешней и внутренней политики".
302. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 52.
303. **А.Р.Аганин:** "Племена Сирийской пустыни и долины Евфрата".
304. **А.А.Кашина:** "«Революция свободы и достоинства» в Тунисе: Большие надежды".

2019 г.

305. **Алек Д. Эпштейн:** "От Владимира Жаботинского до Биньямина Нетаньяху: национально-либеральное движение Израиля – прошлое и настоящее". Том 1 и 2.

306. **С.В.Алейников:** "Современное Сомали" (сборник информационно-справочных материалов).
307. **А.В.Малашенко:** "Ислам: век XXI".
308. **Т.А.Ганиев, С.М.Задонский, В.В.Карякин:** "Военная мощь Исламской Республики Иран: военная политика и вооруженные силы страны". Том 1 и 2.
309. **О.А.Мазур:** "Курдский вопрос в политическом конфликте в Сирии".
310. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 53.
311. **Ф.И.Ласкарис:** "За кулисами внешней агрессии и гражданской войны в ливии".
312. **В.И.Месамед:** "«Мягкая сила» Израиля в противостоянии с Ираном".

2020

313. **Е.А.Якимова:** "Векторы взаимодействия Израиля и Германии в контексте международных отношений".
314. **А.Р.Аганин:** "Племена, кланы и семейства ОАЭ".
315. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и Египет: пять войн за четверть века".
316. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 54.

2021

317. **Е.Г.Никитенко, Ю.В.Немытин, Н.В.Киселев, А.П.Музенко:** "Правда об афганской войне" (историко-архивный очерк)
318. **В.А.Корочкина:** "Экспертное сообщество в Израиле: организация, масштабы и результаты деятельности"
319. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 55.

Адрес в Интернете: www.iimes.ru

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI
AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**
2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**
3. "The socio–economic and political development in the Arab World".
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences
4. "The Contemporary Middle East" (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**
6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**
7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**
8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf
countries" by **L.Rudenko**
9. "Israel on the eve of the XXI-th century" by **A.Fedorchenko**
10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev and
A.Fedorchenko**
11. "Water resources in the South West and South East Asia" by
A.Filonik and N.Rogozhina
12. "The Arab World in the end of the XX-th century" (collection
of essays). In association with the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences
13. "The Contemporary Middle East" № 2 (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin and V.Isaev**
15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
16. "The Contemporary Middle East" № 3 (collection of essays)
17. "Iran in the XX-th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**
18. "Turkey: Problems of modern Economy and Policy" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
19. "The Syrian Arab Republic"
20. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Ultchenko**
21. "The Contemporary Middle East" № 4 (collection of essays)

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**
23. "Countries of the Middle East" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**
25. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov and A.Chavushian** In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
26. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**
27. "The Contemporary Middle East" № 5 (collection of essays)
28. "Actual Problems of the Middle East"

29. " Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**
30. "The contemporary Saudi Arabia"
31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**
32. "Afghanistan: War and Problems of Peace" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
33. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria and A.Yakovlev**
34. "Iran: Evolution of Islamic Rule" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1999

35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
36. "The Contemporary Middle East" № 6 (collection of essays)
37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**
38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik and V.Isaev**
39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
40. "The Environment and Development in the Arab World" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
41. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**
42. "The Contemporary Middle East" № 7 (collection of essays)
43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**

44. "Evolution of political Systems in the East". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**
46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**
47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**
48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**
49. "The Contemporary Middle East" № 8 (collection of essays)
50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"
52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**
53. "Political Elite in the Middle East"
54. "The Middle East: Problems of regional Security" (collection of essays). In association with the Russian Academy of Natural Sciences
55. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**
56. "The Contemporary Middle East" № 9 (collection of essays)
57. "The Arab World: Islam and Reforms" (collection of essays)
58. "The Afghanistan: Problems of War and Piece" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
59. "Tax Systems in Syria and Egypt" by **Al-Hariri Muhammad**
60. "Processes of Integration in the Economy of Northern Africa States" by **V.Azatian and A.Tkachenko**
61. "Islamic Fundamentalism in the Sudan" by **K.Polyakov**
62. "Mass Migration and its Impact on the Israeli Society" (collection of essays)

2001

63. "Turkey between Europe and Asia" In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
64. "Islam and Policy" (collection of essays)
65. "Israel in the Contemporary World Policy" by **Eu.Satanovsky**
66. "The Sultanate of Oman" by **A.Filonik and V.Isaev**
67. "The Contemporary Middle East" № 10 (collection of essays)
68. "Algeria: crisis of power" by **A.Virabov**
69. "Islamism and Extremism in the Middle East" (collection of essays)
In association with the Academy of Geopolitics and Security
70. "The Palestinian National Autonomy: the Experience of the State Creation" by K.Polyakov and A.Hasyanov
71. "Arab Countries and Islam in Russia" by **K.Polyakov**
72. "Political Structures in the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**
73. "Oriental Records" № 2 (collection of essays)
74. "The Contemporary Middle East" № 11 (collection of essays)
75. "Russia in the Middle East" (conference papers)
76. "Religious Extremism in Algeria" by **S.Babkin**
77. "Muslim Countries at the Borders of the CIS" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
78. "The Contemporary Middle East" № 12 (collection of essays)

2002

79. "The Contemporary Middle East" № 13 (collection of essays)
80. "Turkish Economy under liberalization" by **N.Uitchenko**

81. "Muslims in the West" (collection of essays). In association with the Russian Academy of Natural Sciences
82. "Oriental Records" № 3 (collection of essays)
83. "Afghanistan in a Transition" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
84. "Egypt in the last third of the 20th Century" by **M.Vidiassova and M.Umerov**
85. "The Contemporary Middle East" № 14 (collection of essays)
86. "Taliban (the Religious and Political Profile)" by **R.Sikoev**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
87. "Oriental Records" № 4 (collection of essays)
88. "Army and Power in the Middle East" (collection of essays)
89. "The Contemporary Middle East" № 15 (collection of essays)
90. "Turkey and USA: main Stages in Trade and Economic Cooperation" by **M.Guchanin**
91. "The Nuclear Program of Iran and Russian-American Relations" by **M.Zadonsky**
92. "The Contemporary Middle East" № 16 (collection of essays)

2003

93. "Oil and Gas in Egypt and Algeria on the Verge of Two Centuries." by **S.Bondarenko and A.Tkachenko**
94. "Electing Dictatorship: Why Palestinian Democratization Failed" by **D.Polisar**
95. "Russia-Turkey Relations: History, present State and Perspectives" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa

96. "An Everlasting Confrontation. Israel and the Arab World: Wars and Diplomacy" by **A.D.Epstein**
97. "Kuwait: Contours of Economic Changes" by **A.Filonik and V.Isaev**
98. "Islam, Islamism and nominal Democracy in Pakistan" by **O.Pleshov**.
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa
99. "Iraq: First Results, Conclusions, Lessons" (collection of essays).
100. "The Contemporary Middle East" № 17 (collection of essays)
101. "Radical Islamism in Egypt" by **M.Rajbadinov**
102. "Crisis in Iraq. International and Regional Context"
103. "Iran and CIS" (collection of essays)
104. "The Contemporary Middle East" № 18 (collection of essays)
105. "Saudi Arabia: Evolution of Regime and Possible Limits in Political Development" (collection of essays)
106. "Saudi Arabia External Policy" by **G.Kosach and E.Melkumyan**
107. "Syria at the Turn of the Centuries. Power and Politics" by **V.Ahmedov**
108. "Afghanistan and Neighboring Countries" (collection of essays)
109. "Egypt: Problems of National Security (1952–2002.)" by **V.Yurchenko**
110. "Oriental Records" № 5 (collection of essays)
111. "Russian-Saudi Relations: Problems and Perspectives" (collection of essays)
112. "Iraq under the American Administration: democratization or «vietnamization»"
113. "Arab-Israeli Conflict: Old Problems and New Plans" (collection of essays)

114. "The Economic Co-operation between Turkey and the Turkic States of the CIS" by **E.Urazova**
115. "The Contemporary Middle East" № 19 (collection of essays)
116. "The Contemporary Middle East" № 20 (collection of essays)
117. "Berbers of North Africa: Past and Present" by **M. Sergeev**
118. "Contemporary Jordan" by **A.Aganin and Z.Solovieva**

2004

119. "The «Russians» and Power in the State of Israel" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**
120. "Peaceful Settlement of the Palestine–Israeli Conflict: Three Years after Camp David and Taba Talks"(essays and documents) Edited by **Alek D. Epstein**
121. " Saudi Arabia: Search for Inner Harmony" by **A.Filonik and A.Vavilov**
122. "Algeria: Change of Priorities in Development" by **E.Mironova**
123. Analytical records. "Iraqi Crisis"
124. Analytical records. "Terrorism"
125. "Islam in Contemporary Orient. Region of Middle and Near East, South and Central Asia". (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
126. "Weapon of Mass destruction in the Middle East" by **I.Novikov**
127. "Iran and Russia" (collections of essays)
128. "Officer Corps in the Middle Eastern States" (collections of essays)
- 129 Analytical records. "Russia and USA in the Middle East"
130. "The Contemporary Middle East" № 21 (collection of essays)

131. Analytical records. "Army, Weapon of Mass Destruction, Military and Technical Cooperation in the Middle East"
132. Analytical records. "Problems of the Middle East"
133. "Kurdish Question at the turn of the Millennia"
134. "The Contemporary Middle East" № 22 (collection of essays)
135. "Turkey in the New Geopolitical Conditions (documents of the Round Table, March 2004)"
136. Analytical records. "Israel and Arab-Israeli Conflict"
137. Analytical records. "Iran"
138. "Israel in the beginning of the XXI-th Century" by **A.Fedorchenko, O.Zaitzeva, D.Mariyasis**
139. "Contemporary Islamic East and European Countries" (collection of essays)
140. "National and Pan-Arab Components of the Syrian Policy in the Middle East (1946–2003)" by **I.Matveev**
141. "Problems of Social-economic Development of Lebanon (1970–2000)" by **A.Gasratian**
142. "Syria: problems of national security" by **V.Yurchenko**
143. "Palestine-Israeli conflict in the mirror of public opinion and international diplomacy" (collection of essays) Edited by **Alek D. Epstein**
144. "Afghanistan in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays)
145. "Egyptian movement of «Muslim brothers»" by **M.Rajbadinov**
146. "The Contemporary Middle East" № 23 (collection of essays)
147. "Syria. Problems of Internal Political Stability and External Security" (documents of the Round Table, 21 September 2004)"
148. "Iraq: 100 days of transition"

149. "Oriental Records" № 6 (collection of essays)
150. "Iran after Elections" (documents of the Round Table, April 2004)
151. "Islamic challenge and the Algerian society" by **B.Dolgov**.
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
152. "The Contemporary Middle East" № 24 (collection of essays)

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF MIDDLE EASTERN
STUDIES

2005

153. "Creating of productional infrastructure in Syria" by **M.Zanbua and A.Filonik**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
154. "Political Islam: preliminary results" by **R.Landa**
155. "Israel and the problem of Palestinian refugees: history and policy" by **Alek D. Epstein**
156. "Islam and political culture in Pakistan" by **O.Pleshov**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
157. "Islam and social development in the beginning of XXI-th Century". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
158. "The Contemporary Middle East" № 25 (collection of essays)
159. "The Contemporary Middle East" № 26 (collection of essays)
160. "«Leftists» in the Middle East: Libyan experience" by **A.Rjasov**
161. "Western Mediterranean: problems of integration" by **I.Mokhova**
162. "Kurdistan: resources and policy" Part 1, Part 2 by **N.Mosaki**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2006

163. "Israel in the era of post-zionism: science, ideology and policy" by **Alek D. Epstein**
164. "On the situation with delimitation: society and policy in Israel in 2005" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**
165. "Afghanistan, Iran, Pakistan: time of elections and changes" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

166. "The Contemporary Middle East" № 27 (collection of essays)
167. "The Contemporary Middle East" № 28 (collection of essays)
168. "Globalization and capital investments process in the Arab World" by **L.Rudenko**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
169. "Kingdom of Bahrain" by **V.Isaev, A.Filonik**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
170. "Oriental Records" № 7 (collection of essays)
171. "The Middle East: «The Road Map» and regional security" by **A.Baklanov**
172. "Why did «The Road Map» fail?" by **Alek D. Epstein**
173. "International Islamism in the Northern Caucasus" by **D.Nechitailo**
174. "The Iraqi Constitution in the past and in the present" by **M.Sapronova**
175. "The War of Israel against «Hesbollah» and creation of new contour of the Middle Eastern policy" by **Alek D. Epstein**
176. "The Kurdish problem in the Western Asia in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
177. "The Contemporary Middle East" № 29 (collection of essays)
178. "The Modern Turkey: problems and solutions" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
179. "The Sudan: the Islamic traditionalism and army" by **S.Seregichev**

2007

180. "The Contemporary Middle East" № 30 (collection of essays)
181. "The state of Israel: policy, economy, society" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

182. "The Kurdish problem in Turkish policy (the end of XX – the beginning of XXI centuries)" by **K.Vertiaev**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
183. "The Contemporary Middle East" № 31 (collection of essays)
184. "The Contemporary Middle East" № 32 (collection of essays)
187. "The Islamic factor in South-East Asia. The role of external forces" by **M.Gusev**
186. "Oriental Records" № 8 (collection of essays)
187. "Saudi Arabia: political processes and "Stages of Reform" (the end 1990–2006)" by **G.Kosach**
188. "Israel inside the world economic relations" by **D.Mariyasis**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 189 "The League of the Arab states and international process in the Arab world" by **L.Rudenko, Z.Solovieva**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
190. "HAMAS in the regional policy" by **Alek D. Epstein**
191. "The nuclear factor in Russian-Iranian relations" by **S.Sarukhanjan**
192. "The military policy and force development in the Middle East (the end of XX – the beginning of XXI centuries)" by **V.Yurchenko**
193. "The Contemporary Middle East" № 33 (collection of essays)

2008

194. "The Contemporary Middle East" № 34 (collection of essays)
195. "The diplomatic battle for Jerusalem. Behind-the-scene story" by **G.Melamed and Alek D. Epstein**. In association with the Institute of Asian and African Studies, Moscow State University and Gishrey Tarbut Association
196. "Al-Qaeda: the structure, the allians and the sponsors" by **V.Kudelev**

197. "Saudi Arabian diplomatic corps: stages of evolution and sources of formation" by **G.Kosach**
198. "Government and parliament in the arab countries (legal status and political practice)" by **M.Sapronova**
199. "The Persian Region: conflicts, compromises, cooperation" by **E.Melkumyan**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
200. "The conflict in the Darfur Province: main reasons and tendencies" by **E.Kudrov**
201. "Israel and (un)controlled territories: to leave or stay" by **Alek D. Epstein**. In association with the Gishrey Tarbut Association
202. "The Contemporary Middle East" № 35 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
203. "The Contemporary Middle East" № 36 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
204. "Turkey before and after 2007 parliamentary and presidential elections" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
205. "The Iraqi Factor in the foreign policy of the Republic of Turkey (1990–2007)" by **I.Svistunova**
206. "The Contemporary Middle East" № 37 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2009

207. "Antiterroristic terror" by **Alek D. Epstein**
208. "Iran, uranium and rockets" by **V.Evseev, V.Sazhin**

209. "The Contemporary Middle East" № 38 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
210. "Islam in internal and external policy of Magrib" by **A.Podcerob**.
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
211. "Al-Qaeda and the war in Iraq" by **V.Kudelev**
212. "The Middle East: challenges of the XXI-st century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
213. "Israelites and Palestinians: from confrontation to negotiations and back to the point" by **Alek D. Epstein**. In association with the Gishrey Tarbut Association
214. "The Contemporary Middle East" № 39 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
215. "Iran-Israel. From partnership to conflict" by **V.Mesamed**
216. "The Contemporary Middle East" № 40 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2010

217. "Turkey and EU: history, problems and prospects for cooperation" by **U.Kudrjashova**
218. "Turkey's fuel and energy complex and oil and gas industries in Russian-Turkish relations" by **I.Starodubtcev**
219. "Turkey in the context of new internal circumstances" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
220. "Coptic community in contemporary Egypt: problems and prospects" by **U.Zinkina**
221. "Middle Eastern frontier. Israeli settlement: history and modernity" by **V.Chernin**

222. "The Contemporary Middle East" № 41 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
223. "The Contemporary Middle East" № 42 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
224. "Iran in Central Asia: two decades of dialogue" by **V.Mesamed**

2011

225. "SCO and The Middle Eastern Countries (ten years of activity)" In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
226. "Russia and Israel: the hard road to each other" by **Alek D. Epstein**. In association with "The Law For Peace" Society
227. "The genesis and fall of «leftist» Israel" by **Alek D. Epstein**
228. "The legal regulation of the equity market in The Middle Eastern Countries" by **D.Birjukov**
229. "Economic sanctions against Iran: goals, scales, possible consequences of implication" by **N.Kozhanov**
230. "Turkey after the 2010 referendum" (Interacademic student conference. Moscow, February 17 2011). In association with the Moscow State Institute of Foreign Relations
231. "The Contemporary Sudan: from unity to division" by **S.Seregichev**.
In association with the Russian State University for the Humanities
232. "The Contemporary Middle East" № 43 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
233. "The Contemporary Middle East" № 44 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
234. "The contemporary Afghanistan and neighboring countries" (collection of essays) In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

235. "Kurdistan and Kurdish question in Western and Russian policy (90s of the XXth century – the beginning of the XXIst century)" by **N.Mosaki**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
236. "The transforming Turkey" by **I.Starodubtsev**. In association with the Moscow State Institute of Foreign Relations

2012

237. "The State of Israel and the challenge Islamism: «the Arab spring» and its impact of the Jewish state" by **Alek D. Epstein**
238. "Political situation and problems of national reconciliation in Somalia" by **S.Aleinikov**
239. "Economic liberalization and macroeconomic efficiency of Egypt, Jordan and Tunisia" by **A.Saliychuk**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
240. "In dialogue with the enemy (talks on liberation of Israeli citizens seized by Palestinian and Libyan fighting organizations)" by **Alek D. Epstein and Evgeniy Varshaver**
241. "The Contemporary Middle East" № 45 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
242. "The Contemporary Middle East" № 46 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
243. "Israel in Central Asia: dreams and reality" by **V.Mesamed**
244. "Turkey under the rule of The Justice And Development Party". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
245. "Sanctions and their impact on Iran". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
246. "SCO and Afghan problem" by **M.Arunova**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
247. "Political structures of the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**. 2nd edition. In association with Bridges of Culture/Gesharim

248. "Afghanistan and Pakistan: current situation and perspectives of development" (collection of essays)

2013

249. "Tribes, clans and families in Qatar" by **A.Aganin**

250. "Russia – Turkey: current situation and a possible scenario of development of economic relations development " by **E.Kasaev**

251. "Problem of Western Sahara: myth and reality" by **N.Podgornova**

252. "From inter-block confrontation towards formation of "the party of power". Tendencies in the Israeli political and social life in the light of results of elections to the Knesset of the 19th convocation and creation of the country's new" by **Alek D. Epstein**

253. "The Contemporary Middle East" № 47 (collection of essays)

254. "Saudi Arabia: political processes in the 1990-2000" by **G.Kosach**

255. "Tribes and clans in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **A.Aganin**

256. "Perspectives of the Iranian nuclear program under the President Hassan Rouhani" by **V.Evseev**

2014

257. " «The Arab spring» in the Maghreb countries" by **N.Podgornova**

258. "Kuwait in the 2000th: home political process and foreign policy" by **E.Melkumian**

259. "Mauritania between the last and the future" by **N.Podgornova**

260. "Egypt: 90 years of constitutional transformations (1923–2013)" by **M.Sapronova**

261. "The Somalian tribes. Reference book" by **S.Aleinikov**

262. "Turkish diaspora in Germany: between Ankara and Berlin" by **E.Chulkovskaya**

263. "Political structures and electoral process in Israel in the beginning of XXI century" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**

264. "Closest allies? The real history of American-Israeli relationship"
T. 1-2 by **Alek D. Epstein**. In association with Bridges of
Culture/Gesharim
265. "The Contemporary Middle East" № 48 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy
of Sciences
266. "From antiterrorist operation towards the war: Israel and Islamist
armed resistance in summer of 2014" by **Alek D. Epstein**
267. "On oil and gas production in Iraq" by **R.Subkhankulova**
268. "«The Third Israel»: Russian-speaking community and political
process in the Jewish state in the beginning of XXI century" by
Vladimir (Ze'ev) Khanin
269. "«Al-Qaeda in the space of Islamic Maghreb» and others in North
Africa (Chronicle of events)" by **V.Kudelev**

2015

270. "Problem of Western Sahara and in Algerian policy" by **N.Podgornova**
271. "Thoughts about struggle with terrorism" by **Ju.Scheglov**
272. "Iran and non-Muslim countries of South Caucasus (Armenia and
Georgia)" by **V.Mesamed**
273. "Policy of France in the countries of the South-West Africa" by
N.Podgornova
274. "Electoral process after the «Arab Spring»" by **M.Sapronova**
275. "The formation of National innovation system of Israel
(1985–2012)" by **N.Zhadovec**
276. "The role of the Islamic factor in the socio-political development
of Arab countries and its evolution in terms of the Syrian uprising.
(90th XX – beginning of XXI)" by **V.Akhmedov**
277. "The Contemporary Middle East" № 49 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy
of Sciences
278. "Investment climate in the Arab countries in the end of XX – XXI
centuries" by **E.Uspenskiy**

279. "The contemporary Somali" by **S.Aleinikov**

2016

280. "Russian-Saudi relations: a political aspect (1990-2015)" by **G.Kosach**

281. "The Arab Maghreb in a search for optimal way of development" by **N.Podgornova**

282. "The arab population of Israel and Palestinian territories. Origin clan and confessional structure" by **M.Chernin**. In association with Bridges of Culture/Gesharim

283. "Horizon and mirages of the Palestinian statehood" by **Alek D. Epstein**. In association with Bridges of Culture/Gesharim

284. "Thoughts about the Islamic State" by **Ju.Scheglov**

285. "Problem of Israeli political system reform in the light of prerequisite and results of election campaign to the XX Knesset" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**

286. "The Contemporary Middle East" № 50 (collection of essays)

287. "The states of Israel and the Baltic states between past and future" by **E.Yakimova**

288. "Phenomenon of Belarus-Iran relationship" by **V.Mesamed**

2017

289. "China – Pakistan: cooperation military-technical and economic fields in the beginning of the XXI century" by **M.Kazanin**

290. "Political process in Lebanon in the turn of the XXI century" by **A.Kuznetsov**

291. "Tribes, clans and families in Kuwait" by **A.Aganin**

292. "Iraqi oil policy in the 2003–2016" by **A.Manafova**

293. "Experience of the Arabian Peninsula States in tackling migration problems" by **S.Balmasov**

294. "'The Arab Spring' in Yemani way" by **P.Rjabov**

295. "Conflict in Syria: assessments of Chinese experts" by **M.Kazanin**

296. "The Contemporary Middle East" № 51 (collection of essays)

297. "The Arab Spring: a Moroccan phenomenon" by **V.Kudelev**

2018

298. "The military power of the Republic of Turkey" (volume 1, 2) by **T.Ganiev and S.Zadonskiy**

299. "Thoughts on the Syrian conflict" by **Ju.Scheglovin**

300. "The state of Israel and the European republics of the former Soviet Union: the slipping partnership" by **E.Yakimova**

301. "Israel on the verge and in the year of its 70th anniversary: current aspects of foreign and domestic policy" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**

302. "The Contemporary Middle East" № 52 (collection of essays)

303. "Tribes of the Syrian desert and the Euphrates valley" by **A.Aganin**

304. "Revolution of freedom and dignity in Tunisia: Great hope" by **A.Kashina**

2019

305. "From Vladimir Jabotinsky to Benjamin Netanyahu: national liberal movement in Israel – past and present" (volume 1, 2) by **Alek D. Epstein**

306. "The modern Somalia" by **S.Aleinikov**

307. "Islam: the XXI century" by **A.Malashenko**

308. "The military power of the Islamic Republic of Iran: military policy and armed forces of the country" (volume 1, 2) by **T.Ganiev, S.Zadonskiy, V.Karjakin**

309. "The Kurdish question in the political conflict in Syria" by **O.Mazur**

310. "The Contemporary Middle East" № 53 (collection of essays)

311. "Behind the scenes of foreign aggression and civil war in Libya" by **F.Laskaris**

312. "Israeli "soft power" in the confrontation with Iran" by **V.Mesamed**

2020

313. "Vectors of interaction between Israel and Germany in the Context of international relations" by **E.Yakimova**
314. "Tribes, clans and families in the UAE" by **A.Aganin**
315. "Israel and Egypt: five wars in a quarter century" by **Alek D. Epstein**
316. "The Contemporary Middle East" № 54 (collection of essays)

2021

317. "The truth about the Afghan war" (Historical essay based on archival materials) by **E.Nikitenko, Yu.Nemytin, N.Kiselev, A.Muzenko**
318. "Expert community in Israel: organization, scope and performance" by **V.Korochkina**
319. "The Contemporary Middle East" № 55 (collection of essays)

Научное издание

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

ВЫПУСК ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТОЙ

Подписано в печать 26.10.2022 г.
Формат 60х90/16. Печать офсетная
Бумага офсетная №1 Объем 21,25 уч. изд. л.
Тираж 200 экз. Тип. Зак. № 12231

ИП Козлов Р.В.
115114, Москва, 2-й Кожевнический пер., 12